

Л.Р. Городецкий

КВАНТОВЫЕ СМЫСЛЫ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

СЕМАНТИКА ВЗРЫВА
И АППАРАТ ИНОЯЗЫЧНЫХ
ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ

МОСКВА
2012

ББК 83.3 (о)9
87.3(о)
Г67

Городецкий Л. Р.

Квантовые смыслы Осипа Манделъштама: семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференций. М.: Таргум, 2012. – 416 с.

ISBN 978–5–9903304–2–9

В книге впервые делается попытка анализа некоторых системных механизмов, работающих на *семантическом пространстве текста Манделъштама и его языковой картины мира*. В частности, рассматривается специфический аппарат порождения текста, связывающий манделъштамовский дискурс с традиционным еврейским дискурсом *мидрашного* типа.

Изучается связь упомянутых семантических механизмов с поразительным феноменом массовых **межъязыковых интерференций** в текстах Манделъштама.

Значительную часть книги составляет Приложение, содержащее исследованный автором и **впервые полностью** предъявляемый читателю корпус **иноязычных** слов и словосочетаний, «проступающих» из текста Манделъштама, т. е. ситуаций типа: «...есть **блуд** труда, и он у нас в крови», «...построили шалаш для ритуала, для раввинских **каш**», «в **порочных** длинных платях», «Египетская **марка**» (= ‘египетский тембр’) и т. п.

Все изложение ориентировано на «практическое применение» рассматриваемых теорий для расшифровки темных мест в самых различных текстах Манделъштама.

Множество ярких примеров подобных расшифровок помогает автору втянуть читателя в увлекательную совместную попытку понять загадочные манделъштамовские «догадайся, почему»-тексты.

Автор книги – преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (РГУ).

По вопросам приобретения этого издания
обращайтесь по телефонам:
+7-903-1147959, +7-903-7934471

ISBN 978-5-9903304-2-9

© Л. Городецкий, 2012

О г л а в л е н и е

Сокращения и условные обозначения в тексте 7

Введение. При чем тут кванты? Специфика дискурса
Мандельштама: что мы пытаемся понять? 9

Глава 1. Семантика текста Мандельштама 13

- 1.1. Что такое семантика М-текста? История ее изучения.
Предлагавшиеся «ключи» для расшифровки.
Что мы хотим предложить для лучшего понимания
М-текстов? 13
- 1.2. Специфичность М-семантики. Принцип
максимизации «количества смысла» 19
- 1.2.1. Примарные «установки» М-семантики, специфичные
для нее и взаимно-дополнительные: установка
на «взрыв» и установка на «семантическую
непрерывность». 20
- 1.2.2. Деривативные (от примарных) «установки»
М-семантики, специфичные для нее 41
- 1.2.3. Можно ли говорить о «еврейскости» М-семантики?
М-текст vs. традиционный еврейский текст (Талмуд,
Мидраш, идиш-дискурс и т.п.) 57
- 1.2.4. «Иноязычные интерференции» vs. «игра слов» у
Мандельштама 86
- 1.3. Специфичные для Мандельштама системные
порождающие семантические механизмы.
Механизмы и модель «динамической семантики»
и «семантики взрыва». 92
- 1.3.1. «Рекурсивный» механизм порождения
текста (модель) 92
- 1.3.2. Аппарат СИ-операторов как часть «рекурсивного
механизма» порождения текста. СИ-оператор как
аппаратное средство реализации «семантической
катастрофы». Виды СИ-операторов 99
- 1.3.3. Порождающие механизмы $\leftarrow \rightarrow$ «мифологичность»
М-текста. Мандельштамовский bricolage 105

1.4.	Аппарат «межъязыковых интерференций» подробнее	107
1.4.1	«Иноязычные» СИ-операторы как часть аппарата МИ	107
1.4.2.	Набор СИ-операторов, участвующих в работе аппарата МИ.	108
1.4.3.	«Иноязычный монитор»	109
1.4.4.	Технические приемы использования иноязычного монитора и иноязычных СИ-операторов в порождающей семантике М-текста.	111
1.4.5.	Специфика «германского монитора»: германизмы в текстах Мандельштама. Статистика, классификация, вид, пересечение с идишем.	114
1.4.6.	Специфика «французского монитора»: галлицизмы в текстах Мандельштама. Статистика и примеры	116
1.5.	Специфика метафорики Мандельштама	117
1.5.1.	Несколько обобщений	117
1.5.2.	Дефиниции	119
1.5.3.	Иноязычные интерференции и СИ-операторы как аппаратные средства метафорики М.	121
1.5.4.	Метафорика «катастрофы/взрыва».	122
1.5.5.	М-метафорика vs. «традиционная» еврейская метафорика	123
1.5.6.	Необходимость применения математической и естественно-научной метафорики для анализа М-текста	123
1.5.7.	Концептуальные метафоры	138
1.6.	У ZEIT-ungen в плену: Мандельштам и язык советской газеты. Манипулятивность М-текста. М-текст и «язык Сталина»	139
1.6.1.	О «необычности» отношения М к советской газете.	141
1.6.2.	Точки сближения советского газетного новояза и М-текста. О манипулятивности «языка Сталина» и «языка Мандельштама».	143

Глава 2. Языковая картина мира Мандельштама. Ее «сдвинутость». Специфика «языковой геометрии» Мандельштама 151

2.1.	Дефиниционное предисловие. Что такое «языковая картина мира» (ЯКМ)?	151
2.2.	Специфичность ЯКМ Мандельштама	152
2.3.	«Скрытая геометрия» ЯКМ Мандельштама.	154
2.3.1.	Неевклидовость М-ЯКМ	155

2.3.2.	«Криво-зеркальное» отображение: Р-ЯКМ → М-ЯКМ.	157
2.3.3.	Динамичность М-ЯКМ	157
2.3.4.	Геометрическая модель М-ЯКМ. Геометрия «взрыва». «Пенистое пространство»	158
2.3.5.	Некоторые выводы	159
2.4.	Корпус ключевых идей (сквозных мотивов), специфичных для ЯКМ Манделъштама и некоторые сопутствующие генерализации	160
2.4.1.	Мифологичность М-ЯКМ	160
2.4.2.	Можно ли назвать М-ЯКМ «еврейской»?	162
2.4.3.	Список ключевых идей (сквозных мотивов) М-ЯКМ.	163
2.5.	Специфичные для Манделъштама системные механизмы изменения (сдвига) ЯКМ: аппарат межъязыковых интерференций, система концептуальных метафор	169
2.5.1.	Концептуальные (программные) метафоры (КОМЕТЫ)	169
2.5.2.	Техника локальной перестройки ЯКМ.	171
2.5.3.	«Ре-семантизация» лексем	172
2.6.	Корпус ключевых концептов, специфичных для М-ЯКМ	174
2.7.	Корпус «ресемантизированных» русских лексем и словосочетаний в М-ЯКМ	195
2.8.	Некоторые выводы	196

Глава 3. Семантический разбор ряда стихотворных и прозаических блоков, где анализ иноязычных интерференций (интерференционный ключ) и других явлений, специфических для «сдвинутой» ЯКМ Манделъштама, облегчает «расшифровку» подтекстов, понимание «темных мест» и комментирование всего текста 199

3.1.	Гадюка и волк	200
3.1.1.	Загадочная «гадючья строка» в «программном» стихотворении «Век» (1922)	201
3.1.2.	Происхождение «волкодава» в цикле «Волк»	209
3.2.	«Двурушник я, с двойной душой»: «Грифельная ода» как манифест «ухода» Манделъштама от русской ЯКМ	213
3.3.	Шинель Акакия, лапсердак Янкеля и шуба Осипа: символика верхней одежды у Манделъштама	225

3.4.	О феномене «французских интерференций» в текстах Мандельштама на примере «Египетской марки» и «Довольно кукситься...»: мандельштамовская дьяволиада в Москве	238
3.4.1.	Французский монитор	238
3.4.2.	Французские интерференции в ЕМ	240
3.4.3.	Французские интерференции в ДК.	243
3.5.	Эпиграмма («Мы живем, под собою не чуя страны...»): Несколько темных мест	247
3.5.1.	«Он один лишь бабачит и тычет»	248
3.5.2.	«Как подкову, дарит за указом указ»	250
3.5.3.	«Что ни казнь у него – то малина»	251
3.5.4.	«И широкая грудь осетина»	252
3.6.	Стихотворный цикл на смерть А. Белого	253
3.6.1.	Стихотворение «Голубые глаза и горячая лобная кость...»	256
3.6.2.	Стихотворение «10 января 1934»	263
3.7.	Россия, Кама, Лорелея: к дешифровке «темных мест» в воронежских «Стансах» (1935)	264

Приложение. Корпус «межъязыковых интерференций»
у Мандельштама. Иноязычные словоформы и
словосочетания (эксплицитные и суггестируемые)
в текстах М и комментарии к ним. 277

Глоссарий 393

Библиография. 401

Сокращения и условные обозначения в тексте

ант.	антоним и оператор создания «противоположного смысла»
акр.	акроним и процесс создания акронима,
асс.	ассоциация, ассоциативный
де-акр.	«де-акронимизация» слова (процесс, обратный акр.)
ДПБ-...	имеющий отношение к «дополнительности по Бору». Например, ДПБ-ситуация, ДПБ-феномен и т.п.
ЕМ	«Египетская марка»
ЕЦ	«еврейская цивилизация»
КОМЕТА	«концептуальная метафора»
М	Мандельштам
М-дискурс	дискурс Мандельштама
М-семантика	специфическая семантика текста Мандельштама, «смыслы» его текста
М-текст	текст Мандельштама
М-ЯКМ	ЯКМ Мандельштама
мет.	консонантная и/или вокалическая метатеза
МИ	межъязыковая (иноязычная) интерференция (определение см. 1.2.4.1)
НСО-принцип	установка на «непрерывность семантического отображения», см. 1.2.1.1
ом., омон.	омоним
омогр.	«графическая + фоническая» связь словоформ, см. 1.3.2.4
омоф.	омофон
ПА	«Путешествие в Армению»
пар.	пароним
подт.	подтекст

Р-ЯКМ	«стандартная» русская ЯКМ
РД	«Разговор о Данте»
РЦ	«русская цивилизация»
син.	синоним
СИ-оператор	см. Глоссарий
ЧП	«Четвертая проза»
ШВ	«Шум времени»
эквиконс.	«эквиконсонанты» (слова с совпадающими наборами согласных) и соответствующий СИ-оператор
ЯКМ	языковая картина мира
Arab	‘арабизм/относящийся к арабскому/арабский язык’
Arm	то же для армянского языка
Fr	‘галлицизм/относящийся к французскому/французский язык’
G	‘германизм/относящийся к немецкому/немецкий язык’
Gr	то же для греческого языка’
It	то же для итальянского языка
Lat	то же для латинского языка
Pol	то же для польского языка
R	то же для русского языка
Ukr	то же для украинского языка
Y, Yd	то же для идиша
YL	то же для литовского диалекта идиша
YP	то же для польского диалекта идиша

Тексты Мандельштама (и их датировки) приводятся, по умолчанию, по изданию [1], см. Библиографию. Римск. I обозначает первый том этого издания, римск. II – второй том.

Выделение жирным шрифтом везде моё – Л.Г.

Введение

Причем тут кванты? Специфика дискурса
Мандельштама: что мы пытаемся понять?

От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.

А. Пушкин

Дант может быть понят лишь
при помощи теории квант.

О. Мандельштам

Почему вдруг кванты? Прежде всего, потому, что так видел Мандельштам¹, и необходимо попытаться посмотреть на его *смыслы* его же глазами, тем более что в указании на «помощь теории квант» – один из самых поразительных *инсайтов* Мандельштама².

Но дело еще и в том, что квантовая теория, точнее, *квантовый дискурс*, дает, как постепенно выясняется, эффективный набор метафор (= набор отмычек!) для понимания ряда глубинных специфических процессов в М-тексте³.

Текст Мандельштама – это текст-вызов для читателя любой квалификации, текст-«догадайся-почему», текст-«задачник-

¹ См. эпиграф, который, как всё в РД, относится к М-тексту не меньше, чем к тексту Данта.

² *Инсайт*, относящийся совсем не только к семантике текстов Данта-Мандельштама.

³ См. подробнее в пп. 1.2.2.3 и 1.5.6. Читателю, ненавидящему «научную» метафорику, я предложил бы считать ее просто цветной иллюстрацией, зачем-то вставляемой не вполне адекватным автором в *позитивный научный текст*. Я же, в подражание Мандельштаму, рассматриваю естественно-научную, математическую и пр. метафорику как «орудие», инструмент для достижения «понимания». Здесь хочется процитировать Бродского: «Вообще, наверно, это все ерунда. Но мне так кажется».

огромных-корней»⁴. Одновременно М-дискурс является *вызовом* по отношению к русской литературной традиции, которая постоянно воспроизводит библейскую ситуацию пророка с вложенным в него «углем пылающим», транслирующим слушателю непререкаемые и обязательные Слова и Образы.

В случае *Мандельштама*, генератор дискурса – это, если продолжить иудаистическую метафору – не пророк, но, скорее, талмудический Учитель, постоянно спорящий со всем вокруг и ожидающий от слушателя не благоговейного внимания, но участия на равных в обсуждении любой темы, участия в шизоидном полилоге, когда все говорят одновременно, и каждый пытается при этом услышать всех других, говорящих противоречащие друг другу вещи: «и все хотят услышать всех...».

Для такого традиционного Учителя, Текст и его изучение – это, собственно, и есть жизнь⁵.

Точно так же для *Мандельштама* – и в этом, наверное, главная его экзистенциальная специфика – Текст и взаимодействие с Текстом суть жизнь⁶, а *смыслы* текста = *смыслы* жизни⁷. *Мандельштам* – *текстоцентрик par excellence*⁸.

Тем более поразительно, что в этой его текстоцентрической экзистенции присутствует смутно ощущаемое реципиентами его дискурса стремление выйти из вербального смыслового пространства во внешний «инакомерный» *невербальный* мир, в котором Бог – не Слово, но Смысл⁹.

⁴ С. Аверинцев: «...очевидно, что иррациональное начало в его поэзии не может быть сведено на нет никаким умственным истолкованием... Поэтому его стихи так заманчиво понимать и так трудно толковать» [95, с. 236].

⁵ Ср. высказывание А. Шгайнзальца: «Талмудический мудрец сказал: “Снова и снова листай ее, ибо в ней содержится все...” Цель изучения – само учение. <...> главн[ая] талмудическ[ая] установк[а]... гласит: тот, кто погружается в текст, не должен преследовать никакой другой цели, кроме его изучения» [185, с. 9].

⁶ Ср. пассаж в ШВ: «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова» [II, с. 41].

⁷ Подробнее об этом см. п. 1.2.3.

⁸ К тому же, он, в некотором смысле, фокусирует в своей экзистенции матрицы и установки принципиально *тексто-центричной* еврейской культурно-цивилизационной системы, см. подробно об этом в монографии «Текст и мир...» [200].

⁹ Ср. «Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада, / Иль вырви мне язык – он мне не нужен» («К немецкой речи», 1932). Собственно, стремление к выходу из

Поскольку главная цель М-текста состоит в предъявлении читателю (и себе!) своеобразного «задачника» смыслов, то и настоящая цель любого читателя М-текста – *решить* предъявляемые задачи, выйти из привычного пространства в «пространства инакомерные», «догадаться», дешифровать, декодировать – можно назвать это как угодно, но главное – понять, что здесь имеет место ситуация не игры поэта с читателем, но, скорее, игры демиурга с создаваемым миром...

* * *

В приземленном же контексте изучения М-текста вся эта высокая метафизика сводится к тому, что любая работа по семантике М-текста *имеет смысл*, если она сколько-нибудь помогает решению конкретных задач, т. е. продвижению в расшифровке «темных мест».

В настоящей работе эти **практические применения** обсуждаемых теоретических моделей в упорядоченном виде предъявляются в **3-й главе**, хотя отдельные примеры беспорядочно разбросаны по всей монографии.

Во 2-й главе предъявляются концепты, ключевые идеи, концептуальные метафоры и т. п. – это *точки* семантического пространства Мандельштама или «сгустки семантической материи», как сказал бы сам Мандельштам. Делается попытка метафорического описания *геометрии* этого пространства.

В 1-й главе обсуждаются специфические для Мандельштама *матрицы* и механизмы, работающие на пространстве «семантической материи», например, аппарат *семантических отображений* одних областей этого пространства в другие и т. п.

Существенно, что все главы широко используют материал **иноязычных интерференций** в М-тексте, собранный в **Приложении**. Этот материал является значительным расширением соответствующих Приложений в монографии: Л. Городецкий «Текст и мир на листе Мёбиуса: языковая геометрия Осипа Мандельштама vs. еврейская цивилизация», М., 2008.

Ну, и т. д. – как сказал бы Хлебников.

логоцентрического мира \leftrightarrow встроенное стремление реализоваться в этом же самом мире – есть один из главных *квантовых смыслов* Мандельштама.

Глава 1. Семантика текста Мандельштама

Вместо того, чтобы пересказывать так называемое содержание, мы взглянем на это звено дантовского труда как на непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство и стремящегося проникнуть внутрь себя самого

...в нас заложена неодолимая
потребность найти твердый орешек
Кремля, Акрополя
...каждое слово словаря Даля есть
орешек Акрополя, маленький Кремль
...и ночь-коршунница несет ключи
кремлей

О. Мандельштам

1.1. Что такое семантика М-текста? История ее изучения. Предлагавшиеся «ключи» для расшифровки. Что мы хотим предложить для лучшего понимания М-текстов?

Трудность здесь возникает уже на уровне дефиниций: что есть **семантика** мандельштамовского текста? Недостаточно переобозначить это в **смыслы** М-текста. Ясно лишь, что этот объект резко *неконвенционален*.

Мандельштам в РД¹ фактически предлагает воспринимать семантику М-текста как специфическую динамическую систему, описываемую с помощью динамической метафоры: «непрерывное превращение», «силовой поток», «стремящаяся между смыслами и смыывающая их материя», «дифференцирующий порыв» и т. п.

Собственно, большая часть этой монографии и посвящена попыткам понять работу этой динамической системы – но все

¹ Ср. например, в эпиграфе высказывание из 4 гл. РД, а также пассажи в гл. 2.

же ощущается потребность в более конструктивном определении семантики М-текста: при этом совсем уйти от использования ненавистного М «пересказа текста» вряд ли удастся.

Упростим ситуацию, чтобы можно было двигаться дальше: следуя некоторым идеям Ю. Лотмана² и самого Мандельштама, определим **смысл (семантику) данного М-текста как объединение «расшифровок» (упрощающих вербальных описаний)³ этого текста всеми квалифицированными⁴ читателями, включая самого Мандельштама (как реципиента собственного текста).**

Проще говоря, смысл М-текста – это то, что видят и слышат в нем те читатели, которые стремятся видеть и слышать.

Несколько обобщив, можно определить смысл (семантику) М-текста как **объединение мгновенных состояний сознания квалифицированных реципиентов (включая самого М) в процессе восприятия текста⁵.**

² Ср. высказывание Ю. Лотмана о том, что такое текст: «современная точка зрения опирается на представление о тексте как пересечении точек зрения создателя текста и аудитории» [188, с. 179]. Заметим, что «точки зрения» Мандельштама на свои тексты, т. е. его «состояния сознания» как реципиента своих же текстов, частично зафиксированы в его метатекстах: прежде всего, в РД.

³ Корпус подобного рода описаний должен, в частности, включать *вероятностно-оценочные* высказывания типа: «здесь с большой вероятностью имеет место подтекст...», «здесь с вероятностью 0.75 имеет место иноязычная интерференция...» и т. п.

⁴ «Квалифицированный» – это читатель, понимающий, что М-текст – это не «заумь» в смысле Крученых, но ЗА-УМ-Ъ в смысле Хлебникова (т. е. «выход» за «обычное» семантическое пространство). Он, читатель, соответственно, «усиливается» (применяет направленное медитативное усилие – в еврейских традиционных терминах это называется: *кавана*) понять «смысл»: «я понять тебя хочу, смысла я в тебе ишу». Если употребить физическую метафорику, такой реципиент стремится «настроиться на резонанс» с рассматриваемым текстом.

⁵ Разумеется, нужно описать, что такое «мгновенное состояние сознания». Мы здесь не имеем возможности этим заниматься. Ср. «похожее» определение «смысла» (но в гораздо более общем философско-культурологическом контексте), предлагаемое А. Пелипенко: «Смысл – дискретное психическое состояние, содержащее ценностно переживаемую денотацию, выраженную в кодах» [202, с. 432]. В другом месте Пелипенко пишет: «Общее определение таково: **смысл есть дискретное психическое состояние, выраженное в кодах и транслируемое в сферу социальной коммуникации... Смысл – дискретный импульс особого рода интенциональности [= кавана! – Л.Г.], испускаемый**

Тем самым, смысл М-текста – это нечто вроде коллективно-греческого *симеозиса*, или коллективного еврейского *мидраша* (см. об этом ниже).

Ясно, что это *предельный*, вообще говоря, недостижимый, объект⁶. Но, по крайней мере, к нему можно пытаться приблизиться⁷.

Каждый квалифицированный читатель/исследователь пытается достичь «понимания» М-текста, создавая (и предлагая окружающим) свою метафорику, свои системные *ключи* для открывания его *семантических матриц* и *смыслов*⁸.

(излучаемый) **человеческим сознанием**. Своей смысловой природой интенциональность человеческого сознания отличается от всех прочих видов интенциональности как в живой, так и в неживой природе...», см. <http://7iskusstv.com/2011/Nomer3/Pelipenko1.php>.

⁶ В идеале, каждый «квалифицированный читатель» должен выпустить книжку из тысячи страниц с описанием **своего** видения смыслов Мандельштама!

⁷ Например, можно в обсуждаемом чудовищно огромном семантическом пространстве выделить статистические *точки плотности* (они же – *фокусы интенциональных векторов* на диалекте культурологов) и считать искомым смыслом (суперсмыслом) **результат установления между этими точками взаимосоответствия** (это, в сущности, «талмудический» подход). Другими словами: «суперсмысл» есть одновременное («взрывное») осознание неким «супермозгом» ДПП-ситуации присутствия нескольких «противоположных смыслов»: например, «непрерывной» геометрической метафоры и дискретного вербального описания, или противоречащих друг другу вербальных описаний и т. п. Интересно сравнить этот подход с текстуальными ситуациями, о которых говорит К. Леви-Стросс: «японская письменность использует одновременно два кода... Смысл текста не проистекает из какого-то одного или другого кода, поскольку никакой из них по отдельности не позволит устранить неопределенности: **смысл есть результат приведения их во взаимосоответствие**. Это несколько сходно с тем, что наблюдается в мифах, за исключением того, что задействуемые коды там более многочисленны» [цит. по 197, с. 275].

⁸ При этом каждый использует те «ключи», которые ему «дозволяет» его собственная культурно-цивилизационная система. Ср. высказывание А. Пелипенко: «мир познаваем настолько, насколько культурная система, в которой бытует сознание, позволяет» [202, с. 28]. Например, рутинно-талмудическое использование т. н. «игры слов» в качестве инструмента изучения текста почти не приемлемо для *европейской* культурной системы и поэтому не применяется европейскими реципиентами текста. Правда, есть противоречащий пример: Хлебников. Но Хлебников – это великое и гениальное исключение из «европейской (русской) системы», в то время как Мандельштам, наоборот, следует в русле еврейской текстуальной традиции и т. д. Эта тема требует отдельного рассмотрения.

Собственно, история изучения семантики Мандельштама и есть история создания таких *ключей*⁹.

Метафорический подход (т. е. использование различных метафор для понимания установок и смыслов М-текста) был в неявном виде предложен самим Мандельштамом. Фактически, в виде 40 страниц своего «Разговора о Данте» (1933) Мандельштам оставил нам свой собственный *ключ* к своей семантике. По-видимому, первым по-настоящему понял это Ю. Левин, который проложил путь к адекватному пониманию *авто-мета-семантики* РД в своих пионерских «Заметках к “Разговору о Данте”», опубликованных в 1973 г.

Перефразируя Мандельштама, можно сказать, что после 1973 года – т. е. после публикации «Заметок» и создания (приблизительно тогда же) известной «статьи пяти» [82] с заметным участием Ю. Левина – все тексты по несущим конструкциям семантики Мандельштама «звучали уже по-другому»¹⁰.

Как ответвление *метафорной* методики естественно рассматривать *интертекстный* подход, где на первый план выдвигается «ситуационная метафора» – например, т. н. *подтекст*, с помощью которого исходный текст можно пытаться дешифровать¹¹. Разработка и успешное применение т. н. подтекстного (интертекстного) ключа связаны, прежде всего, с именами К. Тарановского и О. Ронена.

⁹ Мандельштам, пытаясь описать свой (и своего «идеального» читателя!) способ чтения, говорил, что текст для читателя – это «холст на подрамнике». Интересно, что в 1935 г. в Воронеже М записал: «Пастерн<ак> человек всепониманья; я человек **исключительного** понимания» [72, т. 3, с. 418] – т. е. понятен не всем читателям, а тем, у кого есть **ключи**. Представляется, что в этом высказывании, кроме прочего, манифестируется превалирующая настройка М на «дискретность мира» в противопоставлении некоей «непрерывности мира» Пастернака (и Гете, которого М далее в этом высказывании также называет «человек[ом] всепонимания».

¹⁰ Отмечу здесь же, что В. Топоров, один из авторов «статьи пяти», по-видимому, первым начал серьезно (пытаясь уйти от давления европейской «каламбурной» традиции) рассматривать феномен **межъязыковой интерференции** (в частности, у Мандельштама), см. его замечательную работу об анаграммах (1987). В другой работе он, фактически, вплотную подошел к рассмотрению СИ-операторов [213, с. 229], см. подробнее в п. 1.2.4 и 1.3.2.

¹¹ См. об этом в п. 1.5.2 (Пример 2) в настоящей работе.

Важным видом метафорного ключа, предложенным самим Мандельштамом в РД, является применение математической и естественно-научной метафорики, см. об этом в п. 1.5.6.

Интересным феноменом является получивший распространение *мидрашный* подход, т. е. отношение к М-тексту, с одной стороны, и к его изучению, с другой стороны, как к процессу *мидраширования*.

Идеология и техника *мидраша* существенны для изучения М-текста, и это совершенно не случайно – чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть п. 1.2.3. Разобравшись в изложенной там *мидрашной* методике, легко увидеть, что она содержит упомянутые метафорные *ключи*.

Вообще, Мандельштам мощно манипулирует читателем (и исследователем), как бы заставляя их на время облачаться в традиционный еврейский лапсердак, задавать вопрос: *ле-ма ха-давар доме*¹² и заниматься главным делом традиционного иудея – мидрашом, мидрашом, мидрашом¹³... Интересно сравнить это с наблюдением Леви-Стросса, который, занимаясь мифологиями, заметил за собой «мифологичность» мышления.

Это манипулятивное давление, совершенно естественно, вызывает сопротивление у любого нормального человека, в особенности, у homo scribens (человека пишущего), над которым М столь злобно (и, с первого взгляда, неоправданно), издевался в ЧП.

В настоящей работе широко применяется (я бы даже сказал, пропагандируется) *интерференционный* ключ к М-тексту, т. е. выявление иноязычных семантических «вбросов» в текст – явных и неявных (суггестируемых) – и их использование для лучшего понимания *скрытых* смыслов М-текста.

¹² Т. е.: «на что это похоже?» – стандартное талмудическое выражение, иницирующее блок метафорических (в широком смысле) рассмотрений.

¹³ *мидраш* (др.-евр.) = 'изучение смыслов текста.' Текст типа *мидраш* «требует» от реципиента, чтобы и «расшифровка» этого текста была мидрашом! Интересно здесь, прежде всего, то, что многие исследователи, занимаясь, как им представляется, «дешифровкой» М-текста, не подозревают, что они в своем дискурсе о смыслах очередного М-текста «говорят прозой» самого настоящего (при этом, высокоуровневого) мидраширования сакрального текста. В 16–17 веке о них бы шла слава как о суперталмудистах, с ними было бы престижно породниться, тогдашние еврейские спонсоры стремились бы их финансировать и т. д.

Интерференционный ключ – так же, как и интертекстный, является, в сущности, ответвлением *мидрашного* подхода к пониманию смыслов Манделъштама.

Last but not least: в последнее время проясняется, что все упомянутые подходы (включая и объемлющий их все *мидрашный*) – это частные случаи подхода, который можно назвать: *метод семантических отображений*. Этот метод использует для дешифровки М-текста специфические свойства отображений (одно в другое) соответствующих *семантических пространств* и актуализирует внутреннюю динамику М-текста, снимая, например, излишнюю статику интертекстного подхода и т. д.

В рамках упомянутого метода мы анализируем некоторые блоки АППАРАТА СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТОБРАЖЕНИЙ, включающие, прежде всего, рекурсивную модель генерирования М-текста (см. п. 1.3.1), систему т. н. СИ-операторов на пространстве текста (см. п. 1.3.2), использование принципа «непрерывности семантического отображения» (НСО-принцип)¹⁴.

Эти системные семантические механизмы, кроме прочего, определяют «локальную детерминированность» ассоциативных рядов в М-тексте, что позволяет использовать эти ряды для расшифровки процесса генерирования текста. Похожие механизмы, разумеется, присутствуют у любого значительного «генератора» текста. Но у М они более четко просматриваются, чем, например, у Пастернака, более наглядно геометризваны, что ли...¹⁵

Похоже, что Манделъштам совсем не зря в РД запустил в научный оборот «геометрическую» метафорику для описания своих текстуальных матриц¹⁶.

¹⁴ См. об этом в пп. 1.2.1.2 и 1.2.3.3 (а).

¹⁵ Именно поэтому такой же «темный» текст Пастернака «в глубине» менее «понятен», хотя часто и «пахнет Манделъштамом». С Хлебниковым все обстоит иначе, но «взаимоотношения» текстов Хлебникова и Манделъштама – это совершенно поразительное явление, которое должно быть рассмотрено отдельно.

¹⁶ Ср. высказывание современного математика о попытках понять «текст» мироздания: «**математика – это прототекст**, существование которого только постулируется, но который, тем не менее, лежит в основе тех его искаженных [«глухой недоразвиток!» – Л.Г.] и фрагментарных копий, с которыми мы обречены иметь дело» [215, с. 16]. Этот пассаж выглядит цитатой из РД или другого натурфилософского М-текста.

1.2. Специфичность М-семантики. Принцип максимизации «количества смысла».

Взрывая, возмутишь ключи.

Ф. Тютчев

Предметом науки о Данте станет, как
я надеюсь, изучение соподчиненности
порыва и текста.

О. Мандельштам

С некоторой общей точки зрения, текст Мандельштама представляет собой информационную машину (**смысловую** машину, инфо-систему и т. п.), построенную на двух главных принципах: сохранение «имеющейся» информации (= смыслов) и ее приумножение, т. е. генерирование новой информации (= новых смыслов).

То же самое – другими, чуть более конкретными, словами: **главным организующим принципом** семантики текста Мандельштама является **ориентация на** сохранение и умножение «смысла»: «мы – смысловики», говорил он.

Эта главная «управляющая матрица» содержит 2 «дополнительных по Бору» компонента: установку на «взрыв» (→ умножение инфо)¹⁷ и установку на семантическую *когерентность*, или «непрерывность» (→ сохранение инфо)¹⁸. Эти 2 примарные (порождающие) установки подробно рассматриваются в п. 1.2.1. Их деривативы рассматриваются в п. 1.2.2.

¹⁷ Установка на семантический «взрыв» эквивалентна установке на максимизацию информации = СМЫСЛА, потому что «точка взрыва» есть точка резкого, предельного возрастания инфо, см. ниже.

¹⁸ О «дополнительности по Бору» в своей семантике этих 2 компонентов сам М иносказательно говорит в очерке «Литературная Москва» (1922): «**Изобретенье** [= умножение инфо – Л.Г.] и **воспоминание** [= сохранение инфо – Л.Г.] идут в поэзии **рука об руку**, вспомнить – значит тоже изобрести, вспоминающий – тот же изобретатель. Коренная болезнь литературного вкуса Москвы – забвенье этой **двойной правды**. Москва специализировалась на изобретенныи во что бы то ни стало. **Поэзия дышит и ртом и носом, и воспоминанием и изобретением**» [II, с. 276]

1.2.1. Примарные¹⁹ «установки» М-семантики, специфичные для нее.

Подчеркнем, что здесь и в п. 1.2.2 мы будем говорить о специфических «установках» семантики Мандельштама, резко отличающих ее не только от «стандартной» русской семантики, но и от «смыслового устройства» почти любого русского поэтического текста²⁰.

Ударные волны, распространяющиеся после **взрыва снарядов**, могут электризовать мозг, выяснил профессор Стивен Джонсон и его коллеги из Массачусетского технологического института.

Из сетевой прессы (апрель 2010).

1.2.1.1. **Примарная установка на семантический «взрыв»**, другими словами – на семантическую «катастрофу», «бифуркацию»²¹ в **каждой** точке «семантического пространства» текста²².

¹⁹ «Примарный» – удобное обозначение для какого-то «первичного, основного» объекта, **порождающего** другие (производные, «деривативные» и т. п.) объекты. Может быть, лучше было применить выражение «**основная доминанта**» из работы Б. Эйхенбаума о поэтике Ахматовой (1923): «...мне было важно прежде всего установить ту основную доминанту, которая определяет собой целый ряд фактов ее стиля» [191, с. 63]

²⁰ К исключениям относится, прежде всего, текст В. Хлебникова и, может быть, вообще, «текст авангарда» – ведь установка Мандельштама на «взрыв», рассматриваемая ниже, является одним из «патентов» русского авангарда. Мы здесь оставляем рассмотрение этой интереснейшей темы за кадром. Заметим только, что главное отличие Мандельштама от других авангардистов – в постоянной и сознательной «**смысловой ориентированности**» текста («мы – смысловики»), часто напоминающей установки еврейского «традиционного» дискурса (см. 1.2.3).

²¹ Причины немедленного и необходимого появления в этом обсуждении математических терминов (точнее, математической метафорике) типа «катастрофа», «бифуркация» и т. п. – анализируются ниже, в частности, в п. 1.5.6.

²² Подчеркнем, что речь идет именно об **установке** на бифуркацию, т. е. **реальный** семантический взрыв происходит, разумеется, далеко не во всех (хотя и во многих) точках текста.

Определение «семантического взрыва» дадим ниже в этом параграфе, а пока что будем считать это выражение **интуитивно** (по Бергсону) понимаемой геометрической метафорой.

Эта семантическая и экзистенциально-психологическая²³ установка Мандельштама является специфической для него²⁴ и «примарной» в том смысле, что почти все остальные установки (матрицы) либо «стремятся» к ней как к своему «пределу», как 1.2.2 (а) и 1.2.2 (б), либо вытекают из нее, как 1.2.2 (в).

²³ Т. е. отражающая «катастрофальность» сознания (ощущение имманентной **неустойчивости** существования), постоянную ориентацию на «катастрофическое» изменение течения жизни автора текста. Ср. его высказывание о смерти (архетипе катастрофы) Скрябина в статье <Скрябин и христианство> (1915): «она [творческая жизнь] будет свободно вытекать из своей причины – смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца <...> **умереть значит вспомнить, вспомнить значит умереть...** Вспомнить во что бы то ни стало! Побороть забвение – хотя бы это стоило смерти: вот девиз Скрябина, вот героическое устремление его искусства!» Ср. также историю с «эпиграммой» на Сталина, которая является «запланированным взрывом» ненавистной Мандельштаму «пастернаковской» квартирно-дачной стабильности («барской лжи, толкотни в гардероб» и т. п.). Эта психологическая установка есть, на самом деле, как бы экзистенциальное «мандельштамовское ВСЕ». Мы не имеем возможности здесь останавливаться на этой крайне интересной теме. См. чуть подробнее в монографии «Текст и мир...», п. 2.2.3. Существенно, что некоторые современники, а потом и исследователи, описывая дискурсивное поведение М, используют «метафорику катастрофы». Например, П. Калецкий говорит о Мандельштаме в письме из Воронежа (1935): «**взрывающийся, как бомба**, при мельчайшем споре», цит. по [196, с. 72]. А. Жолковский в работе 70-х гг. формулирует «глубинную тему» поэзии Мандельштама как «самочувствие, в котором преобладают... **неустойчивость**, неуверенность в себе, личное ('слабое', 'теплое', 'родное') начало, нечто "неправильное", **пульсирующее...**» [84, с. 60]. Но раньше «других, идущих по живому следу» эту тему своей внутренней, глубинной «склонности к взрыву» сформулировал сам Мандельштам, сказавший про себя и про Данта во 2-й главе РД: «Лапидарность его не что иное как продукт **огромной внутренней неуравновешенности**».

²⁴ С. Аверинцев замечательно сказал об этом же в своем тексте 1987 г.: «Что во всем этом отличает Мандельштама от всесветного типа поэта нашего столетия, так это **острое напряжение между началом смысла и "темнотами"**. Это не беспроблемный симбиоз, в котором эксцессы рассудочности мирно уживаются с эксцессами антиинтеллектуализма. Это действительно противоречие, которое «остается глубоким, как есть», – и должно таковым оставаться в любой интерпретации <...>. Но тягой контраста и конфликта в стихотворение втягивается катарсис» [95, с. 236]. «Острое напряжение», о котором говорит Аверинцев – это есть состояние «предвзрыва», и оно «разрешается» катарсисом, или взрывом, – или «**порывом**», в терминологии РД, см. ниже.

Доминантной установкой на «взрыв» Мандельштам в значительной степени обязан оказавшему на него мощное идеологическое воздействие французскому философу А. Бергсону²⁵. Достаточно упомянуть центральный «взрывной» бергсоновский концепт *élan vital* ‘жизненный **порыв**’, из которого Мандельштам взял понятие *élan*²⁶, часто применяемое им в РД (в русском варианте²⁷ – «**порыв**») в более широких, чем у Бергсона, рамках.

Все же представляется, что Бергсону Мандельштам «обязан», в основном, «вербализацией» обсуждаемой установки, каким-то ее эксплицированием.

Более глубокая причина, по-видимому, заключается в воздействии на Мандельштама (как и на Бергсона!) в детстве устройства еврейского традиционного дискурса, вообще, матриц еврейской культурно-цивилизационной системы²⁸.

Подробно об этом см. п. 1.2.3. Здесь я только отмечу одно из главных проявлений сходства М-текста и еврейского *мидраша*, состоящее в том, что семантика текста Мандельштама (прежде всего, в его **собственном** понимании) не «отражает реальность», она ее создает²⁹, и созданный текст как бы «изучает» сам себя³⁰.

²⁵ Мы не имеем здесь возможности подробно останавливаться на этой важной и малоизученной теме (см. небольшое обсуждение в 1.2.3). Отметим лишь, что работа Бергсона “*L'évolution créatrice*”, содержащая, в частности, концептуализацию «взрыва», вышла в Париже и сразу приобрела популярность в 1907 г., как раз в окрестности приезда Мандельштама в Париж, где он, скорее всего, слушал лекции Бергсона (хотя вообще-то, известно, что М не злоупотреблял слушанием лекций). Ниже «мимоходом» отмечаются некоторые конкретные «точки воздействия» идеологии Бергсона на Мандельштама.

²⁶ = ‘**порыв**, прыжок, **порывистое** движение и т. д.’

²⁷ Русский перевод «Творческой эволюции» А. Бергсона был опубликован, в частности, в первом томе 5-томного собрания Бергсона (СПб., 1913–1914). В этом переводе бергсоновское понятие *élan* передается именно русским словом «порыв».

²⁸ См. об этом в п. 1.2.3. и в первых 2 главах монографии «Текст и мир...».

²⁹ Ср. высказывание Мандельштама про «текст движений» актера Михоэльса (наброски к очерку <Михоэльс>): «он **создает предметы**... когда ему вздумается. Не мешайте ему – это его право».

³⁰ Ср. в 4-й главе РД: «...мы взглянем на это звено дантовского труда как на непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняю-

В этой общей ситуации, «**взрыв**» (семантическая катастрофа) – **лучший технический способ «изучения»**, потому что он порождает нетривиальную информацию³¹ – например, полностью неожиданную метафору и т. п. Взрыв создает некую «новую реальность текста», позволяющую понять «старую реальность текста» и т. д. Обо всем этом см. несколько подробнее ниже.

Нельзя не упомянуть в этом рассмотрении и очевидное сильное воздействие на Мандельштама «катастрофальности» сознания и экзистенции Лермонтова³², про которого Мандельштам в одном стихотворении сообщает: «...над нами волен Лермонтов, **м-учитель наш**», а в другом месте говорит: «И за Лермонтова Михаила / Я отдам тебе строгий отчет, / Как сутулого **учит могила** / И воздушная **яма влечет**» («Солдат», 1937).

Все же ощущается, что эти влияния недостаточны для ответа на вопрос: почему у Мандельштама доминирует в качестве матрицы-установки именно «взрыв»?

«Интуитивный» ответ на этот вопрос состоит, видимо, в том, что Мандельштам использует локальную «катастрофу» как техническое средство, как своеобразный «носитель» для выхода, для прорыва куда-то, в какое-то **более информативное** пограничное запредельное пространство («И я выхожу из пространства...»)³³.

Вот что пишет о подобной психолингвистической технике Ю. Лотман, рассматривая значительно более общую ситуа-

щего свое единство и **стремящегося проникнуть внутрь себя самого**». Это «само-проникновение» = «само-изучение» и есть то, что в еврейской культуре называется **мидраш**, а в греческой – **семиозис** (см. ниже у Лотмана).

³¹ Мандельштам прямо говорит об этом своеобразном семиозисе во 2-й главе РД: «Зернистые примеси и лавовые прожилки указывают на единый сдвиг, или **катастрофу, как на общий источник формообразования**». Здесь «формообразование» надо, разумеется, понимать как ИН-ФОРМО-образование: напомним, что концепт «информации» для Мандельштама **геометричен** (в точности, как у Бергсона).

³² Отметим, что Ю. Лотман в работе «Культура и взрыв» вводит понятие «люди взрыва» (противопоставленное тургеневскому термину «постепеновцы») и относит к ним, в частности, Лермонтова [188, с. 21].

³³ Ю. Левин говорит, что при разрушении Мандельштамом «модального узуса» и «здорового смысла» текста, им «преследуется цель передачи особого – лежащего вне доступной осмыслению сферы – модуса существования высшей реальности» [187, с. 64].

цию³⁴: «... создаются возможности **прорыва** в запредельное пространство. Эту функцию также выполняют моменты **взрыва**, которые могут создавать как бы **окна** в семиотическом пласте. Таким образом, мир семиозиса³⁵ не замкнут фатальным образом в себе: он образует сложную структуру, которая все время “играет” с внележащим ему пространством³⁶, то втягивая его в себя, то выбрасывая в него свои уже использованные и потерявшие семиотическую активность элементы»³⁷.

* * *

Как можно увидеть/услышать проявления «идеологии взрыва» у Мандельштама?

Прежде всего, отметим, что на присутствие в языковом сознании Мандельштама «установки на взрыв», на «взрывное семантическое **событие**» указывают многочисленные упоминания (эксплицитные и «иносказательные»³⁸) взрыва/катастрофы а также частотное употребление в его дискурсе³⁹ слов, однокоренных или паронимичных со словом «взрыв»: **взрывает, взорваться, порыв, разрыв, ворвется, врывается, отрывается, нарывається, нарывал, напарывается, рву, вырванный.**

³⁴ Мне хотелось бы здесь не упустить возможность выразить благодарность проф. С. Зенкину, замечательные доклады которого на семинаре ИВГИ (РГУ) способствовали прояснению для меня узловых идей Ю. Лотмана в обсуждаемом контексте.

³⁵ Семиозис – процесс интерпретации знака, порождение значения (смысла) знака. В частности, это процесс интерпретации знаком (текстом) самого себя. В этом понимании, семиозис – часть текстуальной техники *мидраша* и, соответственно, техники порождения текста Мандельштама, см. п.1.2.3.

³⁶ Ср. мандельштамовское: «Играет пространство спросонок – / Не знавшее люльки дитя».

³⁷ Лотман Ю. Культура и взрыв. М., 1992. С. 42–43. По совершенно непонятной причине Лотман нигде не говорит о дискурсе Мандельштама как о замечательном примере актуализации «семантики взрыва». А ведь этот пример явно напрашивается. Я могу объяснить эту странность лишь тем, что Ю. Лотман, диктуя эту свою (последнюю?) работу, как бы отложил мандельштамовские рассуждения «на потом», – и не успел, к великому сожалению.

³⁸ Например, употребление определения «спонтанный» для передачи «взрывной» ситуации.

³⁹ Прежде всего, в его мета-дискурсе о **своей** речи, о **своём** тексте, о собственной поэзии и т. д. Или – что то же самое для него – о речи Данта (в РД).

Психолингвистический феномен «взрывного узуса» проходит через всю жизнь поэта, вплоть до гибели на «пересылке»⁴⁰.

К семантическому пространству «взрыва-разрыва» относятся и частые у Мандельштама при обсуждении своего текста⁴¹ военные (артиллерийские) идиомы: «орудия»⁴², «орудийность», «пороховой погреб», «тембр канонады», «разряжается пачками», «исполнение приказа», «приказ орудийной сигнализации»⁴³, «информационные сводки с поля военных действий», «борьба», «звукоборствует симфония войны», «победа» и т. п.

Особенно и демонстративно часто возникает семантическое пространство «взрыва = порыва» в «автокомментарии» Мандельштама к собственной семантике, который он поместил в прозрачную оболочку «Разговора о Данте» (1933).

Но резко бросается в глаза и обилие «катастрофально-взрывных» семантических ситуаций в «Стихах о неизвестном солдате» (1937).

⁴⁰ Д. Злотинский писал в письме И. Эренбургу о встречах с Мандельштамом осенью 1938 г. на Владивостокской «пересылке»: «И он – в водосточной канаве – читал нам (по памяти, конечно) свои стихи, написанные в последние годы и, видимо, никогда не издававшиеся. Помню – об одном стихотворении, особенно понравившемся нам, он сказал: “Стихи периода воронежской ссылки. Это – ПРОРЫВ... Куда-то ПРОРЫВ...” [9, с. 428]. Здесь «просвечивает» слово **порыв**, фонетически неточно идентифицированное Злотинским. Скорее всего, Мандельштам пытался объяснить сокамерникам (как за 3 года до этого С. Рудакову в Воронеже) основной принцип своей семантики (установку на «взрыв») и употреблял при этом важнейший для себя в этом контексте еще со времени работы над РД термин **порыв**.

⁴¹ И не только своего, но и такого «чужого» текста, который становится своим, который Мандельштам как бы «осваивает» → «усваивает» → «присваивает». Вот его характерное высказывание о такого рода «своих-чужих» текстах: «Наша классика – это пороховой погреб...» («Яхонтов», 1927).

⁴² У мандельштамовского «орудия» – разумеется, «мигающий» двойной смысл: (а) артиллерийский, (б) инструментальный

⁴³ Ср.: «...современное кино с его метаморфозой ленточного глиста обращивается злейшей пародией на **орудийность поэтической речи**, потому что кадры движутся в нем без **борьбы** и только сменяют друг друга» («Разговор о Данте», гл. 1 [II, с. 214]).

Вот хронологически упорядоченная подборка соответствующих пассажей в текстах Мандельштама (необходимые ссылки и комментарии – в сносках):

«Поэзия – плуг, **взрывающий** время. <...> Она воспринимается как то, что должно быть, а не как то, что уже было»⁴⁴.

«слово... есть плоть деятельная, **разрешающаяся в событие**⁴⁵... русский язык есть волнующееся море **событий**»⁴⁶.

«Тематическое развитие поэзии Блока шло <...> к революции как высшему музыкальному напряжению и **катастрофической** сущности культуры. Душевный строй поэта располагает к **катастрофе**. <...> Поэтическая культура возникает из стремления предотвратить **катастрофу**, поставить ее в зависимость от центрального солнца всей системы, будь то любовь, о которой сказал Дант, или музыка...»⁴⁷.

«Раскидать бы за стогом стог/
Шапку воздуха, что томит,
Распороть, разорвать мешок,
В котором тмин зашит»⁴⁸.

⁴⁴ Ст. «Слово и культура» (1921), [II, с. 169–170].

⁴⁵ А. Ахматова вспоминает в «Листках из дневника»: «... он [Мандельштам] утверждал, что стихи пишутся только как результат **сильных потрясений**, как радостных, так и трагических» [72, т. 1, с. 21].

⁴⁶ Ст. «Слово и культура», там же, с. 176.

⁴⁷ Ст. «А. Блок. (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)» в журнале «Россия» №1 (август 1922). Это период самого интенсивного поиска «культурной идентичности» у Мандельштама. Конечно, здесь «катастрофа» – прежде всего, мировая, вселенская, но утверждение о расположенности «душевного строя» поэта к «катастрофе» – это, в не меньшей степени, про самого Мандельштама, чем про Блока.

⁴⁸ Это стих. «Я не знаю, с каких пор...», один из программных текстов 1922 года. «Мешок с тмином», который предполагается «взрывным» образом ликвидировать – совершенно не простой. Он позднее возникает во 2-й главе РД в качестве «туманного звукового мешка», на дно которого Дант «упрятывает» «свою скульптуру». Далее, в 4-й главе РД, Мандельштам говорит о «жажде полета» и «голоде по **рассеченному пространству**», которое, заметим, в его ЯКМ эквивалентно «**разорванному** (лексика взрыва!) воздуху» из стих. «Концерт на вокзале» (1921). Тем самым, «мешок с тмином» – это совершенно не тривиальная метафора компактного неевклидова пространства, в котором М пребывает, и из которого он стремится вы-рвать-ся, **разрывая** его. О «неевклидовости» мандельштамовской геометрии см. п. 2.3 1.

«Земля гудит метафорой,/ И легкие двуколки/ В броской упряжи густых от натуги птичьих стай/ **Разрываются на части**»⁴⁹.

«Смыкание и размыкание лирического тока дает впечатление быстрого перегорания и **сильного эмоционального разряда**»⁵⁰.

«Не случайно Яхонтов и его режиссер Владимирский облюбовали Гоголя и Достоевского, у которых больше всего вкуса к **событию**, происшествию. Игра Яхонтова вся проникнута тревогой и ожиданием **катастрофы**, предчувствием **события** и **грозы**»⁵¹. Наша классика – это **пороховой погреб**, который еще не **взорвался**»⁵².

«Пожары и книги – это хорошо. Мы еще поглядим – почитаем»⁵³.

«Он подходил к разведенным мостам, напоминающим о том, что все должно **оборваться**, что пустота и зияние – великолепный **товар** <...> накапливаются **таборы** извозчиков и пешеходов на той и другой стороне, как два враждебных племени или поколения, поспорившие о торцовой **книге** в каменном переплете с **вырванной серединой**»⁵⁴.

⁴⁹ Стих. «Нашедшему подкову» (1923) [I, с. 146].

⁵⁰ Ст. «Буря и натиск» (1923), [II, с. 291]. Это говорится, вроде бы, о поэзии Асеева.

⁵¹ Н. Мандельштам пишет в своих мемуарах: «...у О.М. было два ряда явлений – у него был как бы положительный ряд и отрицательный. К положительному ряду относятся: **гроза, событие**, кристаллообразование... Он применял эти понятия к истории, к искусству и даже к становлению человеческого характера. Отрицательный ряд – все виды механического движения: бег часовой стрелки, развитие, прогресс» [9, с. 238]. Ср.: «в основе композиции решительно всех песен “Inferno” лежит **движение грозы**», <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933), [72, т. 3, с. 403].

⁵² Ст. «Яхонтов» (1927), [II, с. 308].

⁵³ ЕМ, 7-я глава [II, с. 82]. Эти строки показывают «катастрофальность» концептов «книги» и «чтения» у М.

⁵⁴ ЕМ, 8-я глава [II, с. 83]. Город для М – это книга, текст, и разведение мостов – это разрыв синтаксиса в тексте, имплицитный семантический «катастрофу».

«романтическая поэтика предполагает **взрыв, неожиданность**, ищет эффекта⁵⁵, **непредусмотренной** акустики <...> романтическая поэзия утверждает **поэтику неожиданности**»⁵⁶.

«Дошло до того, что в ремесле словесном я ценю только дикое мясо, только **сумасшедший нарост**: И до самой кости ранено/ Все ущелье стоном сокола, – вот что мне надо»⁵⁷.

«**Разрыв** – богатство. Надо его сохранить»⁵⁸.

«Я на лестнице черной живу, и в висок/ **Ударяет** мне **вырванный с мясом звонок**»⁵⁹.

«...процесс **узнавания**, увенчанный **победой** усилия памяти, удивительно схож с феноменом **роста**. И там и здесь – **росток**...»⁶⁰.

«Книга в работе <...> еще не продукт читательской энергии, но уже **разлом** биографии читателя; еще не находка, но уже добыча. Кусок слоистого шпата.

Наша память, наш опыт с его провалами, тропы и метафоры наших чувственных ассоциаций достаются ей в обладание бесконтрольное и хищное.

И до чего разнообразны ее **военные** уловки и хитрости ее хозяйничанья. Демон чтения **вырвался** из глубин *культуры-опустошительницы*. <...> прочесть книгу можно только припоминая⁶¹. <...> Действительность носит сплошной характер. Соответствующая ей проза <...> всегда образует **прерывистый ряд**. <...> Таким образом, прозаический рассказ не что иное, как **прерывистый** знак непрерывного.<...> непрерыв-

⁵⁵ Ср. **aha-effect** в гештальт-психологии. См. об этом ниже в этом параграфе (в разд. **Дефиниция и примеры**) и подробнее в п. 1.5.6.3 (Б).

⁵⁶ Ст. «Заметки о Шенье» (1922), [I], с. 164].

⁵⁷ «Четвертая проза», гл. 5 (начало 1930). См. ниже (в примечании к пассажиру из ПА) о «взрывном» смысле концептов «роста» и «растения» в представлениях Мандельштама. Ср. «ранено... стоном сокола» со строкой из «Восьмистишия» (начало 1934): «И как руда из груди **рвется** стон».

⁵⁸ Из письма к Н. Мандельштам (весна 1930).

⁵⁹ «Ленинград» (декабрь 1930).

⁶⁰ ПА, гл. «Москва» [II, с. 115]. Концепт «узнавания = вспоминания» связывается в представлениях Мандельштама с концептами «роста» и «растения» и вместе с ними приобретает «взрывной» смысл. См. ниже сноску к слову «растительные» в пассаже из РД.

⁶¹ А «**вспомнить значит умереть**» – писал Мандельштам в цитируемой выше статье <Скрябин и христианство> (1915).

ность и сплошность нуждаются все в новых и в новых **толчках-определителях**. <...> Смысловые словарные частицы, разбегающиеся по местам»⁶².

«Энергия доказательства **разряжается «квантами», пачками**. Периоды накопления и отдачи...»⁶³.

«Он сказал: **природа вся в разломах**»⁶⁴.

«**разрыв** папства как исторической формации здесь предусмотрен и разыгран...»⁶⁵.

«не кто иной, как Пушкин, воспринял от итальянцев **взрывчатость и неожиданность** гармонии»⁶⁶.

«целый взвод Гаргантюа твердит **взрывчатую азбуку**»⁶⁷.

«Таким образом, пропорция Рим – Флоренция могла служить **порывообразующим толчком**, в результате которого появился “Inferno”»⁶⁸.

⁶² <Вокруг ПА>. Гл. «Читая Палласа» [II, с. 366–367]. В этих отрывочных записях манифестируется «катастрофальность» отношений Мандельштама с текстом, как бы зашитая в сознании. Книга для него – «разлом биографии». Отношения его с текстом (своим и не своим!) подчеркнута «интерактивны» – это война/борьба, нападение/оборона, резкое креативное взаимовлияние. «Смысловые частицы» текста «разбегаются по местам», очевидно, после некоего взрыва-толчка-определителя. Термин «определитель» наводит на гипотезу о знакомстве Мандельштама (от ассириолога В. Шилейко?) с ассириологическим понятием «детерминатив». Знаки детерминативов в клинописном тексте выполняли, в частности, функцию дополнительной «дискретизации» сплошного клинописного текста в восприятии читателя.

⁶³ <Вокруг ПА>. Гл. «Литературный стиль Дарвина» [II, с. 371].

⁶⁴ Ст. «Ламарк» (1932). «Разломы» относятся, скорее, к теории **катастроф** Кювье, которая, очевидно, упоминалась при обсуждении с биологами ламаркистской и прочих теорий эволюции.

⁶⁵ Здесь М говорит об «орудийной казни», которой Дант «предал» «узурпаторов папского престола» и тем способствовал «разрыву папства». <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933) [72, т. 3, с. 400].

⁶⁶ Там же. Заметим, что «взрывчатость гармонии» – очевидный оксюморон, отражающий «дополнительность по Бору» двух примарных установок М (см. выше): (а) «взрывчатость» \leftrightarrow установка на «взрыв» \leftrightarrow «дискретность» процесса порождения «смысла» (ср. «зияния», «я мыслю опущенными звеньями») и (б) «гармония» \leftrightarrow установка на семантическую «когерентность» \leftrightarrow «континуальность» процесса сохранения «смысла» \leftrightarrow «геометричность» метафоры (см. п. 1.5.6.1).

⁶⁷ Там же, с. 406.

⁶⁸ Там же, с. 407.

«...ощущаемое нами изменение самих орудий поэтической речи, возникающих на ходу в ее **порыве**»⁶⁹.

«Искусство речи именно искажает наше лицо, **взрывает** его покой, нарушает его маску...»⁷⁰.

«Каждое слово спешит **взорваться**, слететь с губ, уйти, очистить место другим»⁷¹.

«Вся песнь построена на нескольких глагольных выпадах, дерзко **выпрыгивающих** из текста. Здесь разворачивается как бы **фехтовальная** таблица спряжений...»⁷².

«...мы не **выбрасываем из себя** готового смысла – это был бы **семантический выкидыш**, – но переживаем своеобразный цикл. <...> Поэзия тем и отличается от автоматической речи, что **будит** нас и **встряхивает** на середине слова»⁷³.

«...композиция складывается не в результате накопления частных частей, а вследствие того, что одна за другой деталь **отрывается** от вещи, уходит от нее, выпархивает, **отщепляется** от системы, уходит в свое функциональное пространство <...>. Развитие образа⁷⁴ только условно может быть названо разви-

⁶⁹ «Разговор о Данте», гл.1 [II, с. 214].

⁷⁰ Там же, гл.1 [II, с. 216].

⁷¹ Там же. Это сказано как бы про итальянский язык.

⁷² Там же, гл. 2 [II, с. 219]. Здесь слово ВЫ-ПРЫГ-ИВАЮЩИХ через немецкую, французскую и итальянскую семантическую связь springen (sprengen), sauter, saltare = 'прыгать, взрываться' суггестирует ситуацию «взрыва», в которой глагол «взрывает» гладкое развитие семантического процесса. Здесь же слова ВЫПАД и ФЕХТОВАЛЬНАЯ отсылают к «фехтовальщику» Ламарку с его «разломами» и т. д.

⁷³ Там же, гл. 2 [II, с. 223].

⁷⁴ Здесь Мандельштам говорит о «взрывной» (точнее: «бифуркационной») эволюции образа в своем тексте. В подтексте здесь явно известная Мандельштаму «артиллерийская» метафорика А. Бергсона, описывающая эволюцию жизни вообще (но ведь для Мандельштама текст и есть жизнь!): «Эволюционное движение было чем-то простым, и мы легко могли бы определить его направление, если бы жизнь описывала одну-единственную траекторию, подобно ядру, пущенному из пушки. Но мы имеем дело с **гранатой, внезапно разорвавшейся на части**; части эти, сами представлявшие собой нечто вроде **гранат, разорвались на новые части**, которые вновь должны были раскалываться, и так далее...» [81, с. 119]. Отметим, что в статье «О природе слова» Мандельштам с презрением говорит о «дурной бесконечности [гладкой = «невзрывной»] эволюционной теории» и о ее «вульгарном прихвостне – теории прогресса» [II, с. 173].

тием. И в самом деле, представьте себе самолет..., – который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина, так же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью»⁷⁵.

«Таким образом, вещь возникает как целокупность в результате единого дифференцирующего **порыва**, которым она **пронизана**. Ни одну минуту она не остается похожей на себя самое. Если бы физик, **разложивший атомное ядро...**»⁷⁶.

«Затем, как мощная туба, **врывается** прошедшее в вопросе Фаринаты»⁷⁷.

«...сюда **врывается** соколиная охота»⁷⁸.

«Дант **нарывается, напарывается** на нежелательную встречу...»⁷⁹.

«Структура дантовского монолога, построенного на органической регистровке, может быть хорошо понята при помощи аналогии с горными породами... Зернистые примеси и лавовые прожилки указывают на **единый сдвиг, или катастрофу, как на общий источник формообразования**»⁸⁰.

«Дант по природе своей **колебатель смысла и нарушитель целостности образа**»⁸¹.

«...на **изрытой и всколебленной** смысловой поверхности»⁸².

«И мнимое **рву** постоянство и самосознание причин»⁸³.

«Огромная **взрывчатая сила** Книги Бытия – идея **спонтанного** генезиса – со всех сторон наступала...»⁸⁴

⁷⁵ РД, гл. 2, 4 [II, с. 218, 229].

⁷⁶ Там же, гл. 2 [II, с. 214].

⁷⁷ Там же, гл. 2 [II, с. 220].

⁷⁸ Там же, гл. 4 [II, с. 229].

⁷⁹ Там же, гл. 2 [II, с. 221].

⁸⁰ Там же, гл. 2 [II, с. 223].

⁸¹ Там же, гл. 5 [II, с. 231].

⁸² Там же, гл. 6 [II, с. 239].

⁸³ «Восьмистишие» № 11 [I, с. 204]. Смысл: «**врываю постоянство и причинность**».

⁸⁴ «Разговор о Данте», гл. 6 [II, с. 236]. Ср. у А. Бергмана в его «артиллерийском» дискурсе об эволюции жизни (бытия): «...**взрывчатая сила**, которую **жизнь** несет в себе и которая порождается неустойчивым равновесием тенденций» [81, с. 119].

«Шипки, причмокивания и **губные взрывы** не прекращаются ни на одну секунду. <...> Лед дает **фонетический взрыв** и рассыпается на имена Дуная и Дона. Холодообразующая тяга тридцать второй песни произошла от внедрения **физики** в моральную идею»⁸⁵.

«Страшно подумать, что ослепительные **взрывы** современной физики⁸⁶ и кинетики были использованы за шестьсот лет до того, как прозвучал их **гром**, и нету слов, чтобы заклеить постыдное к ним равнодушие печальных наборщиков готового смысла. <...> Каждый раз, когда метафора поднимает до членораздельного **порыва** растительные⁸⁷ краски бытия, я с благодарностью вспоминаю Данта. Мы описываем как раз то, чего нельзя описать, то есть остановленный текст природы, и разучились описывать то единственное, что по структуре сво-

⁸⁵ Там же, гл. 8 [II, с. 244]. Это как бы о «звуковом колорите» одной из песен Данта.

⁸⁶ Заметим, что эта *физическая* метафора 1933 г. хорошо коррелирует с *психо-физиологической* метафорой 1913 г. (надпись М на издании «Камня»): «Анне Ахматовой – **вспышки сознания** [= «ослепительные взрывы» сознания – Л.Г.] в беспамятстве дней». Мы видим, что М и в 10-е, и в 30-е годы применяет *метафорику взрыва* для комментирования *смыслов* своего текста.

⁸⁷ Здесь слово РАСТИТЕЛЬНЫЕ совершенно не случайно соседствует с ПОРЫВОМ. Дело в том, что в ЯКМ Мандельштама концепт «растения» – это часть расширенного концептуального пространства взрыва/катастрофы. Ср. в ПА: «**Растение** – это...посланник живой **грозы, перманентно бушующей в мироздании**, – в одинаковой степени сродни и камню и **молнии**. Растение в мире – это **событие, происшествие, стрела**, а не скучное бородатое развитие!» [II, с. 114]. В набросках к ПА Мандельштам описывает процесс **созревания** как процесс подготовки «взрыва» (= **грозы**): «...в основе композиции решительно всех песен “Inferno” лежит **движение грозы, созревающей** как метеорологическое явление, и все вопросы и ответы вращаются, по существу, вокруг единственного: стеречь, быть или не быть грозе» [72, т. 3, с. 403]. Ранее, в «Грифельной Оде» (1923): «Плод **нарывал. Зрел виноград**». Позднее, в «10 января 1934»: «И **созревающий** и тянущийся весь, – / Доколе не **сорву**сь, разыгрываю в лицах...». А. Бергсон, концептуальному влиянию которого, как выше было сказано, подвергся Мандельштам, также метафоризировал эмбриональный процесс как «взрывной»: «...акт организации имеет скорее характер **взрыва**: на старте ему нужно как можно меньше места, минимум материи, словно организующие силы нехотя вступают в пространство. Сперматозоид, приводящий в движение процесс эволюции эмбриональной жизни, – одна из мельчайших клеток организации, к тому же незначительная его часть является реально действующей» [81, с. 115].

ей поддается поэтическому изображению, то есть **порывы**, намеренья и амплитудные колебания»⁸⁸.

«Его **порывы** к краскам скорее могут быть названы текстильными **порывами**, нежели алфавитными. <...> Текстиль у Данта – **высшее напряжение** материальной природы...»⁸⁹

«Дантовские песни суть партитуры особого химического оркестра, в котором для внешнего уха наиболее различимы сравнения, тождественные с **порывами**...»⁹⁰

«...формула дантовского **порыва**, взятого одновременно и как полет и как нечто готовое. Сравнения суть членораздельные **порывы** <...>. Готовая вещь есть не что иное, как каллиграфический продукт, неизбежно остающийся в результате исполнительского **порыва** <...>. Говоря о Данте, правильнее иметь в виду **порывообразование**, а не формообразование – текстильные, парусные, школярские, метеорологические, инженерийные, муниципальные, культурно-ремесленные и прочие **порывы**, список которых можно продолжить до бесконечности <...>. Это закон... поэтической материи, существующей только в **исполнительском порыве**. <...> Предметом науки о Данте станет, как я надеюсь, изучение **соподчиненности порыва и текста**»⁹¹.

«Давнишнего страха струя/
Ворвется в халтурные стены...»⁹²

«Я стою у твердого **порога**...»⁹³

⁸⁸ Там же, гл. 9 [II, с. 246–247].

⁸⁹ Там же, гл. 10 [II, с. 249].

⁹⁰ Там же, гл. 7 [II, с. 241].

⁹¹ Там же, гл. 11 [II, с. 253–254].

⁹² Стих. «Квартира» (ноябрь 1933). Я беру на себя смелость утверждать, что у слова ХАЛТУРНЫЕ в этой строке, прямо по «Доскам судьбы» Хлебникова (см. 1.2.4.3), «первый видимый смысл» (качество стен в новой квартире) – это «просто спокойный седок страшной силы второго смысла». Добавим: страшной **взрывной силы** второго смысла, потому что второй смысл этого слова – это аллюзия на Степана **Халтурина**, организовавшего в 1880 г. мощный и смертоносный **взрыв** в Зимнем дворце. Мандельштам в момент создания «Квартиры» готовит собственный теракт «против тирана» («Эпиграмма»), который «взорвет», кроме прочего, процесс его собственной экзистенции, и образ Халтурина для него в этот период вполне актуален. См. про образ Халтурина у М чуть подробнее в главе 3, п. 3.5.

⁹³ Здесь текст «Мастерицы» (начало 1934) очень точно передает константное состояние «пред-взрыва», ожидания «катастрофы». Приблизительно в это же

«естественная живая проза не терпит однообразия <...>. Партийная мысль должна быть не изложена, а продолжена в поэтическом **порыве**»⁹⁴.

* * *

В сфере «невербальных языков» точным проявлением мандельштамовской установки на семантический «взрыв» является его подчеркнутое внимание к музыкальному тексту Скрябина с характерными **диссонирующими** аккордами⁹⁵, к «разрывоопасному» звучанию флейты или скрипки⁹⁶, к всевозможным явлениям **резонанса** (в частности, психологического) в контексте исполнения музыки, к **взрывному** языку движений «иудастического актера» Михоэlsa⁹⁷ и, разумеется, к **катастрофальному** языку живописи Ван-Гога и Писсарро (на самом деле, к «языку» импрессионистов вообще):

время М. Бахтин, развивая свою теорию «хронотопа», пишет, что «**хронотоп порога**» проникнут «высокой эмоционально-ценностной интенсивностью», «он может сочетаться и с мотивом встречи [«держательница встреч!» – Л.Г.], но наиболее существенное его восполнение – это хронотоп **кризиса и жизненного перелома**».

⁹⁴ Г. Санников. Восток» [72, т. 3, с. 274–275]. М в этом пассаже говорит о том, что простая «фактическая» информация должна в поэтическом тексте перерабатываться в процессе «взрыва», приводящего к резкому увеличению информации.

⁹⁵ Дело не только в «аккордах». Музыка Скрябина в целом, по-видимому, передавала своим слушателям «психофизиологическое» сообщение о некоем надвигающемся «взрыве», «катастрофе» и т. п. Говоря о Скрябине, М пользуется лексикой «взрыва/катастрофы»: «**разрыв**», «**сирена**» и т. п. Ср. высказывание современного культуролога А. Пензенского: «у Скрябина музыка **разрушения**».

⁹⁶ Ср. обращение к скрипачке: «Играй же на **разрыв** аорты...» в стих. «За Паганини длиннопалым...» (1935). Здесь, конечно, отсылка к известной «взрывной», «**рвущей** струны» манере игры Паганини. Ср. также применение к описанию звучания/поведения флейты «взрывного» набора согласных В(Б) ЗР и «взрывной» основы **ров/рыв**: «Неизваянная, без отчета, Зрела, маялась, шла **через рвы**» («Флейты греческой тэта и йота»). Напомним, что в «Грифельной Оде» (1923), Мандельштам описывал процесс **созревания** как процесс подготовки «взрыва»: «Плод **нарывал**. Зрел виноград».

⁹⁷ Мандельштам не любил театр, но «взрывные сцены» привлекали его у Михоэlsa, и, напротив, их (в его понимании) отсутствие, видимо, резко отталкивало его в драматургии Чехова.

«**Разрыв** Скрябина с голосом, его великое увлечение **сиреной** пианизма знаменует утрату христианского ощущения личности...»⁹⁸

«Звучание уже дано в партитуре симфонии, в **спонтанном** **сговоре исполнителей**, в многолюдстве зала и в устройстве музыкальных **орудий**»⁹⁹

«образ, создаваемый иудаистическим актером, бьется о рамки спектакля, **взрывает** его оформление»¹⁰⁰

«И я начинал понимать, <...> что цвет не что иное, как чувство **старта**, окрашенное дистанцией...»¹⁰¹

«Его холсты, на которых размазана яичница **катастрофы...**»¹⁰²

«бульвары Писсарро, текущие как колеса огромной лотереи с <...> **лоскутками разбрызганного мозга** на киосках и каштанах»¹⁰³

«Художник нам изобразил / Глубокий **обморок** сирени/
И красок звучные ступени / На холст, как **стружья**, положил. Он
понял масла густоту – / Его **запекшееся** лето / **Лиловым мозгом**
разогрето, / Расширенное в духоту»¹⁰⁴.

* * *

Дефиниция и примеры. Что, собственно, есть «семантический взрыв/катастрофа»?

Определим этот феномен как **неожиданный для «реципиента» (читателя и/или самого автора текста)¹⁰⁵ и т. п.** «вброс»

⁹⁸ Ст. <Скрябин и христианство> [72, т. 1, с. 204].

⁹⁹ ПА, гл. «Вокруг натуралистов» [II, с. 122].

¹⁰⁰ Ст. <К очерку «Михоэльс»> (1926) [II, с. 374]. Взрыв **о-формления**, очевидно, приводит к **формо-**образованию, к созданию новой ин-**формации**. Конечно, здесь определение «иудаистический» (а не, скажем, «еврейский») совершенно не случайно, см. монографию «Текст и мир...» и здесь п. 1.2.3.

¹⁰¹ Наброски к очерку «Французы» (1931) [II, с. 361]. Это пример стремления Мандельштама нащупать «взрывчатый» язык движений и описать его, на этот раз, в контексте живописи импрессионизма.

¹⁰² Ст. «Французы» (1931) [II, с. 119]. Это говорится о желтом цвете у Ван-Гога.

¹⁰³ Там же. Это, по-видимому, о лиловом цвете у Писсарро.

¹⁰⁴ Стих. «Импрессионизм» (май 1932). Лексика суггерирует ситуацию типа последствий взрыва или попытки самоубийства и т. п.

¹⁰⁵ Ведущего в этот момент «шизофренический» диалог с самим собой. Ср.

в данной точке (отрезке) текста некоего изначально «чужеродного», «конфликтного» семантического пространства¹⁰⁶.

Этот вброс «семантического конфликта» взрывает «гладкое» течение рецепции семантики текста (другими словами, нарушает «гладкость» развития семантического гештальта) и резко изменяет «состояние» реципиента¹⁰⁷, вызывая в результате то, что в гештальт-психологии называется аha-effect¹⁰⁸, и/или некую сильную эмоцию и т. п.¹⁰⁹

Пример 1. Может быть, наиболее показателен совсем простой пример «направленного взрыва». В стихотворении 1932 г. «Христиан Клейст»¹¹⁰ рассмотрим строки о немецком офицере-стихотворце:

Он в бой сошел и умер так же складно,
Как пел **рябину** с кружкой мозельвейна.

Здесь слово РЯБИНУ возникает, конечно, по «паронимической ассоциации» с немецким словом REBEN ‘лозы, виноград’, участвующим в авторском эпиграфе к этому стихотворению

пассажа о Виллоне и о себе из ранней статьи «Франсуа Виллон» (1910): «Лирический поэт, по природе своей, – двуполое существо, способное к бесчисленным **расщеплениям во имя внутреннего диалога**... этот “лирический гермафродитизм”...» [II, с. 138].

¹⁰⁶ Это пространство на когнитивистском диалекте называют «структурой знания»: «фреймом», «гештальтом», «сценарием» и т. п. А. Баранов пишет в предисловии к [190]: «Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и с социумом».

¹⁰⁷ Мандельштам говорит об этом «взрывном» воздействии текста на реципиента в пассаже из 9-й главы РД: «Изумительна его [Данта] “рефлексология речи” – целая до сих пор не созданная наука о **спонтанном психофизиологическом** воздействии слова на собеседника, на окружающих и на самого говорящего, а также средства, которыми он передает порыв к говорению, т. е. сигнализирует светом **внезапное** желание высказаться» [II, с. 247].

¹⁰⁸ См. подробнее об этом п. 1.5.6.3 (Б).

¹⁰⁹ Здесь напрашивается (в стиле Мандельштама) музыкальная метафора: **семантический «взрыв» = «диссонирующий аккорд»** (см. выше о внимании Мандельштама к текстам Скрябина), неожиданно вводящий изначально совершенно чуждую «тему».

¹¹⁰ [I, с. 307, вар. с. 584].

(цитаты из Э. Клейста): «Und es wird der Saft der Reben...». При этом появление «рябины» взрывает «немецкое» семантическое пространство текста и совершенно неожиданно «вставляет», «врезает», «вбрасывает» в текст «русское» семантическое пространство¹¹¹.

Пример 2. Стих. «Чернозем» (1935).

Рассмотрим строки:

И все-таки, земля – проруха и **бух**.
 Не умолить ее, как в **ноги ей** ни **бухай**:
Гниющей флейтою настраживает слух...

Здесь просвечивающий «германизм» [БУХ] (Buch ‘книга’) неожиданно «врезает» в текст семантическое пространство «книги» вообще, и (пере)гниной-пустотелой-земли-флейты-книги из стих. 11 и 12 «армянского цикла», в частности. Запишем чуть более формально возникающие здесь связи:

О-БУХ, БУХ-АЙ → (пар.) Buch ‘книга’ → «книга» → (асс.) «земли **пустотелую** книгу», «Над книгой **звонких** глин, над книжною землей,/ Над **гниющей книгой**...» → ГНИЮЩЕЙ ФЛЕЙТОЮ.

В этой же строке сочетание НОГИ ЕЙ дает дополнительную «взрывную врезку» семантического поля «гнию», доставляемую метатезой и паронимией: НОГИ ЕЙ → «гнию» → ГНИЮЩЕЙ.

Пример 3. Стих. «Увы, растаяла свеча...» (1932).

Рассмотрим строки:

И нет рассказчика для жен/
 В **порочных** длинных платьях,/

¹¹¹ Ср. у Цветаевой в стих. «Тоска по родине! Давно...» (1934): «Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, И все – равно, и все – едино. Но если по дороге – куст Встает, особенно – **рябина**...». Зачем этот «взрыв» понадобился именно в этой точке текста Мандельштаму – это интересный вопрос, выходящий за рамки наших рассуждений. Заметим лишь, что сквозь образ **немецкого** офицера-поэта в этом стихотворении (и особенно в «близнечном» стих. «К немецкой речи») явно проступает образ **русского** офицера-стихотворца – Н. Гумилева.

Что проводили дни, как сон,
В пленительных занятиях.

Здесь фоника слова ПОРОЧНЫХ суггестирует его пароним БАРОЧНЫХ и неожиданно «врезает» в текст семантическое пространство концепта «барокко». Это пространство содержит «гештальт» «текста барокко» с характерной идеологемой «жизни во сне» («сна жизни»), отраженной в 3-й строке стихотворения¹¹². Но сразу же за этим (вторая бифуркация!) имеет место франко-немецкая интерференция *barock* = «вычурный», дающая второй и более содержательный смысл определениям ПОРОЧНЫХ ДЛИННЫХ. Запишем чуть более формально возникающие здесь связи:

ПОРОЧНЫХ → (пар.) барочных → (пар.) *barock*¹¹³ ‘причудливый, вычурный, странный’ → (второй) смысл: «в причудливых, вычурных, странных платьях»
ПОРОЧНЫХ → (пар.) барочных → «барокко» → (асс.) ДНИ КАК СОН.

Этот пример показывает процесс роста «дерева бифуркаций» с нетривиальным описывающим этот процесс графом.

Пример 4. Стих. «Ленинград» (1930).
Рассмотрим VI-ю строфу:

Я на лестнице черной живу, и в висок/
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

Здесь семантика «катастрофы» гладкого экзистенциального процесса («живу...») передается не только использованием слова «вырванный», относящегося к «лексике взрыва», но и другими инструментами. Ю. Левин, разбирая «Ленинград», говорит: «Отметим присущий этому стихотворению контрапункт зри-

¹¹² Эта распространенная формула барокко отражена, напр. в названии известной пьесы П. Кальдерона: «Жизнь есть сон».

¹¹³ Здесь равновероятен галлицизм *baroque* (из которого, на самом деле, происходит нем. *barock*) с тем же семантическим спектром.

тельных, слуховых, вкусовых и тактильных (именно, болевых) ощущений <...>. Особенно характерна в этом отношении VI-я строфа <...>, – дающая **массированный удар** по рецепторам с преобладающим ощущением боли»¹¹⁴.

* * *

Забегая вперед, отметим, что приведенные примеры показывают, что технически семантические «катастрофы» в М-тексте организуются, в основном, т. н. СИ-операторами (см. 1.3.2). При этом в каждой точке взрыва существует набор возможных СИ-операторов, применение которых «здесь и сейчас» обладает ненулевой вероятностью.

Феномен «семантики взрыва», разумеется, мощно связан с установками на динамику текста и на информативность текста, см. об этом подробнее в пп. 1.2.2.1 и 1.2.2.2.

1.2.1.2. **Вторая примарная матрица.** Выше (в п. 1.2.1.1) мы рассмотрели примарную «установку на взрыв». Второй независимой примарной¹¹⁵ установкой семантики М-текста является установка на общую семантическую *когерентность* («связанность», «непрерывность»). Принцип когерентности/непрерывности семантики М-текста есть проявление общей ориентированности на **сохранение** информации, о чем говорилось в начале п.1.2.

Напомним, что в «информационном» контексте эта установка (2-я примарная матрица) является «дополнительной по Бору» к «установке на взрыв» (к 1-й примарной матрице), рассмотренной в п. 1.2.1.1.

Заметим, что М, применяя «физическую» метафорику, называет в РД подобную матрицу сохранения «законом обратимости поэтической материи». Под «поэтической материей»

¹¹⁴ Ю. Левин, см. [187, с. 22–23]. Отметим «военно-артиллерийскую» лексику Левина: «массированный удар». Это замечательный пример суггестивного (я бы даже сказал, манипуляционного) воздействия текста Мандельштама (в данном случае, текста РД, пристально изучавшегося Левиным) на исследователя.

¹¹⁵ При этом крайне важной для оформления структуры М-текста («формообразования», сказал бы Мандельштам).

Мандельштам в РД, по-видимому, имеет в виду нечто вроде «семантической энергии» текста. И эта материя/энергия (удобно ее интерпретировать как количество семантической информации) **сохраняется** при трансформациях исходного текста.

Вот соответствующие пассажи из РД:

«Вместо того, чтобы пересказывать так называемое содержание, мы взглянем на это звено дантовского труда как на **непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство** <...>. Образное мышление у Данта, так же как во всякой истинной поэзии, осуществляется при помощи свойства поэтической материи, которое я предлагаю назвать обращаемостью или обратимостью»¹¹⁶.

«Дант выбран темой настоящего разговора <...> потому что он самый большой и неоспоримый хозяин **обратимой и обрабатываемой поэтической материи**»¹¹⁷.

* * *

К высям просвета какого
Уходит твой лиственный шум, –
Темное дерево слова...

О. Мандельштам (1910)

Попытаемся теперь получить некий «физический» результат, т. е. полезную для понимания М-текста проекцию приведенных в этом параграфе «метафизических» рассмотрений.

Отметим, залезая в материал п. 1.2.2, что важнейшим **дери-вативом от второй примарной матрицы** является установка на «непрерывность семантического отображения» (НСО-принцип)¹¹⁸.

НСО-принцип гласит: пусть имеет место отображение $f: A \rightarrow B$ одного М-текста A в другой М-текст B . Тогда, если рассмотреть «текстуальную точку» a в A и ее «образ» $f(a)$ в B , то

¹¹⁶ РД, конец гл. IV.

¹¹⁷ РД, конец гл. VI.

¹¹⁸ Когнитивисты, на языке своего северо-американского племени, наверное, назвали бы этот принцип **semantic-mapping-continuity-principle**.

семантики «небольших текстуальных окрестностей» a и $f(a)$ – с большой вероятностью равны (подобны)¹¹⁹.

Конечно, следовало бы здесь дать определения «отображения», «образа», «небольшой окрестности текстуальной точки», выражения «с большой вероятностью» и т. п. Но из соображений гуманности, мы вместо всего этого отсылаем к п. 1.2.3.3 (а), где описывается работа НСО-принципа и разбираются примеры использования соответствующей техники «на практике» для улучшения понимания М-текстов.

Все же один простейший (при этом крайне практически полезный) частный случай работы НСО-принципа приведем здесь: если имеются 3 «связанных» между собой и «близко» находящихся элемента A, B, C семантического пространства, и семантическое отображение F переводит элементы A и C в «близкие» «образы» $F(A)$ и $F(C)$, то где-то «близко» с **большой вероятностью** находится и $F(B)$:

$$F: (A, B, C) \rightarrow F(A), F(B)??, F(C)$$

1.2.2. Деривативные (производные от примарных) «установки» М-семантики, специфичные для нее.

Некоторые из рассмотренных ниже свойств упоминаются здесь бегло лишь «для полноты списка» и разбираются более подробно в других местах работы.

Тем самым, этот параграф является отчасти «диспетчерским»: здесь предъявляется список указанных «установок» и указывается, куда надо идти за более подробными рассмотрениями. Необходимо также отметить, что «семантические пространства» нижеследующих пп. 1.2.2.1 – 1.2.2.8 могут достаточно объемно «пересекаться».

1.2.2.1. Принципиальная установка на **повышенную динамичность** текста, на «динамизацию» текста. Этот феномен, как уже отмечалось выше, связан с установкой на взрыв/катастрофу (п.

¹¹⁹ Дж. Лакофф и М. Джонсон, фиксируя подобные явления в английской семантике, пишут: «Если значение формы A влияет на значение формы B , то, чем БЛИЖЕ форма A к форме B , тем СИЛЬНЕЕ будет влияние значения A на значение B » [190, с. 159–160].

1.2.1.1), точнее, имеет ее своим пределом, потому что, метафорически выражаясь, «взрыв» есть движение с «бесконечным» ускорением.

«Установка» Мандельштама на динамику уже давно отмечалась и анализировалась рядом исследователей¹²⁰.

Примеры текстов Мандельштама, в которых эксплицитно заявляется психологическая «установка» на динамику, движение, перемещение.

«Бродяга¹²¹ – я люблю движенье», сказал он о себе еще в 1912 г. в стихотворении «Шарманка»¹²².

О себе же в стих. «Автопортрет»: «В закрытыи глаз, в покое рук – / Тайник движенья непочатый./ Так вот кому летать и петь / <...> Чтоб прирожденную неловкость / Врожденным ритмом одолеть!»¹²³ (1914).

Э. Герштейн в своих мемуарах сообщает, что М был недоволен статичностью просмотренного фильма «Потомок Чингисхана»: «Он объяснял недовольно: кинематографу нужно ДВИЖЕНИЕ, а не статика»¹²⁴ (1929 ?).

В РД: «Произнося “солнце”, мы совершаем как бы огромное ПУТЕШЕСТВИЕ <...> говорить – значит всегда находиться В ДОРОГЕ» (1933).

«Надо всегда путешествовать, а не только в Армению и в Таджикистан», – в письме к М. Шагинян¹²⁵ (1933).

¹²⁰ Например, С. Шиндин в статье 1996 г. говорит об идее «активной, динамической нестабильности, характеризующей мандельштамовский мир в целом и проявляющейся в самых разнообразных смысловых сферах» [31, с. 353].

¹²¹ Ср. более позднее высказывание Ахматовой о Мандельштаме (в материалах П. Лукницкого): «Это был человек с душой БРОДЯГИ в самом высоком смысле этого слова, что и доказала его биография. Его вечно тянул к себе юг, море, новые места» [57, с. 85]. Ср. также (пусть несколько обиженно-раздраженное) высказывание Тициана Табидзе о пребывании Мандельштама в Грузии (1921) в заметках 1922 г.: «...этот голодный БРОДЯГА, Агасфер, пользовался случаем и попрошайничал», цит. по [94, с. 91].

¹²² [I, с. 287].

¹²³ [I, с. 295].

¹²⁴ [8, с. 17]. Л. Панова по близкому поводу пронципательно отмечает, что некоторые стихотворения Мандельштама «построены не по принципу “статической” живописи, а по принципу “движущейся” живописи, которой и является кинематограф в самых лучших своих проявлениях» [142, с. 216].

¹²⁵ Цит. по [64, с. 287].

«Жизнь – это ДВИЖЕНИЕ, событие – его нельзя описать. <...> поэзия понимается <...> как отказ от твердых форм значения за счет углубления роли сочетаний. Здесь куча частных. Программа: все это В ДВИЖЕНЬЕ. О нем, О ДВИЖЕНЬЕ, написан “Дант”», – в разговоре с С. Рудаковым¹²⁶ (1935).

В очерке о Михоэлсе Мандельштам пытается передать «иудейскую динамику движения», говоря о театре «иудаистического актера» Михоэлса: «...сила еврейства в том, что оно выработало и пронесло через столетия ощущение формы и ДВИЖЕНИЯ, обладающее всеми чертами моды, непреходящей, тысячелетней». «Вся сила юдаизма, весь ритм отвлеченной пляшущей мысли, вся гордость пляски <...> уходит в дрожание рук, в вибрацию мыслящих пальцев, одухотворенных, как членораздельная речь»¹²⁷. В черновых набросках: «...это пляска мыслящего тела, которой учит нас Михоэльс», «...трудный и славный путь от иудейской созерцательности <...> к раскованной мудрой пляске...»¹²⁸.

Там же Мандельштам говорит об искусстве Михоэлса: «... тогда стираются границы национального и начинается ХАОС трагического искусства. <...> еврейскому <нрзб> из Москвы мелькает тень Еврипида».

Здесь дело в том, что для Мандельштама «хаос» не есть статический антином греческого «порядка-космоса», но динамический маркер трагического процесса и его результата, например, процесса и результата разрушения. Например, в ШВ «иудейский хаос» = «иудейские развалины»¹²⁹.

¹²⁶ В письме С. Рудакова, цит. по [8, с. 130–131].

¹²⁷ Ст. «Михоэльс» (1926) [II, с. 307–308].

¹²⁸ [II, с. 374].

¹²⁹ Ср. рассмотрение В. Топоровым пары: «порядок vs. беспорядок» Хаоса. В своей работе о концепте «движения» он рассматривает оксюморон «**беспорядок vs. порядок** первозданного Хаоса». Если вместо «Хаос» подставить известное выражение Осипа Мандельштама «хаос иудейский», мы получим дискурс выдающегося русского ученого об «оксюморонности» еврейской культурно-цивилизационной системы: «В ходе творения Творец преодолел Хаос <...>. Тем не менее, было бы ошибкой вывести из этой полной противоположности исходного и обретенного состояний заключение об абсолютном отвержении хаотической стихии Творцом. <...> И “беспорядок” Хаоса – его порядок, хотя и совсем непохожий на порядок космологически организованной Вселенной,

Замечательная иллюстрация к способу понимания Мандельштамом взаимодействия управляющих матриц «информационности» (см. ниже п. 1.2.2.2) и «динамичности» – это высказывание¹³⁰ в разговоре о стихотворении «Вы помните, как бегуны...», приводимое в комментарии Н. Мандельштам: «о старике, который бежит быстрее, потому что он больше знает»¹³¹.

Еще один пример стремления Мандельштама нащупать «язык движения» и описать его, мы встречаем в набросках к очерку «Французы», на этот раз в контексте живописи: «И я начинал понимать, <...> что цвет не что иное, как чувство старта, окрашенное дистанцией...»¹³².

В «Канцоне» Мандельштам сказал про красный цвет, связанный для него в этом тексте с еврейством («малиновая ласка начальника евреев»), что «в красной [краске] – нетерпенье» (перед стартом, который есть **взрыв!**).

1.2.2.2. Установка на **максимальную «информативность»** текста. Этот феномен, как уже отмечалось выше, связан с установкой на взрыв/катастрофу (см. 1.2.1.1), точнее, имеет ситуацию «взрыва» своим пределом¹³³. Дело здесь в том, что в точке семантического «взрыва» резко и скачкообразно возрастает (стремится к своему пределу, т. е. к «бесконечности») «информативность» текста.

Ю. Лотман пишет фактически про эту связь, описывая некоторую общую ситуацию: «Будущее¹³⁴ предстает как пространство возможных состояний. <...> Настоящее – это вспышка еще не развернувшегося смыслового пространства. Оно содер-

<...> порядок, поскольку в нем <...> потенция движения, «иррационального», отрицательно ориентированного «анти-движения»...» [77, с. 17]. Ср. здесь геометрическую метафору движения («анти-движения!») по неориентируемому «листу Мёбиуса».

¹³⁰ По-видимому, скрытая цитата из М. Ср. в РД: «В дантовском понимании учитель моложе ученика, потому что «бежит быстрее»» [II, с. 217].

¹³¹ См. [2, с. 421].

¹³² [II, с. 361].

¹³³ Как и установка на динамику (п. 1.2.2.1).

¹³⁴ В нашем контексте, «будущее» Лотмана – это «будущее» текста в «рекурсивной модели порождения» (см. ниже п. 1.3.1), рассматриваемое из данной точки текста.

жит в себе потенциально все возможности будущих путей развития. Важно подчеркнуть, что выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью – в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность. Поэтому он обладает очень высокой степенью **информативности**. Одновременно момент выбора есть и отсечение тех путей, которым суждено остаться лишь потенциально возможными, и момент, когда законы причинно-следственных связей вновь вступают в свою силу.

Момент взрыва – одновременно место **резкого возрастания информативности** всей системы. Кривая развития¹³⁵ перескакивает здесь на совершенно новый, непредсказуемый и более сложный путь. Доминирующим элементом, который возникает в итоге взрыва и определяет будущее движение, может стать любой элемент из системы или даже элемент из другой системы¹³⁶, случайно втянутый взрывом в переплетение возможностей будущего движения. Однако на следующем этапе он уже создает предсказуемую цепочку событий»¹³⁷.

Интересно, что Лотман в этом пассаже широко пользуется геометрической метафорикой: пространство, путь, кривая. Это представляется неслучайным: по-видимому, сам концепт «взрыва» суггестирует в человеческом «сознании» некую систему геометрических представлений. У Мандельштама, кроме этого «общечеловеческого» свойства, еще и сам концепт «информации» тесно связан с геометрией, см. подробнее в п.1.5.

* * *

Отметим, что реальная информативность текста являлась для Мандельштама экзистенциально важным принципом.

В 1933 г. он писал про текст Данта и свой собственный:

«...читая песни Данта, мы получаем как бы **информационные сводки** с поля военных действий»¹³⁸.

В 1934 г. он сказал (о Белом и о себе):

¹³⁵ В наших рассматриваниях – это «кривая развития (движения)» текста.

¹³⁶ У Мандельштама этой другой системой чаще всего служит другой «вербальный» язык.

¹³⁷ Лотман Ю. Культура и взрыв. М., 1992. С. 28–29.

¹³⁸ «Разговор о Данте», гл. 2 [II, с. 218].

Прямизна нашей речи не только пугач для детей – /
 Не бумажные дести, а **вести** спасают людей»
 [вариант: «нужны для людей»]¹³⁹.

Рефлексы этой жизненно важной установки можно найти в ЯКМ Манделъштама

Замечательный пример – это явное предпочтение в его «геометрии мира» «сильно-информативного» концепта «кривизны» «слабо-информативному» концепту «прямызны». Разбор этого яркого случая см. в гл. 2. п. 2.6, концептная пара *прямой vs. кривой.

Рефлексом «установки на информативность» является, разумеется, и специфичная для Манделъштама «мультилингвистичность» дискурса, т. е. его ориентация на использование всех доступных ему языков (включая невербальные: например, «язык музыки»), ориентация на «межъязыковую интерференцию», на использование разноязычных смыслов в высказывании и т. д. См. об этом подробнее в 1.2.3 (з).

Несколько подробнее о манделъштамовской «установке на информативность» см. в 1.2.3 (д).

1.2.2.3. **Установка на «оксюморонизацию»** текста, на частотное введение в текст т. н. «оксюморонных ситуаций», т. е. установка на **одновременное** присутствие, соединение и взаимодействие взаимоисключающих противоположностей, на «парадоксальность», на «двойничество», двойственность, «шизоидность», «дополнительность» в смысле Бора¹⁴⁰ и т. п.

¹³⁹ [I, с. 207, 535].

¹⁴⁰ «Квантово-механические» вербализации, аллюзии и метафоры в этом контексте – это, похоже, глубинно-обусловленная необходимость при попытке понять «странный мир» текста и «сознания» Манделъштама. Необычайно интересно, что Манделъштам это понимал. Уже упоминалось, что в черновых набросках к РД он заявил про Данта (и, конечно, про себя): «Дант может быть понят лишь при помощи теории квант» [72, т. 3, с. 402]. Отметим, что Ю. Левин (повидимому, не зная этого высказывания М) очень близко подошел к «квантовому ДПБ-описанию» в работе 70-х гг., говоря о разрушении «модального узуса» и «здорового смысла» в М-тексте: «Для здравого смысла предмет есть – или его нет, он сомнителен – или достоверен, желателен – или нежелателен и т. д. Эта-то определенность способа существования и разрушается <...> уже на самом по-

Этот феномен является частным случаем общей установки на «семантический взрыв» (см. п. 1.2.1.1). Дело в том, что «оксюморонная ситуация» – это семантический «взрыв» *par excellence*¹⁴¹, это точка неожиданного нарушения (прерывания) «гладкого» процесса восприятия текста реципиентом. Это, если применить математическую метафору, есть вхождение процесса рецепции в «особую точку», в «черную дыру», направление выхода из которой совершенно непредсказуемо¹⁴².

Присутствие этой матрицы, разумеется, было зафиксировано исследователями. Еще в статье «пяти авторов» (середина 70-х) отмечалось, что для поэтики Мандельштама характерно «подчеркивание смыслового единства мира путем проведения через *весь* текст <...> смысловых сочетаний, построенных по принципу логического противоречия (оксюмороны, амбивалентные антитезы и т. п.), что приобретает масштабы **глобального принципа, организующего мировоззрение**. Возникающий при этом комплекс имеет, как правило, характер “неслиянной нераздельности”. В нем одновременно сосуществуют противоположные смыслы...»¹⁴³.

верхностном (непосредственно обращенном к действительности) уровне возникает семантическая открытость, двойственность, дизъюнктивность, причем попытки замкнуть построение, внести определенность, например, выбрав один из членов дизъюнкции, **непоправимо разрушают смысл**» [187, с. 64–65].

¹⁴¹ Ю. Лотман пишет о более общей ситуации «динамического процесса в культуре»: «...состояние взрыва характеризуется моментом отождествления всех противоположностей. Различное предстает как одно и то же. Это делает возможным неожиданные перескоки в совершенно иные, непредсказуемые структуры организации. Невозможное делается возможным. Этот момент переживается как выключенный из времени...» [188, с. 245].

¹⁴² Отметим важное свойство М-текста: «оксюморонная ситуация» в тексте индуцирует «оксюморонное состояние» у реципиента (читателя, слушателя), независимо от количества предыдущих «рецепций» этого текста. Ю. Лотман анализирует подобное явление на примере театрального зрителя, «который второй раз смотрит пьесу: с одной стороны, он знает, чем она кончится, и непредсказуемого в ее сюжете для него нет. Пьеса для него находится как бы в прошедшем времени, из которого он извлекает знание сюжета. Но одновременно как зритель, глядящий на сцену, он находится в настоящем времени и заново переживает **чувство неизвестности**, свое якобы “незнание” того, чем пьеса кончится. Эти **взаимоисключающие переживания парадоксально сливаются в некое одновременное чувство**» [188, с. 196].

¹⁴³ [82, с. 297].

«Пять авторов» говорят здесь почему-то только о поэтическом тексте, в то время как рассматриваемый феномен имеет место и в прозе Мандельштама и, вообще, во всем дискурсе и даже поведении Мандельштама.

Конечно, вообще говоря, имеет место некое встроенное общечеловеческое «двойничество»¹⁴⁴. Но дело в том, что у М (и, вообще, в «еврейской» парадигме) это явление проявляется необычно мощно и вполне осознанно-программно¹⁴⁵.

Вот высказывания самого Мандельштама, подтверждающие этот «глобальный принцип»¹⁴⁶, организующий мировоззрение:

В статье «Франсуа Виллон» (1910) Мандельштам пишет¹⁴⁷: «Он сумел соединить **в одном лице** истца и ответчика. <...> Лирический поэт, по природе своей, – двуполое существо, способное к бесчисленным расщеплениям во имя внутреннего диалога. Ни в ком так ярко не сказался этот “лирический гермафродитизм”, как в Виллоне»¹⁴⁸.

В тексте <Литературный стиль Дарвина> (1932?) Мандельштам формулирует нечто вроде теоретической базы для этой своей психологической, поведенческой и творческой установки: «Я имею в виду закон ГЕТЕРОГЕННОСТИ, который побуждает художника соединять в один ряд по возможности РАЗНОКАЧЕСТВЕННЫЕ звуки, РАЗНОПРИРОДНЫЕ понятия и ОТЧУЖДЕННЫЕ друг от друга образы. <...> В поисках различных опорных точек он [Дарвин] создает настоящие ГЕ-

¹⁴⁴ Например, Г. Зиммель говорит: «В глубине нашей души кроется, очевидно, некий дуализм, который, не позволяя нам воспринимать картину мира как неразрывное единство, постоянно разлагает ее на целый ряд противоположностей» [цит. по 77, с. 78].

¹⁴⁵ С. Аверинцев писал об этом феномене в 1987 г.: «Мандельштам всегда искал **противоречий**, так сказать, **большой мощности**: они были **источником энергии** для его стихов» [95, с. 235]. Заметим, что здесь Аверинцев использует энергетическую (даже **взрывотехническую!**) метафорику.

¹⁴⁶ В монографии «Текст и мир...» (Глава 1) делается попытка рассмотреть этот «принцип» как одну из организующих «установок» («примарных матриц») диаспоральной еврейской цивилизации. См. еще об этом явлении в п. 1.2.3 в подразделе о просвечивании в тексте Мандельштама **мидрашной техники сагги-непор**.

¹⁴⁷ Как обычно (точнее, это станет для него отныне обычным) подставляя себя на место «объекта наблюдения», т. е., проще говоря, пишет о себе.

¹⁴⁸ [II, с. 138].

ТЕРОГЕННЫЕ ряды, т. е. группирует несхожее, КОНТРАСТИРУЮЩЕЕ, различно окрашенное»¹⁴⁹.

К этому же контексту относится и «оксюморонное» высказывание Мандельштама в статье «О природе слова» (1922) о (русском) языке, «который **одновременно** и скороход и черепаха»¹⁵⁰.

Даже в высказывании Мандельштама об идише проявилась эта установка на оксюморонность: «лишь потом я слышался этой певучей речи... с резкими ударениями на полутонах» («Шум времени»).

По свидетельству Н. Мандельштам, выражение из «Риторики» М. Ломоносова «сопряжение далековатых идей» «было очень ценимо Мандельштамом»¹⁵¹.

Следует заметить, что оксюморонность/«шизоидность» ашкеназской культурно-цивилизационной парадигмы резонировала с собственной шизоидностью Мандельштама, продуцируя совершенно неожиданные (часто неприемлемые) для окружающих поведенческие и творческие результаты.

Масса «оксюморонных» ситуаций присутствует в текстах и в устном дискурсе Мандельштама:

- (1910) «незвучный хор» («Слух чуткий парус напрягает...»)
- (1911) «в одном ощущеньи вся жестокость, вся кротость» («Дождик ласковый...») [34, с. 717]
- (1914) «в покое рук – тайник движенья» («Автопортрет»)
- (1919) «добрая свирепость» («В хрустальном омуте какая крутизна...»)
- (1920) «В сухой реке пустой челнок плывет», «А на губах, как черный лед, горит» («Ласточка»)
- (1920) «горячий снег» («Чуть мерцает призрачная сцена»)
- (1920) «крови сухая возня» («За то, что я руки твои не сумел удержать...»)
- (1922) «в убогой роскоши» (очерк «Шуба»)

¹⁴⁹ [II, с. 371–372].

¹⁵⁰ [II, с. 177].

¹⁵¹ [9, с. 417].

- (1922) «нет **старта**¹⁵², куда нужно скорее других доскакать» («О природе слова»)
- (1923) «зрячий взгляд слепого» («Ньюэн-Ай-Как», очерк)
- (1923) «зубов молочных ряд на деснах старческих» («Париж»)
- (1923) «печь, пышущая льдом» (ШВ, гл. «В не по чину...»)
- (1926) «очаровательно нелепый пешеход», «парадоксальный театр», «грустный восторг», «мудрое беснование», «страдальческий восторг» (<Михоэльс> и наброски)¹⁵³.
- (1927) «вкус отращения, доведенного до восторга» (ЕМ)
- (1928) «Иногда несчастные бывают очень счастливыми» (в разговоре с Э. Герштейн [8, с. 10])
- (1930) «Какая роскошь в нищенском селении» («Армения», 10)
- (1931) «робко приосанюсь», «и не живу, и все-таки живу» («Еще далеко мне до патриарха...»)
- (1931) «сухая <...> вода» («Отрывки из уничтоженных стихов»)
- (1931) «совестный деготь труда»¹⁵⁴ («Сохрани мою речь...»)
- (1931–32) «Его усталость была лишь скрытой формой энергии» (<Вокруг «Путешествия в Армению»>, гл. «Сухум»)
- (1934) «прямызна речей, запутанных, как честные зигзаги» («10 января...»)
- (1935) «безокружное в окружности», «**Черноречивое** молчание» («Чернозем»)
- (1935) «сухая влажность» («Стансы»)
- (1936) «снегом пышущий» («Эта область в темноводье...»)
- (1937) «складки бурного покоя» («Улыбнись, ягненок гневный...») и т. д.¹⁵⁵

¹⁵² Типичная для М «оксюморонная» метатеза противоположных смыслов: «старт» \leftrightarrow «финиш». М. Гаспаров в своем комментарии называет этот случай «**характерной** обмолвкой» [34, с. 515]. Заметим, что эта же «обмолвка» повторяется через 10 лет в набросках <Вокруг «Путешествия в Армению»>, гл. «Севан»: «Казалось, он **прорвал тесемку старта**» [II, с. 353].

¹⁵³ [72, т. 2, с. 448, 558–559]

¹⁵⁴ Совесть в М-тексте связана с белым цветом («белеет совесть...»), а деготь – архетипически черен.

¹⁵⁵ Сюда же, видимо, нужно отнести присутствующие у М стихотворные

1.2.2.4. Отдельно отметим важный частный случай феномена **оксюморонизации**, обсуждавшегося в п. 1.2.2.3. Это установка на выход в «запредельную для языка реальность»¹⁵⁶, в мир «за пределами» языка («И я выхожу из пространства...»), на котором пишется текст, т. е. «обычного» русского языка.

«“Вывод” в поэзии нужно понимать буквально – как закономерный по своей тяге и случайный по своей структуре в **ы х о д за пределы** всего сказанного»¹⁵⁷.

Неизбежным следствием этой установки на «выход в объемлющее семантическое пространство» является отказ от одного, пусть даже совершенного, языка («Мне хочется уйти из нашей речи...»)¹⁵⁸. Отсюда постоянное «вшивание» Мандельштамом других языков в ткань его русской речи, т. е. постоянное порождение «межъязыковых интерференций», см. об этом несколько подробнее в 1.2.3.

Вот как Ю. Лотман описывает общую оксюморонную ситуацию межъязыковой интерференции: «внешний мир, на

«двойчатки», т. е. варианты (например, концовки) с противоположными и дополнительными смыслами. М. Гаспаров, комментируя концовки стихотворения (1914) «Природа – тот же Рим...» и его варианта «Когда держался Рим в союзе с естеством...», отмечает: «Такие “двойчатки” с равноправными противоположными вариантами будут потом встречаться у ОМ все чаще» [34, с. 747].

¹⁵⁶ Выражение Ю. Лотмана, см. [188, с. 9].

¹⁵⁷ <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933) [72, т. 3, с. 406].

¹⁵⁸ Ю. Лотман, трансформируя некоторые идеи И. Канта, описывает общую соответствующую ситуацию: «Одним из центральных вопросов окажется вопрос перевода мира содержания системы (ее внутренней реальности) на внешнюю, запредельную для языка реальность. Следствием будут два частных вопроса: 1. **Необходимость более чем одного (минимально двух) языков** для отражения запредельной реальности; 2. **Неизбежность того, чтобы пространство реальности не охватывалось ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью.** Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир. Сама эта неспособность есть **не недостаток, а условие существования**, ибо именно она диктует необходимость *другого* (другой личности, другого языка, другой культуры). Представление об оптимальности модели с одним предельно совершенным языком заменяется образом структуры с минимально двумя, а фактически с открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир» [188, с. 9–10].

который культура глядит как на хаос, на самом деле тоже организован... соответственно правилам какого-то неизвестного данной культуре языка. В момент, когда тексты этого **внешнего языка** оказываются втянутыми в пространство культуры, происходит **взрыв**. С этой точки зрения взрыв можно истолковать как **момент столкновения чуждых друг другу языков**: усваивающего и усвояемого. Возникает взрывное пространство – пучок непредсказуемостей»¹⁵⁹.

При этом у Мандельштама в «дело» идут все сколько-нибудь знакомые ему языки, причем не только «вербальные», но и любые известные ему семиотические системы, например, «музыкальный язык», т. е. язык музыкальной метафорики, вплоть до использования метафор, связанных с нотной графикой: «... поэты говорят на языке всех времен, всех культур <...> Синтетический поэт современности <...>. В нем поют идеи, научные системы, государственные теории»¹⁶⁰.

Сам Мандельштам так говорит о феномене межязыковой интерференции: «Так в поэзии разрушаются грани национального, и стихия одного языка перекликается с другой через головы пространства и времени ибо все языки связаны братским союзом...братски родственны и по-домашнему аукаются»¹⁶¹.

1.2.2.5. Интенсивная **установка на интертекстуальность**. Неожиданная «врезка», суггестия в «своем» тексте семантического пространства «чужого» текста, «соединение несоединимого», является частным случаем «семантической катастрофы». В частности, происходит резкое нарушение гладкого темпорального процесса, т. е. проще говоря, у реципиента текста нарушается «нормальное» развитие восприятия времени. Об этом типе «семантического взрыва» Мандельштам пишет в РД:

«**Соединив несоединимое**, Дант изменил структуру времени, а может быть, и наоборот: вынужден был пойти на глоссологию фактов, на синхронизм разорванных веками собы-

¹⁵⁹ [188, с. 209].

¹⁶⁰ Ст. «Слово и культура» (1921), [II, с. 171–172].

¹⁶¹ Ст. «Заметки о Шенье» (1915) [II, с. 167].

тий, имен и преданий именно потому, что слышал обертона времени»¹⁶².

Психологической основой установки на интертекстуальность является уже упоминавшееся выше характерное отношение Мандельштама к миру как к единому тексту, к тому же исходящему из одной точки¹⁶³. Этот супер-текст включает (в идеале) все комментарии на самого себя¹⁶⁴.

С этим же феноменом связана принципиальная **«нелинейность, многомерность»** текста Мандельштама¹⁶⁵. В этом же поле – усиливающаяся с течением времени установка Мандельштама на коммуникативность, на процесс коммуникации¹⁶⁶ и вытекающая отсюда установка на **«диалогичность → полилогичность»** текста.

Эта установка на «обмен текстами» эксплицитно заявляется в «программных» текстах Мандельштама, начиная с самого раннего периода:

(1908) В непринужденности ТВОРЯЩЕГО ОБМЕНА

Суровость Тютчева – с ребячеством Верлена –
Скажите – кто бы мог искусно сочетать,
Соединению придав свою печать? [I, с. 262]

В массовой интертекстуальности творчества, в связывании между собой текстов, относящихся к разным временным и культурным пластам, в ориентации на включение **всех** тек-

¹⁶² «Разговор о Данте» (1933), [II, с. 251]. Понятно, что в «РД» М говорит больше о себе, чем о Данте.

¹⁶³ Ср. внедряемое в еврейской традиции представление о происхождении всего мира из буквы \aleph – первой буквы текста Пятикнижия.

¹⁶⁴ Все это, разумеется, отражает влияние на Мандельштама еврейского «традиционного» дискурса (см. подробнее в п. 1.2.3). «Рабочей моделью» упомянутого «супер-текста» является в рамках еврейской традиции текст Талмуда и текст «Устной Торы», не обязательно полностью фиксированный письменно, но постоянно расширяющийся, модифицирующийся и, в потенциале, «содержащий всё».

¹⁶⁵ См. об этом несколько подробнее в п. 1.2.3.2 (е).

¹⁶⁶ Ю. Левин писал в работе «Тридцатые годы» о семантике позднего Мандельштама: «ранний М. ориентирован на *предмет* (будь то референт или сам текст), в то время как поздний – на *процесс*» [187, с. 127].

стов в некий единый текст – причина «понижения профиля» автора-творца текста в восприятии Мандельштама¹⁶⁷.

В этом также глубинная причина того, что всю продукцию самого Мандельштама можно рассматривать как единый текст, включающий автокомментарий¹⁶⁸.

Ср. высказывание Мандельштама в РД про текст Данте и, как обычно, про свой собственный текст: «...комментарий (разъяснительный) – неотъемлемая структурная часть самой “Комедии”» [II, с. 253].

И. Семенко в 1968 г. писала про «интертекстуальные» свойства прозы М: «Фрагментарная запись – основа мандельштамовской прозы. <...> Отказ Мандельштама-прозаика от принципа “сплошного” повествования входил в систему его эстетических воззрений...»¹⁶⁹.

Г. Струве еще в середине 60-х в критической статье-предисловии к собранию Мандельштама говорил о технике стандартных семантических блоков для генерирования интертекстуальности у Мандельштама: «... в зрелых стихах Мандельштама встречаются в самых неожиданных сочетаниях, в самом непредвиденном контексте некоторые излюбленные слова-образы – «ласточки», «звезды», «соль». Это и есть те слова-Психеи, о которых он говорит, что они блуждают свободно вокруг вещи, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела. Эти блуждающие, упорно возвращающиеся слова играют роль своего рода сигнальных звончков, через них не связанные как будто одно с другим стихотворения друг с другом перекликаются»¹⁷⁰.

Еще раз повторим, что за всеми этими феноменами стоит удивительная похожесть устройства текста у Мандельштама на устройство талмудического и вообще традиционного еврейского текста.

Подробнее см. в 1.2.3 (в), (е), (ж).

¹⁶⁷ Подробнее см. в 1.2.3 (в).

¹⁶⁸ О «единстве» текста Мандельштама говорилось еще в «работе пяти» [82].

¹⁶⁹ Цит. по [51, т. 3, с. 369].

¹⁷⁰ [51, т. 1, с. LVIII].

1.2.2.6. Резко **повышенная метафоричность** текста.

Через пророков
изъяснялся Я подобьями

Осия 12, 10

Принципиальная установка на метафоризацию. Неожиданная, «провокативная» метафора («соединение несоединимого») является, разумеется, частным случаем «семантического взрыва» (см. начало п. 1.2.1.1). Ж. Дюбуа говорит: «Метафора... **«взрывает»** реальность, вызывает **шок**, высвечивая противоречивые стороны объекта»¹⁷¹. Именно в этой установке на «взрыв семантической логичности», на «культурный шок» – главное «идеологическое» своеобразие метафорической системы Мандельштама¹⁷².

Вот «программные» для этого контекста высказывания Мандельштама:

«**Воздух дрожит** от сравнений <...> **Земля гудит** метафорой»¹⁷³,

«Сравнения – суть членораздельные **порывы**»¹⁷⁴,

«**Соединив несоединимое**, Дант изменил структуру времени...»¹⁷⁵.

Подробнее об этой важнейшей для Мандельштама установке см. в пп. 1.2.3 (6) и 1.5.

1.2.2.7. **Повышенная частотность и рутинность «игры слов»**, которая для Мандельштама является совсем не «игрой», а стандартной (установочной) семантической техникой. С этим феноменом связана **ориентация на полисемантичесность** от-

¹⁷¹ Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М., 1986. С. 202. Цит. по [189, с. 30].

¹⁷² Разумеется, это не относится к «забыванию готовых [метафорических] гвоздей», ненавидимому Мандельштамом.

¹⁷³ Стих. «Нашедшему подкову» (1923), [I, с. 146].

¹⁷⁴ «Разговор о Данте», гл. 11, [II, с. 253].

¹⁷⁵ «Разговор о Данте», гл. 11, [II, с. 251]. Напомним, что в «РД» М говорит больше о себе, чем о Данте.

дельных слов, сочетаний и целых блоков текста. В этом же ряду феноменов стоит имеющая место у Мандельштама **установка на «ресемантизацию» русских лексем.**

«Скучен мне понятный наш язык!»¹⁷⁶

«Я люблю непонятный язык!»¹⁷⁷

Подробнее об «игре слов» и о «ре-семантизации» в М-тексте см. в п. 1.2.3.2 (и), пп. 2.5.3 и 2.7.

1.2.2.8. Установка на «**разрушение**» синтаксиса», на «**отказ**» от синтаксиса.

Вот высказывания Мандельштама из РД:

«Нет синтаксиса – есть **намагниченный порыв**»¹⁷⁸. Другими словами, это направленный **взрыв.**

«Другими словами – нас путает синтаксис»¹⁷⁹.

Подробнее об этой установке см. в 1.2.3 (к).

1.2.2.9.¹⁸⁰ Еще одной матрицей в М-семантике, требующей отдельного рассмотрения, является установка на «отрицание нормальной русской семантики» и на **расхождение со «стандартной» русской «языковой картиной мира» (Р-ЯКМ), вообще, со стандартной русской семантикой**¹⁸¹. Имеет место резкое и осознанно-намеренное расхождение и даже противоположность в ряде «ключевых» концептов «стандартной» русской ЯКМ и ЯКМ Мандельштама. Это проявляется, в частности,

¹⁷⁶ (1909), [I, с. 457].

¹⁷⁷ (1911), [34, с. 717].

¹⁷⁸ «Разговор о Данте», гл. 10, [II, с. 250].

¹⁷⁹ Там же, гл. 11, [II, с. 254].

¹⁸⁰ Эту семантическую установку Мандельштама впервые подробно рассмотрел Ю. Левин в работе 1973 г., называя этот феномен «апофатичностью», а поэтику Мандельштама – «негационной» [187, с. 55–64]. Ю. Левин, в частности, говорит: «они [негативные построения – Л.Л.], как и рассмотренные ранее приемы, служат средством **разрушения модального узуса. Цель такого разрушения – в выходе за рамки здравого смысла** в подходе к способу существования предметов, событий, ситуаций» [187, с. 64].

¹⁸¹ При этом в процессе генерирования текста часто используется «НЕ-оператор», см. п. 1.3.2.5.

в несовпадении ряда ключевых «культурных скриптов» Мандельштама со «стандартными» русскими скриптами. Можно сказать, что имеет место сознательный уход Мандельштама от «стандартной» русской ЯКМ¹⁸².

Эту психолингвистическую матрицу, необходимо приводящую к своеобразной катастрофе (бифуркации) «гладкого процесса» взаимодействия с окружающей культурно-цивилизационной средой, так же удобно рассматривать как дериватив от общей установки на «взрыв». См. об этом феномене подробнее в главе 2.

1.2.3. Можно ли говорить о «еврейскости» семантики текста Мандельштама? Текст Мандельштама в сопоставлении с традиционным еврейским текстом (Талмуд, Мидраш, идиш-дискурс и т. п.)¹⁸³.

странным шопотом Талмуда...

*В. Розанов*¹⁸⁴

1.2.3.1. **Основной тезис:** текст Мандельштама часто совершенно удивительным образом напоминает традиционный ев-

¹⁸² О попытках такого рода «ухода» см. статью Л. Городецкий «Двурушник я...», Вопросы литературы, 2009, №5 (основной текст статьи воспроизводится в п. 3.2).

¹⁸³ Этот параграф был опубликован (с не существенными отличиями) как отдельная работа в Вестнике Пермского университета (ПГУ), 2010, №4. Но отдельные «куски» содержались в монографии «Текст и мир...» (2008).

¹⁸⁴ *Розанов В.* Магическая страница у Гоголя // Весы. – 1909. – №8. С. 37.

рейский текст, т. е. Талмуд¹⁸⁵, или Мидраш¹⁸⁶, или Каббалу¹⁸⁷,

¹⁸⁵ Определения «талмудист», «талмудический» и т. п. начали применяться к самому Мандельштаму и его тексту давно. Интересно, что еще соученик Мандельштама по Тенишевскому училищу Борис Синани называл М «оратором-талмудистом», по-видимому, имея в виду какие-то особенности его дискурса [150, с. 34]. М. Эпштейн в эссе конца 80-х также называет Мандельштама «талмудистом», сравнивая его с Пастернаком, которого Эпштейн квалифицирует как «касида». Эпштейн пишет одновременно про текст Мандельштама и Пастернака: «Речь отчуждена от языка – словно бы проступает в ней другой язык, подлежащий многозначной, хитроумной расшифровке. Чтобы разгадать эту систему отсылок, переносов, аллюзий, сквозящую иным, еще не прочитанным текстом, каждый читатель поневоле становится **талмудистом** и каббалистом». Эпштейн указывает на принципиальную интертекстуальность дискурса Мандельштама, на его ориентацию на комментарий. Он говорит, что Мандельштам «...стал **величайшим талмудистом** именно на светском поприще, превратив поэзию в своеобразную **талмудическую дисциплину**, кропотливое и законопослушное истолкование знаков мировой культуры. Культура выступает как священная книга, требующая все новых добросовестных комментариев и расшифровок» [149]. О некоторых «талмудических» особенностях текста Мандельштама упоминает и Н. Поллак в монографии [133]. Л. Видгоф в статье «О «чертежнике пустыни» Мандельштама» подчеркивает совпадение некоторых представлений Мандельштама о «слове» с идеями Талмуда и книги *Zohar* [143, с. 412]. Однако, это – (безусловно, верные) обще-идеологические характеристики: существенного конкретного анализа влияния «еврейского традиционного текста» на текст Мандельштама эти авторы не делают.

¹⁸⁶ О. Ронен в статье «Осип Мандельштам» (1986) пишет о «древней толковательской деятельности – **талмудической традиции гетто, исподволь определившей отношение поэта** и к слову, и к вселенскому своду мировой поэзии», цит. по [2, с. 502]. Однако, *что* значит «исподволь» и *как* воздействовала «толковательская традиция» на отношение Мандельштама к слову, Ронен не говорит.

¹⁸⁷ С. Гехт в газетной критической статье («Вечерняя Москва», 16 марта 1933) так высказался о «Путешествии в Армению»: «...ясность покинула последнюю прозу Мандельштама, в иных местах она **звучит каббалистически**. Выдрана арматура, скрепляющая бетон его художественного здания. <...> борются в нем поэт-современник и поэт-книжник [снова «традиционный» еврейский термин – Л.Г.]». Вообще, Гехт был первый (если не считать высказывания Синани в школьном журнале), кто в печати эксплицитно обратил внимание на еврейские традиционные корни дискурса Мандельштама. Но следует отметить, что еще раньше Н. Берковский в замечательной критической работе «О прозе Мандельштама» (1929) описывает свойства текста Мандельштама так, что характеристика «талмудический» проступает между строк: «... Мандельштам с умыслом именует вещи невольно, **берет их «не той рукою»** [это выражение из «субботного» контекста – прямая аллюзия на еврейские

или традиционный идиш-дискурс. Это выражается, прежде всего, в системном совпадении некоторых принципов «генерирования» текста. При этом Мандельштам «идеологически совпадает» с традиционными еврейскими авторами в своем отношении к концепту и реальности «Текста».

Он сам сказал про феномен своего отношения к «тексту» в провокативном (и явно не предназначавшемся для публикации) пассаже в своей «Четвертой прозе» (1929/30): «Кто же, братишки, по-вашему, больше филолог: Сталин, который проводит генеральную линию, большевики, которые друг друга мучают из-за каждой буквочки, заставляют отречься до десятых петухов¹⁸⁸, – или Митька Благой с веревкой? По-моему – Сталин. По-моему – Ленин. **Я люблю их язык. Он мой язык**»¹⁸⁹. Далее, в конце «Четвертой прозы»: «Ленин и Троцкий ходят в обнимку... Ходят два еврея..., и один все спрашивает, все спрашивает, а другой **все крутит**, все крутит, и никак им не разойтись».

Уместно сравнить с этими высказываниями широко известную инвективу Лютера против «извращенной экзегетики тал-

традиционные корни! – Л.Г.], вместо “постижений” у Мандельштама остроумная словесная игра <...> из “широкого” факта готовится **аббревиатура**, стиснутый в малом пространстве отвар специфического. <...> Мандельштам работает в литературе, как на монетном дворе. Он подходит к грудам вещей и дает им в словах “денежный эквивалент”, приводит материальные ценности, громоздкие, занимающие площадь, к удобной монетной аббревиатуре», цит. по [167, с. 155 и далее].

¹⁸⁸ Т. е. именно «книжники» = «фарисеи» = «талмудисты», для которых сакральный текст – это весь мир, манипуляция миром – это манипуляция текстом, ради которой они мучают друг друга, заставляют (как новозаветного Петра) признавать «сакральность» текста или отречься от текста и т. д.

¹⁸⁹ Т. е. язык еврейского **мидраша**, приписываемый Мандельштамом большевикам, независимо от их этничности (в частности, Ленину и Троцкому, см. след. цитату из ЧП) – это язык Мандельштама. Этот отрывок, завершающий 8-ю главу ЧП, приводится А. Морозовым в его комментариях к изданию: *Мандельштам О. Шум времени*. М., 2002. С. 283. Устно Морозов сообщал (по свидетельству С. Василенко), что он успел переписать этот отрывок с одного списка ЧП, находившегося у Н.Я. Мандельштам, после чего этот кусок был кем-то (предположительно, самой Н.Я.) оторван, и даже остались следы отрыва.

мудистов¹⁹⁰», которые «versuchen, drehen, deuten, martern fast alle Wort», т. е. «испытывают, крутят, толкуют, мучают почти каждое слово»¹⁹¹.

* * *

1.2.3.2. Основные «идеологические» точки пересечения (совпадающие установки).

Рассмотрим подробнее точки совпадения «идеологии текста», установок, связанных с текстом, структуры текста: (а) у Мандельштама и (б) в той сложной культурно-цивилизационной системе, которую можно условно назвать «еврейской диаспоральной (пост-библейской, талмудической и т. п.) цивилизацией»¹⁹².

Все нижеприводимые феномены «семантически ориентированы», т. е. непосредственно воздействуют на порождаемый «смысл текста» Мандельштама.

(а) Мир как текст.

Следует подчеркнуть, что характерное для еврейской «традиционной системы» отношение к миру как к единому тексту, отношение к порождению собственного текста (а также к чтению и интертекстуальной интерпретации читаемого текста) как к экзистенциально главному средству¹⁹³ познания мира, главному средству для ориентации в мире, для манипулирования окружающим миром¹⁹⁴, и даже для управления собственным

¹⁹⁰ Т. е. тех же фарисеев, толкующих букву Св. Писания.

¹⁹¹ Цит. по: Еврейская Энциклопедия. СПб., 1905–1912. Т. X, кол. 445. Заметим, что там слово *versuchen* неточно переведено как «исследуют».

¹⁹² В монографии Городецкий Л. Текст и мир... (две первые главы) аргументируется, что Мандельштам экзистенциально является неким «фокусом» основных установок (матриц) «еврейской цивилизации». В частности (но эта частность крайне важна), это проявляется в его отношениях с «Текстом».

¹⁹³ При этом самому «надежному» средству. Ср. высказывание Мандельштама о книге: «Из всего материального, из всех физических тел книга – предмет, внушающий человеку наибольшее доверие» [II, с. 121].

¹⁹⁴ Ср. присутствующее в еврейской мистической традиции (каббале) стремление к *тикун ha'олам* (совершенствованию мира) с помощью языка, т. е. посредством управления аппаратом порождения текста. Вот соответствующее вполне «каббалистическое» высказывание Мандельштама – в Воронеже

поведением¹⁹⁵, – в высшей степени характерная черта личности Мандельштама¹⁹⁶.

Е. Таборисская в работе 1990 г. определила это явление так: «...у Мандельштама – первенство словесного образа, подчиняющего себе реальные явления и их пропорции» [71, с. 518]. Сравним близкое по смыслу высказывание М. Бубера¹⁹⁷: «у евреев недостаточно развито отношение к бытию».

Интересно видеть, как Мандельштам пытается соединить это свое традиционно «иудаистическое» восприятие мира как текста, исходящего из одной точки, с новейшими (для начала 30-х гг.) идеями физики:

«**Окончательное** дотошное описание материи упирается в световой эффект... Идеальное описание [материи] свелось бы к **одной-единственной пан-фразе**, в которой сказалось бы **все бытие**»¹⁹⁸.

Ср. внедряемое еврейской традицией представление о происхождении всего мира из буквы **ב** (*bet*) – первой буквы текста книги Бытия (*Берешит*), из которой «выходит» бегущая справа налево строка («**пан-фраза!**»), описывающая «**все бытие**». В стих. «К немецкой речи» (1932) Мандельштам вводит образ этой строки: он пишет, акцентируя графему и звук Б: «Я буквой **был**, **был** виноградной **строчкой**, я **книгой** [**Вuch**] **был**...».

в разговоре с С. Рудаковым: «Подлинная поэзия **перестраивает жизнь**, и ее бояться», цит. по [210, с. 68].

¹⁹⁵ Например, **главная** акция в ситуации «измены жене» для Мандельштама – это создание **текста**, обращенного к другой женщине. Н. Мандельштам пишет в своих мемуарах: «...он [Мандельштам] болезненно переживал всякое стихотворение, обращенное к другой женщине, считая их несравненно большей изменой, чем все другое» [159, с. 152]. Губительная ситуация «измены родине», актуализированная в СССР к началу 30-х гг., точно так же связывается у Мандельштама, прежде всего, с чтением (губами) или созданием **текстов** на «чужих наречиях»: «не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть», «получишь уксусную губку ты для изменнических губ», «себя губя... мне хочется уйти из нашей речи» и т. п. Отчасти – это преломление у Мандельштама традиционной русской «цивилизационной» установки на подозрительное отношение к текстам на «чужих наречиях».

¹⁹⁶ Как и всей диаспоральной «еврейской цивилизации», см. монографию [200], pp. 1.1, 1.5.0 и 1.5.1.

¹⁹⁷ Известный еврейский философ первой половины 20-го века.

¹⁹⁸ <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931–32) [II, с. 367].

Еще раз отметим, что текст книги Бытия, в этой системе представлений, есть текст, «описывающий мир» и при этом сам являющийся этим миром (Текст = Мир). Тем самым, это есть автореферентный перформативный текст *par excellence*. В то же время, этот текст воспринимается как архетип еврейского традиционного текста и, тем самым, программирует повышенную перформативность всех такого рода текстов.

Эта традиционная система отношений Мир ↔ Текст мощно резонировала с «внутренними» представлениями М, что нашло выражение в его собственной установке на текстуальную перформативность. Несколько подробнее об этом см. ниже в п. 1.2.3.2 – (л).

(б) Принципиальная метафоричность. Использование метафоры как способа изучения «Мира-Текста».

Разумеется, любой поэт в той или иной степени является генератором метафор¹⁹⁹. Но в случае Мандельштама это осознанно и принципиально делается «главной установкой» при попытках осознать происходящее в мире и при порождении любого (не только стихотворного) текста²⁰⁰.

В программном тексте «Нашедший подкову» (1923) Мандельштам пишет: «Воздух дрожит от сравнений... Земля гудит метафорой».

В набросках к РД (1933) Мандельштам подчеркивает, что эта установка имеет для него важнейшее, экзистенциальное значение:

«Я сравниваю, значит я живу – мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять

¹⁹⁹ При этом литераторы определенного склада как бы «не ориентированы» на метафору. Вот что писал Б. Эйхенбаум в работе 1922/23 г. о поэтике Ахматовой: «Недаром Ахматова избегает метафор – они уводят нас от слова к представлению и тем самым нарушают равновесие, делая стих ненужным. Развитие метафоры неизменно разлагает стих как таковой и приводит его к прозе» [191, с. 109].

²⁰⁰ Б. Успенский в статье «Анатомия метафоры у Мандельштама» пишет: «метафора Мандельштама выступает как средство филологического познания мира» (Успенский Б. Поэтика композиции. СПб., 2000. С. 330). Сам Мандельштам пишет в РД, что поэзия не пересказывает и не «отображает» природу, но «разыгрыва[ет] природу при помощи орудийных средств...» [II, с. 214].

другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть – сравнение»²⁰¹.

Это полностью накладывается на соответствующую «метафоризирующую» установку еврейского «традиционного» дискурса²⁰²: как «талмудического»²⁰³, так и идиш-дискурса²⁰⁴. См. ниже «технику порождения метафоры» в параграфе «техника мидраша».

Несколько заостряя, можно сформулировать нечто вроде «мета-метафоры»: метафорика Мандельштама – это **мидраш** на свой собственный текст, «авто-мидраш»²⁰⁵.

(в) Установка на интертекстуальность.

Очевидную (отмеченную многими исследователями) резкую ориентацию Мандельштама на интертекстуальность следует, по-видимому, рассматривать как частное проявление общей «еврейской матрицы медиативности» в жизненном поведении Мандельштама²⁰⁶.

Характерную для Мандельштама полифонию текста («семантический контрапункт», «расщепленное сознание» генератора текста и т. п.) удобно рассматривать как частное проявление этой общей установки на интертекстуальность: связывание, склеивание множества текстов в один и т. д.

Все это совершенно рутинные свойства «традиционного» еврейского текста, от Талмуда до идиш-дискурса.

²⁰¹ <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933) [72, т. 3, с. 406]

²⁰² Эта установка имеет древние библейские корни, ср. в Библии: «через пророков говорю Я притчами» (Книга пророка Осии 12, 11). Т. е. Творец говорит «ситуационными подобиями», «ситуационными метафорами»: здесь в библейском тексте используется ивритский глагол *адамме* = 'делаю подобным, сравниваю'. Напомним пассаж Мандельштама в «Подкове»: «Воздух дрожит от сравнений... Земля гудит метафорой».

²⁰³ Ср. одно из самых частотных «структурирующих» выражений «талмудического» дискурса: *le-ma ha-davar dome?* = «на что эта вещь (ситуация) похожа?»

²⁰⁴ О гипертрофированной метафоричности идиш-дискурса см. например, книгу: Weх M. Born to Kvetch, NY, 2005.

²⁰⁵ Яркая (к тому же, важная для наших рассмотрений) иллюстрация – это аппарат иноязычных интерференций в М-тексте.

²⁰⁶ См. [200], п. 2.1.3.

Одно из «практических» проявлений специфической гипертрофированной интертекстуальности у Мандельштама – это частотное цитирование различных авторов (разумеется, без указания авторства)²⁰⁷. Мандельштам относится ко всему корпусу текстов мировой литературы как к «своему хозяйству»²⁰⁸.

О. Ронен в упоминавшейся статье «Осип Мандельштам» (1986) пишет об этом:

«Боги – предмет его размышлений – оказываются сродни домашним божкам, **поэтам прошлых эпох**, которых “позволено” ввести в собственные стихи следующим уникальным способом: посредством **превращения цитаты в чисто поэтический прием**, в нечто вроде дистанцированной рифмы»²⁰⁹.

Это можно сравнить – и сравнение будет совершенно не случайным – с известным «хозяйственным» отношением Баха к мировой музыке. Но у Мандельштама идеологический «корень» обсуждаемого феномена – в специфике отношения еврейской «текстуальной традиции» к авторству. Процитируем (с указанием авторства!) высказывание об этом феномене современного исследователя традиционных еврейских текстов:

²⁰⁷ Н. Мандельштам вспоминает: «Он [М] сам говорил, что “подражает” всем, даже Бенедикту Лившицу» [159, с. 198]. В статье «Слово и культура» М пишет: «глубокая радость повторения охватывает его [поэта]», «поэт не боится повторений» [II, с. 170]. Следует отметить, что в этом намеренном «понижении профиля» автора и в «радости повторения» (это буквально *иудаистическое* выражение: «радость Мишны», ивр. *мишна* = «повторение!») – одна из основных точек сближения М и еврейской текстуальной традиции.

²⁰⁸ Ср. высказывание А. Калецкого, воронежского знакомого Мандельштама о нем в письме 1935 г.: «Очень умный, путанный человек <...>, говорящий **о стихах, как о своем хозяйстве**», цит. по [210, с. 41]. Не случайно даже С. Рудаков, маленький воронежский Сальери, всерьез встревожен тем, что Мандельштам может присвоить какие-то его, рудаковские, поэтические образы, строки и т. п. (там же, с. 55). Он же описывает в более позднем письме совместное с Мандельштамом чтение Данта, и то, как Мандельштам приватизирует текст Данта: «Главное же – близость его “толкования” его стихам. Это похоже в филологическом смысле на отсебятину, но очень своеобразную, глубочайшую – если понять, присмотреться» (там же, с. 133).

²⁰⁹ Цит. по [2, с. 512]. Ронен далее цитирует известную «программную» строку из стих. «Есть целомудренные чары...» (1909): «Иных богов не надо славить: Они как равные с тобой! И, осторожную рукой,/ Позволено их переставить».

«...здесь²¹⁰ правило “не забудь указать на источник информации” соблюдалось куда менее строго. **Современного понятия авторского права** тогда не существовало, и знаток Торы, услышавший от своего коллеги интересный комментарий, красивую притчу или хлесткую поговорку, мог повторять их, когда выдавался подходящий случай, не считая нужным сообщать, из чьих рук он все это получил или извиняться за “плагиат”. По словам мудрецов Талмуда, Тора была дана еврейскому народу в пустыне: как пустыня – “ничейная земля”, так и Тора не имеет определенного владельца – она принадлежит каждому, кто хочет ее изучать»²¹¹.

Все это как будто написано про Мандельштама²¹², только Тора для него – это мировое пространство Текста, что-то вроде «мирового текстуального хронотопа»²¹³, что опять же вполне хорошо коррелирует с еврейским традиционным мировоззрением, см. пункт (а).

²¹⁰ Имеется в виду Агада – часть Талмуда, в ряде аспектов очень «близкая» к дискурсу Мандельштама.

²¹¹ Шинан А. Мир аггадической литературы. Иерусалим, 1990. С. 168.

²¹² Который уже в раннем стихотворении сказал: «Я забыл ненужное “я”» («Отчего душа так певуча», 1911).

²¹³ В особенности чудовищным, с точки зрения европейски образованных «блустителей авторских прав», выглядело «свободное» отношение Мандельштама к этим правам в переводческой сфере. В статье «О переводах» (1929) Мандельштам даже подводит нечто вроде идеологической базы под «не совсем корректное» обращение с чужим текстом. Он призывает переводчиков: «Никто нам не мешает **бороться** [! – Л. Г.] с автором самой книги, как это делают с кадрами в кино: автор примечаний **вгрызается** в текст, становится **участником** действия <...>. Откуда такая робость, товарищи? Раз мы взяли книгу в работу, то можем **повернуть ее** так, как нам потребуется». Именно в этой традиционной «еврейской» идеологии свободы манипулирования «чужим» текстом – глубинная причина претензий к Мандельштаму со стороны А.Г. Горнфельда, чьи «авторско-финансовые» права и чувства были жестоко задеты Мандельштамом в ситуации с переводом «Уленшпигеля». Для респектабельного русского (независимо от своего этнического происхождения) интеллигента Горнфельда вся эта традиционная еврейская «интертекстуальность» Мандельштама являлась сплошным безобразием и хулиганством.

(г) Комментарий для Мандельштама важнее комментируемого.

Вот характерное для этого контекста высказывание Мандельштама: «Уничтожайте рукопись, но сохраняйте то, что вы начертали сбоку...»²¹⁴. Это высказывание «оксюморонно», потому что, в понимании Мандельштама (и в соответствии с традиционной установкой «еврейской цивилизации») ²¹⁵, маргиналии способствуют **сохранению** ядерного текста²¹⁶.

Фактически об этом же Мандельштам говорит в «Разговоре о Данте»: «...сохранность черновика – закон сохранения энергии произведения»²¹⁷. Ср. еще высказывание Мандельштама в РД про текст Данте (и, конечно, свой собственный): «...комментарий (разъяснительный) – неотъемлемая структурная часть самой “Комедии”»²¹⁸.

(д) Установка на «информативность» текста, на «инновацию», на повышенную плотность информации в М-тексте. Массовость и рутинность «сверток» и сокращений в М-текстах.

Установка на постоянную модификацию, на «контролируемое обновление» «супертекста Мира» соответствует психологической установке еврейской традиции на постоянный и повсеместный (то есть «хронотопический») *хиддуш*²¹⁹. Установка еврейской традиции на «инновацию» ранее рассматривалась исследователями²²⁰.

Крайне существенная точка совпадения мандельштамовской и «талмудической» техник свертывания – это виртуальная включенность в каждую свертку локального **алгоритма развертывания**, другими словами, локального алгоритма ди-

²¹⁴ ЕМ, см. [II, с. 86].

²¹⁵ См. подробнее в монографии [200], п. 1.5.2.

²¹⁶ Про это писала Н. Поллак: «The present part's work is just such a marginal commentary to the work of the past and what is written in the margins preserves what lies in the center» [133, с. 9].

²¹⁷ РД, см. [II, с. 231].

²¹⁸ РД, см. [II, с. 253].

²¹⁹ ивр. = 'обновление, новизна, инновация'.

²²⁰ См. напр. [160]. См. также в монографии [200] (п. 6.5.10) высказывания о тексте Мандельштама критика Н. Берковского и др. О соответствующем частотном феномене в традиционных еврейских текстах см. там же в п. 1.5.3.

намического порождения текста. В этом смысле и М-текст и еврейский традиционный текст представляют собой динамическую систему *par excellence*, в которой, по формулировке Ю. Лотмана, «текст есть не реализация некоторого языка, а **генератор языков**»²²¹.

Наиболее частотный для Мандельштама способ создания сверток – это **ре-семантизация** (поли-семантизация) слова в тексте, т. е. намеренная «загрузка» его различными, часто изначально не связанными, смыслами.

Например, поли-семантизация через межъязыковую омофонию, когда «блуд» означает одновременно и 'блуд' и 'кровь' (Blut) и т. п.

Еще один способ поли-семантизации – это разрушение конвенционального синтаксиса, позволяющее сокращать целый ряд связок, соединителей, разделителей и т. п., платя за это повышенной «криптограммностью» текста.

Одновременно все это – традиционные техники еврейского *мидраша*. Напомним характерную для еврейского традиционного дискурса «языковую» идиш-поговорку, описывающую это явление: «a kluger farsteyt fun eyn vort tsvey», 'умный создает в своем восприятии из одного слова – два' [58, с. 17].

(е) Принципиальная «**нелинейность, многомерность**» текста Мандельштама.

М-текст «плотно» пронизан ссылками и аллюзиями²²² на другие тексты и на себя самого.

Как и в случае традиционного еврейского текста, полная «развертка» текста Мандельштама принципиальным образом представляет собой не линейную, но многомерную структуру – «мало в нем было **линейного**...».

Это свойство М-текста хорошо иллюстрируется, например, следующим поразительным «нелинейным» феноменом «строчечного письма»: во многих стихах М ряд строк можно переставить без заметного разрыва семантической ткани.

²²¹ См. Лотман Ю. Текст как динамическая система // Структура текста-81: тезисы симпозиума. Москва, 1981.

²²² Часто межъязыковыми, см. п. 2.5.6.

Вот пассаж в РД (гл. I), иллюстрирующий **многомерное восприятие** Мандельштамом текста: «поэтическая речь есть ковровая ткань, имеющая множество текстильных основ, отличающихся друг от друга только **в исполнительской окраске**... Она прочнейший **ковер**, сотканный из влаги, – ковер, в котором струи... не смешиваются..., но пребывают разноцветны – в жгутах, фигурах, орнаментах, но только не в узорах, ибо узор есть тот же пересказ. ... Орнамент строфичен, узор строчковат».

Тем самым, текст для Мандельштама – это «многомерный» орнамент, это (как в телевизоре) развертка, динамически создающая из линейного «строчковатого» ряда бегущего луча иллюзию плоскостного «строфического» изображения.

Важно, что эта же телевизионная метафорика относительно адекватно описывает и динамическую структуру страницы Талмуда: развертка одномерного сканирующего текст луча на двумерную (многомерную) плоскость с помощью **интертекста**.

Еще пассаж из РД (Гл. II): «...композиция²²³ складывается не в результате накопления²²⁴ частных, а вследствие того, что одна за другой деталь отрывается от вещи, уходит от нее, выпархивает, отщепляется от системы, уходит в свое функциональное пространство, или **измерение**, но каждый раз в строго законченный срок и при условии достаточно зрелой для этого и единственной ситуации».

Этот же процесс спонтанного, «нелинейного» роста своего текста Мандельштам описывает в 5-й главке ЧП: «Дошло до того, что в ремесле словесном я ценю только дикое мясо, только сумасшедший нарост».

Сравним это с высказыванием современного исследователя об Агаде²²⁵:

«В Агаде же на такое четкое направление развития указать нельзя, в ней скорее имеет место спонтанный рост, не подчи-

²²³ Т. е. **структура** текста – Данте и своего собственного.

²²⁴ Т. е. «линейного» процесса нанизывания деталей.

²²⁵ Агада – часть Мидраша и, вообще, еврейского «традиционного» текста, во многих отношениях, как уже указывалось, наиболее «близкая» дискурсу Мандельштама.

ненный каким-либо определенным правилам. Правила эти не всегда удастся выявить даже внутри конкретной аггадической темы... Почти никогда мы не встретим в Аггаде сложной, создававшейся десятилетиями, а то и столетиями структуры...»²²⁶.

(ж) Повышенная коммуникативность М-текста. «Диалогичность → полилогичность» текста Мандельштама.

Просматривается установка М-текста на повышенную коммуникативность²²⁷. Этот феномен очень хорошо соответствует известной установке талмудического текста на коммуникацию.

Важным частным проявлением этого феномена является установка на «диалог» текста (т. е. читаемого) с читателем, на «соучастие» читателя в процессе формирования «читаемого».

Этот феномен²²⁸, который можно рассматривать как проявление общей полифоничности (см. пункт про общую интертекстуальность), относится как к собственным текстам Мандельштама («Читателя! советчика! врача! На лестнице колючей разговора б!»)²²⁹, так и к восприятию «чужих». В «Путешествии в Армению» Мандельштам пишет о «физиологии чтения», явно подразумевая установку на активное «соучастие»:

«Книга, утвержденная на читательском попире, уподобляется холсту, натянутому на подрамник»²³⁰.

Более того, можно утверждать, что в случае Мандельштама имеет место²³¹ оксюморонная ситуация активного взаимодей-

²²⁶ Шинан А. Мир аггадической литературы. Иерусалим, 1990. С. 172.

²²⁷ Этот феномен впервые изучался Ю. Левиным в работах 70-х гг. См. например, [71, с. 412–413].

²²⁸ Полностью совпадающий с одной из установок «традиционного» еврейского дискурса, см. [200], п. 1.5.5.

²²⁹ «Куда мне деться в этом январе» (Воронеж, 1937). Ср. еще в очерке «Яхонтов» (1927): «... живой читатель, **равноправный** с автором, **спорящий** с ним, **несогласный**, борющийся».

²³⁰ ПА [II, с. 121]. Этот смысл отметила в своей монографии Н. Поллак: «The comparison of the reader to the painter suggests the reader's active role in determining what is read. This reader is another hypostasis of the poet who proceeds by quotation; his relation to the poet is like the poet's relation to the voices of the past» [133, с. 5].

²³¹ В полном соответствии с системой установок «еврейской цивилизации», см. [200], п. 1.5.5.

ствия (диалога) автора, «генератора текста», с «генерируемым текстом»: порождаемый «автором» текст «воздействует» на автора, изменяет его, «строит» его²³². Это полностью соответствует отношениям «генератора» с «генерируемым» текстом в еврейской традиции.

К этому же контексту относится феномен осознанной и подчеркнутой ориентации Мандельштама на устную речь:

«У меня нет рукописей, нет записных книжек, нет архива. У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Я один в России работаю с голоса...»²³³.

«...теплый свет, излучаемый устным поучением, ясная дидактика дружеской беседы намного превосходит вразумляющее и поучающее действие книг»²³⁴.

Еврейская «талмудическая» традиция «устного поучения» (т. е. изучения т. н. «Устной Торы») и традиционный идиш-дискурс точно так же ориентированы, скорее, на полилогическое «одновременное говорение» (синхронные вопросы и ответы)²³⁵, чем на «письмо», несмотря на «канонический»

²³² В. Топоров рассматривает эту ситуацию для случая Мандельштама в работе «О «психофизиологическом» компоненте поэзии Мандельштама» [98, с. 428–445].

²³³ «Четвертая проза», гл. 6.

²³⁴ ПА, гл. «Москва» [II, с. 114].

²³⁵ Про известную структуру талмудических рассуждений, построенных на вопросах (часто эллиптических) и ответах, см. например, известную работу Н. Переферковича «Талмуд: его история и содержание», пар. 60. Ср. также высказывание р. Штайнзальца, крупнейшего современного знатока Талмуда: «... во всех талмудических дебатах главную роль играет вопрошающее сомнение. В определенном смысле, весь Талмуд построен как вопросы и ответы, и даже там, где вопрос не поставлен прямо, он составляет скрытый фон любого утверждения... Не случайно Талмуд содержит так много вопросительных слов... Талмуд различает тончайшие оттенки вопросов... Любой вопрос разрешен и желателен, и чем больше вопросов, тем лучше. Сомневаться не только разрешается, но считается необходимым. На этом построен сам Талмуд, на этом же построено и его изучение. ... Талмуд, возможно, единственная священная книга во всей мировой культуре, которая разрешает и даже призывает сомневаться в **любом** своем утверждении» [185, с. 12–13]. Ср. также высказывание Мандельштама про идиш-дискурс: «...потом я послушался этой [идиш] певучей, **всегда удивленной** и разочарованной, вопросительной речи с резкими ударениями на полутонах» (ШВ, глава «Хаос иудейский»). Нельзя не вспомнить здесь и диалог «двух евреев» в конце мандельштамов-

текст Библии и на массу текстов, которые евреи за 2000 лет написали.

Это является, кроме прочего, проявлением «фольклорности» пост-библейской еврейской цивилизации, ее изначальной ориентации на живую речь, на воспроизведение текстов «на память». В Вавилонском Талмуде (тр. Гиттин) встречаются запреты на письменную фиксацию текстов «устной традиции». Иерусалимский Талмуд (тр. Шаббат) предостерегает, что «всякий, кто записывает Аггаду, лишается доли в будущем мире».

Эта, условно выражаясь, «устная, фольклорная» составляющая присутствовала (и с течением времени усиливалась) у Мандельштама.

(з) Установка Мандельштама на «мультилингвистичность» дискурса, на «межъязыковую интерференцию», на игру разноязычных смыслов в высказывании.

Масса примеров собрана в Приложении. Этот феномен полностью соответствует еврейской талмудической текстуальной традиции и традиционному идиш-дискурсу.

Вот характерный пример хасидской притчи, пересказываемой Бубером. В этой притче еврейский духовный лидер Бааль-Шем-Тов разъясняет ученикам кажущееся им невероятным сообщение Талмуда: «Пришел Гавриил и научил Иосифа семидесяти языкам»:

«Начал Бааль-Шем-Тов произносить поучение, но оно, казалось, совсем не имело отношения к вопросу <...>. И тут случилась удивительная вещь, какой никто не слыхивал. Внимая словам учителя, ударил рабби Гершон из Полонного по столу²³⁶ и воскликнул: “Турецкий!”, а через некоторое время: “Татарский!”, а еще мгновение спустя: “Греческий!”, и так называл язык за языком. Постепенно его товарищи поняли: в словах поучения, говоривших, казалось бы, совсем о других вещах, он услышал и узнал исток и суть каждого языка...»²³⁷.

Рабби Гершон в этом рассказе слышит чужую речь в идишской «Четвертой прозы», один из которых «**все спрашивает** и спрашивает», а другой «**все крутит** и крутит».

²³⁶ aha-effect в гештальт-психологии!

²³⁷ М. Бубер «Хасидские рассказы» [69, с. 103].

речи, и это вполне «рабочий» принцип еврейской традиции – слышать и «узнавать» чужую речь в **своем родном** дискурсе и таким путем слышать и понимать больше.

Макс Вайнрайх в своей классической «Истории идиша» с удивлением отмечает **системную** ориентацию носителей идиша на мгновенный анализ диафоном, на мгновенную **перекодировку** из одного диалекта в другой, т. е. на одновременное слышание в своем диалекте чужого диалекта. Вайнрайх пишет: “surprisingly not only the linguist is adept at this, a certain awareness of systems exists also among the naïve Y speakers”²³⁸.

(и) Повышенная частотность и даже рутинность «игры слов», ориентация на полисемантичесность отдельных слов, сочетаний и целых блоков текста Мандельштама.

Многочисленные примеры см. в Приложении. Интересно свидетельство С. Рудакова (в письме 1935 г.) о постоянном присутствии «игры слов» в речи Мандельштама, которое Рудакова раздражает: «Он [т. е. Мандельштам в разговоре о Хлебникове – Л.Г.] снова залился звонким лаем. Я говорю: “Так говорить о стихах *не полагается*”. Он: “Стихи вообще *положены* быть не должны, они должны жить” (это **любимый его, звуковой – не всегда даже корневой – путь афоризации**)»²³⁹.

По-видимому, такую же «афоризацию» = «игру слов» у М неодобительно отмечает П. Калецкий в письме из Воронежа (1935): «Иной раз его замечание – это чистый клад, над которым надо сидеть и сидеть, иной раз **остроумный афоризм**, которым прикрывается все же бессодержательность»²⁴⁰.

Еще один пример подобной «игры» в устном дискурсе Мандельштама просвечивает в том месте мемуаров Н. Мандельштам, где она передает разговор о недавно написанном (февраль 1937) стихотворении «Еще он помнит башмаков износ...»: «“Ты и в **Тифлис** съездил”, – сказала я, вспомнив стихи о Тиф-

²³⁸ См. [78, с. 16].

²³⁹ Цит. по [210, с. 142].

²⁴⁰ Письмо П. Калецкого от 17.01.35 цит. по [196, с. 72]. Интересно, что Калецкий употребляет для неодобительной характеристики рассматриваемой особенности дискурса Мандельштама то же слово «афоризм → афоризация», что и Рудаков, и это совершенно не случайно.

лисе. “Вынужденное путешествие, – ответил О.М. – Туда меня затащила **нечистая сила**”²⁴¹. Н. Мандельштам не отмечает (или не замечает) достаточно прозрачную «фоническую игру» в шутовском ответе Мандельштама: ТИФЛИС → (пар.) Teufel ‘нем. сатана’ → НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Что касается еврейской традиции, то т. н. «игра слов» является **крайне характерной**, сразу бросающейся в глаза, чертой талмудических текстов и идиш-дискурса. Об этом феномене замечательно сказал М. Wex в своей книге об идише и «идишистской цивилизации»: «... half the religion is based on puns, and people wonder why Jews are so funny»²⁴².

Еврейские анекдоты, поговорки в значительной степени построены на каламбурах и игре слов. Пуримшпили частотным образом «продуцируют» комизм из игры слов²⁴³.

Но гораздо интереснее здесь, что такой, казалось бы, принципиально сухой, совсем не склонный к шуткам и карнавальности, технический **цивилизационный** текст, как *Кициур Шульхан-Арух* р. Ш. Ганцфрида использует «игру слов» не как «игру», а как вполне рутинный инструмент для передачи информации.

Уже в первой главе этого «технического» текста читаем, например, рекомендацию к тематике занятий после полуночи: «Лучше всего изучение порции Мишна, и этим приобретаешь душу, т. к. буквенный²⁴⁴ состав слов *Мишна* и *нешама* [душа] одинаков»²⁴⁵.

(к) Частотность синтаксических нарушений в тексте Мандельштама.

В текстах Мандельштама наблюдается усиливающаяся ориентация на разрушение, «выворачивание» стандартного синтаксиса, даже на полный «отказ» от синтаксиса. Характерные высказывания Мандельштама в РД²⁴⁶:

²⁴¹ [9, с. 192].

²⁴² Wex M. Born to Kvetch. N.Y., 2006. С. 82.

²⁴³ Часто из «межъязыковой» игры слов (напр. иврит ↔ идиш). См. об этом, напр.: Davidson I. The History of Purim Parody // The Purim Anthology / Ed. By P. Goodman. Philadelphia, 1973. С. 330–355.

²⁴⁴ И, главное, **консонантный** состав.

²⁴⁵ [137, с. 9].

²⁴⁶ Про текст Данте и, как обычно, про свой собственный текст.

«Нет синтаксиса – есть намагниченный порыв...», «...нас путает синтаксис. Все именные падежи следует заменить указующими направлением дательными. <...>... Здесь все вывернуто: существительное является целью, а не подлежащим фразы»²⁴⁷.

Вот простейший пример намеренного разрушения синтаксиса у М.

В стихотворении «Адмиралтейство» (1913) в строфе «Ладья воздушная и мачта-недотрога, / Служа линейкою преемникам Петра, / Он учит: красота – не прихоть полубога...» – полное синтаксическое рассогласование всех 3 строк²⁴⁸. Среди синтаксических «нарушений» в текстах Мандельштама (в особенности, в 30-х гг.) исследователи отмечают частотное несогласование грамматического времени в глаголах²⁴⁹.

Статья «пяти авторов» очень точно описывает феномен «разрушенного синтаксиса» у Мандельштама:

«Существенным фактором создания [семантической] неопределенности является расшатывание [в тексте Мандельштама] обычного “прозаического” синтаксиса. Отдельные элементы изолируются, появляется отчетливая тенденция к повышению удельного веса односоставных предложений без “нормальной” предикативной связи. Часто встречаются случаи, когда не ясна синтаксическая соотнесенность сегментов или сегменты являются синтаксически незаконченными. В том же направлении действует и “немотивированное” употребление союзов: так, и употребляется при отсутствии семантической общности в объединяемых сегментах, *но* – при отсутствии противопоставления и т. п. Сказанное распространяется и на “макросинтак-

²⁴⁷ [П, с. 250, 254].

²⁴⁸ Этот пример приводится в [142, с. 444] Л. Пановой, которая считает, что «десинтаксизация» здесь служит для «синхронизации Петра Великого, его преемников и нас, ‘живущих сейчас’».

²⁴⁹ Л. Панова отмечает у Мандельштама «безразличие к тому, каким временем обозначить действие». Она называет его «аграмматическим поэтом» [142, с. 475–476]. Эта характеристика (совершенно не случайно) отсылает к смешному, на первый взгляд, высказыванию И. Бабеля, в большей степени, чем Мандельштам, подвергшегося в юности воздействию традиционного еврейского дискурса: «В Одессе я освобождаюсь от уз грамматики. Мне хочется подойти к киоску и произнести: “Налейте мне стакан вода”» (мемуары С. Липкина).

сис” – на синтаксическую организацию текста как целого <...> в силу преобладания нефабульных принципов организации, логические и реальные связи ослаблены, их место занимают, прежде всего, семантические связи»²⁵⁰.

Отметим, что этот пассаж написан так, как если бы «пять авторов» анализировали текст Талмуда, для которого разрушение синтаксиса крайне характерно²⁵¹.

Дело не в том, что «традиционные» еврейские тексты намеренно нарушают «обычный» синтаксис. Они как бы пренебрегают этим синтаксисом, он им как бы не очень существен. Это проявляется как на уровне синтаксиса предложения, так и на уровне блоков текста (сегментная незавершенность).

Проще выражаясь, если в таком тексте встречается нечто вроде: «сказал рабби А сказал рабби Б казнить нельзя помиловать», то здесь нет никаких намеренных шифровок или искажений, а есть ряд «сверток», «встроенных» аллюзий и «ассоциативных отсылок» на определенные места «единого супер-текста», которые предполагаются известными читателю, и эта система «исправления синтаксических нарушений»²⁵² реконструирует для читателя «правильный» синтаксис исходной фразы в том виде, в каком он ему нужен в данный момент.

(л) Отдельно рассмотрим соотношение **хронотопов** М-текста и Талмуда.

Приведем относящиеся сюда наблюдения Ю. Левина:

«Если, следуя Женетту²⁵³, различать в повествовании позиции “наблюдателя” (Н) и “говорящего” (Г) и рассматривать их пространственно-временное отношение к “событию”, то для поздней лирики Мандельштама наиболее характерен случай как “личностного”, так и пространственно-временного совпадения Н и Г (в отличие, например, от Ахматовой, тяготеющей к ретроспективному повествованию и временному отделению Г от Н), причем этот Н-Г локализован и темпорализован внутри события, – тип “репортажа участника” (характерный пример –

²⁵⁰ [82, с. 296].

²⁵¹ См. к этому монографию [200], п. 1.5.8.

²⁵² В частности, развертывания синтаксических «сверток».

²⁵³ Genette G. Figures III. Paris, 1972.

“Стихи о неизвестном солдате” с их сочетанием апокалиптической и репортажности). Крайним частным случаем является перформативный текст, когда стихотворение само является тем актом, который оно выражает (авторереферентность). Такие тексты максимально ситуативны, особенно глубоко укоренены в действительности, в них Н и Г слиты до неразличимости, поскольку “повествование” здесь само является “событием”.

Многие стихи позднего Мандельштама тяготеют к перформативности, что проявляется, в частности, в употреблении конструкций типа “Я скажу это начерно, шепотом...”, “Я скажу тебе с последней прямой...”, “Я шепчу обескровленным ртом...”, за которыми следует “говоримый” текст (означающее таких конструкций – сам факт говорения здесь и теперь, т. е. совпадает с означающим)²⁵⁴.

В точности та же специфика («репортаж участника» → перформативность) имеет место и в хронотопе талмудического текста²⁵⁵.

* * *

1.2.3.3. Семантическая техника «(талмудического) мидраша» у Мандельштама.

«Мидраш»²⁵⁶, или «талмудический мидраш» – это «рекурсивный» способ порождения текста, состоящий в том, что некоторый «ядерный» текст (обычно, это оригинальный текст Библии) рассматривается подряд: каждый последующий элемент интерпретируется при помощи стандартных толковательных приемов и/или каких-то «внешних» ассоциаций и соображений, использующих уже порожденный до этого текст. Далее к этому элементу текста «присоединяются» все релевантные выводы и толкования, которые были сделаны – они используются для работы со следующим элементом «ядерного» текста и т. д. Легко видеть, что получается «рекурсивное дерево мидраша».

В VI-й главе «Разговора о Данте» Мандельштам метафорически описывает процесс «мидрашного типа», присутствующий

²⁵⁴ См. [71, с. 412–413].

²⁵⁵ См. еще к этому п. 1.6.2.

²⁵⁶ *мидраш* = ивр. ‘изучение, исследование’.

щий в его собственной системе порождения текста, приписывая этот процесс (как полагается в РД) Данту:

«Антиномичность дантовского “опыта” заключается в том, что он мечется между примером и экспериментом. Пример извлекается из патриаршей торбы²⁵⁷ древнего сознания с тем, чтобы быть возвращенным в нее обратно, как только минет надобность. Эксперимент²⁵⁸, выдергивая из суммы опыта те или иные нужные ему факты²⁵⁹, уже не возвращает их обратно по взаимному письму, но пускает в оборот²⁶⁰».

Вот еще метафорическое описание порождения М-текста во II-й главе РД:

«...одна за другой деталь отрывается от вещи, уходит от нее, выпархивает, отщепляется от системы, уходит в свое функциональное пространство».

Приведем аналогичную метафору из IV-й главы РД:

«...представьте себе самолет..., – который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина, так же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью. Для точности моего наводящего и вспомогательного сравнения, я прибавлю, что сборка и спуск этих выбрасываемых во время полета... новых машин является не добавочной и посторонней функцией летящего аэроплана, но составляет необходимейшую принадлежность и часть самого полета и обуславливает его возможность».

Мандельштам пытается в Воронеже описать С. Рудакову «мидрашную» технику порождения текста:

²⁵⁷ Т. е. из канонической Письменной Торы (= «Писаной Торбы» из известной русской поговорки).

²⁵⁸ Т. е. процесс исследования = процесс *мидраша*.

²⁵⁹ «Выдергивая» с помощью техники **СИ-операторов**: см. ниже п. (в).

²⁶⁰ Т. е. с их помощью генерирует дальнейший отрезок текста. Выражаясь метафорикой Мандельштама, «лепет из опыта пьет». Генерирование текста с помощью техник *мидраша* и есть экзистенциально главная «иудейская забота», от которой Мандельштам на словах дистанцировался («Меня не касается трепет...»).

Приведем еще неодобрительное описание С. Рудаковым в письме (1935) рекурсивной «мидрашной» техники генерирования текста у Мандельштама: «Он и стихи и все делает “строчками”, а они лепятся друг к другу, это не архитекторника», цит. по [210, с. 91].

«Сказал “Я лежу”, сказал “в земле” – развивай тему “лежу”, “земля” – только в этом поэзия. Сказал реальное, перекрой более реальным, то – реальнейшим, потом сверхреальным. Каждый зародыш (росток) должен обрастать своим словарем, обзаводиться своим запасом, идя в путь, перекрывая одно движение другим. Будь форма, ритм... все недостаточно, если нет этого. Этому правила не понимали некоторые акмеисты, их последыши, вся петербургская поэзия, вся официальная советская поэзия»²⁶¹.

Мы видим, что отношение Мандельштама к процессу порождения текста совпадает с текстуальной идеологией и установками авторов **мидраша**.

Но еще более интересно совпадение ряда технических приемов.

Рассмотрим важнейшие техники порождения текста, совпадающие в мидраше и у Мандельштама.

(а) техника *гезера-шава* в Талмуде и «семантическая непрерывность» у Мандельштама.

Гезера-шава («аналогичное решение») – «Принцип талмудической аналогии», толковательный прием, введенный Гиллелем и вошедший в канонические «13 приемов Измаила». Его суть в «связывании» двух отрезков текста, законов и т. д. на основании совпадения некоторого признака. Если два закона близки по формулировке – например, используют одно и то же выражение (группу слов), то они близки (аналогичны) и по смыслу, т. е. неясность в первом можно устранить с помощью второго.

Важным частным случаем **принципа талмудической аналогии** является принцип *hekkeish* («столкновение»): **если два слова встречаются рядом в «однородной ситуации»²⁶², то в другой ситуации «применимое» к одному, «применимо» и к другому.**

Например, слова «утро» и «вечер» встречаются рядом как однородные члены предложения («утром..., вечером...»). Поэто-

²⁶¹ Письмо С. Рудакова цит. по [210, с. 61].

²⁶² И тем самым, хотя и не совпадают, но сильно связаны неким «общим смыслом» → ситуация типа «квази-гезера-шава».

му талмудический трактат Берахот, используя принцип *hekesh*, получает: «как утром за чтением Шема следует молитва, так и вечером за чтением Шема должна следовать молитва; р. Иисус сын Леви строит иную аналогию: как утром чтение Шема ближе ко сну, так и вечером оно должно быть ближе ко сну»²⁶³.

Используя необходимую здесь математическую метафорику, можно сказать, что имеет место принцип «семантической непрерывности»²⁶⁴: семантики вербальных «окрестностей» равных выражений – с большой вероятностью равны (подобны). Очень важно, что этот принцип – лишь **установка** (см. п. 1.2.1.2), а не «автоматическое» правило, поэтому Талмуд изучает границы и условия применения приема *гезера-шава*.

Пример применения *гезера-шава*: из библейского отрывка «...смертью умрет, камнями будет побит, кровь его на нем самом» (Левит 20, 27) мидраш способом *гезера-шава* выводит, что везде, где сказано «умрет» и «кровь его на нем самом», подразумевается казнь побиением камнями.

Приведем достаточно четкий пример работы принципа «семантической непрерывности» в семантике текста Мандельштама.

В тексте мандельштамовского перевода с немецкого (1926) стихотворения Рене Шикеле «Телохранители» есть строка:

«И клонит плод бесстыдство золотое».

Рассмотрим «отображение» этой строки в 2 строки из стихотворения «Я молю как жалости и милости...» (1937):

«Наклони свою шею, безбожница,/ С золотыми глазами козы».

При этом отображении:

КЛОНИТ → НАКЛОНИ; ЗОЛОТОЕ → ЗОЛОТЫМИ.

Принцип семантической «непрерывности» (= *гезера-шава*) показывает, что где-то «в близкой окрестности» слов НАКЛОНИ и ЗОЛОТЫМИ должен «с большой вероятностью» оказаться «образ» слова БЕССТЫДСТВО.

И действительно, между этими словами находится слово БЕЗБОЖНИЦА, которое при ближайшем рассмотрении оказы-

²⁶³ Трактат Берахот, лист 5-б.

²⁶⁴ Несколько точнее: принцип «непрерывности семантического отображения (НСО-принцип). Он был сформулирован выше, в конце п. 1.2.1.2.

вается «квази-омофоном» частотного идишского [bezbušnitse] = 'бесстыдница'²⁶⁵

А вот пример применения «семантической непрерывности» к **локальной реконструкции семантики** в тексте Мандельштама: в восьмистишии начала 1934 г. в строке:

«И, как руда²⁶⁶, из груди рвется стон».

Рассмотрим отображение этой строки в (обычно вызывающую недоумение) строку из эпиграммы на Сталина (конец 1933):

«И широкая грудь осетина».

При этом отображении:

ГРУДИ → ГРУДЬ; СТОН →²⁶⁷ ОСЕТИН.

Принцип семантической «непрерывности» (= *гезера-шава*) показывает, что где-то «в близкой окрестности» слов ГРУДЬ ОСЕТИНА с большой вероятностью должен оказаться «образ» слова РУДА («кровь»), т. е. нечто «кровоавое». Поскольку в этой близкой окрестности находится только слово ШИРОКАЯ, то становится достаточно ясно, что оно является шифрующей, маскирующей заменой слова **кровоавая** (или **окровоавленная**), которое здесь на самом деле **должно** стоять.

Т. е. рассматриваемая строка в «эпиграмме» маскирует строку:

«И кровоавая грудь осетина», или, эквивалентно, «грудь кровоавого осетина».

Одним из аргументов «правильности» (релевантности) сделанной нами «семантической реконструкции» является, то, что полученный вариант хорошо соответствует квалификации Сталина как «кровоавого осетина»: это распространенное в начале 30-х гг. определение приписывалось Г. Зиновьеву²⁶⁸.

²⁶⁵ Заметим для «подкрепления» этих рассмотрений, что идентичная связь безбожный ←→ бесстыдный встречается в ПА, гл. «Москва»: «капустные бомбы, нагроможденные в **безбожном** изобилии», «я восхищался **безбожным** горением маков. Яркие до хирургической боли, какие-то лже-котильонные знаки, большие, слишком большие... на противных волосатых стеблях».

²⁶⁶ Очевидно, что здесь РУДА = «кровь», как в зап.-русском (В. Даль), украинском и т. д.

²⁶⁷ Это действие стандартного для Мандельштама СИ-оператора «эквиносонантизма», переводящий (отображающий друг в друга) слова с одинаковым консонантным составом, см. п. (в).

²⁶⁸ Об этом упоминает, например, Д. Волкогонов в книге «Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина», М., 1989. Кн. I, ч. 2. С. 75.

В заключение, отметим, что об этой технике Мандельштама, по-видимому, говорит С. Рудаков в письме из Воронежа (1935): «А то, что, может быть, в “Данте” есть, чем живы лучшие вещи 1930–35 года его, ... – это связь не *словарная*, а *смысловая*. Т. е. не локальность (т. е. совпадение темы и подобранных слов и образов), не единство словарных источников (архаизмы там, или слова античные, и еще что) – а повторяемость, усиление, собирание, нагнетание, группировки элементов, говорящих об одном. Яснее это трудно рассказать»²⁶⁹.

(б) **биньян-ав** («основное построение, основа некоего общего закона») – толковательный прием, введенный Гиллелем и вошедший в канонические «13 приемов Измаила». Его суть в упрощенном виде: если некий закон применяется к какой-то конкретной ситуации, то из этой ситуации извлекаются самые «главные» ее черты, самые «существенные» ее характеристики, и утверждение (закон) «переносится» на все ситуации, обладающие этими характеристиками.

Снова приведем крайне важное высказывание Мандельштама в Воронеже, в котором он описывает Рудакову соответствующую технику порождения текста, состоящую в *выжимании* смысла из данного слова путем генерирования конкретных модификаций общего смысла исходного слова:

«Сказал “Я лежу”, сказал “в земле” – развивай тему “лежу”, “земля” – только в этом поэзия. Сказал реальное, перекрой более реальным, то – реальнейшим, потом сверхреальным. Каждый зародыш (росток) должен обрастать своим словарем, обзаводиться своим запасом, идя в путь, перекрывая одно движение другим...»²⁷⁰.

Здесь данное слово с его непосредственной семантической окрестностью (фреймом) представляет собой такой «талмудический» **биньян-ав**, и из него с помощью СИ-операторов (см. след. пункт) строятся конкретные модификации.

²⁶⁹ Цит. по [210, с. 105].

²⁷⁰ Письмо С. Рудакова цит. по [210, с. 61].

(в) **техника т. н. «игры слов»** → **техника метафоры**. В процессе рекурсивного порождения текста Мандельштам применяет технику СИ-операторов²⁷¹: паронимии, эквиконсонантизма, межъязыковой интерференции и др., а также их суперпозиции.

Здесь следующая техника порождения метафоры: СИ-оператор сам по себе – это суперпозиция **метонимии** (например, межъязыковой омофонии, эквиконсонантизма и т. д.) и **метафоры**, являющейся окончательным «значением» этой функции в тексте. Точнее, окончательное «значение» СИ-функции есть «образ» получающегося в результате всего процесса семантического отображения, содержащий порождаемую метафору.

Пример. См. в начале п. 1.5.3 анализ строки «есть блуд труда, и он у нас в крови».

Просматривая любой «мидрашный» текст, легко увидеть, что СИ-операторы являются элементами системы «толковательных приемов» Мидраша.

(г) **сагги-неһор** (арам. «великий светом») – «переворачивающее» обозначение слепого, ставшее названием стандартного талмудического приема «семантического переворачивания». Этот прием, в свою очередь, стал характерным для еврейского традиционного дискурса вообще²⁷². У Мандельштама «серийным» случаем применения этой техники является создание т. н. «оксюморонных» ситуаций: «горячие снега», «незвучный хор», «сухая река» и т. п.

²⁷¹ СИ-оператор или СИ-функция («суггестивно-имплицативная» функция) от словоформы X – это лексема/словоформа СИ(X), определенным образом суггестируемая и имплицитруемая аргументом X. Частотным в текстах Мандельштама является генерирование СИ(X) через использование «образа» (отражения) X в некотором промежуточном языке. Подробнее о СИ-операторах у Мандельштама см. в пп. 1.3.2.1 и 1.4.1.

²⁷² Это, на самом деле, проявление общей ориентации еврейской «культурно-цивилизационной» системы на «ситуативную оксюморонность». См. об этом подробнее в монографии [200], гл. 1. Ср. высказывание современного раввинского авторитета: «Талмуд – это сплошной парадокс... все в нем основано на свободной игре ассоциаций, на **сопряжении далеких понятий**, которое напминает современный литературный жанр “поток сознания”» [185, с. 8].

Простой пример этого приема: «Держу в уме, что нынче тридцать первый / **Прекрасный год** в черемухах цветет». Ясно, что автор «держит в уме», что 1931 – совсем не «прекрасный» год, а **ровно наоборот**²⁷³.

Приведем более сложный пример, в котором техника *сагги-непор* зашита несколько глубже, не совсем на поверхности. Рассмотрим строки из стихотворения «Голубые глаза и горячая лобная кость...» (1934):

«Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь, / Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?»

Здесь ПРОСТОТА суггестирует сочетание ПРОСТО ТАК из текста про «горца Ковача»²⁷⁴: «Как и всегда бывает в дороге, в центре внимания моего встал человек, приглянувшийся просто так – на здоровье...».

Далее рутинным образом суггестируется концепт «здоровья».

Далее здесь начинает работать прием *сагги-непор*, переворачивает: «здоровье» → БОЛЕЗНЬ. Заметим, что предыдущая строка как бы «предупреждает» о применении этого оператора, переворачивая резко негативный смысл «казни» в резко позитивный смысл концепта «песни».

1.2.3.4. Выводы и вопросы. Таким образом, мы наблюдаем поразительное **системное** соответствие между «устройством» традиционного еврейского текста и «устройством» текста Мандельштама. Причина этого интереснейшего феномена не ясна. Ведь не могли же несколько уроков древнееврейского языка, данные юному Мандельштаму «еврейским учителем» (упомянутые в автобиографическом «Шуме времени») так мощно повлиять на дискурс Мандельштама, даже при его феноменальной текстуальной восприимчивости.

Мы уже говорили выше (в 1.2.1.1), что Мандельштам подвергся мощному идеологическому воздействию со стороны А. Бергсона, блестящего французского философа, автора

²⁷³ «Не-прекрасность» этого года подкрепляется общей негативностью образа «черемухи» у М, см. п. 2.7.

²⁷⁴ В главе «Сухум» из <Вокруг «Путешествия в Армению», записные книжки 1931–1932 гг.>.

«Творческой эволюции». Еврейское происхождение (точнее, соответствующий культурный background) Бергсона явно сказалось на его идеологии и на его текстах, в которых²⁷⁵ просвечивают «идеологические доминанты» и «установки» еврейской интеллектуальной традиции.

Скорее всего, Мандельштам ощущал некую «культурно-корневую» близость с Бергсоном, ровесником его отца, Эмилия Вениаминовича Мандельштама. В статье «О природе слова» (1921) Мандельштам дает высокую оценку идеологии Бергсона, явно являясь в этот момент адептом системы взглядов этого философа:

«Чтобы спасти **принцип единства** в вихре перемен и безостановочном потоке явлений, современная философия в лице Бергсона, чей **глубоко иудаистический ум** одержим настойчивой потребностью практического монотеизма, предлагает нам учение о системе явлений. Бергсон рассматривает явления не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а как бы в порядке их *пространственной протяженности*. Его интересует исключительно **внутренняя связь** явлений... [Бергсон] выдвигает *проблему связи*, лишенную всякого привкуса метафизики и, именно потому, более плодотворную...»

Но представляется, что Бергсон в своих текстах и лекциях²⁷⁶ всего лишь эксплицировал и вербализовал основные еврейские «традиционные дискурсивные установки», воспринятые Мандельштамом (как и самим Бергсоном!) с детства. Правда, это «всего лишь» и есть то самое ценное, что философ может дать своему адепту.

Отметим, что около 1915 г. Мандельштам пишет в набросках «Заметки о Шенье»: «**при полном забвении старофранцузской литературной традиции автоматически воспроизводятся некоторые ее приемы, потому что они вошли в кровь**»²⁷⁷. Дело

²⁷⁵ При полном отсутствии упоминания о еврейской философской традиции, и вообще, о евреях.

²⁷⁶ Посещением которых (как и вообще каких бы то ни было лекций) Мандельштам во время своего пребывания в Париже не злоупотреблял. Не исключено, что он вообще не видел Бергсона «вживую».

²⁷⁷ Не этот ли пассаж про роль «крови» побуждает некоторых авторов объяснять обсуждаемый «случай Мандельштама» каким-то специфическим «ти-

в том, что Мандельштам почти всегда подставляет себя на место объекта своего дискурса, будь то Данте, или Чаадаев или, в данном случае, А. Шенье.

Поэтому *правдоподобная рабочая гипотеза* в этом обсуждении – это воздействие на Мандельштама в раннем возрасте дискурса отца. В «Шуме времени» Мандельштам (который в этом тексте вообще отрекается от еврейства) презирует и отвергает речь отца, попутно сообщая детали, ясно демонстрирующие, что дискурс Эмилия Вениаминовича был как раз «традиционно еврейским» во многих отношениях, даже «талмудическим»:

«Совершенно отвлеченный, придуманный язык, витиеватая и закрученная речь самоучки, где обычные слова переплетаются со старинными философскими терминами <...>, причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза – это было все что угодно, но не язык, все равно – по-русски или по-немецки»²⁷⁸.

При всем демонстративном пренебрежении к речи и мировоззрению отца («косноязычие и безъязычие», «замысловатый талмудический пантеизм»), проговорки типа «отец переносил меня в совершенно чужой век» показывают массированное воздействие дискурса отца на сознание Мандельштама в раннем детстве.

Существенно в этом контексте, что во второй половине 20-х Мандельштам как бы «возвращается» к отцу, подчеркивая (например, в письмах) их с отцом духовную близость²⁷⁹.

пом ментальности», присущим Мандельштаму (но почему-то не присущим Пастернаку)? Мне все же представляется, что, дабы не «упасть», по выражению Мандельштама, в «метафизику» 19 века, лучше сосредоточиться на «физике» его текста, на лингвистических «когнитивных» рассмотренных и т. п.

²⁷⁸ [П, с. 20]. Ср. явно похожий, но «позитивный» по отношению к отцу, пассаж А. Нимцовича, знаменитого гроссмейстера и теоретика шахмат: «... Все усилия моих воспитателей, а главным образом отца, были направлены именно к тому, чтобы развить во мне комбинационный дар и любовь к тому миру **схоластических** умозаключений и **витиеватых** хитросплетений, который так хорошо известен каждому, кто когда-либо занимался изучением Талмуда».

²⁷⁹ См. подробнее монографию [200], п. 2.6.

Можно утверждать (это требует отдельной развернутой аргументации), что к моменту завершения «Египетской марки»²⁸⁰ Мандельштам изменил свое отношение к языку Талмуда (вообще, к еврейскому традиционному дискурсу) и к «внутреннему» языку своих собственных текстов, на диаметрально противоположное (!), что, по-видимому, было связано со своеобразной **тешувой**²⁸¹ самого Мандельштама во второй половине 20-х²⁸².

1.2.4. «Иноязычные интерференции» vs. «игра слов» у Мандельштама.

Верные, четкие мысли
Прозрачная, строгая ткань...
Острые листья исчисли –
Словами играть перестань.

О. Мандельштам (1910)

Поэт, сказавший *Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть – / Ведь все равно ты не сумеешь стекла зубами укусить...* потому и сказал это, что не мог не пытаться *стекла зубами укусить...*

В. Топоров²⁸³

Феномен массовых «межъязыковых интерференций» часто упоминается в этой работе²⁸⁴. Причина – в том, что этот фе-

²⁸⁰ Текста, к которому в полной мере относится приведенный в п. 1.2.3.2 (к) пассаж «пяти авторов».

²⁸¹ *Тешува* = ивр. 'возвращение, ответ' – термин «еврейской цивилизации», означающий возвращение к еврейству «блудного сына» (или дочери), связанное с раскаянием и отказом от предшествовавшей неправильной жизни.

²⁸² См. подробнее об этом монографию [200], п. 2.6.

²⁸³ *Топоров В.* Анаграммирование чужезычного слова [213, с. 232].

²⁸⁴ В п. 1.1 уже говорилось, что, видимо, первым начал упорядоченно рассматривать феномен МИИ (в частности, у Мандельштама) В. Топоров в работе об анаграммах (1987). Он пишет: «В русской поэзии анаграммирование чужезычного слова или, скорее, **соотнесение некоторых звуковых элементов переводящего слова с аналогичным комплексом в переводимом слове берет начало, видимо, в случаях каламбурного характера...**» [213, с. 229].

номен, «как чечевица», фокусирует многие релевантные для М-семантики процессы. Ввиду исключительной важности этого явления, выделим его в отдельное рассмотрение.

1.2.4.1. Прежде всего, необходимая дефиниция: **межъязыковой (иноязычной) интерференцией (МИ) в этой работе называется суггестирование (или эксплицитный вброс) в тексте иноязычного слова (лексемы, сочетания, отрезка текста и т. п.), которое своим семантическим полем вторгается в языковое сознание реципиента текста (читателя, слушателя и т. п.) и модифицирует семантику текста (точнее, восприятие текста реципиентом)**²⁸⁵.

Понятно, что этот «неожиданный» вброс – частный случай «семантического взрыва/катастрофы», см. 1.2.1.1.

Например, в мандельштамовском высказывании «есть блуд труда, и он у нас в крови» русское «блуд» суггестирует свой немецкий омофон Blut ‘кровь’, в результате чего семантическое поле «крови» вторгается в семантический ареал слов «блуд» и «труд», и это «взрывает» (резко модифицирует) весь смысл «первой части» высказывания. Еще несколько примеров приводятся в п. 1.2.1.1.

В данном случае, произошедший «семантический взрыв» (математик бы сказал: «семантическая бифуркация») эксплицируется (выводится на поверхность) в конце фразы: «...и он у нас в **крови**», но это совершенно не обязательно, и в массе других случаев подобная экспликация в текстах М не имеет места.

Естественно возникает вопрос: а если читатель не владеет соответствующим языком-посредником? Кто, вообще, адресат подобных *interlingual messages*?

Предлагаемый ответ: **сам автор**, который таким способом локально изменяет собственную ЯКМ, меняет свою «языковую кожу» («чужая речь мне будет оболочкой»), делая это как бы независимо от «читателя». Но «читатель» при этом все равно подвергается суггестивному воздействию ЯКМ автора, часто

²⁸⁵ Здесь еще важно иметь в виду (в особенности, для случая Мандельштама), что таковым реципиентом может быть сам автор текста – например, в процессе рекурсивного генерирования текста, см. 1.3.1.

даже в усиленном режиме. Мне вообще представляется, что подобное «психологическое манипулирование» читателем и есть (может быть, не всегда осознаваемая) цель Мандельштама как генератора текста²⁸⁶.

Здесь (и в некоторых местах далее) я хочу подчеркнуть принципиальное отличие феномена МИ у **Мандельштама** от т. н. «игры слов»: то, что для «стандартного» европейского (включая русское) языкового сознания является «играми слов», «каламбурами»²⁸⁷, Wortspiele, jeux de mots и т. п., для М есть совершенно рутинная техника генерирования «новых смыслов», в которой использование «межъязыковых интерференций» является лишь одним (хотя очень существенным) из элементов²⁸⁸. Эта «рутинность» сильнейшим образом сближает тексты М и «традиционный» еврейский дискурс, см. п. 1.2.3.2 (и).

1.2.4.2. Статистика случаев межъязыковой интерференции.

Общая статистика. Всего выявлено около 650 «германизмов» в текстах Мандельштама²⁸⁹. Из них 62–65% с вероятностью 50% могли бы быть идишизмами, т. е. являются когнатами соответствующих Y-слов или конструкций. «Чистых» идишизмов – не более 50 случаев.

Но «германские» интерференции – это просто наиболее массовый случай. Вообще, у Мандельштама «работают» в качестве языков-посредников при МИ все сколько-нибудь известные ему европейские языки: французский (около 80 случаев), итальянский, латинский, польский, украинский, греческий. Почти все известные мне примеры МИ (всего около 800 случаев) содержатся в Приложении.

См. более подробно об аппарате межъязыковых интерференций в п. 1. 4.

²⁸⁶ Подробнее о манипулятивности М-текста см. п. 1.6.

²⁸⁷ В русском дискурсе эти «игры» воспринимаются как желание «выпендриться», что вызывает, вообще говоря, негативную реакцию, см. примеры таковой реакции на дискурс М в п. 1.2.3.2 (и). Отсюда «цивилизационно-принятые» русские извинения типа: «простите мне невольный каламбур», «простите за тавтологию», «простите за однокоренные слова» и т. п.

²⁸⁸ Б. Успенский пишет об этом феномене: «Если в обычном случае смысл порождает текст, то здесь, напротив, текст порождает смысл» [102, с. 299].

²⁸⁹ Все они приводятся в Приложении.

1.2.4.3. Реконструкция причин появления поразительного феномена – столь **массовой** межъязыковой интерференции в текстах М – требует рассмотрения более широкого контекста. Вопрос о причинах какого-то «физического» явления часто звучит неуместно в приличном обществе, но все же нельзя просто уйти от вопроса, откуда это у Мандельштама, и почему именно у Мандельштама?

Гипотеза о воздействии в детстве традиционного еврейского дискурса в доме родителей (см. подробнее в п.1.2.3) позволяет многое понять, но представляется недостаточной.

Здесь мы приводим набор соответствующих причин/факторов **в качестве гипотез** в конспективном виде, не вдаваясь в (вообще говоря, необходимое) обсуждение ряда дефиниций и утверждений.

(а) Культурно-цивилизационная сверхзадача. «Встроенная» медиативность, интерфейсность Мандельштама²⁹⁰. Установка на «переключку» между культурами, на «перенос пыльцы» одной культуры на «цветы» другой. «... поэты говорят на языке всех времен, всех культур <...> говорящий не знает языка, на котором говорит. Он говорит на совершенно неизвестном языке. И всем и ему кажется, что он говорит по-гречески или по-халдейски»²⁹¹.

В этом контексте использование «межъязыковых» омонимов, омофонов, паронимов и консонантных «пакетов информации», ассоциаций и суггестий – являются для Мандельштама техническими способами и инструментами для межкультурной и межъязыковой (прежде всего, русско-немецко-идишской) «переключки».

(б) Специфическая «динамическая семантика» → лексико-семантическая динамичность, установка на сдвинутость, размытость смысла, «семантический импрессионизм». Характерное проявление этой ориентации – в постоянных попытках

²⁹⁰ Характерная, вообще говоря, для еврейской культурно-цивилизационной системы, фокусом управляющих матриц которой Мандельштам является, см. об этом монографию [200], а в этой работе – п. 1.2.3.

²⁹¹ Ст. «Слово и культура» [II, с. 171–172].

«ухода из нашей речи» (семантики) в другую «речь», обычно, в «германский» (немецко-идишский) дискурс²⁹².

(в) «Двойничество», общая установка на оксюморонность, одна из «управляющих матриц» Мандельштама (см. 1.2.2.3), проявляется в оксюморонности лексико-семантической. В частности, межъязыковая омонимия и омофония доставляет пример такой «оксюморонности»: **два** взаимоисключающих слова/смысла в одном слове²⁹³ продуцируют странную «мигающую» семантику этого слова. В. Топоров в работе 1991 г. говорит об этом явлении в психике и текстах Мандельштама: «авторerefлексивность возвращает нас к проблеме “двойничества” в широком ее понимании: **два объекта в одном месте ...**»²⁹⁴.

(г) Шизоидность психики Мандельштама. Гештальт-нарушения. Шизоидный билингвизм. Здесь вполне уместно сравнение с психикой В. Хлебникова, личность и творчество которого оказали исключительно сильное воздействие на Мандельштама²⁹⁵.

Скорее всего, к Мандельштаму применим диагноз, поставленный Хлебникову харьковскими психиатрами в 1919 г.: шизофренические нарушения, расщепление, амбивалентность, **наклонность удерживать в сознании полярно-противоположные содержания**²⁹⁶. Ср. высказывание М о Виллоне (и о себе!) в ранней статье: «Лирический поэт, по природе своей, – двуполое существо, способное к бесчисленным **расщеплениям во имя внутреннего диалога**»²⁹⁷.

²⁹² Точнее, в парадигму «межъязыковой интерференции», в рамках которой связи с «германским» дискурсом у М наиболее массовидны.

²⁹³ Ср. идиш-поговорку в конце п. 1.2.3.2 (д).

²⁹⁴ «О “психофизиологическом” компоненте поэзии Мандельштама» [98, с. 434].

²⁹⁵ См. об этом еще в след. параграфе.

²⁹⁶ В. Анфимов, главный врач психиатрической лечебницы «Сабурова дача» под Харьковом, изучавший психику Хлебникова (в конце 1919 г.), вспоминал позднее: «Для меня не было сомнений, что в В. Хлебникове развертываются нарушения нормы так называемого **шизофренического круга**, в виде **расщепления** – дисгармонии нервно-психических процессов. За это говорило <...> **альтернативность мышления** – **возможность сочетания двух противоположных понятий...**», цит. по [193, с. 219].

²⁹⁷ «Франсуа Виллон» (1910).

В этой связи вполне естественно, что Н.Я. Мандельштам, много наблюдавшая «творческий процесс» М, пишет в мемуарах: «Мне кажется, что для поэта слуховые галлюцинации являются чем-то вроде профессионального заболевания»²⁹⁸.

(д) По-видимому, Мандельштам подвергся в рассматриваемом аспекте мощному внешнему идеологическому воздействию со стороны сначала Анненского (влияние которого на себя подчеркивал сам М), а затем Хлебникова и Белого.

Ср. С. Маковский об И. Анненском: «Больше, чем кто-либо из русских поэтов, он любил неологизмы и галлицизмы. <...> Сочетаниями иностранных заимствований и народных оборотов он особенно дорожил, и это характерно для всего склада его личности, пронизанной средиземноморской культурой и вместе такой до предела русской! <...> Анненский всегда на земле и всегда где-то в иной духовной действительности, и это ДВОЕРЕЧИЕ придает произносимым словам как бы новый смысл: они насыщаются смыслом всего, что угадывается сквозь них, за ними»²⁹⁹.

Ф. Степун писал об А. Белом в мемуарах 50-х гг.: «Эта явная раскосость его взора, связанная с ДВУПЛАННОСТЬЮ сознания, поражала меня всегда <...>. Своей ширококрылой ассоциацией он в полете речи связывает во все новые парадоксы самые, казалось бы, несвязуемые друг с другом мысли»³⁰⁰. Логика речи все чаще форсируется фонетикой: человек провозглашается челом века, истина – одновременно и истиной (по Платону) и [ie]стиной по Марксу) <...> минутами смысл речи почти исчезает. Но <...> Белый ни на минуту не теряет <...> изумительного дара своего высшего словотворчества»³⁰¹.

С воздействием В. Хлебникова, для которого поэтический язык должен был быть «странным», «чужим», резонировали

²⁹⁸ [9, с. 64].

²⁹⁹ [59, с. 112–113].

³⁰⁰ Ср. высказывание Б. Эйхенбаума в работе конца 1922 г.: «...символисты выделяют именно метафору, “отмечая ее из всех изобразительных средств языка” (А. Белый) – как способ сближения далеких смысловых рядов» [19], с. 30].

³⁰¹ [59, с. 199].

собственные психические особенности Мандельштама (см. пункт «Г»).

Ср. высказывание Хлебникова: «Слова особенно сильны, когда они имеют два смысла, когда они живые глаза для тайны и через слюду обыденного смысла просвечивает второй смысл...»³⁰².

Ср. также пассажи Хлебникова в «Досках судьбы»:

«Слово особенно звучит, когда через него просвечивает иной “второй смысл”, когда оно стекло для смутной, закрываемой им тайны, спрятанной за ним; тогда через слюду обыденного смысла светится второй и темной избой смотрится в окно слов. <...> Такие сельские окошки на бревнах человеческой речи бывают нередко. И в них первый видимый смысл – просто спокойный седок страшной силы второго смысла. Это речь дважды разумная, двоякоумная=двуумная. Обыденный смысл лишь одежда для тайного»³⁰³.

1.3. Специфичные для Мандельштама системные порождающие семантические механизмы. Механизмы и модель «динамической семантики» и «семантики взрыва».

1.3.1. «Рекурсивный» механизм порождения текста (модель)³⁰⁴.

«Рекурсивный» способ порождения текста состоит в том, что последний элемент³⁰⁵ уже созданного текста «интерпрети-

³⁰² Из записных книжек [194, с. 269].

³⁰³ [99, с. 40–41].

³⁰⁴ Напомним, что в п. 1.2.3.3 (**Семантическая техника мидраша**) рассматривается реализация этого механизма в традиционном еврейском дискурсе.

³⁰⁵ Точнее, элемент, принадлежащий **последнему отрезку**. Этим элементом чаще всего является некоторое слово, но может быть, например, и строка. Напомним неодобрительное описание С. Рудаковым в письме (1935) рекурсивной техники генерирования текста у Мандельштама: «Он и стихи и все делает “строчками”, а они лепятся друг к другу, это не архитектоника», цит. по [210, с. 91]. Более благожелательно об этом же механизме линейного ассоциативного генерирования текста говорил В. Шкловский в статье «Путь к сетке» (1933): «Стихи писал Осип Эмильевич Мандельштам строками. <...> Он был прекрасным ПОЭТОМ СТРОКИ. Он держался ПОЛУУСЛУШАННЫМИ звучными названиями, соединяя их. Стихи рассыпались, собирались вновь» (Литерат. Критик. – №5. – 1933. С. 113).

руется» при помощи стандартных толковательных приемов и/или каких-то «внешних» ассоциаций и соображений, использующих уже порожденный до этого текст. Далее к этому элементу текста «присоединяются» все релевантные выводы и толкования, которые были сделаны – они используются для работы со следующим элементом текста на следующем шаге и т. д.

Легко видеть, что в результате получается «рекурсивное дерево текста», которое значительно шире, чем «записанный» мандельштамовский текст.

Вот метафорическое описание самим Мандельштамом во II-й главе «Разговора о Данте» подобного способа порождения текста: «...одна за другой деталь отрывается от вещи, уходит от нее, выпархивает, отщепляется от системы, уходит в свое функциональное пространство».

Приведем аналогичную метафору из IV-й главы «Разговора»: «...представьте себе самолет..., – который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина, так же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью. Для точности моего наводящего и вспомогательного сравнения, я прибавлю, что сборка и спуск этих выбрасываемых во время полета... новых машин является не добавочной и посторонней функцией летящего аэроплана, но составляет необходимейшую принадлежность и часть самого полета и обуславливает его возможность».

В Воронеже Мандельштам пытается в разговоре с С. Рудаковым описать ему эту *мидрашную*³⁰⁶ технику порождения текста, технику «выжимания» уже порожденного слова:

«Сказал “Я лежу”, сказал “в земле” – развивай тему “лежу”, “земля” – только в этом поэзия. Сказал реальное, перекрой более реальным, то – реальнейшим, потом сверхреальным. Каждый зародыш (росток) должен обрастать своим словарем, обзаводиться своим запасом, идя в путь, перекрывая одно движение другим. Будь форма, ритм... все недостаточно, если нет этого. Этого правила не понимали некоторые акмеисты, их по-

³⁰⁶ Точнее, близкую к технике «еврейского традиционного дискурса», см. п. 1.2.3.

следыши, вся петербургская поэзия, вся официальная советская поэзия»³⁰⁷.

Примеры

В набросках к «Путешествию в Армению» эта «рекурсивная текстуальная мастерская» выходит на поверхность и предельно эксплицируется. Вот ряд примеров из набросков <Вокруг «Путешествия в Армению»>³⁰⁸:

(а) «Армянские мальчики и юноши, коротконогие, усатые, с широчайшими плечами борцов. Они шли какой-то вздрагивающей, *берцовой* походкой...».

Ясно, что здесь слово «**борцов**» в первом предложении «порождает» слово «**берцов-ой**» во втором.

(б) «Москва подобрела: город [был] чудный, подробный, дробный, с множественным и сложным [зреньем], как [глаза у комнатной мухи] мушиного глаза зреньем».

Видно, как здесь автор, говоря его же словами, обращенными к С. Рудакову (см. выше), «развивает росток» слова «**подобрела**» в начале предложения и порождает в продолжении фразы определение «**подробный**», потом «перекрывает» его определением «**дробный**», а затем, используя изменившуюся семантику основы (ДОБР → ДРОБ) перекрывает ранее созданный образ «подобревшей» Москвы еще более «реальной» метафорой Москвы как «мушиного глаза».

(в) «Хозяин моей новой квартиры, молодой белокурый **юрисконсульт**, врвался по вечерам к себе домой, схватывал с вешалки резиновое пальто и ночью улетал на **юнкерсе**...».

Здесь видно, как автор «развивает росток» слова ЮРИС-КОНС-УЛЬТ в начале фразы и порождает из него целое предло-

³⁰⁷ Письмо С. Рудакова цит. по [210, С. 61]. Н.Я. Мандельштам вспоминает: «Если стихотворение не отстает, говорил О.М., значит <...> осталась плодотворная почка, от которой тянется **новый росток**; иначе говоря, работа не завершена» [9, с. 65].

³⁰⁸ Главы «Москва» и «Сухум» [II, с. 355–359].

жение с паронимическим (для этого слова) сочетанием УЛЕТ-АЛ НА ЮНКЕРСЕ в продолжении высказывания.

(г) «Как и всегда бывает в дороге, в центре внимания моего встал человек, приглянувшийся просто так – на здоровье...».

Здесь сочетание ПРОСТО ТАК в первой части высказывания «паронимически» связывается в сознании автора с «германизмом» *prosit* = ‘стандартный тост типа «на/за здоровье!»’ и генерирует в качестве продолжения текста «перевод» этого «германизма», т. е. сочетание НА ЗДОРОВЬЕ.

(д) Приведем теперь пример работы рекурсивного порождающего механизма в **поэтическом** тексте Мандельштама. Вернемся к стих. «Чернозем» (1935), которое уже рассматривалось в п. 1.2.1.1 (Пример 2).

Рассмотрим строки:

- (1) И все-таки, земля – проруха и **обух**./
- (2) Не умолить ее, как в **ноги ей** ни **бухай**:/
- (3) **Гниющей флейтою** настраживает слух, /
- (4) Кларнетом утренним зазывает **ухо**

В 1.2.1.1 показывается, как «уже сформированные» строки (1) и (2) порождают образ «гниющей флейты» в (еще не созданной) строке (3). Одновременно ударное У-ХА

в первых 2 строках генерирует образ «слуха» в строке (3). Затем «уже созданные» 3 первые строки порождают образы в строке (4): ФЛЕЙТА → КЛАРНЕТ, (СЛУХ, У-ХА) → УХО.

(е) Отметим важный частный случай работы рекурсивного механизма: когда следующий сгенерированный отрезок текста выступает как комментарий (разъяснение) к предыдущему отрезку, т. е. работает как эксплицированный *мидраш*³⁰⁹ этого предыдущего отрезка. Этот феномен был рассмотрен Б. Успенским на примере 2 строк из стих. «Квартира» (1933):

³⁰⁹ = ‘изучение’, см. п. 1.2.3.

Квартира тиха как бумага –
Пустая, без всяких затей...

Успенский пишет: «... **расшифровка** этого образа [тиха как бумага] дается в **непосредственно следующей** за ним строке (*пустая, без всяких затей*). Таким образом, здесь как бы подсказывается то слово [пуста], которое стоит за метафорическим употреблением. При этом обнажается структура тропа – **порождающая модель** метафорического употребления. Кажется, что этот прием – мы могли бы назвать его приемом “обнажения метафоры” – особенно характерен для позднего Мандельштама» [102, с. 309].

* * *

Примеры (а) – (е) относятся к тексту «позднего» Мандельштама. Чтобы показать, что «рекурсивная» техника порождения текста проходит через ВСЕ творчество поэта, приведем простейший пример из его раннего стихотворения:

(ж) «Полон музыки, Музы и муки/ Жизни тающей сладостный плач!»³¹⁰

Видно, как здесь автор «развивает росток» слова МУЗЫКИ в начале предложения, разбивая его на слоги и порождая из них в непосредственном продолжении фразы слова МУЗЫ И МУКИ

Примеры (а) – (ж), в общем, достаточно просты, если не очевидны. Приведем теперь пример ситуации «темного места» в М-тексте, в которой рассмотрение рекурсивной модели позволяет построить релевантную «правдоподобную гипотезу» для расшифровки этого темного места.

(з) Стих. «Еще далеко мне до патриарха...» (1931).

Рассмотрим строки:

«И страусовы перья арматуры/ В начале стройки **ленинских домов.** / Вхожу в вертепы чудные музеев,/ Где пучатся кашеевы Рембрандты,/ Достигнув блеска кордованской кожи, / Дивлюсь

³¹⁰ «Дождик ласковый, мелкий и тонкий...» (1911) [72, т. 1, с. 66]

рогатым митрам Тициана/ И Тинторетто **пестрому** дивлюсь/
За тысячу крикливых попугаев»

Среди прочих недоумений: что это за «ленинские дома»? почему Тинторетто «пестрый»? – вроде бы он не более пестр, чем другие итальянские мастера 16 века. А главное, причем тут попугаи, которых у Тинторетто вообще нет, тем более целой тысячи?³¹¹

Применим технику реконструкции по «рекурсивной модели».

Вот релевантная гипотеза порождения строки с «ленинскими домами»:

АРМАТУРА → (пар.) фр. *armature* ‘муз. ключевые знаки: «фа» и «соль», ставящиеся всегда **в начале нотной строки**’ → (асс.) «в начале строки» → (пар.) В НАЧАЛЕ СТРОЙКИ. Кроме того, «строка» → фр. *la ligne* = нем. *die Linie* ‘строка’ → (пар.) ЛЕНИН-СКИХ. В результате генерируется В НАЧАЛЕ СТРОЙКИ ЛЕНИНСКИХ...

Для завершения реконструкции процесса порождения этой строки выскажу еще одну «правдоподобную гипотезу»: уже порожденная лексема ЛЕНИН-[ский] «тянет» за собой ДОМОВ, потому что ДОМОВ³¹² – это здесь «гробов», и, тем самым, начинает просвечивать картинка строительства (конец 1929?) последнего варианта Мавзолея («ленинского дома-гроба»), с соответствующими прутьями арматуры для заливки бетона и т. д.

А вот гипотеза порождения строки с «крикливыми попугаями»:

Tintoretto ‘ит. маленький **красильщик**’ (прозвище) → Robusti (настоящее имя) → (квази-эквиконс. RBST/RPST) ПЕСТР-ому → (асс. + пар.) «пиастры, пиастры!» – известный всем крик по-

³¹¹ О. Лекманов попытался объяснить этих попугаев присутствием одного попугая у шута на картине Веронезе – на мой взгляд, это неубедительно. Веронезе, конечно, имеет некоторое отношение к Тинторетто – вроде, одно время даже дружил с ним, но попугай у Веронезе одинок, меланхоличен и кричать совсем не собирается: в общем, совсем не тот попугай.

³¹² ДОМОВ-ина, ДОМОВ-ище, ДОМОВ-ье = ‘гроб’ (В. Даль).

пугая из известного всем и Мандельштаму с детства стивенсоновского «Острова сокровищ» → (асс.) «деньги, покупка ЗА некую плату» → ЗА ТЫСЯЧУ КРИКЛИВЫХ ПОПУГАЕВ.

Смысл здесь получается тот, что автор «расплачивается» за «чудо» посещения музеев «пиастрами = крикливыми попугаями» своего детства³¹³. Кстати, Тинторетто был известным «бессеребренником» (в отличие от Сильвера – серебро! – персонажа «Острова сокровищ», на плече у которого как раз и сидел попугай, кричавший: «пиастры!») и часто брал ничтожную плату («гривенник серебряный») за работы, требовавшие огромного труда...

* * *

В заключение, я хочу подчеркнуть, что «рекурсивный механизм» генерирования, текста, как и всякая техника у Мандельштама, глубоко «идеологичен». Это тот системный динамический феномен, о котором Ю. Лотман говорил (в более общей ситуации):

«... текст есть не реализация некоторого языка, а **генератор** языков. <...> Текст ориентирован на генерирование новой информации (**смысл не дается, а вырабатывается**)³¹⁴. В этом случае господствует тенденция к усложнению отношений между способами кодировки субтекстов. В предельном случае это – текст на заумном языке. <...> Кроме функций передачи информации и порождения новых языков, текст выступает также как устройство, на вход которого подаются прежде циркулировавшие в культуре тексты, которые, пересекая его внутренние кодовые границы, трансформируются в *новые сообщения*. Текст **генерирует** новые тексты, следовательно, можно сформули-

³¹³ Заметим, что рассматриваемые строки (и вообще, текст этого стихотворения) суггестируют атмосферу, образы и, видимо, какую-то лексику мандельштамовского детства/отрочества: детская музыкальная тема – музыкальные «ключевые знаки» (armature), «страусовы перья» → композиторы **Штраусы**, те же «страусовы перья» на шляпах дам (Блок: «и шляпа с **трау**-рными **перьями**»), «вертепы», «кащей» из русских сказок, «кордованская кожа» (из кабинета отца?), глаголы «пучатся», «дивлюсь», «играют», «разыграться», «пушусь [вар.: «наймусь»] на побегушки» (на «побегушки» нанимаются мальчишки) и т. п.

³¹⁴ Вырабатывается, в случае Мандельштама, неким «коллективным» симеонизом = мидрашом, см. п. 1.1. – Л.Г.

ровать парадокс: исторически тексту должен предшествовать текст³¹⁵. <...> Изолированный текст – научная фикция, возможная лишь в качестве эвристической условности. <...> Все сказанное превращает текст любого уровня в динамическую и порождающую все здание культуры систему»³¹⁶.

1.3.2. Аппарат СИ-операторов как часть «рекурсивного механизма» порождения текста. СИ-оператор как аппаратное средство реализации «семантической катастрофы». Виды СИ-операторов.

Наиболее частотные техники генерирования текста в рамках «рекурсивной модели», описанной в предыдущем пункте, доставляются аппаратом т. н. **СИ-операторов** (они же: СИ-функции), включающим аппарат «иноязычных интерференций»³¹⁷.

Этот же аппарат доставляет главное «рутинное» техническое средство реализации установки на «семантический сдвиг», на «семантику катастрофы/взрыва» в тексте Мандельштама, о которой много говорилось в п. 1.2.1.

1.3.2.1. **Определение.** СИ-функция («суггестивно-имплицативная» функция) – это оператор, работающий в рамках рекурсивной модели генерирования текста и «переводящий» (отображающий) «отрезок X» уже порожденного текста в «отрезок SI(X)»³¹⁸ порождаемого в данный момент текста, определенным образом суггестируемый и имплицуемый аргументом X.

В качестве аргументов X могут выступать не только «слова», но и «смыслы», т. е. этот объект может являться и лексической, и семантической функцией.

³¹⁵ Заметим, что, с еврейской традиционной точки зрения, здесь никакого парадокса нет – это просто естественное устройство мира, см. п. 1.2.3. Заметим, что взгляд Ю. Лотмана на ТЕКСТ самым удивительным образом совпадает с **традиционным** еврейским! – Л.Г.

³¹⁶ [209, с. 104–105].

³¹⁷ Подробно об аппарате иноязычных интерференций см. в п. 1.4.

³¹⁸ «Отрезок текста» здесь – это словоформа или лексема или словосочетание и даже некоторый связный «кусочек» текста.

Выражение «определенным образом» означает, что суггестирование может происходить самыми различными ассоциативными путями, которые, вообще говоря, невозможно проследить. Однако замечательная (может быть, уникальная) особенность текстов Мандельштама состоит в том, что его ассоциации в целых сериях случаев «детерминированы», их можно пытаться реконструировать.

Важно отметить, что СИ-оператор – это, очевидно, частный случай семантического отображения, поэтому к нему применим «принцип непрерывности семантического отображения» (НСО-принцип), см. п. 1.2.1.2.

Рассмотрим подробнее конкретные виды СИ-операторов, работающих в М-тексте.

1.3.2.2. СИ-оператор омофонии и омонимии.

Пример³¹⁹: «И свои-то мне губы не любы,/ И убийство на том же корню».

Здесь СИ-оператор из слова ГУБЫ в первой строке извлекает основу (ГУБ), переходит к «омофонической» основе слова «ГУБ-ить» и порождает смысл «убийства» и само слово УБИЙСТВО в следующей (т. е. порождаемой в этот момент) строке. Здесь еще замечательно, что автор завершает вторую строку локальной «экспликацией» своего текстуального механизма: ...НА ТОМ ЖЕ КОРНЮ.

1.3.2.3. СИ-оператор паронимии.

Пример³²⁰: «Хозяин моей новой квартиры, молодой белокурый **юрискон**сульт, врывался по вечерам к себе домой, схватывал с вешалки резиновое пальто и ночью улетал на **юнкерсе**...».

Здесь СИ-оператор из слова ЮРИСКОНС-УЛЬТ в начале предложения генерирует паронимическое (для этого слова) сочетание УЛЕТ-АЛ НА ЮНКЕРСЕ в конце предложения.

³¹⁹ Стих. «Флейты греческой...» (1937).

³²⁰ Этот отрывок из набросков <Вокруг «Путешествия в Армению»> уже рассматривался в 1.3.1 – пример (в).

1.3.2.4. СИ-оператор «омографии». Здесь «аргумент» X – это графика (часть графики) некой словоформы, а «значение» СИ(X) – это некая новая словоформа, фонически «связанная» с X.

*Пример*³²¹: «...могу набедокурить на рысистой дорожке беговой»

Здесь СИ-оператор из слова БЕГОВОЙ **в конце** предложения создает по ассоциации слово «бега». Далее СИ-оператор «омографии» обрабатывает французский эквивалент этого слова – courses – и порождает из отрезка латинской графики этой словоформы – RSES – фонически «связанное» с ним слово РЫСИСТОЙ, модифицируя уже **порожденный** текст.

*Пример*³²²: «Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада» → (вар.) «Бог Нахтигаль, дай мне твои рулады».

Здесь СИ-оператор из слова ПИЛАДА создает по ассоциации его «греко-латинскую» графику **Pylad-es**. Далее СИ-оператор «омографии» перерабатывает **Pylad** в смешанную «русско-латинскую» графику и порождает словоформу РУЛАДЫ, модифицируя уже **порожденную** строку.

1.3.2.5. СИ-оператор «консонантной паронимии» (эквиконсонантизма). Перестановки консонант.

*Пример*³²³: «Москва подобрела: город [был] чудный, подробный, дробный...».

Здесь СИ-оператор из слова ПОДОБРЕЛА в начале предложения выбирает консонантный состав (ДБР) и порождает «эквиконсонантные» ПОДРОБ-НЫЙ, ДРОБ-НЫЙ в дальнейшем тексте.

1.3.2.6. СИ-оператор создания симультанного «противоположного смысла» («оксюморонизатор»). Частный случай: СИ-оператор «отрицания» («НЕ»-оператор)³²⁴.

³²¹ Стих. «Довольно кукситься...» (1931). Подробнее см. в Приложении.

³²² Стих. «К немецкой речи» (1932): варианты.

³²³ Также из <Вокруг «Путешествия в Армению»>, приводился в 1.3.1 – пример (б).

³²⁴ Этот частный случай (без рассмотрения механизмов типа СИ-оператора) и ряд соответствующих примеров рассмотрел Ю. Левин в замечательной рабо-

Пример 1: «эта широкая и сытая улица **барского труда** давала все то же движенье...»³²⁵.

Здесь БАРСКОГО ТРУДА – оксюморон, являющийся результатом работы рассматриваемого оператора, правда с не полностью ясным исходным аргументом: «рабского труда» или «братского труда» и т. п. Вот формализованная запись реконструкции процесса порождения этого отрезка текста (подробнее см. Приложение):

ШИРОКАЯ → breit 'широкий' → (эквиконс.) Arbeit 'труд' → ТРУДА;
 breit, Arbeit → (пар.) «брат-ский» → (консон. метатеза = оператор оксюморонизации) БАР-СКОГО.

Пример 2: «Любишь – не любишь, поймешь – не поймашь...».

Здесь «НЕ»-оператор из слов ЛЮБИШЬ, ПОЙМЕШЬ в начале строки создает их «отрицания»: НЕ ЛЮБИШЬ, НЕ ПОЙМАЕШЬ. Этим достигается оксюморонная семантика симультанности «утверждения» и «отрицания».

Пример 3: «Где к зловещему дегтю подмешан желток».

Здесь «НЕ»-оператор «переворачивает актанты» в стандартной метафоре «в бочке меда ложка дегтя», но присутствие «исходной» метафоры все равно ощущается реципиентом текста, и тем самым создается симультанный противоположный смысл, т. е. оксюморон³²⁶.

1.3.2.7. СИ-операторы, разрушающие («взрывающие») «нормальные» узус, семантику, синтаксис и т. д.³²⁷. Частные случаи: СИ-оператор, резко меняющий «общепринятую» семантику лексемы; СИ-оператор «хирургии» на слове (замена основы/

те 1973 г. «О соотношении между семантикой поэтического текста и внетекстовой реальностью» [187, с. 51–75].

³²⁵ <Вокруг ПА>. Гл. «Французы» [II, с. 362].

³²⁶ Этот пример рассмотрел Ю. Левин, см. [187, с. 20].

³²⁷ Установку М-текста на «разрушение модального узуса», на «выход за рамки здравого смысла» и т. п. впервые рассмотрел Ю. Левин в указанной работе «О соотношении...» [187, с. 64–66].

корня); СИ-оператор, разрушающий согласование глагольных времен.

Пример: «Двурушник я, с двойной душой...».

Здесь на основе слова ДВУРУШНИК работает СИ-оператор замены основы/корня. Подробнее см. п. 3.2.

Пример: «Он слышит вечно шум, когда взревели реки...».

Здесь СИ-оператор при генерировании текста рассогласовывает время глагола ВЗРЕВЕЛИ и СЛЫШИТ и этим осуществляет локальный семантический взрыв, то, что Ю. Левин называет «выход за рамки здравого смысла...», приводящий к «радикальной перестройке привычных отношений языка и действительности»³²⁸.

1.3.2.8. Одна из наиболее важных «стандартных» серий СИ-операторов – это операторы, пользующиеся «языком-посредником», т. е. те, в которых генерирование SI(X) осуществляется путем использования «образа» (отражения) X в некотором промежуточном вербальном языке, например, в немецком. При этом непосредственный механизм СИ-оператора (паронимия, омофония, эквипонсонантизм и т.д.), рассмотренный в пп. 1.3.2.2 – 1.3.2.6, остается неизменным. Эти т. н. «иноязычные» СИ-операторы подробно рассматриваются в п. 1.4.

1.3.2.9. СИ-оператор метонимии. Например, оператор «переназывания» объекта.

*Пример*³²⁹: Я → ТЫ; ЛЕНИНГРАД → ПЕТЕРБУРГ в стих. «Ленинград»

1.3.2.10. Суперпозиция СИ-операторов. СИ-оператор почти всегда можно рассматривать как суперпозицию (последовательное выполнение) оператора метонимии и оператора по-

³²⁸ См. [187, с. 64–65].

³²⁹ Технику «переназывания объекта» и этот пример впервые рассмотрел Ю. Левин в работе 1970 г., см. [187, с. 24].

рождения метафоры. Подробно об этом и о сопряженной метафорической технике см. в п. 1.5.

1.3.2.11. Еще раз обратим внимание на то, что СИ-операторы выполняют ряд работ, по локальной деструкции «старого» семантического пространства и/или локальному «вбросу» «нового», «чужого» семантического пространства. Вот список этих работ.

(а) техника «ресемантизации» русских лексем. «Ресемантизация ситуации» с помощью замены «общепринятой» в данной текстуальной ситуации лексемы (например, предиката) на «нестандартную». Это можно назвать техникой «взятия не той рукой», впервые отмеченной у Мандельштама Н. Берковским³³⁰.

*Пример*³³¹. В стих. «Золотистого меда струя из бутылки текла» в контексте Пенелопы вместо «нормального» «ткала» (рядом стоит «прялка») употребляется неожиданное «вышивала», что меняет (взрывает) картинку ситуации.

(б) техника «семантической контрастизации», т. е. вклеивание рядом с данным словом (строкой, отрезком текста и т. д.) «далековатого», т. е., попросту говоря, с первого взгляда, непонятно, откуда взявшегося, слова (строки, отрезка текста и т. д.).

*Пример*³³². «Я слово позабыл, что я хотел сказать. / Слепая ласточка в чертог теней вернется».

(в) техника метонимии: напр. «переназывание объекта», «переуказание» пространственного положения объекта и т. п.

Пример. «Я на лестнице черной живу...», в то время как в реальности автор живет в квартире и т. д.³³³.

(г) намеренное нарушение норм лексической сочетаемости и т. п.

³³⁰ В статье 1929 г., см. [167].

³³¹ Этот пример рассматривается Ю. Левиным в [187, с. 81].

³³² [187, с. 94–95].

³³³ Там же, с. 24.

*Пример*³³⁴. «Мастерица виноватых взоров, / Маленьких держательница плеч».

Здесь ВЗОРОВ = SI (МАСТЕРИЦА). При этом «мастерица» «плохо» сочетается с генетивом слова «взоров». Точно так же (но не из-за генетива!) «не нормально» сочетание «держательницы» и «плеч», и это бросается в уши.

1.3.3. Порождающие механизмы \leftrightarrow «мифологичность» М-текста. Мандельштамовский bricolage.

...красота – не прихоть полубога,
а хищный глазомер простого столяра

О. Мандельштам

Исследователи неоднократно обращали внимание на специфическую «мифологичность» М-текста, но смысл этой характеристики понимался по-разному или, вообще, оставался неясным³³⁵.

Между тем, феномен т. н. бриколажа (bricolage), рассмотренный Леви-Строссом в работе «Первобытное мышление», является, очевидно, системным компонентом «мифологического» мышления, с одной стороны.

А с другой стороны, как сейчас станет ясно, этот же принцип бриколажа полностью соответствует системным принципам генерирования М-текста³³⁶.

По-видимому, именно здесь «структурная» фокусировка «мифологичности» в мандельштамовском дискурсе.

Посмотрим подробнее:

(А) bricolage³³⁷, по Леви-Строссу – это метафора свободного от «целевой функции» «первобытного» мышления, неупорядо-

³³⁴ Там же, с. 43.

³³⁵ См. п. 2.4.1 о мифологичности М-ЯКМ.

³³⁶ Как и еврейского традиционного текста: например, типа *мидраш*, см. п. 1.2.3.

³³⁷ фр. bricolage произв. от глаг. bricoler = 'заниматься какими-то поделками, браться за любую случайную работу, мастерить что-то без четкой цели; действовать окольными путями; играть рикшетом от борта в бильярде и т. п.'

ченного свободно-ассоциативного мышления, не подчиненного строгой цели. Леви-Стросс пишет о таком типе «мифологизированного» мыслительного процесса в книге «Неприрученная мысль»: «Интенция мысли определяется рекомбинацией на манер калейдоскопа образов-символов, сформировавшихся в результате прошлой деятельности».

В. Иванов, обсуждая эти конструкты Леви-Стросса, пишет: «основной принцип, названный Леви-Строссом бриколажем <...> проявляется в том, что первобытный человек объединяет в одну сложную цепь ассоциаций самые разнородные знаки. Мы видим в этом открытии еще одну существенную параллель с работами крупнейшего психолога Л.С. Выготского: <...> предположение Выготского о комплексном характере первобытного мышления, оперирующего ассоциациями, не находящими логического обоснования, оказывается чрезвычайно близким к идее бриколажа у Леви-Строса. Новейшая нейропсихология и нейролингвистика видят подобные черты в том характере семантических ассоциаций, которым правое (недоминантное по речи) полушарие отличается от доминантного левого. <...> Леви-Строс упоминает бриколаж, совершаемый сном. Сновидения можно отнести к характерным проявлениям правополушарного построения ассоциаций. В связи с их истолкованием Леви-Строс возвращается к намеченному уже в “Структурной антропологии” сравнению мифологического сознания с психоанализом. Леви-Строс отмечает сходство в темах, рассматриваемых в психоанализе и в мифах <...>. По Леви-Стросу, психоанализ исследует в одном человеке то, что этнология изучает на материале культуры целого общества. Раскрытие подобной идеи применительно к психиатрии можно видеть в яркой статье, где мышление шизофреника сопоставляется с американскими индейскими мифами...»³³⁸.

(Б) bricolage у Мандельштама.

М пишет в РД: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну точку». В «статье пяти» авторы, обсуждая это высказывание, фактиче-

³³⁸ [197, с. 218–219].

ски, вместе с М указывают на явление бриколажа в М-тексте, **реализующееся системой СИ-операторов**: «Можно добавить, что и звуковая сторона слова “торчит в разные стороны” и повсюду ищет себе родства. <...> Один и тот же элемент может насыщаться разными смыслами, функциями, приобретать способность к **окказиональным** склеиваниям <...>. **Неопределенность и возможность разных выборов <...> живая непредсказуемость**» [82, с. 287].

В конце п. 1.2.1.1 при обсуждении феномена «семантики взрыва», указывалось, что в каждой «точке взрыва» существует набор возможных СИ-операторов, применение которых «здесь и сейчас» обладает ненулевой вероятностью. Этот же феномен (в более общей ситуации) рассматривает Ю. Лотман в [188], когда говорит о «равновероятности» выходов из точки «взрыва»: СИ-операторы и являются теми самыми «выходами» из особой точки.

Тем самым, очевидно, что система СИ-операторов (п. 1.3.2) как компонент «рекурсивной модели» (п. 1.3.1) порождения М-текста может интерпретироваться как *bricolage*. Вообще, описанный в 1.3.1–1.3.2 принцип генерирования текста – это мандельштамовский бриколаж.

Сам М однажды метафоризировал свой бриколаж так: «в ремесле словесном я ценю только дикое мясо, сумасшедший нарост»³³⁹.

В заключение, подчеркнем, что корни мандельштамовского бриколажа (шире – общей «мифологичности» его текста) лежат в *мидрашности* М-текста, т. е. уходят в глубину еврейской дискурсивной традиции, см. об этом подробнее в п. 1.2.3.

1.4. Аппарат «межъязыковых интерференций» подробнее.

1.4.1. «Иноязычные» СИ-операторы как часть аппарата МИ.

При рассмотрении СИ-операторов мы уже говорили (см. п. 1.3.2.7), что одним из «стандартных» серийных СИ-операторов является такой, в котором при генерировании «значения» СИ(X), т. е. «образа» СИ-оператора, используется «образ» (отражение) X в некотором промежуточном языке.

³³⁹ ЧП, глава 5.

Имеется в виду следующая генеративная цепочка: русское «слово» или «смысл» X (уже участвующее в тексте) отображается (т. е. порождает свой образ, например, свой «перевод» или свой пароним) в некий язык-посредник, затем этот образ, в свою очередь, порождает новое русское «слово» (отрезок текста или «смысл») $SI(X)$, непосредственно участвующее в тексте, обычно в «близкой окрестности» исходного «аргумента» X .

Например, в мандельштамовской строке «Есть блуд труда, и он у нас в крови», – ранее порожденное слово БЛУД (= X) отображается в свой немецкий омофон Blut ‘кровь’ и далее русское «значение» этого германского омофона порождает отрезок текста $SI(X) = В КРОВИ$.

«Языками-посредниками» в СИ-функциях Мандельштама могут являться самые различные европейские языки. Но следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев языком-посредником для СИ-функций в тексте Мандельштама является германский в широком смысле, т. е. немецкий с диалектизмами + идиш.

1.4.2. Набор СИ-операторов, участвующих в работе аппарата МИ, выглядит так: это, прежде всего, операторы, рассмотренные в пп. 1.3.2.2–1.3.2.6, но пользующиеся «языком-посредником», т. е. обслуживающие ситуации межъязыковых связей следующих типов:

- (а) омофонии
- (б) омонимии
- (в) омографии
- (г) паронимии
- (д) эквиконсонантизма (отслеживание совпадения наборов консонант в словоформах)
- (е) особой СИ-функцией, обслуживающей межъязыковые интерференции, является замена стандартного русского «значения» некоей общей лексической функции на «иноязычное», например, «германизированное».

* * *

Пример функции (е): замена значения лексической функции Magn (X)³⁴⁰ в «Канцоне» в строках:

Две лишь краски в мире не поблекли:
В желтой – зависть, в красной – нетерпенье.

В стандартном русском узусе Magn (зависть) = «черная». В тексте же стихотворения происходит замена значения «черный» на «желтый» под воздействием стандартного немецкого узуса der gelbe Neid 'желтая зависть', т. е.:

Magn (зависть) = «черная» → der gelbe Neid 'желтая зависть'
→ В ЖЕЛТОЙ – ЗАВИСТЬ.

Еще один интересный **пример функции (е)** у М: вложение в русскую лексему «грубый» усилительного смысла (т. е. смысла функции Magn) ее «германских» паронимов grob/groblich³⁴¹. В стих. «Когда удар с ударами встречается...» (1910): «ГРУБО остановится» = Magn (остановится)³⁴². Здесь русский пароним немецкого значения функции Magn подменяет слово «резко», являющееся «нормальным» значением этой функции в стандартном русском узусе.

1.4.3. «Иноязычный монитор».

Иноязычные интерференции, прежде всего, «германизмы» («германо-идишизмы») в М-текстах – явление настолько массовое, что возникает ощущение присутствия «в голове Ман-

³⁴⁰ Определение. В лексической функции Magn (X) аргумент X – это ситуация, действие и т. п., «значение» функции – это лексема, фразеологизм и т. п., описывающие «усиление, акцентуацию» этой ситуации, действия и т. п. Например, если X = 'разбить, сломать', то **Magn (X)** = 'разбить вдребезги', если X = 'зависть', то **Magn (X)** = 'черная зависть' и т. д. А. Мельчук еще называет этот объект (который он же в свое время и придумал): «стандартный, клишированный **интенсификатор**», см. [153, с. 59].

³⁴¹ Вот примеры усилит. смысла слов grob/groblich: es ist grob kalt 'ужасно холодно'; sich groblich irren 'жестоко (грубо!) ошибаться'.

³⁴² См. Приложение.

дельштама» некоего постоянно работающего механизма, который мы назовем «иноязычным монитором»³⁴³.

Иноязычный монитор в тексте Мандельштама – это процесс отслеживания в порождаемом тексте русско-иноязычных связей и модификации на их основе уже созданного и создаваемого текста.

Этот «монитор-переводчик», линейно продвигаясь вдоль уже созданного текста, отслеживает возможные ситуации русско-иноязычной омофонии, омонимии, паронимии, эквивалентности и т. д. и генерирует их проекции «вперед и назад» в создаваемый текст.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ высказывание Мандельштама про Хлебникова в статье «Буря и натиск»³⁴⁴, можно было бы назвать этот процесс «идиотическим синхронным переводчиком».

Это явление, возможно, уникально³⁴⁵ и дело здесь, похоже, не столько в использовании техники параномазии и других релевантных технических приемов, сколько в какой-то скрытой сверхзадаче и других неявных факторах, см. об этом п. 1.2.4.3.

³⁴³ Это явление ранее рассматривалось нами в работе [97] и в монографии [200]. Напомним, что «германизмы» в текстах М (т. е. результаты работы иноязычного монитора) собраны в Приложении.

³⁴⁴ «Какой-то идиотический Эйнштейн, не умеющий различить, что ближе – железнодорожный мост или “Слово о полку Игореве”».

³⁴⁵ Отдельные манифестации этого явления фиксируются у Пастернака и у некоторых других поэтов. Например, В. Хазан, исследователь творчества Довида Кнута, описывает (анализируя кнотовское стихотворение «Молчу в тишине») феномен, который в нашей терминологии можно было бы назвать «фонетическим французским монитором» у Кнута: «...оба потока “фонетических ассоциаций” – русских и французских – встречаются, переплетаются, образуя причудливые билингвистические узоры. Создается впечатление, что Кнут пишет текст как бы одновременно на двух языках <...> текстовые элементы структурируются как бы из двух языков, один из которых является, условно говоря, “основным”, “актуальным”, полностью подчиняющим себе план выражения (на нем пишется стихотворение), а другой – “подтекстным”, существующим только как потенциальный план содержания и институцированный в виде виртуальной реальности. В целом, этот способ письма живо напоминает перекодировку “своего” и “чужого” слова в потоке того, что принято называть бахтинским термином “двуикой” речи (заметим, что мы говорим о просодической стороне текста, и, стало быть, упомянутые перекодировки касаются, прежде всего, его фонетического строя)» [148, с. 26]. Но примеры русско-французских «фонетических филиаций», приводимые Хазаном,

Интересно, что **иноязычный монитор** работает, по-видимому, в большинстве текстов Мандельштама, но может «включаться» на одном отрезке текста и «выключаться» на другом.

Иногда **иноязычный монитор** «вылезает на поверхность», как например, в 16-й главке «Четвертой прозы», где в текст «потока сознания» вдруг врезается «идиотический синхронный переводчик»: «Ходят армяне из города Эривани с зелеными крашеными селедками. Ich bin arm – я беден».

Вот еще интересный пример, в котором Мандельштам сам намеренно «выводит на печать» из своего сознания вмешательство «иноязычного монитора»:

«И Пармская могила Стендаля для определенного разряда читателей воняет тухлым прованским маслом [На днях я перечел [Пармский монастырь] монахиню Стендаля и готов приписать запах тухлого прованского масла из парижских театральных ресторанов]»³⁴⁶.

Здесь Stendhal \leftrightarrow Stank 'вонь' + d'öl 'растительного масла'. Заметим попутно, что здесь имеет место замечательная контаминация действия «французского» и «германского» (немецкий, идиш) мониторов. Явная неуместность в этом насквозь «французском» контексте «германского» монитора показывает, что он (германский монитор), по-видимому, постоянно работал «в оперативной памяти» Мандельштама.

1.4.4. Технические приемы использования **иноязычного монитора** и иноязычных СИ-операторов в порождающей семантике М-текста³⁴⁷.

крайне скудны и, на наш взгляд, недостаточно обоснованы даже для одного рассмотренного стихотворения. Поэтому идея о присутствии «французского монитора» у Кнута остается пока интересной гипотезой. Заметим, что в феномене «германского монитора» у Мандельштама принципиально важна именно **массовость** его проявлений, временами кажущаяся даже демонстративной.

³⁴⁶ <Вокруг ПА>. Гл. «Читая Палласа» [II, с. 366].

³⁴⁷ На самом деле, весь материал параграфа 1.4.4 описывается в терминах системы СИ-операторов (п. 1.4.2) и, тем самым, как бы «избыточен». Но мне представляется интересным непосредственно увидеть «наглядную картинку» процесса межъязыковой семантической интерференции.

1.4.4.1. Лексема через свой **иноязычный** эквивалент выходит на расширенное множество синонимов, омонимов, вообще, расширяет свой семантический ареал.

Пример. Слово «нежный» получает «право» на использование широкого семантического спектра немецкого *fein* ‘мелкий, изящный, деликатный, нежный, прекрасный, хитрый, умный’ и становится, в зависимости от своего желания («Слово – Психея!»), любой частью этого спектра, и наоборот. Поэтому «мелкий дождик» становится «нежным дождиком»³⁴⁸, «в нежной сутолке» означает «в деликатной сутолке», «народец мелкий» может означать «народец умный», а «самый нежный ум»³⁴⁹ может быть «самым хитрым умом» и т. д.

1.4.4.2. Словосочетание достигает результата 1.4.4.1, проектируясь в немецкое (идиш) объединенное «сложное слово», и «выкачивая» из него измененную семантику.

Примеры:

- «сонные казни»³⁵⁰ приобретают в результате этой процедуры нестандартную семантику немецкого *Traumstrafen* = ‘воображаемые (напр. в сновидении) казни’.
- точно так же в строке «Сонным обзором я жизнь воскрешаю»³⁵¹ имеется в виду не сонное состояние «обозревателя», а обзор, являющийся как бы видением, галлюцинацией, т. е. нечто вроде немецкого *Traumübersicht*.

1.4.4.3. Лексема достигает результата 1.4.4.1, но не через «полное тело» своего иноязычного эквивалента, а через использование его консонантного костяка – генерируются связи с русскими словоформами с тем же (может быть, переставленным) консонантным составом. Эта техника³⁵² продуцирует стран-

³⁴⁸ См. [I, с. 130].

³⁴⁹ См. [I, с. 135].

³⁵⁰ «Разговор о Данте», гл. II.

³⁵¹ Вариант к стих. «Нет, не мигрень...» [I, с. 394].

³⁵² Работающая, разумеется, в обоих направлениях: как от исходной немецкой словоформы, так и от исходной русской словоформы.

ные, на первый взгляд, связи: «Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь»³⁵³.

Пример. В стих. «Голубые глаза...» (1934) слово «казнь» через свой консонантный набор [k/g-z-n] связывается с немецко-идишским *Gesang* [gezank] = 'песня, стих', и с итальянским *canzone* 'песня', что и имплицитно русское слово «песнь», см. подробнее Приложение.

1.4.4.4. Изначально работает сквозной набор консонант (возникающий, чаще всего, из какой-то русской или иноязычной словоформы), генерируя русско-иноязычные связи и смыслы – «поэтическую речь живет блуждающий многосмысленный корень»³⁵⁴. Эта техника параллельна рассмотренному еще О. Роненом в работе 1973 г. приему анаграммирования ключевого слова в тексте М³⁵⁵.

Пример. Набор консонант (PRSTN) в «Грифельной Оде» генерирует слова «кремень» (через *Feuerstein* = 'кремень'), «старая песня», «перстень» и далее через весь текст.

1.4.4.5. М часто использует устойчивые ассоциативные ряды, порождаемые русско-иноязычными связями, как стандартные ассоциативные блоки.

Примеры таких стандартных блоков:

(1) шум-пена-музыка, (2) хлеб-плоть-слово, (3) дремучий-густой-поэтический, (4) шелест-хмель, (5) глаз-стекло-стакан-рюмка, (6) кровь-цвет и т. д.

1.4.4.6. М использует скрытые иноязычные словоформы для придания дискурсу (или усилению) эффекта разговорности, спонтанности, эмоционального контакта с «собеседником», для получения того, что в гештальт-психологии называют *aha-effect*³⁵⁶. Этим эффектам способствует «структурная неожиданность», изолированность, выключенность этих слов из синтак-

³⁵³ Стих. «Голубые глаза и горячая лобная кость...» (1934) [I, с. 207].

³⁵⁴ [II, с. 209].

³⁵⁵ [29, с. 244].

³⁵⁶ См. подробнее в п. 1.5.6.3 (Б).

сиса фразы, их врезание как бы в скобках в тело фразы³⁵⁷.

Здесь же типологически относится направленная «макаронизация» текста для достижения определенного стилизового эффекта.

Простейший пример такой макаронизации: «Это есть художник Альтман, / Очень старый человек ...»³⁵⁸.

1.4.4.7. Скрытые иноязычные словоформы используются М для «прозаизации» дискурса, для получения в тексте эффектов, которые он в статье «Буря и натиск» (1923) квалифицирует как свойства прозы: «Проза асимметрична <...>; настоящая проза – разнотой, разлад, многоголосие, контрапункт; ...» [II, с. 293].

1.4.5. Специфика «германского монитора»: германизмы в текстах Мандельштама.

Статистика, классификация, вид, пересечение с идишем.

1.4.5.1. Общая статистика. Всего выявлено около 650 «германизмов» в текстах Мандельштама³⁵⁹. Из них 62–65 % могли бы быть идишизмами, т. е. являются *когнатами соответствующих У-слов или конструкций.

1.4.5.2. Характеристики немецкого языка М.

Произношение. В «германских» суггестиях в текстах М явно проступают некоторые черты южнонемецких (+ рейнский) диалектов.

В частности,

(а) сибилантное произношение графемы $ch = [\text{š}]$, проявляющееся в немецких суггестиях у М, характерно для диалекта

³⁵⁷ Интересно, что приблизительно то же (использование грамматически изолированных элементов, «тенденция к диалогичности», «направленность на контакт с собеседником») говорит Л. Найдич, анализируя стиль Пауля Целана, немецко-еврейского поэта, переводившего М на немецкий и во многом себя с М отождествлявшего [6, с. 197].

³⁵⁸ [I, с. 348]. Это шуточное стих. 20-х гг. По свидетельству мемуаристов, М читал его вслух, демонстрируя «немецкий акцент».

³⁵⁹ Все они приводятся в Приложении.

Рейнской области, к которой относится Гейдельберг³⁶⁰

(б) стяжение дифтонга [au] → [a]. Это черта южнонемецких диалектов³⁶¹. Возможно также влияние идиша отца («польско-го» диалекта Y?).

Примеры стяжения дифтонга:

«Сусальным золотом горят...», 1908: «В кустах ('куст' = Strauch [štrax]) игрушечные волки глазами СТРАШными глядят».

«Два трамвая», 1925: «сонный ('сон' = Traum [tram]) трамвай».

«Сегодня можно снять декалькомани...», 1931: «И Фауста бес [fasta-bes, для сохранения размера] – сухой и моложавый...».

«Фаэтонщик», 1931: «Карабахе (→ raubgierig [rabkierix] 'хищный'), в ХИЩНОМ городе Шуше».

«10 января 1934»: «У конькобежца в пламень (Flamme) голубой, – / Морозный пух (Flaum [flam] 'пух') в железной крутят тяге...».

«Стихи о неизвестном солдате» (вариант), 1937: «В глубине черномраморной устрицы / Аустерлица [asterlitsa, для сохранения размера] погас огонек».

1.4.5.3. Соотношение немецкого и идиша в дискурсе М.

Из данных п. 1.4.5.1 следует, что большинство G-суггестий конкурируют с Y-суггестиями, причем плотность конкуренции выше в первые годы творчества М. Это – аргумент в пользу того, что «коренной, внутренний» немецкий М был немецким его отца, т. е. немецко-идишским *суржиком*. При этом «идиш» в случае самого М являлся смесью литовско-курляндского (мать – из Вильны, отец – из Жагор на границе Литвы и Курляндии) и польского диалектов.

В устах же отца М, по-видимому, часто звучал «германизированный» (т. е. с повышенной плотностью немецкой лексики) идиш.

³⁶⁰ См. [92, с. 56].

³⁶¹ Например, баварского, см. [96, с. 100].

Поэтому в сознании М многие Y-слова контаминировались с соответствующими немецкими, и для отделения идишизмов от «германизмов» у М требуются иногда достаточно тонкие рассмотрения, иногда же просто не хватает информации.

Обычно при этом возникает один из 2 случаев:

Ситуация 1. Оба конкурента – фонетически различные (иногда почти не различные) «германские» когнаты.

Пример: в стих. «В огромном омуте прозрачно и темно...» (1910).

В стр. «Соскучившись по милом иле, / То – как соломинка, минаю глубину...» «ил» связывается с «соломинкой» фонетически через Schlamm = Y[šlam] = 'ил'.

Но Schlamm и Y[šlam] фонетически почти идентичны и при отсутствии какой-либо дополнительной информации, окончательный выбор невозможен.

Ситуация 2. Y-конкурент осложнен гебраизмом.

Пример: в стих. «Фээтонщик» (1931).

В стр. «Там, в Нагорном Карабахе, / В хищном городе Шуше... » в подтексте слова «Карабах» происходит контаминация немецкого raubgierig 'хищный' и идишизмов YL [reyb-xaye] 'хищник', Y [royb-xayeš] 'хищный', где основа [xaye] 'зверь' – гебраизм.

Без дополнительной информации этих конкурентов невозможно развести.

1.4.6. Специфика «французского монитора»: галлицизмы в текстах Мандельштама.

Статистика и примеры.

«Французский монитор», т. е. отслеживание и обработка в генерируемом М-тексте возможных франко-русских омонимических, паронимических и т. п. связей, – «включается», в отличие от G-монитора, нечасто.

Можно попытаться описать специфику текстов, на которых он «работает». Представляется, что это, прежде всего, тексты, в которых выявляются (проявляются) отношения автора с окружающим обществом, общественным устройством, государством и т. п. Т. е. нечто вроде «гражданской лирики». Вероятно,

такие свои тексты подразумевал Мандельштам, говоря (в начале 30-х): «Сейчас стихи должны быть гражданскими».

Если эта гипотеза верна, то «включение» французского монитора здесь отражает тот факт, что М вполне находится в русле российской традиции соотнесения своей собственной «общественной» парадигмы с французской → «французские» ассоциации и т. д.

Яркими примерами «гражданских» М-текстов, в которых мощно работает «французский монитор», являются «Египетская марка» (1927) и стихотворение «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..» (1931)³⁶².

По грубой оценке, неявных галлицизмов у М на порядок меньше, чем германизмов, т. е. около 70–80 случаев.

Мандельштам мыслит
«тропическим разумом»

Б. Успенский³⁶³

1.5. Специфика метафорики Мандельштама.

1.5.1. Несколько обобщений.

Прежде всего, важно понять, что для Мандельштама метафора не есть произвольное украшательство, но, скорее, ситуационно обусловленный механизм (аппарат) для создания нового смысла³⁶⁴ и «наглядной» **передачи информации**. Нетривиальность здесь в том, что происходит, прежде всего, передача информации самому себе, т. е. «разбор», попытка «понять», «осознать» нечто³⁶⁵.

³⁶² См. подробнее п. 3.4, а также Приложение: входы с пометой Fr.

³⁶³ «Тропический разум» – выражение Стефана Яворского, цитируемое Б. Успенским в его «классической» работе по метафорике Мандельштама [102, с. 299].

³⁶⁴ Ср. высказывание Д. Лакоффа и М. Джонсона: «Мы считаем метафору необходимой для человеческого понимания и рассматриваем ее как механизм создания новых значений и новой реальности» [190, с. 218].

³⁶⁵ В этом смысле, метафорика М глубоко «мифологична». См. п. 2.4.1. Б. Успенский пишет в статье «Анатомия метафоры у Мандельштама»: «...возникает новое семантическое пространство, нечто подобное имеет место в

Это «аппаратное средство» глубоко зашито в устройстве сознания Мандельштама³⁶⁶. Вот что он сам об этом говорит в РД:

«Предлагаемые примерные определения меньше всего имеют в виду метафорическую отсебятину. Тут происходит борьба за представимость целого, за наглядность мыслимого. Лишь при помощи метафоры можно найти конкретный знак для формообразующего инстинкта <...>. Дантовские сравнения никогда не бывают описательны, то есть чисто изобразительны. Они всегда преследуют конкретную задачу дать **внутренний образ структуры**, или тяги»³⁶⁷.

Это замечание Мандельштама сообщает нам, кроме прочего, важнейшую информацию о «геометричности» его метафоры. Подробнее об этом – ниже в п. 1.5.6.

Если метафора для Мандельштама – технический способ «максимизации» информации, передаваемой текстом, то понятен ее «взрывной» характер в его тексте: ведь в точке «взрыва» информация резко, скачкообразно возрастает, см. п. 1.2.2.2 (б).

Не менее важно, что метафора для Мандельштама – это еще и техническое средство для интенсификации коммуницирования с «миром», т. е. с читателем и с мировым текстом, иначе говоря, для повышения уровня интертекстуальности, «склеивающей» тексты различных пластов времени. В РД он говорит об этом:

мифологическом тексте, где нарушаются привычные, нейтральные семантические связи <...> метафора Мандельштама выступает как средство филологического познания мира» [102, с. 292, 330].

³⁶⁶ Б. Успенский пишет об этом же: «Одна из особенностей поэзии Мандельштама состоит именно в том, что метафора здесь выступает не только как поэтический образ, но интимно связана с самим содержанием стихотворения». Далее в этой же работе Б. Успенского: «...метафорическая образность для Мандельштама – это **способ мышления**, а не способ выражения некоторого содержания» [102, с. 293, 299]. Мне все же представляется, что мандельштамовская метафора *per se* – это еще и носитель релевантного смысла. Сравним это с «геометрическими» моделями («картинками» = метафорами) в математике и в физике. Они часто позволяют понять/увидеть нечто, с первого взгляда неочевидное: разве можно эти «картинки» считать лишенными содержания и всего лишь «способом мышления» соответствующего математика?

³⁶⁷ РД, гл. 3 [II, с. 225].

«... мне кажется, что метафора Данта обозначает **стояние времени**. Ее корешок не в словечке “как”, но в слове “когда”. Его “quando” звучит как “come”. Овидиев гул ему ближе, чем французское красноречие Вергилия. Снова и снова я обращаюсь к читателю и прошу его нечто себе “представить”, то есть обращаюсь к **аналогии**, ставящей себе единственную цель – восполнить недостаточность нашей определительной системы»³⁶⁸.

При этом метафора Мандельштама не детерминируется «логикой здравого смысла»³⁶⁹. Она, повторим, носит принципиально неожиданный, взрывной характер. Он говорит об этом в РД:

«Сила дантовского сравнения – как это ни странно – прямо пропорциональна возможности без него обойтись. Оно никогда не диктуется нищенской логической необходимостью»³⁷⁰

Ниже мы рассмотрим **некоторые** техники организации метафоры, характерные для текста Мандельштама. Прежде всего, это техники, связанные с использованием «иноязычных интерференций» и СИ-операторов.

1.5.2. Дефиниции³⁷¹.

Метафора – это семантический оператор (функция) $A \rightarrow B$, под воздействием которого «семантическое пространство» объекта A отображается (например, «вкладывается») в семантическое пространство объекта B . Простым языком это выражается, обычно, так: « A похоже на B », « A – это как B », «гештальт A можно рассматривать как часть гештальта B » и т. п.

Известные «метафорологи» Лакофф и Джонсон пишут: «*Суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида [A] в терминах сущности другого вида [B]*»³⁷².

³⁶⁸ Там же, гл. 11 [I, с. 252].

³⁶⁹ «К каузальной причинности он [Дант] брезглив». Там же, гл. 11 [II, с. 251].

³⁷⁰ Там же, гл. 3 [II, с. 226].

³⁷¹ В последней главе РД Мандельштам говорит об определениях метафоры: «На прямой вопрос, что такое дантовская метафора, я бы ответил – не знаю, потому что определить метафору можно только метафорически, – и это научно обосновываемо» [II, с. 251–252].

³⁷² [190, с. 27].

Пример 1: «И Гамлет, мысливший пугливыми шагами». Здесь А = «мыслительный процесс Гамлета», В = «способ ходьбы, при котором идущий постоянно (испуганно?) оборачивается». Текст Мандельштама эксплицитно заявляет здесь, что А принадлежит В, что немедленно порождает блестящую метафору.

Пример 2: Любой **подтекст есть вид (ситуационной) метафоры**. В самом деле, если в какой-то точке текста X просвечивает другой текст Y, то это означает, что семантическое пространство А окрестности этой точки отображается в «семантическое пространство» В этого другого текста. Возникает семантический оператор $A \rightarrow B$ из вышеприведенного определения. В результате, А (т. е. исходная окрестность точки в X) начинает описываться (пониматься) в «терминах» В (т. е. семантического пространства, связанного с Y).

Например, в строке Мандельштама «Мне на плечи кидается век-волкодав», в подтексте – отрывок из мандельштамовской же «Феодосии», описывающий казачьего сотника (см. п. 3.1.2). В результате вся строка метафорически описывается в «реалиях» этого отрывка из «Феодосии». В частности, «век-волкодав», «кидающийся на плечи» становится «буркой», накидывающейся на плечи сотника, автор становится самим сотником, для которого эта бурка совсем не опасна, а даже, наоборот, дружественно тепла, как **шуба**. Правда, автору «Волка» этот вид шубы не нужен, ему нужна «шуба сибирских степей» и т. д.

Метонимия – семантический оператор $(A, B) \rightarrow C$, формирующий новый объект С, семантическое пространство которого есть «пересечение» (или часть пересечения) семантических пространств объектов А и В. Далее, объект С выступает в различных высказываниях как «замена» А или В, что и является конечным результатом действия оператора метонимии. Простым языком, при метонимии «мы используем одну сущность для ссылки на другую, которая с ней связана»³⁷³.

Например, в строках Мандельштама «И всегда одышкой болен Фета жирный карандаш»: А = Фет (имя поэта), В = свой-

³⁷³ [190, с. 61].

ство человека «быть жирным», С = русско-немецкая омофоническая **связь «Фет»** \leftrightarrow **fett** (русс. фамилия «Фет» и немецкое fett 'жирный' звучат одинаково). Эта связь и является в данном случае результатом метонимии. Она дает возможность, например, переименования: **Фет** \rightarrow **Жирный**.

Уже после действия «оператора метонимии» начинает действовать «оператор метафоры» (использующий результат метонимии), который генерирует метафору (Фет) \rightarrow (жирный карандаш, большой одышкой).

Тем самым, метонимия как бы «наводит» на метафору. Эта суперпозиция (последовательное применение) операторов метонимии и метафоры стандартна для текста Мандельштама, см. об этом ниже.

1.5.3. Иноязычные интерференции и СИ-операторы как аппаратные средства метафорики М.

У Мандельштама частотна следующая техника порождения метафоры (частично об этом уже говорилось в предыдущем параграфе): СИ-оператор сам по себе – это суперпозиция **метонимии**³⁷⁴ и **метафоры**, являющейся окончательным «значением» СИ-функции в тексте³⁷⁵.

Точнее, окончательное «значение» СИ-функции есть *образ* семантического отображения, получающегося в результате всего процесса. Этот образ содержит порождаемую метафору.

Пример. Рассмотрим «модельную» строку Мандельштама: «есть блуд труда, и он у нас в крови». Здесь слово «блуд» является аргументом СИ-оператора русско-немецкой омофонии, который дальше работает так: сначала продуцирует **метонимию**, т. е. ставит в соответствие русскому слову «блуд» смежное по звучанию немецкое Blut 'кровь', а затем, на основе значения «кровь» и исходного аргумента «блуд», генерирует ситуационную мета-

³⁷⁴ Формирующейся как результат, например, межъязыковой омофонии, паронимии, эквиконоантизма и т. д.

³⁷⁵ О. Ронен писал в статье 80-х гг.: «**Доминирующим тропом** образного языка акмеистов стал некий гибрид метафоры и метонимии, позволяющий создавать сложные системы интеллектуальных аналогий, сопрягающих подобное в наиболее отдаленном и одновременно обнаруживающих скрытое сходство частей и целого» [2, с. 518].

фору: «блуд труда», акцентирующую концепт «крови»³⁷⁶, а затем акцентирует, что это **наша** кровь. Тем самым, получается «двухступенчатая» метафора со смыслом: «труд наш – это присущий нам кровавый (кровосмесительный) блуд»³⁷⁷.

Еще пример, являющийся, фактически, неким усложнением вышеприведенного. Рассмотрим строки Манделъштама из стих. «Квартира»: «Какой-нибудь изобразитель, <...> Чернила и крови смеситель...».

Здесь сначала – «двухступенчатая» метонимия: ИЗ-ОБРАЗИТЕЛЬ → BILD ‘образ’ → БЛУД, BLUT.

Далее – многоступенчатая метафора: (БЛУД, BLUT) → (БЛУД, КРОВЬ) → (асс.) КРОВОСМЕСИТЕЛЬ → ЧЕРНИЛА И КРОВИ СМЕСИТЕЛЬ

1.5.4. Почему метафорику Манделъштама можно назвать «метафорикой катастрофы/взрыва»?

Прежде всего, имеет место мощная «энергетическая насыщенность» метафорики Манделъштама. Он говорит в РД о метафорике Данта (и о своей):

«...дантовские многочисленные, многопарусные и **кинетиически раскаленные сравнения** до сих пор сохраняют прелесть никому не сказанного»³⁷⁸.

Метонимия, организуемая СИ-оператором, является, разумеется, разновидностью «семантического взрыва». Если применить кино-метафорику, то это резкий blow-up, взрывающий гладкое развитие кино-нарратива, которое Манделъштам презрительно называл «ленточным глистом».

Основная функция метонимии у Манделъштама – неожиданное сообщение (сигнализация) о предстоящей метафоре. Манделъштам говорит об этой информационной функции в цитировавшемся выше пассаже из РД:

³⁷⁶ Здесь дело в том, что фоника «блуд труда» – это [блут-т-руда], где «руда» – синоним «крови», т. е. получается «удвоенная» (акцентированная) кровь!

³⁷⁷ Ср. в стих. «Квартира»: «Чернила и **крови смеситель**». Разумеется, гений поэта «работает», в основном, на этом втором шаге, шаге «порождения метафоры». Мы здесь пытаемся всего лишь понять «механику» работы СИ-операторов и, соответственно, **начальный** механизм порождения метафоры.

³⁷⁸ РД, гл. 9 [II, с. 247].

«...целая до сих пор не созданная наука о **спонтанном** психо-физиологическом воздействии слова на собеседника, на окружающих и на самого говорящего, а также **средства**, которыми он [Дант] передает **порыв** к говорению, т. е. **сигнализирует светом внезапное** желание высказаться»³⁷⁹.

Если к этому добавить уже упоминавшуюся ориентацию Мандельштама на неожиданность, нестандартность, новизну, «взрывную информативность»³⁸⁰ и т. п. метафоры, то можно назвать метафорику Мандельштама «метафорикой взрыва».

1.5.5. М-метафорика vs. «традиционная» еврейская метафорика.

О соответствующих точках пересечения см. подробно в п. 1.2.3: пп. 1.2.3.2-(б) в разделе «установок» и п. 1.2.3.3-(в) в разделе «техник мидраша».

1.5.6. Необходимость применения математической и естественно-научной метафорики для анализа М-текста.

«Динамический» подход к описанию семантики стиха пока удастся только в виде импрессионистических набросков **метафорического** характера.

Ю. Левин³⁸¹

«спецслужбам нужно знать – представляет ли собой Перельман, а точнее, его знания, угрозу для человечества? Ведь если с помощью его знаний можно **свернуть Вселенную в точку, а потом ее развернуть**, то мы можем погибнуть либо возродиться в ином качестве? И тогда мы ли это будем? И нужно ли нам вообще управлять Вселенной?»

Из сетевой прессы 2011 г.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Напомним его высказывание в РД: «Сравнения суть членораздельные **порывы**» [II, с. 253].

³⁸¹ В статье 1973 г. о семантике Мандельштама [187, с. 31].

Зачем, вообще, нужна «научная» метафорика при попытках понять М-текст? Дж. Лакофф, «Главный Метафоролог», дает общий ответ на этот вопрос: «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или, по природе своей, неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей»³⁸².

Но в «случае Мандельштама» другой ответ представляется более релевантным.

Перефразируя Пушкина, можно сказать, что, пытаясь понять текст поэта, нужно стараться применять те инструменты (в частности, ту **метафорику**), на которые указывает сам поэт. Мандельштам же в своей *ars poetica* (РД) сам указал будущим своим исследователям предпочтительную для него метафорику:

«Будущее дантовского комментария принадлежит **естественным наукам**, когда они для этого достаточно изощрятся и разовьют свое **образное мышление**»³⁸³.

Сюда же относится его замечательное высказывание в набросках к РД о «теории квант», вынесенное у нас в эпиграф к Введению.

А вот мета-метафоры в РД, прямо указывающие на то, что М-метафорика, в значительной степени, «физико-геометрична»:

«Если б мы научились слышать Данта, <...> мы бы нечаянно окунулись в **силовой поток**, именуемый то композицией – как целое, то в частности своей – **метафорой**...»³⁸⁴.

«Он [Дант] был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя»³⁸⁵.

Заметим, что именно Декарт (вместе с Ньютоном и Лейбницем) ввел в европейский научный и мифологический дискурс нового времени геометрическую метафорику. Поэтому сам Мандельштам (с его неевклидовой ЯКМ!) может быть назван Лобачевским метафоры в художественном тексте 20 века³⁸⁶.

³⁸² Цит. по [190, с. 10].

³⁸³ РД, гл. 4.

³⁸⁴ РД, гл. 2 [II, с. 218].

³⁸⁵ <Вокруг «Разговора о Данте»>.

³⁸⁶ См. п. 2.3.1. Ср. высказывание В. Набокова о тексте Гоголя (в котором,

РД, вообще, представляет собой как бы самоучитель для мандельштамоведов, составленный самим Мандельштамом, в котором автор излагает методику изучения своего текста, приводит примеры, обучает технике, к которой относится и необходимая для применения метафорика. Автор РД, на самом деле, мощно манипулирует читателем, «вкладывая» в него «нужную» себе метафорику понимания себя же.

Если в РД это манипулирование – эксплицитно, то в других М-текстах этот результат достигается «суггестивными» техниками.

Совершенно неудивительно поэтому, что исследователи и критики часто начинают при изучении Мандельштама «интуитивно» пользоваться метафорикой, «навязанной» им разными способами самим Мандельштамом.

1.5.6.1. Математическая метафорика.

(А) Несколько сюда относящихся общих соображений и высказываний. Характерно, что, например, Б. Успенский, анализируя метафорику Мандельштама, сам применяет математическую «мета-метафорику»: «...нам предлагается метафорический образ, а затем – **расшифровка** этого образа. Он [Мандельштам] **ставит** перед нами **задачу**, и сам подсказывает ее **решение**»³⁸⁷.

Композитор А. Лурье писал в мемуарах: «Как память **строит форму** в музыке, так история **строила форму** в поэзии Мандельштама: в ней – **музыка чисел и образов**, как у Платона и пифагорейцев, находящаяся вне всякого личного переживания или чувства»³⁸⁸.

Поэт В. Зданевич сказал в выступлении на батумском вечере Мандельштама (1920), что «...поэтическая концепция Мандельштама уподобляется **геометрическим построениям**,

как и в ряде других пассажей Набокова, можно сделать замену: Гоголь → Мандельштам): «Проза Пушкина трехмерна; проза Гоголя, по меньшей мере, четырехмерна. **Его можно сравнить с его современником математиком Лобачевским, который взорвал Евклидов мир и открыл сто лет назад многие теории, позднее разработанные Эйнштейном**» («Nikolai Gogol»).

³⁸⁷ [102, с. 311].

³⁸⁸ [59, с. 279].

абстрактность которых также совпадает с содержанием³⁸⁹ его поэзии»³⁹⁰.

В свою очередь, К. Мочульский в критической статье назвал Мандельштама «гениальным **геометром** жизни»³⁹¹.

Похоже, что эти высказывания отражают некоторую общую рецептивную ситуацию, при этом «задачи», о которых говорит Успенский, в своей концептуальной части – «геометрические», т. е. относящиеся к «построению форм» в пространстве, к устройству метафорически конструируемого «пространства» мандельштамовского текста и движений (путей, передвижений, переносов = *метафор!*) в этом пространстве.

Напомним непосредственно сюда относящееся высказывание Мандельштама о своем (и Данта) тексте:

«...происходит борьба за представимость целого, за наглядность мыслимого. Лишь при помощи метафоры можно найти конкретный знак для **формообразующего инстинкта**³⁹² <...>. Дантовские сравнения никогда не бывают описательны, то есть чисто изобразительны. Они всегда преследуют конкретную задачу дать **внутренний образ структуры**, или тяги»³⁹³.

Выше уже отмечалось, что концепт «информации» у Мандельштама тесно связан с геометрией. Дело в том, что «формообразующий инстинкт» в вышеприведенном пассаже – не что иное как «информационный драйв», стремление к порождению/получению информации. Это убедительно демонстрирует семантика латинского *informatio*, которое изначально имело четкий «векторный» смысл: «намеренно, направленно создавать формы»³⁹⁴.

³⁸⁹ Отметим, что Зданевич здесь, фактически, эксплицитно отождествляет семантику и «скрытую геометрию» текста Мандельштама.

³⁹⁰ Цит. по [180, с. 511]. Это, на самом деле, цитата из **пересказа** выступления В. Зданевича в «отчете» о вечере (газета «Батумская жизнь», 18.09.1920). Но пересказ, по-видимому, принадлежит самому Зданевичу, потому что «отчет» в газете подписан инициалами В.З.

³⁹¹ Рецензия на ШВ (1925 г.).

³⁹² Это выражение явно заимствовано Мандельштамом у Бергсона: см. ниже цитату из «Творческой эволюции», применяющую понятие «инстинкт».

³⁹³ РД, гл. 3 [Ш, с. 225]. Геометрическая мета-метафорика для мандельштамовской ТЯГИ – это «вектор», «векторное поле», «касательное пространство», «дифференциал» и т. п.

³⁹⁴ Представляется, что Мандельштам понимал понятие информации именно в изначальном смысле латинского *informatio*. Вот полный семантический

Тем самым, «конкретный знак для формообразующего инстинкта» в РД означает в переводе на «обычный» язык: «геометрический образ (геометрическая метафора), помогающий создать (понять, передать и т. п.) информацию о рассматриваемом объекте».

Эти геометрические метафоры создаются в своем сознании исследователем или просто квалифицированным читателем не с помощью математических рассуждений, использующих «стандартную» логику, но (по Бергсону!)³⁹⁵ с помощью **интуиции**.

С их помощью исследователь/читатель пытается влезть во внутренний мир генератора текста, то есть сделать то, что М сам делает в РД, анализируя Данта и заодно себя самого³⁹⁶.

Вот пример: М так метафоризирует интуитивно ощущаемую им *многомерность* и *неевклидовость* своего текста (точнее, семантического пространства М-текста), а также необходимость изучения его *геометрии*:

«К Данту еще никто не подходил с геологическим молотком, чтобы **дознаться до кристаллического строения его породы** <...>. Поэзия, завидуя кристаллографии, кусай ногти в гневе и бессилии! Ведь признано же, что математические комбинации, необходимые для кристаллообразования, **невыводимы из пространства трех измерений**. Тебе же отказывают в элементарном уважении, которым пользуется любой кусок горного хрусталя!»³⁹⁷

Картинку ЯКМ Мандельштама, получающуюся с помощью геометрической метафорики, я пытаюсь передать в главе 2 (п. 2.3) настоящей работы.

спектр infocto: '1. Придавать вид форму, формировать, создавать, делать, образовывать, лепить, устраивать, организовывать. 2. Обучать, воспитывать. 3. Строить, составлять. 4. Мыслить, воображать'.

³⁹⁵ Бергсон, рассматривая более общую ситуацию, говорит (это его высказывание было, несомненно, известно Мандельштаму): «Внутри же самой жизни нас могла бы ввести *интуиция* – то есть инстинкт, ставший бескорыстным, **осознающим самого себя**, способным размышлять о своем предмете и расширять его бесконечно» [81, с. 185].

³⁹⁶ Уместно и крайне существенно здесь отметить, что так же действует в своих «текстологических» работах П. Флоренский, см. ниже в п. (Б).

³⁹⁷ РД, главы 5–6.

Подобные бергсоновские «интуитивные» геометрические метафоры называются Мандельштамом «ростками» познания, «глухими недоразвитками, тянущимися понять...»:

И тянется глухой недоразвиток
 Как бы дорогой, согнутою в рог,
 Понять пространства внутренний избыток
 И лепестка и купола залог.

Отметим, что современные исследователи метафоры Д. Лаккофф и М. Джонсон считают, что геометрическая метафорика, вообще, естественна для процесса осмысления текста человеческим мозгом. Они пишут:

«Так как существует связь между речью и временем, а время метафорически концептуализируется в терминах пространства, для человека естественно осмыслять язык [и, тем самым, текст. – Л.Г.] в терминах пространства. Наша система письма еще больше закрепляет такой способ концептуализации. Когда мы записываем предложение, нам еще проще концептуализовать его как пространственный объект со словами, расположенными в линейной последовательности»³⁹⁸.

Все же у М была какая-то сверхзадача для применения (и пропаганды применения) геометрической метафорики. Мне представляется, что эта задача связана с его попытками осознать ДПБ-связь между континуальностью (непрерывностью) «сознания» и дискретностью (разрывностью, в пределе – взрывом) вербального текста, пытающегося выразить это сознание. В этом случае, геометрические картинки есть попытка «увидеть» («зрением напитать») эту континуальность сознания, они отражают, выражают и способствуют «осознанию» континуальности сознания, невыразимой вербально и т. д.

Удачно, на мой взгляд, формулирует эту ДПБ-ситуацию в общем случае израильский натурфилософ Э. Бормашенко:

«Глубокая аналогия между измерением и человеческой речью была подмечена Давидом Бомом. Процесс нашего мыш-

³⁹⁸ [190, с. 157].

ления, по-видимому, непрерывен, но преобразование непрерывной мысли в слова подобно скачку, происходящему при **квантово-механическом** измерении. Потери при таком скачке неизбежны. Именно в этом смысле можно толковать тютчевский *Silentium*:

Мысль изреченная есть ложь.

Взрывая, возмутить ключи

Речь разбивает мышление, размечая пространство мысли, подобно тому, как ньютоновские линейки расчерчивают физическое пространство, превращая во вмещилище наличных вещей. И, по-видимому, речь делает для нас непостижимыми явления сознания, по природе своей, континуального (М. Мамардашвили). Платой за язык служит затемненность, непроницаемость актов сознания, подобно тому, как платою за измерение является наша неосведомленность в истинном состоянии физической системы»³⁹⁹.

(Б) Предложим теперь, выполняя указания М, некоторые «конкретные» геометрические модели М-семантики, попытаюсь максимально сопрячь, «увязать» их с феноменами М-текста и с метатекстами самого М.

Рассмотрим лист Мебиуса⁴⁰⁰ и объявим его «пространством единого М-текста», каждая точка которого со своей небольшой окрестностью есть СЛОВО М-текста с «небольшой» текстуальной окрестностью.

СМЫСЛОМ слова назовем **ориентацию** соответствующей окрестности, т. е. нормаль к поверхности в данной точке и направление вращения «по часовой стрелке», или против, если смотреть на окрестность «с вершины» этой нормали. Заметим, что у каждой точки – две противоположные ориентации и, тем самым, два исключаяющих друг друга «смысла».

В этой геометрии циклическому семантическому оператору типа [точка X] \rightarrow [точка СИ(X)] \rightarrow [точка X], при котором

³⁹⁹ См. <http://www.7iskusstv.com/2010/Nomer12/Bormashenko1.php>

⁴⁰⁰ Или, что то же самое, его компактифицированный вариант: бутылку Клейна, см. обложку.

«обычный» смысл X противоположен (лучше сказать: «дополнителен по Бору») смыслу СИ(X), будет соответствовать «нестягиваемый цикл» (путь) на листе Мёбиуса, при непрерывном обходе которого ориентация в точке X (при возвращении в нее) заменяется на противоположную.

Тем самым, на рассматриваемой картинке возникает два вида «путей-циклов»: «нестягиваемые» – т. е. с изменением ориентации (с возникновением ДПБ-смысла) в процессе их обхода, и «стягиваемые» – т. е. без изменения ориентации.

В «пределе» же «пространство» М-текста (т. е. объединение высказываний) распадается на множество путей-циклов⁴⁰¹, и **каждое слово есть путь** в этом пространстве, потенциальный семантический взрыв, оксюморон и т. д.

Это, в сущности, геометрическая реализация метафоры самого М, который в РД (гл. II), фактически, вводил понятие «семантического цикла»:

«Когда мы произносим, например, «солнце», мы не выбрасываем из себя готового смысла, – это был бы семантический выкидыш, – но переживаем **своеобразный цикл**. Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку. Произнося «солнце», мы совершаем как бы огромное **путешествие**, к которому настолько привыкли, что едем во сне⁴⁰². Поэзия тем и

⁴⁰¹ Ср. Ю. Левин в статье 70-х гг.: «Предельный случай – превращение высказывания в набор «блаженных слов»: «Россия, Лета, Лорелея», «Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита», «ласточка, подружка, Антигона» [187, с. 65].

⁴⁰² Т. е. «слово», по Мандельштаму, есть «путешествие во сне». Это и есть смысл частой у М метафоры «блаженное слово» = «перемещающееся, совершающее обход» слово. Заметим, что у лексемы «блаженный» в М-тексте присутствует смысл «перемещающийся, блуждающий». Это результат польско-идишской интерференции Y[blundžen] = 'блуждать', см. в Приложении интерференции в стих. «Я не слышал рассказов Оссиана...». Напомним, что, по РД (4-я гл.), М-текст «стремится проникнуть внутрь себя самого». Поэтому упоминание «сна» здесь совершенно не случайно: дело в том, что сон = *мидраш* (изучение) «текста реальности = яви», как и «миф» = *мидраш* «реальности», см. п. 1.2.3. «Наяву» же происходит *мидраш* (изучение) «текста сна», т. е. снова возникает «семантический цикл». Крайне интересно, что Ю. Лотман, говоря о сне как «традиционном приеме введения текста в текст» и рассматривая лермонтовский «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана»), приходит к метафоре «нестягиваемого цикла» на листе Мёбиуса! Он пишет:

отличается от автоматической речи, что будит нас и встряхивает на середине слова. Тогда оно оказывается гораздо длиннее, чем мы думали, и мы припоминаем, что **говорить – значит всегда находиться в дороге. Семантические циклы** дантовских песней построены таким образом, что начинается, примерно, – “мёд”, а кончается – “медь”; начинается – “лай”, а кончается – “лёд”»⁴⁰³.

Фактически ту же метафору «слова-пути» М передает Рудакову в Воронеже: «Каждый зародыш (**росток**) должен обрастать своим словарем, обзаводиться своим запасом, **идя в путь**, перекрывая одно движение другим»⁴⁰⁴.

Вот простейший пример рассмотренного цикла (в «модельной» строке «есть блуд труда, и он у нас в крови»):

БЛУД → Blut → В КРОВИ → БЛУД.

Компактифицированный лист Мебиуса (т. е. метафора М-текста, который изучает себя, «проникает» сам в себя) – это «бутылка Клейна»⁴⁰⁵, которую М (продолжим бутылочную метафорику) бросает в океан текста, не зная, кто ее выловит и расшифрует. Бутылка Клейна – это метафора текста, пытающегося (по Бергсону) породить и осознать сам себя⁴⁰⁶.

Напомним, что в РД (гл. 4) М так описывает этот феномен: «непрерывное превращение материально-поэтического суб-

«...умирающий герой видит во сне героиню, которая во сне видит умирающего героя. Повтор первой и последней строф создает пространство, которое можно представить в виде **кольца Мёбиуса**, одна поверхность которого означает сон, а другая – явь» [188, с.118]. Здесь редкий случай неточности у Лотмана: лист Мебиуса – **односторонняя** поверхность. Но более важно, что та же геометрическая картинка «метафоризирует» строки М в «10 января 1934»: «**Сон в оболочке сна, внутри которой снилось** /На полшага продвинуться вперед».

⁴⁰³ Интересно, что Ю. Левин, под влиянием этого «геометрического» высказывания М в РД, пишет в статье 1971 года: «семантика слова [в М-тексте – Л.Г.] как бы образует некий **непрерывный ряд**, своего рода **дорогу**, путешествие по которой мы совершаем, произнося это слово» [187, с. 150].

⁴⁰⁴ Письмо С. Рудакова цит. по [210, с. 61].

⁴⁰⁵ См. рис. на обложке и Глоссарий.

⁴⁰⁶ Ср. у М в «Восьмистишиях»: «Преодолев затверженность природы, голуботвердый глаз проник в ее закон». «Второй» смысл здесь: ПРИРОДА = ТЕКСТ. Преодолевая свою затверженность, ТЕКСТ изучает самого себя с помощью своей части (ГЛАЗА).

страта, сохраняющего свое единство и стремящегося проникнуть внутрь себя самого»⁴⁰⁷.

Эта метафора еще недостаточно безумна для передачи «устройства» М-текста. Следующий уровень геометрической оргии – это т. н. «пенистое пространство», где «росток» в виде «бутылки Клейна» «вклеивается» в **каждую** точку пространства X.

Пенистое пространство – это геометрическая мета-метафора (суперпозиция метафор) психолингвистической установки на «семантический взрыв» в каждой точке пространства М-текста.

Предельно обобщая, можно сказать, что если «циклы», «пути», «пространство» – это «глобальная М-геометрия», то «взрыв» (вклеивание Мебиуса-Клейна) и «непрерывность семантического отображения» – это локальная М-геометрия.

Идея о «метафоризируемости» семантического М-пространства неориентируемым односторонним многообразием типа листа Мебиуса (бутылки Клейна) получает неожиданного сторонника в лице П. Флоренского, которого, кажется, собственно М-текст совершенно не интересовал.

В своей замечательной работе «Мнимости в геометрии» (1922) Флоренский аргументирует «мебиусность» геометрии мира Данта в «Божественной комедии» (см. п. 2.3.2). Эта работа была, скорее всего, известна М, которого всегда интересовали работы Флоренского, а также все, связанное с Дантом.

Исключительно интересно здесь принципиальное различие объектов метафоризации. Флоренский «изучает» геометрию физического, непосредственно наблюдаемого мира «Божественной комедии». Мандельштам же, с помощью той же метафорики «изучает» сам **текст** «Божественной комедии»⁴⁰⁸,

⁴⁰⁷ Напомним также, что этот феномен полностью совпадает с фундаментальным свойством еврейского традиционного текста (мидраша) порождать и «изучать» самого себя, см. п. 1.2.3.

⁴⁰⁸ В этом, как мне представляется, проявляется резкое несовпадение культурно-цивилизационных субстратов. Флоренский «фокусирует» установки (матрицы) **иконической** «православной системы», в то время как М является таким же фокусом для **текстуальной** «еврейской системы». Это требует отдельного рассмотрения.

т. е. свой собственный: здесь, как и во многих местах, работает установка М на **перформативность** генерируемого текста.

1.5.6.2. «Физическая» метафорика.

(А) Вот пример физической метафоры, позволяющей лучше понять текст (мета-текст) М: представляется, что его принцип «обратимости поэтической материи» (РД) удачно метафоризируется как «закон сохранения семантической энергии», или, немного конкретнее: «закон сохранения семантической информации, количества смысла и т. п.»

(Б) Система образов и метафор, связанных с квантовой теорией, бесспорно, присутствовала в сознании М (в М-ЯКМ), см. хотя бы эпиграф к Введению. Поэтому выявление рефлексов этой системы в его текстах позволяет ожидать от применения «квантовой» метафорики прояснения ряда «темных смыслов» в М-текстах.

Конечно, прежде всего, «дополнительность по Бору» (ДПБ). Этот по-настоящему революционный комплекс идей был вербально оформлен Н. Бором в 1927 г. и к моменту написания РД был широко известен в узких кругах европейской интеллектуальной элиты, в частности, московских ученых-естественников, с которыми общался М⁴⁰⁹.

Совершенно очевидно, что ДПБ-идеология мощно резонировала с «еврейской» матрицей «оксюморонности» (см. п. 1.2.3), с детства присутствовавшей в сознании М. Представляется, что этот «идейный резонанс» и вызвал у М уверенность, что именно данная (совершенно безумная для начала 30-х гг.) физическая теория способна объяснить другим и ему самому устройство его текста⁴¹⁰.

⁴⁰⁹ Интересно, что Бор приехал в Москву и выступил в Политехе с публичной лекцией в мае 1934. Успел ли М до ареста его послушать?

⁴¹⁰ Существенно, что взгляды М на применение «квантовой метафорики» со временем не устарели, но, скорее, актуализировались. Вот высказывание современного философа-культуролога: «Экскурсы в квантовую физику, биологию, нейрофизиологию и другие не гуманитарные области делаются <...> единственно с целью нахождения точек опоры для выхода за пределы куль-

Именно феномен ДПБ-эффектов актуализирует высказывание М: «Дант может быть понят лишь при помощи теории квант». Снова применяя геометрическую метафорику из п. 1.5.6.1, можно сказать, что на листе Мебиуса (бутылке Клейна) актуализируется ориентационный (= смысловой) ДПБ-эффект.

Приведем еще рефлексы идеологии «теории квант» в РД.

Отрицание детерминированности квантовых процессов в пользу их вероятностной интерпретации Мандельштам метафоризирует следующим неожиданным образом:

«...в авторитете или, точнее, в авторитарности [= детерминированности. – Л.Г.] мы видим лишь застрахованность от ошибок и совсем не разбираемся в той грандиозной музыке доверчивости, доверия, тончайших, как альпийская радуга, нюансах ВЕРОЯТНОСТИ и уверованья, которыми распоряжаются Дант»⁴¹¹.

Известную квантовую ситуацию «вмешательства измерительного прибора» в состояние измеряемого объекта М метафорически проецирует в поэзию:

«В поэзии все есть мера, и все исходит от меры и возвращается вокруг нее и ради нее, измерители есть орудия особого свой-

туры как анализируемой системы. (Ни в каком ином смысле мы из культуры выйти не можем). Ведь если культура – звено в цепи глобальной эволюции систем, то постичь её основы можно лишь выйдя мыслью за её пределы. И только здесь, в области наук, изучающих иные (соседние) системы, удаётся нащупать основания, опираясь на которые представляется возможным избавиться от собственно культурологических, метафизических и иных стереотипов: телеологизма, историоцентризма и т. п. <...> Физическим носителем культуры выступает ментальная сфера человеческого индивидуума, а структурной единицей – производимый ею СМЫСЛ. <...> **Аналогия кванта и смысла – не только метафора.** Если квант приобретает вид дискретной частицы, только попадая в поле измерения и под действием сознания наблюдателя, то и смысл, существуя изначально в виде интенции, направленности, лишь под воздействием психической концентрации (в пределе – рефлексии) обретает относительно статичные, дискретные формы в семантике, когда континуальный поток возможных смысловых осуществлений “притормаживается” и замыкается в границах значения, превращаясь, тем самым, в относительно автономную дискретную структуру». См. А. Пелипенко «Культура в контексте глобальной эволюции», <http://7iskusstv.com/nomer.php?srce=9>.

⁴¹¹ РД, гл. 6 [II, с. 238].

ства, несущие особую **активную функцию**. Здесь дрожащая компасная стрелка не только потакает магнитной буре, но и **сама ее делает**»⁴¹².

1.5.6.3. Психологическая (психолингвистическая, психофизиологическая и т. п.) метафорика.

...мир пригласил на ритуфель

О. Мандельштам

Мне представляется, что наиболее перспективное поле в мандельштамоведении сейчас – это экспериментальные психологические исследования рецепции М-текста. Это отчасти подтверждается явной полезностью для лучшего понимания М-текста целого ряда «психологических» метафор, типа *шизофрения*, *ана-эффект* (в гештальт-психологии), *гештальт-нарушения*, *квантовая психология*, *кинестетика*, *ритуфель* и т. п.

Мандельштам в РД и некоторых других текстах фактически диктует нам применение такого рода метафорика в ряде высказываний типа:

«Научное описание дантовской “Комедии”, взятая как течение, как поток, неизбежно приняло бы вид трактата о метаморфозах и стремилось бы проникать в множественные **состояния поэтической материи**, подобно тому как врач, ставящий диагноз, прислушивается к множественному единству организма. Литературная критика подошла бы к методу **живой медицины**»⁴¹³.

«Цифры сами по себе замечательно **выпуклы** <...>. Научная формула должна претвориться в **дышащее слово**...»⁴¹⁴.

Убедимся, что «психологическая» метафорика хорошо обслуживает центральные для М-текста события «взрыва» и структурные ситуации СИ-оператора, организующего межъязыковую интерференцию:

⁴¹² РД, гл. 2 [II, с. 219].

⁴¹³ РД, конец 2-й главы.

⁴¹⁴ «Г. Санников. Восток» (1935). Здесь просматривается явная *кинестетичность* мандельштамовских «числовых представлений». Общая *кинестетичность* М-текста подробно исследуется в [212].

(А) *Шизофрения*. Что это такое в физиологическом смысле, похоже, толком не понимает никто. Однако, применение «шизофренической» метафоры к М-тексту, кажется, помогает что-то понять в «причинах» феномена «взрыва», бифуркации семантического процесса в М-тексте, в «причинах» присутствия системы СИ-операторов и, шире, в «причинах» частотности ДПБ-феноменов (квантовых феноменов) в психике М и в семантике М-текста. Неизбежно и крайне поучительно здесь сравнение с психикой Хлебникова (харьковский диагноз 1919 г.), см. подробнее об этом выше в п. 1.2.4.3 (г).

(Б) *Гештальт-катастрофы* (*ана-эффект* и т. п.).

Здесь имеются в виду катастрофы процесса распознавания образа: например, известные в гештальт-психологии ситуации «мигания образа объекта». Это соответствует эффекту «мигания» смысла, ведущей к ДПБ-ситуации в сознании реципиента М-текста.

Некоторые применения «теории катастроф» в гештальт-психологии⁴¹⁵ рассматривают процессы восприятия изображения, теряющие «гладкость» в некоторой «особой» точке. Легко увидеть, что подобные «гештальт-катастрофы» соответствуют геометрической метафоре «семантического цикла слова» на листе Мёбиуса (бутылке Клейна), см. п. 1.5.6.1 (Б).

(В) *Ритурнель* (повторяющееся – «циклическое» – закливание).

Удивительно интересно сравнить геометрическую метафору *слова-цикла* в семантическом пространстве (см. выше п. 1.5.6.1) с психологическим дискурсом, использующим понятие *ритурнели*:

«Артикуляция слова (хотя речь идёт не об одних лишь вербальных формах) есть совершение магического акта, вызывающего переживание, а стало быть, вводящего в присутствие те или иные блоки культурного опыта. Искажённым отголоском этих когнитивных практик является многократно наблюдаемое у детей “**зацикливание**” на той или иной вербальной конструк-

⁴¹⁵ См. например, [211, с. 527].

ции – слове или фразе, семантика которой, если и осознавалась первоначально – полностью стирается, будучи обращена не к семантическому тезаурусу, а к неким тайным кладовым под-сознания, ожидающим магического ключа для раскрепощения спрятанных в них первозданных энергий смыслообразования. Ребёнок как бы методом проб и ошибок подбирает вербальный ключ-заклинание, на ходу переделывая, переиначивая исходную форму. И когда код находится, происходит “**заикливание**” – погружение в партиципационную ситуацию, которую сознание стремится продлить путём бесконечных повторов ключевого слова⁴¹⁶.

Такого рода “**заикливание**” встречается и у душевнобольных. В этом отношении интересны наблюдения Ж. Лакана. Так, одна из его пациенток «...явно пребывала в ином мире, в мире, где основным ориентиром служило слово *galopiner*. Слово это, утратив денотат в общепринятом смысле, стало формой, которая “...приобретает свое значение только тогда, когда само значение уже ни к чему не отсылает. Она представляет собой настойчиво повторяющуюся и прокручивающую стереотипную формулу”. Такую форму Лакан называл **ритурнелью**⁴¹⁷. И что характерно, сами душевнобольные, отмечают, что **ритурнель** (ключ-заклинание) не просто актуализует некий важный субъективный опыт и структурирует внутреннее ментально пространство⁴¹⁸, но и «запускает» полноценную трансценденцию, вводя в пространство опыта внешнего...»⁴¹⁹.

(Г) *Квантовая психология*. Эта метафорика удобно описывает кластер ДПБ-явлений, столь характерных для психики М и для психолингвистики М-текста⁴²⁰.

«Квантово-психологическая» метафорика необычайно полезна, прежде всего, тем, что позволяет, кажется, лучше понять

⁴¹⁶ Нечто вроде «циклического каталепсиса»? – Л.Г.

⁴¹⁷ Т. е. *циклом* – Л.Г.

⁴¹⁸ Т. е. разделяет на *циклы!* – Л.Г.

⁴¹⁹ См. статью А. Пелипенко: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer4/Pelipenko1.php>

php

⁴²⁰ Подробно «квантово-психологический дискурс» см. например, в книге Уилсон Р. *Квантовая психология*. Киев: «Янус», 1998.

феномен «семантического взрыва (катастрофы)», если описать его в ДПБ-терминах.

В рамках этого описания два взаимоисключающих смысла становятся «дополнительными» и создают ДПБ-ситуацию. Момент «осознания» этой ситуации (т. е. **одновременное** присутствие этих смыслов в сознании) и есть в этой интерпретации момент локального «взрыва» (семантической бифуркации).

Общая психофизиологическая установка Мандельштама на ДПБ-ситуацию здесь реализуется так: семантический «взрыв» есть геометрическая (физическая) динамическая метафора предельной **дискретности**, а когерентность – это «дополнительная» к дискретности континуальность.

В психофизиологическом (заметим, совершенно не исследованном) ракурсе обсуждаемый феномен взрыва есть, по-видимому, эффект мгновенного присутствия «в сознании» двух дополнительных по Бору (ДПБ) смыслов, продуцирующий «момент истины», момент максимизации (возрастания до бесконечности) информации и минимизации (до нуля) энтропии.

1.5.7. Концептуальные метафоры.

Определение. Константные метафоры, устойчивым образом воздействующие на понятийную систему «генератора речи», устойчиво влияющие на формирование «ключевых», «центральных» и т. п. понятий, будем называть «концептуальными».

Пример. ПОЭЗИЯ – ЭТО ВЗРЫВ (взрыв семантический, временной, экзистенциальный и т. п.); ПОЭЗИЯ – ЭТО ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ АРТИЛЛЕРИИ⁴²¹.

Очевидно, что эти две «связанные» метафоры:

(а) присутствуют в «языковом сознании» Мандельштама: чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть подборку его высказываний в 1.2.1.1.

(б) воздействуют на семантические пространства всех по-

⁴²¹ Интересно, что в [190] постоянным примером «концептуальной метафоры» в европейской культуре является высказывание: СПОР – ЭТО ВОЙНА. Для Мандельштама, наверно, более содержательной была бы оксюморонная метафора оруэлловского типа: МИР – ЭТО ВОЙНА.

нятий, связанных с концептами «текст» и «поэзия», а это для Мандельштама существенная часть его системы «экзистенциально» базовых концептов.

Ясно, что **концептуальные метафоры** воздействуют на создание «языковой картины мира» человека и, тем самым, являются частью ее «генома». Поэтому их рассмотрение для «случая Мандельштама» отнесено в главу 2, где представлена его ЯКМ, см. п. 2.5.1.

1.6. У ZEITungen в плену: Осип Мандельштам и язык советской прессы. Манипулятивность М-текста. М-текст и «язык Сталина».

Сталин. <...> Ленин. Я люблю их язык.
Он мой язык

О. Мандельштам «Четвертая проза»

...борьба газетной темы и ямбического духа. Почти вся поэма в плену у газеты

О. Мандельштам «Заметки о Шенье»

Повышенный интерес Мандельштама к советской газете хорошо известен из его собственных текстов и записей мемуаристов.

В очерке «Холодное лето» (1923) он пишет: «А я люблю выбежать утром на омытую светлую улицу, через сад, где за ночь намело сугробы летнего снега, перины пуховых одуванчиков, – прямо в киоск, за “Правдой”».

Точно так же в конце 1937 г. в Калинин Мандельштам, по воспоминаниям его жены, каждый день «просматривал» “Правду”, которую выписывал хозяин, пытаясь извлечь информацию, в особенности, из высказываний и даже из фотографий Сталина.

«Читая, <...> О.М. часто говорил: “Мы погибли”... Впервые он это произнес, показывая мне отзыв Сталина на сказку Горького: “Эта штука сильнее “Фауста” Гете. Любовь побежда-

ет смерть”... Он сказал еще “мы погибли”, увидав на обложке какого-то иллюстрированного журнала, как Сталин протягивает руку Ежову. <...> Однажды за столом у Татьяны Васильевны О.М. прочел речь Сталина <...>. Сталин пил за ту науку, которая нам нужна, а не за ту науку, которая нам не нужна... <...> О.М. сказал привычное: “Мы погибли”... Вот тут-то Татьяна Васильевна и ее муж разъярились: “Вам только бы гибнуть... еще накликаете... вы бы как жить подумали...”⁴²².

Психологический феномен «газетной зависимости» был вполне распространен и «нормален» в советском «среднем классе». Но этот же феномен, по меньшей мере, странен и, наверное, уникален для большого поэта, принадлежащего к интеллектуальной элите общества.

Да, газеты читали все, кто хотел быть социально интегрированным, не остаться «на обочине» новой жизни. Для определенного слоя городского населения чтение центральных газет и/или подписка на них служили признаком лояльности советской власти и партии, неким ритуалом «текстуальной» социализации.

Но, тем не менее, трудно представить себе Пастернака, выбегающего утром за «Правдой». Или Ахматову, фиксирующую свои впечатления от прочтения свежего номера той же газеты⁴²³:

«Вот “Правды” первая страница, / Вот с приговором полоса. / <...> Футбол для молодого баска, / Мадрида пламенная жизнь».

Для русско-советской художественной элиты принятой нормой было презрение к газете, стремление как-то избежать ее чтения (булгаковский профессор говорит: «не читайте советских газет»), хотя совсем уйти от этого было невозможно.

Вообще трудно представить, что могло быть привлекательного для психически нормального интеллектуала в советской газете. Мандельштам и здесь выламывался из общего ряда.

В чем здесь дело?

⁴²² См. [9, с. 320, 323].

⁴²³ О. Мандельштам «Стансы», июль 1937.

1.6.1. Разумеется, по выражению Мандельштама, «в дверях скачат» общее объяснение типа ярко выраженной у Мандельштама психологической установки на получение новой информации и на осуществление коммуникации: ведь газета в 20–30-х – это главная информационно-коммуникативная система, пусть дозирующая и деформирующая информацию, но все же...

Проще говоря, Мандельштам, вообще, ориентирован, настроен на абсорбирование новостей о происходящем вокруг него, пусть препарированных цензурой. При этом он, конечно, должен был максимально использовать главные на данный момент коммуникационные системы, т. е. газету и, в меньшей степени, радио.

В Воронеже Мандельштам, кроме ежедневного чтения центральных и местных газет, регулярно слушает «московские» новости по радио («Наушнички...Ну, как метро?..»).

Вполне естественно представить, что если бы Мандельштам через «щель в хронотопе» пролез в сегодняшний день, он часы и дни проводил бы за монитором, впитывая всевозможную, совершенно не обязательно практически нужную, информацию из сети.

Тексты Мандельштама показывают, что он был «настроен» на использование любой информации, которую можно получить из газеты. Мандельштам – «продвинутый юзер» газеты: он использует эту инфо-систему целиком, со всеми ее опциями, вплоть до отдела личных объявлений

Объявление о съеме комнаты в Вечерней Москве от 1 октября 1929 г.

Газетный текст у него идет в дело (т. е. отражается в генерируемых им текстах) **весь** – с рогами, копытами и дерьмом: от политических передовиц до спортивных сообщений («футбол для молодого баска»), рекламы кинотеатров и т. п.

Кинореклама в Правде от 1 декабря 1930 г., предположительно, давшая⁴²⁴ странных «голубых песцов» в стих. «Волк» (начало 1931 г.)

* * *

Заметим теперь, что все сказанное выше относится к тексту любого вида (даже не обязательно вербальному), поступающему «на вход» сознания Мандельштама. Ему интересен и экзистенциально важен ЛЮБОЙ печатный текст («листаю книги в глыбких подворотнях, и не живу, и все-таки живу»), а уж тем более тот, который имеет, по его ощущению, непосредственное отношение к его жизни (типа вышеупомянутых сообщений в “Правде” в конце 1937 г. о готовящихся процессах и т. п.).

Добавим, что М, по-видимому, чисто иудаистически, воспринимал мир как вербальный Текст, а текстуальное описание мира – как результат работы некоторой системы передачи информации по отношению к миру (к людям).

⁴²⁴ Была, конечно, и «наружная кинореклама», но напомним, что М «сканировал» центральные газеты от первой до последней полосы **каждый** день, поэтому газетный источник «вероятнее».

Ср.: «Нам уже трудно себе представить, <...> – каким образом вся библейская космогония с ее христианскими придатками могла восприниматься тогдашними образованными людьми буквально как **свежая газета, как настоящий экстренный выпуск**»⁴²⁵.

Резюмирующая метафора: можно сказать, что Мандельштам – это мощная интеллектуальная машина (по выражению С. Рудакова – «механизм») для переработки чужих и своих (более ранних) текстов. При этом мы видим, что чтение газеты для Мандельштама – это важнейший текстуальный контакт с окружающим Миром, который и сам по себе есть Текст.

Но, опять же, любой homo sapiens, в той или иной степени, является таковой машиной.

Почему все же именно газетный текст так привлекателен и явно чем-то маркирован для Мандельштама? Чистой «информативности» газетного текста недостаточно для ответа на этот вопрос.

1.6.2. Дело, по-видимому, в том, что, кроме вышерассмотренной «инфо-метафизики», есть какая-то конкретная физика текста, делающая для Мандельштама газету привлекательной *per se*, без какой бы то ни было сиюминутной функциональности.

Это – **язык** газеты в широком смысле. Это – **наиболее** комфортный и близкий для Мандельштама⁴²⁶ мир текста, мощно резонировавший с его собственным «мировым текстом», в отличие от, скажем, мира текста «конвенциональной» нарративной литературы.

Близкий для него в чем? Что может быть общего у дискурса гениального поэта и предельно, часто до идиотизма, стандартизированного языка советской газеты?

⁴²⁵ РД, гл. VI. О «ключевой идее» «мира как текста» у Мандельштама много говорилось, например, в монографии [200].

⁴²⁶ Ср. вынесенное в эпиграф высказывание Мандельштама из «Четвертой прозы» про язык Сталина, одного из главных генераторов русского газетного новояза: «Он мой язык». Для Мандельштама, по-видимому, «язык Сталина» = «советский газетный язык». См. ниже более подробное обсуждение этого пассажа из «Четвертой прозы».

Представляется, что дело здесь в следующих психолингвистических феноменах:

1.6.2.1. **Динамика текста → семантический взрыв.** Мандельштама привлекала доведенная до предела динамика репортажного текста, установка репортажного текста на частотный семантический «взрыв» (в смысле Лотмана)⁴²⁷, установка на «клиповость» структуры текста и его рецепции. В «пределе» – это семантический взрыв (например, врезка семантического клипа, blow-up, и т. п.) в каждой точке текста⁴²⁸.

О присутствии у Мандельштама установки на «репортажность» текста он сам прямо говорит во 2-й и 6-й главах «Разговора о Данте» (РД)⁴²⁹:

«И вот, читая песни Данта, мы получаем как бы **информационные сводки** с поля военных действий...»

«И если мы с этой точки зрения подойдем к Данту, то окажется, что в предании он видел не столько священную его, ослепляющую сторону, сколько предмет, обыгрываемый при помощи **горячего репортажа** и страстного экспериментирования. В двадцать шестой песни “Paradiso” Дант дорывается до личного разговора с Адамом, до подлинного **интервью**. Ему ассистирует Иоанн Богослов – автор Апокалипсиса».

Контекст репортажа симпатичен Мандельштаму, и его привлекают акторы газетно-репортажной ситуации: «Я к воробьям пойду и к репортерам». Здесь «воробьи» – это «газетные воробьи» – прозвище мальчишек-газетчиков.

1.6.2.2. **Предельная коммуникативность текста.** В языке советской газеты это свойство текста очевидно. Что касается Мандельштама, то Ю. Левин отмечал в работах 70-х гг. нарастающую ориентированность его текста «на процесс коммуникации. Усиливается апеллятивность, как глобальная (стихотворение в целом – обращение к кому-то или чему-то, будь то

⁴²⁷ Репортажный язык – это текстуальный лотмановский взрыв раг excellence. См. Лотман Ю. Культура и взрыв. М., 1992.

⁴²⁸ О текстуальной идеологии семантического «взрыва» у Мандельштама подробно и с массой примеров говорится в п.1.2.

⁴²⁹ Где, как обычно в РД, Дант = alter ego самого Мандельштама.

даже щегол, заводской гудок или кувшин), так и локальная, с частой сменой локальных адресатов (см., например, “К немецкой речи”). Очень часты вопросы, императивы, обращения (в том числе, что особенно характерно, своеобразные “приветствия” типа “Ну здравствуй, чернозем”). Но дело не только в количественном росте “коммуникативных элементов” в тексте, но и, главное, в актуализации коммуникативности»⁴³⁰.

1.6.2.3. Ориентация на «репортаж участника» → перформативность текста. В языке газеты (в особенности, советской газеты), вообще, присутствует установка на «репортаж участника», который «в пределе» переходит в *перформативность*, т. е. в ситуацию, когда текст сам является тем «событием», которое он стремится выразить.

Примеры перформативных ситуаций в советской прессе: «призывы», «клятвы», даже названия газет («Призыв», «Правда») и т. п.

Этот же феномен характерен для текста Мандельштама, на что указал он сам в РД (гл. 4), см. ниже. Это же свойство мандельштамовского текста отмечал Ю. Левин в работах 70-х гг.:

«У позднего Мандельштама стихотворение из условного знака коммуникативного акта превращается в как бы непосредственно – здесь и теперь – происходящее общение, из знака события само превращается в событие, из литературного факта – в факт жизни. Такие стихи, как “Куда как страшно...”, “Мы с тобой на кухне посидим...”, “Нет, не спрятаться мне...” и мн. др. дают не описание ситуации, а актуальное ее присутствие, предполагающее не фиктивный, а реальный контакт»⁴³¹.

Ю. Левин, применяя некоторые *нарратологические* понятия, утверждает, что для позднего Мандельштама «наиболее характерен случай как “личностного”, так и пространственно-временного совпадения Н [наблюдателя] и Г [говорящего], <...> причем этот Н-Г локализован и темпорализован внутри

⁴³⁰ Левин Ю. О некоторых особенностях поэтики позднего Мандельштама // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Сб. ст. Воронеж, 1990. С. 412.

⁴³¹ Там же.

события, – тип **“репортажа участника”**⁴³², (характерный пример – “Стихи о неизвестном солдате” с их сочетанием апокалиптичности и **репортажности**). Крайним частным случаем является перформативный текст, когда стихотворение само является тем актом, который оно выражает (авторереферентность). Такие тексты максимально ситуативны, особенно глубоко укоренены в действительности, в них Н и Г слиты до неразличимости, поскольку “повествование здесь само является событием”. Многие стихи позднего Мандельштама тяготеют к перформативности, что проявляется, в частности, в употреблении конструкций типа “Я скажу это начерно, шопотом...”, “Я скажу тебе с последней прямокой...”, “Я шепчу обескровленным ртом...”, за которыми следует “говоримый” текст (означаемое таких конструкций – сам факт говорения здесь и теперь, т. е. совпадает с означающим)⁴³³.

«Дописывая» работу Левина, можно сказать, что к этой же системе феноменов относится, по-видимому, частотная ситуация, когда текст Мандельштама «изучает сам себя».

Ср. пассаж в РД: «непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство и стремящегося проникнуть внутрь себя самого».

Существенно здесь отметить, что французский философ А. Бергсон, под влиянием которого находился Мандельштам, считал «внутреннее наблюдение», «интроспекцию» (погружение в сознание) эффективным методом познания. Усилим «интроспекции» человек может понять связь действительности и своей экзистенции, т. е. совместить Н и Г и стать «участником события, дающим репортаж». Газета per se и есть такой «участник события» – это и привлекает Мандельштам в газете.

1.6.2.4. Установка на «игру слов» и на «оксюморонизацию». Манипулирование семантикой. Для советского газетного языка частотно использование «игры слов», «каламбуров»: это бросается в глаза хотя бы, например, в заголовках статей.

⁴³² Ср. вышеприведенный пассаж из 6-й главы РД: «Дант дорывается до личного разговора с Адамом, до подлинного **интервью**» – Л.Г.

⁴³³ Левин Ю. О некоторых особенностях поэтики позднего Мандельштама // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Сб. ст. Воронеж, 1990. С. 412–413.

Эти техники – суть частные проявления общей ориентации на семантическое манипулирование, т. е. наполнение концептов, концептуальных метафор и т. п. русского языка модифицированным содержанием для достижения некоей «целевой семантической функции» текста.

Интересно, что и в дискурсе Сталина «каламбуры» – рутинное явление. М. Вайскопф в своем замечательном исследовании языка Сталина приводит ряд примеров – в частности, он пишет: «стоит заново взглянуть на его [Сталина] первый публицистический псевдоним, составленный на **каламбурно-двуязычной** основе [Бесошвили = сын беса]»⁴³⁴.

В той же работе Вайскопф приводит ряд примеров частотного присутствия в дискурсе Сталина **оксюморонных текстуальных ситуаций**, которые он, следуя советской традиции, называет «сталинской **диалектикой**».

Соответственно, в текстах Мандельштама феномен игры «на каламбурно-двуязычной основе» и феномен оксюморонных ситуаций типа «сухой влажности» абсолютно рутинны и массовидны: подробно об этом см. в монографии [200]. Там же говорится о мандельштамовских техниках семантического манипулирования.

Несколько заостряя, можно сказать, что Сталин и Мандельштам – «люди текста» par excellence и при этом блестящие «текстуальные манипуляторы». По эффективности техники «лингвистического» манипулирования их можно сравнить разве что с самыми выдающимися «талмудистами», т. е. генераторами традиционных еврейских текстов (см. ниже).

Собственно, в этом и состоит главный смысл высказывания Мандельштама про язык Сталина (= советский газетный новояз): «мой язык».

1.6.2.5. Некоторые выводы и одна спорная гипотеза.

Проанализировав вышесказанное, можно высказать утверждение, что «точки совпадения» языка Мандельштама и советского газетного языка напоминают ряд черт и текстуальных установок еврейского традиционного дискурса, т. е. мидра-

⁴³⁴ Вайскопф М. Писатель Сталин. Москва, 2002. С. 196.

ша, идиш-дискурса и т. п. В этом легко убедиться, просмотрев работу, исследующую «пересечения» текста Мандельштама и еврейского традиционного текста⁴³⁵.

Приведем основной тезис этой статьи:

Текст Мандельштама часто совершенно удивительным образом напоминает традиционный еврейский текст, т. е. Талмуд, или Мидраш, или Каббалу, или традиционный идиш-дискурс. Это выражается, прежде всего, в системном совпадении некоторых принципов «генерирования» текста. При этом Мандельштам «идеологически совпадает» с традиционными еврейскими авторами в своем отношении к концепту и реальности «Текста».

Он сам сказал про феномен своего отношения к «тексту» в провокативном пассаже в своей «Четвертой прозе» (1929/30): «Кто же, братишки, по-вашему, больше филолог: Сталин, который проводит генеральную линию, большевики, которые друг друга мучают из-за каждой буквочки, заставляют отречься до десятых петухов⁴³⁶, – или Митька Благой с веревкой? Помоему – Сталин. По-моему – Ленин. **Я люблю их язык. Он мой язык**»⁴³⁷. Далее, в конце «Четвертой прозы»: «Ленин и Троцкий ходят в обнимку... Ходят два еврея..., и один **все спрашивает**, все спрашивает, а другой **все крутит**, все крутит, и никак им не разойтись».

⁴³⁵ Городецкий Л. Текст Мандельштама в сопоставлении с традиционным еврейским дискурсом // Вестник Пермского университета: Серия «Российская и зарубежная филология». Август 2010. №4 (10). Стр. 145–155 Основной материал этой статьи содержится в п. 1.2.3 данной монографии.

⁴³⁶ Т. е. именно «книжники» = «фарисеи» = «талмудисты», для которых сакральный текст – это весь мир, манипуляция миром – это манипуляция текстом, ради которой они мучают друг друга, заставляют (как новозаветного Петра) признавать «сакральность» текста или отречься от текста и т. д.

⁴³⁷ Т. е. язык еврейского мидраша, приписываемый Мандельштамом большевикам, независимо от их этничности (в частности, Ленину и Троцкому, см. след. цитату из «Четвертой прозы» [ЧП]) – это язык Мандельштама. Этот отрывок, завершающий 8-ю главу ЧП, приводится А. Морозовым в его комментариях к изданию: Мандельштам О. Шум времени. М., 2002. С. 283. Устно Морозов сообщал (по свидетельству С. Василенко), что он успел переписать этот отрывок с одного списка ЧП, находившегося у Н.Я. Мандельштам, после чего этот кусок был кем-то (предположительно, самой Н.Я.) оторван, и даже остались следы отрыва.

Уместно сравнить с этими высказываниями широко известную инвективу Лютера против «извращенной экзегетики талмудистов⁴³⁸», которые «versuchen, drehen, deuten, martern fast alle Wort», т. е. «испытывают, крутят, толкуют, мучают почти каждое слово»⁴³⁹.

ГИПОТЕЗА. Я здесь выскажу в виде гипотезы утверждение, для адекватной аргументации которого потребуется много места, и я это попытаюсь сделать в другой работе.

В языке советской газеты 1917–1937 (?) гг. массово проявлялись черты и «текстуальные установки» еврейского традиционного дискурса. Именно это, прежде всего прочего, было (возможно, неосознанно) аттрактивным для Мандельштама, который сам был, в некотором смысле, фокусом матриц еврейской культурно-цивилизационной системы⁴⁴⁰.

Главной причиной такого рода «евреизации» языка советской прессы (и, следовательно, всего русского новояза) рассматриваемого периода был, разумеется, массовый приток в журналистику, начиная с 1917 года «кадров», подвергшихся воздействию еврейской культурно-цивилизационной системы – например, получивших, хотя бы частично, в детстве и юности еврейское традиционное образование и т. п.

Заметим в этой связи, что М. Вайскопф в своем исследовании «языка Сталина» аргументирует, что дискурс Сталина подвергся массивному влиянию системы образов и текстуальных матриц, усвоенных вождем в православной семинарии⁴⁴¹.

Но не менее сильным было воздействие еврейского хедера и еврейской традиционной языковой среды на великое множество его соратников по партии и по генерированию советского новояза (как орудия манипулирования «массаами»), а через них – и на него самого.

Ср. высказывание современного исследователя о «языке Сталина»: «...соблазнительно вновь сослаться на церковное

⁴³⁸ Т. е. тех же фарисеев, толкующих букву Св. Писания.

⁴³⁹ Цит. по: Еврейская Энциклопедия. СПб., 1905–1912. Т. X, кол. 445. Заметим, что там слово versuchen неточно переведено как «исследуют».

⁴⁴⁰ См. об этом подробнее в монографии [200].

⁴⁴¹ Вайскопф М. Писатель Сталин. Москва, 2002.

воспитание [Сталина] с его библейской догматикой. **Но методы церковного догматизма мало чем отличаются от принципов талмудизма, на котором в юности воспитывались его [Сталина] главные политические оппоненты.** Ничем не отличался от Сталина в этом отношении Зиновьев, написавший в том же догматично-цитатническом духе книгу «Ленинизм», изданную в 1926 г. Книга антитроцкистская, но Сталин использовал ее против самого Зиновьева. При случае жонглировали цитатами и гораздо более одаренные Каменев и Бухарин. Троцкий, которому в принципе такой стиль идейного существования претил, вынужден был прибегать к нему, обращаясь к авторитету Ленина»⁴⁴².

Тем самым, еврейские традиционные текстуальные установки мощно воздействовали и на «язык Сталина» – он же «мой язык» Мандельштама (в ЧП), он же русско-советский газетный новояз.

⁴⁴² *Илизаров Б.* Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. – 2000. – №3, 4. С. ???

Глава 2.

Языковая картина мира Мандельштама. Ее «сдвинутость». Специфика «языковой геометрии» Мандельштама.

Представления можно рассматривать не только как объективную данность сознания, но и как органы человека, совершенно так же точно, как печень, сердце.

О. Мандельштам «О природе слова»

2.1. Дефиниционное предисловие¹. Что такое «языковая картина мира» (ЯКМ)?

«Рабочее» определение этого объекта здесь соответствует² формулировке, принятой группой российских лингвистов, занимавшихся в последнее время исследованием русской ЯКМ³.

Языковая картина мира (ЯКМ) – это:

- фиксация в языке определенного способа восприятия мира
- совокупность представлений о мире, заключенных в семантике и структуре языка

¹ Материалы 1-й и 2-й глав неизбежно пересекаются – например, семантические «установки» из 1.2.1 являются одновременно подмножеством «ключевых идей» или «сквозных мотивов», т. е. части ЯКМ. Это не должно вызывать недоумения. Дело в том, что данный новый объект, называющийся ЯКМ, можно, при желании, как спящего Голема, не «вызывать к жизни», рассматривая все члены его «тела» как часть «семантики текста» и не проводя каких-то отдельных рассмотрений (это относится к любой ЯКМ, не только мандельштамовской). Но лучше этого Голема не дезактивировать, потому что этот семантический конструкт может помочь лучшему пониманию смыслов М-текстов, что и является нашей главной целью.

² С некоторыми (нашими) модификациями, касающимися, например, т. н. «дифференциала ЯКМ», см. ниже.

³ См. напр. [80] *Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

- некая система взглядов и предписаний, «закодированная в неявных смыслах» слов, выражений и языковых структур и в способах порождения текста, – которая навязывается⁴ в качестве обязательной всем носителям данного языка⁵
- «дифференциал ЯКМ», т. е. встроенные лингвоспецифичные системы **само-изменения** ЯКМ, способы порождения «сдвига» текста, «ориентации» текста и т. п.

Главными «работающими» составными частями (подсистемами) в любой ЯКМ являются:

- набор ключевых слов-концептов и «лингвоспецифичных» частотных лексем;
- набор ключевых идей (сквозных мотивов, конфигураций смыслов), служащих связями для ключевых слов-концептов⁶;
- набор лингвоспецифичных механизмов «дифференциала ЯКМ», в частности, набор «концептуальных метафор»⁷.

* * *

2.2. Специфичность ЯКМ Мандельштама (М-ЯКМ)⁸.

Характерным глобальным свойством *Weltanschauung* (общей картины мира) Мандельштама является ее мощная «лингвистичность» («филологичность») и сопряженный феномен – необычная насыщенность лингвистически обусловленной метафорикой. Б. Успенский пишет в работе о метафоре М:

⁴ Отметим здесь же, что «навязываемая суггестивность», постулируемая для «общей» ЯКМ, является (в усиленном, «концентрированном» виде) крайне характерным свойством текста Мандельштама.

⁵ См. монографию [80] *Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А.* Ключевые идеи... С. 9.

⁶ Там же, с. 10–11. А. Шмелев определяет «сквозные мотивы» так: «конфигурации смыслов, которые повторяются в качестве фоновых в целом ряде языковых единиц». Там же, с. 453.

⁷ Разумеется, «концептуальные метафоры» являются частью «ключевых идей», см. ниже.

⁸ Первым дескриптором ЯКМ Мандельштама был сам Мандельштам, описавший свою поэтику в «Разговоре о Данте». Пионерскими исследованиями ЯКМ Мандельштама после его ухода были, по-видимому, ряд работ Ю. Левина 70-х гг, в том числе замечательный дайджест «Заметки к “Разговору о Данте”»,

«...представления о природе слова определяют его [М] представления о мире, мир не существует для него вне языка»⁹.

Поэтому изучение **языковой картины мира М** является одной из самых приоритетных задач на пути к адекватному пониманию смыслов его дискурса¹⁰.

Как заглянуть внутрь языкового мира Мандельштама: что мы можем технически попытаться понять о специфике, о деталях, о строении его ЯКМ?

(а) попытаться понять ее «скрытую геометрию»¹¹. Анри Бергсон, французский философ¹², влиянию которого подвергся в «студенческие годы» и позже Мандельштам¹³, сказал в одной

разъясняющий ряд «сверток» в РД (эти работы собраны в [187]), и сделанная в 70-х гг. известная «статья пяти авторов» [82] о «русской семантической поэтике». Также, например, статья А. Жолковского 1979 г. «Я пью за военные астры. Поэтический автопортрет Мандельштама» (см. [84]), монография N. Pollak «Mandelstam the Reader» (см. [133]) и др. фактически содержат некоторые фрагменты обсуждаемой ЯКМ. Из относительно недавних работ следует отметить интересные работы С. Шиндина о концепте «пространства» у Мандельштама (напр. в сборнике [144]), но особенно содержателен труд Л. Пановой [142], в котором подробно и с массой лексико-статистики описывается поле концептов в поэтическом идиолекте и в ЯКМ Мандельштама, связанных с «пространством», «временем», «перемещением», «космологией» и т. п.

⁹ Успенский Б. Поэтика композиции. СПб., 2000. С. 326.

¹⁰ При этом «методологически» правильно изучать М-ЯКМ в сравнении со стандартными русской и еврейской ЯКМ, хотя сначала следовало бы адекватно описать эти объекты. Например, существенным, на наш взгляд, недостатком системы «инвариантов» М, расписанных А. Жолковским в работе «Я пью за военные астры...», является несопоставленность их со стандартной русской (или любой другой) «системой инвариантов», что вызывает сомнение в специфичности ряда этих «инвариантов» именно для М. Этого недостатка лишена упомянутая работа Л. Пановой, исследующая «пространственно-временную» и «космологическую» подсистемы ЯКМ Мандельштама и опирающаяся, похоже, в значительной степени, на идеи А. Жолковского. Но Панова почему-то ограничивается только поэтическими текстами М, что явно недостаточно для построения подсистем ЯКМ Мандельштама, у которого поэзия завязана с прозой в рамках абсолютно единого супер-текста.

¹¹ Эта работа, в значительной степени, уже проделана в главе 1, п. 1.5.6.

¹² Еврейского происхождения, что, по-видимому, имело значение для формирования отношения к нему М, ср. его характеристику Бергсона: «...глубоко иудаистический ум» и т. д.

¹³ Об этом уже говорилось в начале п. 1.2.1 и в п. 1.2.3.

из своих работ: «Все операции нашего интеллекта направлены к геометрии как к пределу, где они находят свое полное завершение... очевидно, что главной пружиной нашего интеллекта, заставляющей его работать, является скрытая геометрия, приносящая нашему представлению о пространстве»¹⁴.

(б) описать наборы, «ключевых идей (сквозных мотивов)», основных «концептуальных метафор», «ключевых концептов» в ЯКМ Мандельштама и их соотношение со стандартной «русской» ЯКМ, со стандартной «еврейской» (еврейско-немецкой, ашкеназской) ЯКМ и т. д.

* * *

From the beginning to the end of this book there is not a single reasoning, and therefore not a single bad reasoning; **it contains nothing, but a poetic painting that appeals to the imagination.**

Б. Расселл
(о «Творческой эволюции» А. Бергсона)¹⁵

2.3. «Скрытая геометрия» ЯКМ Мандельштама.

Чтобы развить в нашем контексте идею Бергсона, я вынужден прибегнуть к наглядно-математической метафорике¹⁶.

Дело в том, что главное свойство геометрии ЯКМ Мандельштама и его текстов – это легко улавливаемая, но трудно описываемая в технических терминах стремящаяся к «пределу» (т. е. к «взрыву») **динамичность**¹⁷, **векторность** и т. п. ЯКМ

¹⁴ Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2006. С. 213.

¹⁵ Расселл в своем отношении к Бергсону – это настоящий серьезный (без тени всякого там дурацкого [пост]модернистского стёба) ученый – типа немецкого *Gelehrter*'а (в презрительном дискурсе Мандельштама). Понятно, что не менее насмешливо Расселл отозвался бы и об РД, каком-то оксюморонном «ненаучном исследовании».

¹⁶ Некоторые обоснования применения математической метафорики см. п. 1.5.6.

¹⁷ Напомним, что «общая динамичность» *Weltanschauung* Мандельштама отмечалась рядом исследователей, начиная, по-видимому, с упоминавшейся выше «работы пяти». В п. 1.2.2 и в п. 1.2.3 мы говорили об «установке» семантики М-текста на динамику.

Мандельштам находится в постоянном движении, «взрывной» трансформации.

2.3.1. Неевклидовость М-ЯКМ¹⁸.

Важнейшее свойство геометрии ЯКМ Мандельштама – ее «неприятие Евклида»¹⁹, «уход от Евклида»: от прямых линий, от плоскостей, от однородности и бесконечности²⁰ пространства (вообще, в каком-то смысле, от «евклидовских» геометрических концептов) и, наоборот, «любовь» к «неевклидовой геометрии», т. е. к «кривым» линиям, не-плоским поверхностям, неоднородному²¹ компактному²² пространству и т. п.

Более того, используя неизбежную здесь топологическую метафорику, можно утверждать, что М привлекают «негладкие» объекты, его притягивают «особые точки» хронотопа, в которых «сгущается» пространство-время²³.

Все это непосредственно связано с вышеуказанной динамичностью и векторностью, потому что «евклидовы» концеп-

¹⁸ Несколько подробнее концепт пространства у Мандельштама расписан в п. 2.6 – *пространство.

¹⁹ Неприятие, доходящее до физиологического отвращения к «евклидову миру», т. е. к «обычному» окружающему common-sense-world. В ЕМ Парнока тошнит от упорядоченного прямолинейного («карэ») устройства и прямолинейного равномерного движения толпы: «И его слегка затошнило <...> от страшного порядка, сковавшего толпу».

²⁰ Ю. Лотман в более общей ситуации объясняет психологический феномен ухода от бесконечности пространства поисками «смысла», «стремлением человека понять то, что является предметом его наблюдения» [188, с. 248–249]. Лотман пишет: «То, что не имеет конца – не имеет и смысла. Осмысление связано с сегментацией недискретного пространства» [188, с. 249]. В этом же пассаже Лотман цитирует Блока: «Но ты, художник, твердо веруй / В начала и концы».

²¹ Т. е. стягивающемуся, растягивающемуся и даже разрывающемуся пространству.

²² Т. е. ограниченному и замкнутому, а не «расползающемуся» бесконечному, пространству.

²³ В современной космологии такие «особые точки» называются «черными дырами». Еще до появления этого термина, в строках, которые при желании можно рассматривать как шутку из области «геометрической поэтики», Мандельштам как бы посылает в будущее сообщение о связи своей «геометрии мира» с такого рода сингулярными объектами и о своей чуждости эллинской «евклидовой» однородности: «Там, где эллину сияла / Красота, / Мне из **черных дыр** зияла / Срамота».

ты у Манделъштама ассоциируются с состоянием и концептом 'неподвижности'²⁴.

Примеры текстов М, в которых его «геометрия» (напр. «любовь к криволинейности» и т. п.) проявляется, см. ниже в комментариях к «ключевым концептам» в п. 2.6, например, к концептам ***пространство** и ***прямой**. Здесь только отметим, что ряд текстов М приводит к гипотезе о его знакомстве с т. н. «моделью Пуанкаре» неевклидовой геометрии. В этой модели «прямыми линиями» служат куски (дуги) окружностей, пересекающих некоторую исходную фиксированную окружность «под прямым углом» и лежащие внутри этой фиксированной окружности²⁵.

Простая и красивая модель Пуанкаре могла стать известной М из парижских лекций А. Бергсона или чуть позднее от В. Хлебникова, который, по некоторым данным, изучал работы Пуанкаре²⁶.

Вполне вероятным представляется также, что осознание М неевклидовости своего мира было связано с его знакомством с работой П. Флоренского «Мнимости в геометрии» (1922), в которой автор аргументирует неевклидовость геометрии мира «Божественной комедии» Данта²⁷. Взгляды Флоренского интересовали М уже с момента выхода известной его работы «Столп и утверждение истины» (1914), которую М, по свидетельствам, в течение некоторого времени везде возил с собой.

²⁴ Концепт же «упорядоченной, прямолинейно-евклидовской, неподвижности» связан у М с ощущением **страха** и отвращения: ср. уже упоминавшееся страшное для Парнока прямолинейно упорядоченное «кар» толпы самосуда в 4-й главе ЕМ.

²⁵ Ср. в текстах М: «и дугами парусных гонок открытые формы чертя, играет пространство...»; «и вновь дуговая растяжка звучит в бормотаньях моих»; «и плавал по дуге неначинающихся путешествий» и т. п.

²⁶ Модель Пуанкаре с ее характерными «дугами», по-видимому, отразилась в начале поэмы Хлебникова «Ладомир» (которую Манделъштам, без сомнения, читал): «...и чертеж/ И пространство Лобачевского./ Пусть Лобачевского **кривые**/ Украсят города/ **Дугою** над рабочей выей/ Всемирного труда».

²⁷ См. [208, с. 45]. Там же Флоренский ссылается на группу математиков, отметивших в начале 20 века «предвосхищение Дантом неевклидовой геометрии».

2.3.2. «Криво-зеркальное» отображение: Р-ЯКМ \rightarrow М-ЯКМ.

Одно из проявлений вышеуказанной динамики – это генерирование элементов ЯКМ Мандельштама из «нормальной» русской ЯКМ с помощью **«зеркальной (точнее: криво-зеркальной!) симметрии»**²⁸. Чаще всего это проявляется в подчеркнутом «отрицании» стандартной русской ЯКМ, в предъявлении расхождений и даже противоположностей в ряде «ключевых» концептов и т. п.

Это, если продолжить геометрическую метафору, и есть то симметричное преобразование «края прямоугольной полоски (ленты)»²⁹, в результате которого из полоски вместо «нормальной» ориентируемой цилиндрической поверхности появляется геометрический оксюморон – неориентируемый, странный и «скособоченный» лист **Мебиуса**, который и является геометрическим образом **хронотопии** Мандельштама³⁰.

2.3.3. Динамичность М-ЯКМ.

К «скрытой геометрии» ЯКМ Мандельштама относится также **«динамичность» семантики** его текста, «дифференци-

²⁸ Интересен здесь пассаж Ю. Слезкина про «странников внутренних, для которых нарушение норм – профессия, призвание и символ веры. <...> они являются зеркальными отражениями своих хозяев – причем временами делают это намеренно и напоказ, в качестве профессиональных шутов, предсказателей будущего и карнавальных исполнителей» [*Слезкин Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2005. С. 22].

²⁹ Поворот на 180 градусов одного из узких краев прямоугольной ленты и приклеивания к противоположному (не-повернутому) краю.

³⁰ Более точной (если здесь можно употреблять такие слова) геометрической метафорой хронотопа М (и М-текста) является «бутылка Клейна» (см. обложку) – компактифицированный лист Мебиуса. См. подробнее про метафору листа Мебиуса в монографии [200]. См. также п. 1.5.6. Здесь лишь отметим совершенно поразительный факт: П. Флоренский в своей работе «Мнимости в геометрии» (1922), анализируя геометрию «Божественной комедии», приходит к выводу, что «Дантово пространство»: (а) неевклидово (б) устроено как лист Мебиуса (!). Напомним, что Мандельштам в «Разговоре о Данте» (1933) эксплицитно отождествляет свою картину мира и свою «поэтическую геометрию» с дантовской. Разумеется, интереснейший вопрос здесь: был ли М знаком с этой работой Флоренского? Л. Панова считает, что в IX главе РД есть рефлексы некоторых образов «из дантовского раздела трактата» Флоренского. Она приводит 2 не полностью убедительных примера: «грандиозный опыт Фуке» и «Птоломей вернулся с черного крыльца!», см. [206, с. 101].

альность» семантики, «сдвинутость», «векторность», как бы «импрессионистическая смазанность или размазанность»³¹. Эта размазанность создает в каждой точке «локальный оксюморон», т. е. два «противоположных», «дополнительных в смысле Бора» смысла (ДПБ-смысла).

Это типичная ситуация семантической «катастрофы» или «пред-катастрофы». Локальные оксюмороны объединяются в глобальный, т. е. в две «дополнительные по Бору» ЯКМ, «перемигивающиеся», перетекающие одна в другую и одновременно составляющие единое целое³².

Замечательной иллюстрацией вышеуказанной «дифференциальности» является «геометрия цвета» у Мандельштама, точнее, «дифференциальность» (= «векторность») концептного поля «цвета» в его ЯКМ, см. подробнее ниже в п. 2.6 – *цвет.

Характерным проявлением «динамической семантики» является феномен присутствия в тексте Мандельштама целого набора лексико-семантических функций (СИ-операторов), участвующих в генерировании текста и в локальной модификации М-ЯКМ, см. п. 1.3 и п. 2.5.

2.3.4. Геометрическая модель М-ЯКМ³³. Геометрия «взрыва». «Пенистое» пространство.

В ряде рассмотрений удобно себе представлять М-ЯКМ как некое сложное компактное³⁴ «многообразие», в котором **постоянно и везде** происходят локальные «взрывные» изменения

³¹ О лексико-статистической «технике мазка» для создания этой «размазанности/неопределенности» см. ниже п. 2.4.

³² Этот «шизофренический бред» можно, кажется, убедительнее расписать, используя устрашающий (и поэтому особенно убедительный) квантовомеханический и/или теоретико-вероятностный вокабуляр (метафорику). Ср. неоднократно приводившееся в этой работе высказывание М про Данте и, разумеется, про себя: «Дант может быть понят лишь при помощи теории квант» (<Наброски к РД>).

³³ Я отдаю себе отчет в том, что текст п. 2.3.4 (как и всего п. 2.3) выглядит кошмарным сном математика, начитавшегося на ночь позднего Мандельштама и/или Хлебникова. Но, похоже, что без этой метафорики мы не пойдем, упустим что-то очень существенное, – об этом уже говорилось в п. 1.5.6.

³⁴ Т.е. ограниченное, не-«бесконечное», см. про компактность мандельштамовского пространства в п. 2.6 – *пространство.

(«перестройки»), организуемые соответствующими локальными «семантическими отображениями» (semantic mappings) многообразия в само себя, или «перестроенного многообразия» в перестраиваемое.

Возникает динамическая система многообразий и их отображений. Этот динамический геометрический объект в математике метафорически называют «пенистым пространством». Это пространство можно интуитивно представлять себе как некую поверхность, «изрытую взрывами», где каждый «взрыв» – это семантическое «событие»³⁵.

В почти безнадежном стремлении понять М-геометрию, заметим, что крайне существенная в М-ЯКМ «ключевая идея» ухода из Р-ЯКМ (т. е. отказа от «нормальной», «здравой» ЯКМ, см. 2.4) находит свою геометрическую метафору в «неориентируемости» исходного «многообразия», в его в этом смысле похожести на «лист Мёбиуса».

2.3.5. Некоторые выводы.

Резюмируя, можно сказать, что общими «геометрическими» свойствами «языковой картины мира» Мандельштама являются ее «неевклидовость» (по модели Пуанкаре), пространственно-временная неоднородность, ее «неориентируемость», ее «криво-зеркальная» симметричность по отношению к объемлющему миру, как в скособоченном «мёбиусном» зеркале отражающая «правильный» мир³⁶, а также ее «импрессионистическая размазанность», «сдвинутость»³⁷ и «динамическая неустойчивость».

³⁵ Вот примеры мандельштамовских метафор, применяемых им к описанию такого рода «события»: растение, «взрывающееся» почками, самолеты, «выстреливающие» самолетами и т. п. Такого рода «события» могут происходить и на сцене: в очерке «Яхонтов» М описывает то, что можно назвать «пенистым сценическим семантическим пространством»: «В каждую данную минуту он дает широко раздвинутый перспективный образ» [П, с. 309–310].

³⁶ Переводя при этом отображении «прямые» линии «внешнего семантического мира» в «кривые».

³⁷ Создающая эффект одновременного присутствия «дополнительной по Бору» ЯКМ.

* * *

2.4. Корпус ключевых идей (сквозных мотивов), специфичных для ЯКМ Мандельштама, и некоторые сопутствующие генерализации.

2.4.1. Мифологичность М-ЯКМ³⁸.

Мифологичность здесь понимается, прежде всего, как «архаичность мышления»³⁹. Эта «архаичность» может быть возникшей в раннем детстве, но может быть и «индуцированной», т. е. возникшей под определенным воздействием (может быть, своим собственным!) позднее. У Мандельштама этот психолингвистический феномен манифестируется:

(а) в отношении к создаваемому тексту как к орудию не пассивного отражения, не «пересказа», но активного «разыгрывания» внешнего мира. Мандельштам пишет в РД, что поэзия «**разыгрыва[ет] природу** при помощи орудийных средств...»⁴⁰. В набросках к РД Мандельштам пишет про тексты Данта: «...

³⁸ Авторы известной «статьи пяти» пишут: «И стихи, и проза, и статьи Мандельштама обнаруживают разительное сходство с мифологическими (или религиозными) текстами и, прежде всего, в том, что, подобно корпусу мифов, мандельштамовское творчество образует единое смысловое пространство, из одной точки которого в другую можно перейти посредством дискретного набора смысловых кодовых преобразований» [82, с. 292]. Вряд ли все же следует относить эту возможность «перехода» к основным признакам «мифологичности». Скажем, совокупность «текстов» (теорем) евклидовой геометрии обладает таким свойством – однако ее непродуктивно считать «мифологической» системой и т. д.

³⁹ Н. Берковский, по-видимому, первым отметил черты «архаичного» (= «примитивного») мышления у Мандельштама в замечательной критической работе «О прозе Мандельштама» (1929–30 гг.): «Стиль Мандельштама служит тому, что за вещь видится ее “фамилия” – и я бы дал еще одно уподобление мандельштамовскому стилю. Этнологи говорят о **законе сопричастного мышления у примитивных** – вещи мыслятся не обособленными, а причастными одна к другой. Хлеб, олень и растение хихули одной “семьи” – так как все трое – примитивная пища. Поэтому у входа в храм вместо хлеба можно положить хихули: ритуал не пострадает, ведь хлеб и хихули – одно и то же, причастны друг к другу. И в силу причастности вещи “держат” свои признаки “сообща”, свободно меняются ими. **Не такая ли стилизация “сопричастного мышления” в мандельштамовских телефонах и извозчичьих голосах?**» [167, с.174–175].

⁴⁰ РД, гл. 1 [72, т. 3, с. 216].

разрыв папства как исторической формации здесь предусмотрен и **разыгран**⁴¹.

(б) в представлении о комплексном характере семантики слов⁴². Высказывание Мандельштама: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны»⁴³ – это явное воздействие гипотезы Н. Марра о «пучках» значений слов на «архаической» стадии развития языка. Мандельштам в ПА упоминает «яфетические» теории Марра несколько насмешливо, но сам при этом явно находится под воздействием идей и даже терминологии («семантический пучок») Марра⁴⁴, – возможно, ощущая какую-то близость их ЯКМ⁴⁵.

(в)⁴⁶ в сквозном мотиве ****оксюморонности, двойственности**⁴⁷, см. п. 2.4.3.

В. Иванов пишет об этом явлении с более общей точки зрения: «...наличие соединения противоположных смыслов, или, как любят говорить по этому поводу психиатры, использование амбивалентных символов, символов, которые одновременно имеют два разных значения, как те слова, на которые обра-

⁴¹ <Вокруг “Разговора о Данте”> [72, т. 3, с. 400].

⁴² По Л. Выготскому, который рассматривал семантические спектры слов детской речи. М в какой-то период, по-видимому, подвергся влиянию идей Выготского.

⁴³ РД, гл. II.

⁴⁴ В ПА Мандельштам даже пересказывает «яфетическую новеллу» о связи понятий «голова» и «глухота» в древности: «Видеть, слышать и понимать – все эти значения сливались когда-то в одном **семантическом пучке**. На самых глубоких или первобытных языках с «той особенностью мысли дикаря, которую Леви-Стросс обозначил как бриколаж (bricolage). Имеется в виду способность соединять самые разнородные вещи, строя из них некое единое сооружение. Комплекс или пучок значений и можно было бы рассматривать как такое сооружение» [198, с. 434]. О феномене **бриколажа** в связи с «мифологичностью» дискурса см. в п. 1.3.3.

⁴⁵ В. Иванов пишет о Н. Марре: «Мне кажется, что Марр был в языкознании подобием Чюрлениса в живописи: его **интуиция** была основана на воссоздании архетипов, иногда соответствовавших **древнейшим формам мысли**». Далее Иванов связывает гипотезу о «комплексных пучках значений для древних или первобытных языков» с «той особенностью мысли дикаря, которую Леви-Стросс обозначил как бриколаж (bricolage). Имеется в виду способность соединять самые разнородные вещи, строя из них некое единое сооружение. Комплекс или пучок значений и можно было бы рассматривать как такое сооружение» [198, с. 434]. О феномене **бриколажа** в связи с «мифологичностью» дискурса см. в п. 1.3.3.

⁴⁶ (в) можно рассматривать как важнейший частный случай (б).

⁴⁷ Впервые на этот мотив как на «мифологическую тему», «пронизывающую» М-текст, указали авторы «статьи пяти», см. [82, с. 297].

тил внимание Фрейд и которые могут одновременно значить “глубокий” в смысле “уходящий далеко под воду”, например, и “высокий”, т. е. “уходящий далеко в небо”⁴⁸, – эти, казалось бы, **противоположные значения во многих древних языках соединяются**. Вот такого рода **антонимическое сознание оказывается характерным для мифологического языка, для системы мифологических символов**⁴⁹.

(г) в работе механизма «рекурсивного бриколажа», см. п. 1.3.3.

* * *

Можно попытаться увидеть причину сдвига «представлений» Мандельштама в сторону «архаического (мифологического) сознания» в воздействии общей ситуации «века-волкодава»⁵⁰. Но в «случае Мандельштама» этот сдвиг просматривается еще до 1914 г., т. е. до наступления «века-волкодава». Мне представляется здесь более реальным воздействие на Мандельштама еврейского культурно-цивилизационного «генома», дискурса отца, семьи и т. п.⁵¹

2.4.2. Можно ли назвать М-ЯКМ «еврейской»?

– Штирлиц⁵², я про вас все понял: вы еврей.

– Да русский я, русский!

Шутка середины 70-х.

⁴⁸ Ср. обращение М к «небу» в стих. «Опять войны разногосица...» (1923): «А ты, **глубокое** и сытое, <...> Тебе – чужое и безбровое, / Из поколения в поколение / Всегда **высокое** и новое / Передается удивленью»

⁴⁹ [197, с.140–141].

⁵⁰ Об этой причине «архаического сдвига» в сознании С. Эйзенштейна говорит В. Иванов [197, с. 140]. Там же Иванов говорит: «...когда Эйзенштейн, Лурья, Выгодский, Марр стали заниматься этим [архаическим мышлением] как темой, возможно, они как-то смутно реагировали на то, что творилось в Европе вокруг них».

⁵¹ См. монографию «Текст и мир...», гл.2 и здесь пп.1.2.3, 1.3.3 и 2.4.2.

⁵² Stieglitz (нем./идиш ← зап. слав. stehlec) = ‘щегол’. В серии стихов М называл себя «щеглом».

Вряд ли возможно определить ЯКМ Мандельштама как именно «еврейскую»⁵³, тем более, что не очень ясно, что такое «еврейская» ЯКМ, по крайней мере, работа по реконструкции этого объекта еще не проделана. Но некоторые «несущие элементы» конструкции мандельштамовской ЯКМ указывают на мощное воздействие еврейских «культурно-цивилизационных установочных архетипов (матриц)»⁵⁴.

В нижеследующем списке «ключевых идей (сквозных мотивов)»⁵⁵ М-ЯКМ мы отмечаем «проекции» еврейских «культурно-цивилизационных матриц».

2.4.3. Список **ключевых идей** (сквозных мотивов) М-ЯКМ.

****** сквозной мотив **«взрыва»**

Рефлексы в дискурсе М (вообще, в экзистенции М) этой «примарной», т. е. порождающей ряд других, «идеи» частотны и крайне существенны, см. пп. 1.2.1 и 1.2.2.

****** сквозной мотив **«медиативности»**

Это проекция еврейской «культурно-цивилизационной» матрицы⁵⁶.

Рефлекс этого мотива в М-тексте: частотность «коммуникативных» ситуаций⁵⁷, имеющих прагматическую цель осуществ-

⁵³ Например, доминирующий в М-ЯКМ сквозной мотив «взрыва/катастрофы» – не более «еврейский», чем «русский». Ср. запись М. Пришвина в дневнике от 13.09.37: «"Катастрофа" как категория души русского интеллигента (тема)».

⁵⁴ О еврейских «культурно-цивилизационных установочных архетипах (матрицах, установках) а также о понятии «примарных порождающих матриц» см. подробнее в п. 1.2.3, а также в упоминавшейся монографии [200].

⁵⁵ В формулировке А. Шмелева, см.: *Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Ключевые идеи...*, с. 452.

Эти же объекты могут в другом контексте называться «матрицами», «установками», «установочными архетипами» и т. п.

⁵⁶ Об этой матрице см. подробнее в монографии «Текст и мир...», глава 1. Кроме того, в данной работе см. п. 1.2.3.

⁵⁷ Феномен «повышенной коммуникативности» текста «позднего Мандельштама» изучался Ю. Левиным в [187, с. 128–131]. Несколько ранее этот же феномен зафиксировал О. Ронен в работах начала 70-х гг.

вления «контакта» и **передачи информации**, т. е. ситуаций типа:

- (а) обращений («Петербург! ... У тебя телефонов моих номера»)
- (б) вопросов («Что, Александр Герцевич, / На улице темно?»)
- (в) приветствий («Ну, здравствуй, чернозем...»)
- (г) включения «прямой речи», своей или «чужой» («Пропадом ты пропади...»)

и т. д.

Еще одним примером рефлекса этого мотива является специфика в М-ЯКМ концептов ***посредничества, обмена**, см. п. 2.6.

** сквозной мотив **«оксюморонности», «двойственности»**⁵⁸

Это проекция еврейской «культурно-цивилизационной» матрицы, см. подробнее в монографии [200] и в п. 1.2.3.

Рефлекс этого мотива: частотность концептов **неопределенности**, амбивалентности, **«пограничности»** в М-тексте. Выделенность этого блока концептов в М-ЯКМ связана с ее общей «размазанностью», «импрессионистичностью», см. 2.3.3. «Пять авторов» отмечают в этой связи, что в тексте М присутствуют: «...многочисленные слова с приставкой, модифицирующей значение и направление неопределенности (*полу-, дву-, много-: полуукраинский, полуслово, полуберег, полухлеб, двуискренний, многоочитый*)». Там же отмечается «...изобилие слов, обозначающих “границу”, “переход”, “след”: *наклон, уклон, склон, скат, разлом, шов, стык, прослойка, зигзаг, извив* и т. п.»⁵⁹

Еще пример рефлекса этого мотива в М-ЯКМ: см. в п. 2.6 – ***концептуальная пара правда/неправда** и далее.

⁵⁸ См. подробнее в монографии «Текст и мир...» (гл. 1) и в данной работе п. 1.2.3.

⁵⁹ Левин Ю., Сегал Д., Тименчик Р., Топоров В., Цивьян Т. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001. С. 298.

****** сквозной мотив «динамичности»⁶⁰

Это проекция еврейской «культурно-цивилизационной» матрицы, см. подробнее в монографии [200] и в п. 1.2.3.

Рефлекс этого мотива: повышенная **частотность слов-концептов движения** в тексте М. По-видимому, этот феномен связан с общей «большей динамичностью» ЯКМ Мандельштама (сравнительно с Р-ЯКМ), а также, как уже говорилось, с динамичностью еврейского культурно-цивилизационного «генома»⁶¹. Л. Панова, анализируя концепт «звезды» в ЯКМ Мандельштама, отмечает: «На примере *звезд* можно увидеть такую константу в передаче мира, как отсутствие статики у таких объектов, которые в норме⁶² мыслятся статическими»⁶³.

Отметим, что еще более ярко это «преодоление статики» проявляется в «геометрии цвета» в М-ЯКМ. Цветовые концепты в «нормальной» Р-ЯКМ статичны, в то время как в ЯКМ Мандельштама они подчеркнута резко динамичны, «векторны», подробнее см. в п. 2.6 – *цвет.

Еще пример рефлекса этого мотива в М-ЯКМ: см. в п. 2.6 концепт *динамичности, быстрого движения и далее.

****** сквозной мотив «моногенеза», ориентации на поиск единой исходной точки

Это проекция еврейской «культурно-цивилизационной» матрицы, см. подробнее в монографии [200].

Пример рефлекса в М-ЯКМ: см. в п. 2.6 концепт *пространства, которое может сжиматься до **одной** точки, представлять собой часть **единого** текста и т. п. Еще пример в 2.6 – *концепт единого **города** в ЯКМ Мандельштама: “Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в **один** небывалый город”.

****** сквозной мотив «отрицания» Р-ЯКМ, «ухода» от стандартной русской ЯКМ, ее «взрыва»⁶⁴. Отметим очень существен-

⁶⁰ Ясно, что здесь сильное пересечение с «динамической геометрией» ЯКМ, о чем шла речь в 2.3.3.

⁶¹ См. подробнее в «Текст и мир...», гл. 1.

⁶² Имеется в виду «нормальная» русская ЯКМ.

⁶³ Панова Л. «Мир», «пространство», «время»... С. 183.

⁶⁴ Этот феномен уже рассматривался в п. 1.3.2.6 и п. 1.2.2.9. Его же, фактиче-

ный «частный случай» этого мотива: Идея **«несущественности синтаксиса в тексте, необходимости его «разрушения».

Конечно, этот мотив приводит к мифологеме некоего вечного еврейского отрицания «нормального» мира, к «вечному нет», которое видел Эренбург в своем «Хулио Хуренито». Но у Мандельштама, это, скорее, не «уничтожающее» отрицание «плохого» объемлющего мира, а демонстрация своей (и своей ЯКМ) «дружести», зеркальное (в специфически скошенном зеркале) отражение⁶⁵ окружающего мира, и «отражение», «отскок» себя, как светового луча, от этого мира: «Нет, я не каменщик прямой.... Двuruшник я...».

Рефлексы этого мотива в М-тексте:

- (а) повышенная **частотность** в М-тексте расхождений и даже противоположностей в ряде «ключевых» концептов,
- (б) «ре-семантизация» ряда частотных русских лексем, нарушение «нормального» узуса,
- (в) повышенная частотность работы «НЕ»-оператора, повышенная частотность конструкций типа «не А, а Б» и т. д.⁶⁶
- (г) частотность и, главное, «рутинность» синтаксических нарушений.

* * *

В отдельную группу выделим «ключевые идеи» М-ЯКМ, характерные для отношений М с «Текстом».

В Главе 1 (п. 1.2.3) отмечалось, что отношения Мандельштама с **текстом**, будь то своим или не своим, в значительной степени, совпадают с отношениями еврейской культурно-цивилизационной системы с текстом. Это явление, в свою очередь, порождает в ЯКМ Мандельштама ряд специфических «ключевых концептов» и «ключевых идей».

Поскольку это все достаточно детально анализировалось в п. 1.2.3, мы здесь только перечислим узловые моменты соответ-

ски (без аппарата ЯКМ), рассматривал Ю. Левин в [187, С. 64–65].

⁶⁵ Здесь вполне уместен в качестве метафоры математический термин: «оператор отражения». Это и есть ситуация применения «НЕ»-оператора, см. 1.3.2.6.

⁶⁶ См. п. 1.3.2.6, а также обсуждение этого феномена и примеры у Ю. Левина в [187, с. 55–64].

ствующего комплекса «ключевых идей» (проецирующихся в паттерны языкового поведения М⁶⁷), которые условно можно квалифицировать как «еврейские мотивы» в этой части М-ЯКМ:

**** Идея «мира» как единого текста, вытекающего, как строка, из одной буквы⁶⁸ и представляющего собой одну гигантскую метафору.**

Рефлексы этого мотива в М-тексте:

- (а) «плотная» интертекстуальность → принципиальная «нелинейность, многомерность» текста М
- (б) выделенность (соответственно, повышенная частотность лексического выражения в текстах) в ЯКМ Мандельштама ключевых концептов ***текста**, ***чтения**, ***книги**, «не выделенных» в стандартной русской ЯКМ (см. п. 2.6)
- (в) частотная «диалогичность» (= контакт с «миром») текста М
- (г) резко повышенная метафоричность текста. Присутствие в «сознании» и рефлексы в М-тексте ряда «когнитивных метафор», см. п. 2.5.1.

**** Идея: комментарий к тексту «важнее» самого комментируемого текста.**

Рефлекс этого мотива: частое принципиальное отсутствие у М «главного» авторского текста среди множества «вариантов»⁶⁹.

**** Идея «уплотнения», «максимизации» информативности текста.**

Рефлексы этого мотива в М-тексте:

- (а) массовость и рутинность «сверток» и «сокращений»
- (б) как отмечалось в 1.2.2.2, явное предпочтение в его «лексической геометрии мира» «сильно-информативного» концепта «кривизны» «слабо-информативному» концепту «прямыз-

⁶⁷ Подробнее см. в п. 1.2.3 и в монографии [200].

⁶⁸ Эта «ключевая идея» является, разумеется, одновременно важнейшей «когнитивной метафорой», см. ниже.

⁶⁹ Ср. в ЕМ: «Уничтожайте рукопись, но сохраняйте то, что вы начертали сбоку, от скуки, от неумения и как бы во сне. Эти второстепенные и мимовольные создания вашей фантазии не пропадут в мире...» [II, с. 86].

- ны». Более подробно см. в п. 2.6, концептная пара *прямой vs. кривой
- (в) как отмечалось в 1.2.2.2, специфичная «мультилингвистичность» дискурса, см. ниже
- (г) очевидная частотность «НЕ-лексем» (прилагательных и наречий с НЕ, БЕЗ и т. д.). Например:

«...И ВСЕ ТВОЕ / ОТ НЕИЗБЕЖНОГО. / ОТ НЕИЗБЕЖНОГО / ТВОЯ ПЕЧАЛЬ/ И ПАЛЬЦЫ РУК / НЕОСТЫВАЮЩИХ, / И ТИХИЙ ЗВУК / НЕУНЫВАЮЩИХ / РЕЧЕЙ».

Ю. Левин, исследовавший феномен «негационности» М-текста, писал: «Это предпочтение “не-лексем” связано, видимо, с их большей, по сравнению, с обычными, смысловой свободой и неопределенностью (ср. *несладкий*, и, например, *соленый*), и с их семантическим богатством, – с тем, что они являются как бы носителями двойной семантики: сквозь отрицание просвечивает утверждение (в конструкции со словом *несладкий* работает семантика «сладкого»)»⁷⁰.

(д) частотные нарушения «нормального» русского синтаксиса. Ю. Левин пишет: «...нарушения [в дискурсе Мандельштама] логики здравого смысла проявляются, прежде всего, в сфере синтаксиса, поскольку (в первом приближении) именно синтаксические отношения в речи отражают вещественно-логические отношения в реальности. Возникающие при этом новые, неузуальные отношения так же, как и “новые модальности”, способствуют появлению “новых смыслов”»⁷¹.

***Идея: ориентация на «мультилингвистичность» дискурса, т. е. на использование в дискурсе всех известных генератору текста вербальных языков** (на самом деле, вообще всех известных ему семиотических систем), ориентация на «межязыковую интерференцию», на использование разноразличных смыслов в высказывании и т. д. См. об этом подробнее в 1.2.3.2 (з).

⁷⁰ [187, с. 63]. Сюда же относится и частотность работы «НЕ-оператора», см. п. 1.3.2.6.

⁷¹ [187, с. 65].

Рефлекс этого мотива: частотность и рутинность⁷² т. н. «игры слов» в тексте М.

* * *

2.5. Специфичные для Мандельштама системные механизмы изменения (сдвига) ЯКМ⁷³: аппарат межъязыковых интерференций, система концептуальных метафор.

Материал этого параграфа, вообще говоря, не обязательно было выделять в отдельное рассмотрение, – ведь **концептуальные метафоры** – это естественная часть корпуса ключевых идей (2.4), а **аппарат межъязыковых интерференций** подробно рассматривался в главе 1, и т. д.

Но М-ЯКМ – это некий единый организм с набором «встроенных» систем само-изменения, динамического воздействия на себя самого, на свой «геном», и для лучшего понимания его «жизнедеятельности» необходимо попытаться «вывести на поверхность» эти семантические механизмы⁷⁴, хотя это является «забиранием» части материала из главы 1, которая занимается именно «механизмами».

2.5.1. Концептуальные (программные) метафоры (КОМЕТА).

В п. 1.5.7 эти объекты определялись как **константные метафоры, устойчивым образом воздействующие на понятийную систему «генератора речи», устойчиво влияющие на формирование «ключевых» понятий.**

Приводимый ниже набор центральных мандельштамовских КОМЕТ является лишь абрисом системы, которая требует

⁷² Я хочу еще раз подчеркнуть принципиальную важность этого феномена: то, что для «стандартного» европейского (включая Р-ЯКМ) языкового сознания является «играми слов», «каламбурами», Wortspiele, jeux de mots и т. п., для М есть совершенно рутинная техника генерирования «новых смыслов», в которой использование «межъязыковых интерференций» является лишь одним из элементов. Эта «рутинность» сильнее всего сближает тексты М и «традиционный» еврейский дискурс.

⁷³ А также генерирования эффектов, описанных в 2.3.3.

⁷⁴ Биологическая метафорика здесь вполне естественна, но мне представляется, что геометрическая метафорика, в данном случае, дает несколько больше и больше соответствует метафорике РД, хотя выглядит более сложной: см. 2.3.4.

дальнейшего изучения. Стрелкой (→) обозначены деривативы, т. е. метафоры, производные от обозначенных в предыдущей строке звездочками (**).

** ПОЭЗИЯ – ЭТО ВЗРЫВ; ПОЭЗИЯ – ЭТО ОРУДИЕ ВЗРЫВА;
→ ПОЭЗИЯ – ЭТО ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ АРТИЛЛЕРИИ.

Подборку высказываний М, в которых просвечивают эти метафоры, см. в п. 1.2.1.1.

** МИР – ЭТО ТЕКСТ; ТЕКСТ – ЭТО ЖИЗНЬ
→ ВСЯКАЯ ВЕЩЬ – ЭТО КНИГА⁷⁵;
→ ЖИЗНЬ – ЭТО КНИГА⁷⁶
→ ЗЕМЛЯ = (ЗАСТЫВШАЯ) РЕЧЬ; ЧЕРНОЗЕМ = ЧЕРНОРЕЧИВОЕ МОЛЧАНИЕ⁷⁷

О «ключевой идее» «мира как текста» у М много говорилось выше. Добавим, что М, по-видимому, воспринимал текстуальное описание мира «как результата работы некоторой системы передачи информации по отношению к нам»⁷⁸.

** ЖИЗНЬ – это ДВИЖЕНИЕ
→ ТЕКСТ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ; СЛОВО – ЭТО ПУТЬ

Ср. высказывание М в разговоре с С. Рудаковым (1935): «Жизнь – это ДВИЖЕНИЕ, событие – его нельзя описать. <...> поэзия понимается <...> как отказ от твердых форм значения за счет углубления роли сочетаний. Здесь куча частных. Программа: все это В ДВИЖЕНЬЕ. О нем, О ДВИЖЕНЬЕ, написан “Дант”»⁷⁹.

⁷⁵ В 7-й главе ЕМ: «Всякая вещь мне кажется книгой. Где различие между книгой и вещью? Я не знаю жизни: мне подменили ее...» [II, с. 81]. Там же, в главе 8: говорится о разведенных петроградских мостах, напоминающих «о торцовой книге в каменном переплете с **вырванной** серединой».

⁷⁶ Ср. в 8-й главе ЕМ: «наша жизнь – это повесть без фабулы и героя...».

⁷⁷ Напомним (см. п. 1.2.1.1, Пример 2), что в этих метафорах, кроме прочего, актуализируется внутри-немецкая паронимия Erde ‘земля’ ↔ Rede ‘речь’, продуцирующая внутри-русскую связь «черно-зем» ↔ «черно-речие» и т. д.

⁷⁸ Так формулирует похожий комплекс представлений В. Иванов в своем курсе [197, с. 204–205].

⁷⁹ В письме С. Рудакова, цит. по [8, с. 130–131].

**** СРАВНЕНИЕ (МЕТАФОРА) – ЭТО ВЗРЫВ (ПОРЫВ)**

См. пп. 1.2.1.1 и 1.5.

**** ЖИЗНЬ – ЭТО МЕТАФОРА (СРАВНЕНИЕ)**

→ ЖИЗНЬ – ЭТО ВСЕГДА И ВЕЗДЕ ВЗРЫВ (ПОРЫВ)

Ср. «Я сравниваю, значит я живу – мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть – сравнение»⁸⁰.

Пример «программирующего» действия метафоры **ЖИЗНЬ – ЭТО СРАВНЕНИЕ**: даже в отредактированном следователем протоколе допроса в 1934 г. просвечивает, что для Мандельштама в его оценке деятельности «части старой интеллигенции» (к которой он сам принадлежит) самым важным являются производимые ею **сравнения** (анalogии): «В политическом отношении, эта группа извлекла из опыта различных оппозиционных движений в прошлом привычку к **искажающим** современную действительность историческим **аналогиям**»⁸¹.

**** РАСТЕНИЕ – ЭТО ГРОЗА**

**** ВСПОМНИТЬ ЗНАЧИТ УМЕРЕТЬ**

**** ЧУЖАЯ РЕЧЬ – ЭТО ОБОЛОЧКА**

2.5.2. Техника локальной перестройки ЯКМ.

Наиболее частым техническим аппаратом для резкого изменения («взрыва») локальной семантической картинки (локальной ЯКМ) у Мандельштама являются общий механизм СИ-операторов и техники т. н. межъязыковой интерференции.

Имеется в виду суггестирование в тексте иноязычного слова, которое «вторгается» в текст и меняет его семантику, при этом модифицируя «локально-ключевые» концепты (часто некий один локально-ключевой концепт) в локальной окрестности «взрыва», что и означает изменение «локальной ЯКМ».

⁸⁰ <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933) [72, т. 3, с. 406].

⁸¹ Цит. по [196, с. 35].

Таким способом генератор текста локально изменяет собственную ЯКМ, свой «хронотоп», меняет свою «языковую кожу» («чужая речь мне будет оболочкой»)⁸².

Например, в мандельштамовском высказывании «есть блуд труда, и он у нас в крови» русское «блуд» суггестирует свой немецкий омофон Blut 'кровь', в результате чего «ключевые» для данной ситуации концепты «блуда» и «труда» получают расширение (модификацию) за счет семантического пространства нового для данной ситуации концепта «крови». Это вторжение «нового» «взрывает» (резко модифицирует) всю «картинку» исходного высказывания⁸³.

О механизме межъязыковой интерференции в М-тексте см. подробнее пп. 1.3 и 1.4. Там же описывается механизм «иноязычного монитора» и механизм и типология т. н. СИ-операторов.

Эти механизмы работают, по-видимому, в большинстве текстов Мандельштама и способствуют самым различным локальным (ситуативным) и глобальным изменениям (перестройкам) стандартной русской ЯКМ, например, ее «германизации» и т. п.

Пример «германизации картинки ситуации» приведен в 1.4.2. Это замена значения лексической функции Magn (X) в «Канцоне».

2.5.3. «Ре-семантизация» лексем и словосочетаний.

Еще одним частым способом резкого изменения («взрыва») локальной семантической картинки является техника «ресемантизации» ряда лексем (и сочетаний) русского языка, не обязательно представляющих «ключевые концепты», но **частотных**⁸⁴.

⁸² Об этом уже говорилось в п. 1.2.2.1.

⁸³ В данном случае, произошедший «семантический взрыв» (математик бы сказал: «семантическая бифуркация») эксплицируется (выводится на поверхность) в конце фразы: «...и он у нас в **крови**», но это совершенно не обязательно, и в массе других случаев подобная экспликация в текстах М не имеет места. Чуть подробнее об этой ситуации см. в п. 1.2.2.1.

⁸⁴ Об этой технике говорилось в п. 1.3.3.

Имеется в виду «смещение» Мандельштамом «стандартной» семантики русских слов, вкладывание в них «другого», измененного, часто даже не сразу уясняемого читателем, смысла.

Это, разумеется, способствует формированию ощущения (как у адресата дискурса, так и у самого М) общей «сдвинутости» ЯКМ Мандельштама, по сравнению с Р-ЯКМ.

Ряд исследователей пытались выяснить причины и паттерны такого «языкового поведения» М, хотя это крайне трудная задача.

Например, внимание привлекает явное «смещение» стандартного смысла лексемы «ласковый» у Мандельштама. А. Жолковский, рассматривая строки «С каким-то ласковым испугом/ Я соглашался с равенством равнин»⁸⁵, пишет: «особенно характерен оксюморонный мотив ‘вынужденной ласковости’ – одной из мандельштамовских стратегий ‘эллинистического обживания враждебного мира’»⁸⁶.

Мне представляется, что здесь и в ряде других случаев имеет место, скорее, инвариантная **еврейская** «цивилизационная стратегия» обживания мира (как текста) при помощи ресемантизации его элементов привнесением в них еврейских⁸⁷ коннотаций, проще говоря, путем создания собственного субъязыка и собственной ЯКМ⁸⁸.

М-текст часто ресемантизирует не только отдельные лексемы, но и их сочетания. Вот примеры применения одного из «серийных» способов ре-семантизации («германизации») словосочетания:

СОННЫЕ КАЗНИ → смысл «казни во сне, сны (грёзы) о казнях».

⁸⁵ В стихотворении «Не сравнивай, живущий несравним...».

⁸⁶ Жолковский А. Клавишные прогулки без подорожной // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/1. М., 2000. С. 168.

⁸⁷ В данном случае, идишских. Смещенная семантика лексем «ласка», «ласковый» взята М из идиша, с меньшей вероятностью – из украинского (в оба эти языка она импортирована из польского). См. подробнее в Приложении.

⁸⁸ См. еще об этом в монографии [200], п. 1.5.0. Но эта идея А. Жолковского, кажется, помогает объяснить странную частотность лексемы «ласка» и её производных в текстах М.

Ясно, что в этой серии модификация «стандартного» русского смысла происходит через «немецкого медиатора», т. е. через использование немецкой техники составления сложных слов с «генетивно-посессивным» смыслом: СОННЫЕ КАЗНИ → *Traumstrafen = «казни сна», «казни, имеющие отношение к сну» и т. п.

Список ряда наиболее явных «ресемантизированных» русских лексем и сочетаний в М-текстах см. в п. 2.7.

2.6. Корпус ключевых концептов, **специфичных** для М-ЯКМ.

Ввиду общей малоизученности всей проблематики, мы здесь можем только попытаться отметить некоторые точки, могущие в сумме дать некий «гештальт» общей картины.

В чем, в сущности, главные отличия Р-ЯКМ и М-ЯКМ?

Кроме набора специфически «еврейских» свойств ЯКМ Мандельштама (см. п. 2.4), а также частичной «германизации» Р-ЯКМ в тексте Мандельштама (п. 2.5.3), следует отметить явления, анализируемые ниже в пп. 2.6 и 2.7.

Это, прежде всего, резкое несовпадение и даже противоположность в ряде «ключевых» концептов «стандартной» русской ЯКМ и ЯКМ Мандельштама. Это, в частности, проявляется в несовпадении ряда ключевых культурных скриптов⁸⁹ в текстах М со «стандартными» русскими скриптами, что влечет крайне важные последствия для отношений М с «окружающей средой».

Наиболее ярко феномен «несостыковки» ЯКМ наблюдается на концептах-проекциях «еврейских примарных порождающих матриц».

⁸⁹ Культурные скрипты (по А. Вежбицкой) – это зафиксированные в языке «общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя».

СПИСОК КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ⁹⁰

***посредничество, обмен**⁹¹

– В ЯКМ Мандельштама эти концепты однозначно резко позитивны: «люблю обмен» и т. п.⁹²

– В Р-ЯКМ⁹³ отношение к этим концептам (точнее: к соответствующим установкам, паттернам поведения и т. п.) – скорее негативное, в лучшем случае – нейтральное. Ср. резко негативная окраска в Р-ЯКМ концепта «деньги» – числового выразителя и символа «обмена». Ср. также негативную окрашенность концепта «торговля» в Р-ЯКМ. В сознании носителя Р-ЯКМ концепты «обмена, посредничества (любого, не только коммерческого), купли-продажи» ассоциируются с концептом «обмана» (потенциального или актуализированного) или, вообще, какой-то потенциальной «не-справедливости», или служат маркером «низкого» (а не «высокого») поведения⁹⁴. Ср. высказывания типа «не обманешь – не продашь», «они нас продали»⁹⁵ и т. п.

⁹⁰ Этим списком я пытаюсь сделать «пунктирный» абрис «несущих конструкций» М-ЯКМ, сознательно «перемешивая», например, «пространственные» и «психо-морально-этические» концепты, как бы следуя в этом Мандельштаму, в ЯКМ которого все, с первого взгляда, «несмешиваемые» концепты, на самом деле, сильнейшим образом связаны. Достаточно одного пассажа из ЕМ про «страх»: «...он координата времени и пространства» или формулировки отношения М к симфонии Шостаковича в письме Кузину (март 1937): «Не приемлю. Не мысль. **Не математика. Не добро**».

⁹¹ В ЯКМ Мандельштама эти концепты – проекции «еврейской» культурно-цивилизационной примарной матрицы «медиативности», см. п. 2.4.1 (а). Подробно об этой матрице см. монографию [200], п. 2.1.

⁹² Об общих причинах этого явления подробно говорится в монографии [200], п. 2.1. Здесь отметим, что даже абсолютно негативный в русской ЯКМ концепт ростовщика (архетипа «менялы») «позитивизируется» (по-видимому, намеренно, см. ниже) у М: «Я люблю военные бинокли с **ростовщического** силой зренья».

⁹³ Отметим, что рассматривается «наивная картина мира» в смысле Ю. Апресяна, в которой «посредничество» и «обмен» ассоциируются с простыми «физическими» ситуациями, а выражения типа «посредничество между культурами» и т. п. – являются какой-то непонятной «метафизикой».

⁹⁴ О ключевом концепте «справедливость» и об оппозиции «высокое-низкое» в русской ЯКМ см. [80, с. 10–11 и др.].

⁹⁵ Недавно в эфире московской FM-радиостанции обсуждалась официальная борьба со словом *sale* в торговой рекламе в Калининградской области. Ве-

* концептуальная пара «**правда/неправда**»⁹⁶

– В Р-ЯКМ «правда» всегда позитивна, «правда» связана с явно позитивным концептом «открытой души», «неправда» – явно негативна⁹⁷.

– В ЯКМ Мандельштама отношение к концепту «правды» скорее подозрительно-насмешливое, а к «неправде-кривде», скорее «симпатично-эмпатичное». Ср. в 10-й главке ЧП: «... секретарша-правда, правдочка, совершенная белочка <...>. Один мерзавец мне сказал, что правда по-гречески значит мрия⁹⁸.<...> жестокая партийная девственница Правда-Партия». В стихотворении «Неправда» М даже отождествляет себя с монструозной колдуньей-«неправдой»: «Я и сам ведь такой же, кума». В вариантах «Волка»: «Потому что не волк я по крови своей / И неправдой искривлен мой рот». Тонкость здесь в том, что «волкодав» в «Волке» кидается на плечи (вар. «на шею») автору совсем не с целью загрызть, но, наоборот, с целью «дружить», сделать своим, на что автор сообщает, что он совсем не «свой», и в доказательство демонстрирует (на примере ключевого для Р-ЯКМ концепта «правды») несовместимость своей ЯКМ и современной Р-ЯКМ (= ЯКМ «волка»). Подробнее об этой интересной «семантической разборке» см. п. 3.1.2. Достаточно очевидно, что здесь, как и в ряде других ситуаций, М сознательно «сопротивляется» давлению Р-ЯКМ и «скриптов» русской культурно-цивилизационной системы⁹⁹, в которых концепт «неправда» однозначно резко негативен¹⁰⁰.

дущая программы воскликнула: «Но ведь у нас же не любят слов “продажа” и “распродажа”!»

⁹⁶ В ЯКМ Мандельштама эти концепты – проекция примарной матрицы «оксюморности/двойственности», см. «Текст и мир...», п. 4.1 (б).

⁹⁷ Подробно об этом см. у А. Вежицкой, в работе, включенной в книгу [200], с. 497, 503.

⁹⁸ мрия (укр.) = ‘мечта, грёза’. Мандельштам, для усиления эффекта (само)насмешки (издевки, стёба), делает вид, что не понимает эту шутку В. Катаева.

⁹⁹ См. п. 2.3.2 о специфически «косо-зеркальном» отражении «нормально» мира.

¹⁰⁰ Ср. рассматриваемое ниже демонстративное применение к себе в «Грифельной Оде» негативных в современной Р-ЯКМ определений «двурешник» и «с двойной душой». Ср. также намеренную «позитивизацию» в стих. «Канцона» (1931) абсолютно-негативного в русской (как и в любой другой!) ЯКМ

* **прямодушие, прямота, единодушие**

– В Р-ЯКМ – эти концепты оцениваются явно позитивно, а противостоящие им **двоедушие, двуличие, двойничество, двурушничество** – явно негативно¹⁰¹.

– ЯКМ же Мандельштама как бы отвергает это восприятие, *переворачивает* картинку¹⁰². В «Грифельной Оде»: «Нет, я не каменщик прямой, / Не кровельщик, не корабельщик, / Двурушник я, с двойной душой...». Здесь М явно демонстративно применяет к себе резко негативные в Р-ЯКМ определения «двурушник»¹⁰³ и «с двойной душой» (а не с «открытой, **прямой** душой!»). В переводе Петрарки: «Хоть ключ один, вода разноречива – / Полужестка, полусладка, – ужели / Одна и та же милая двулична...». Здесь «двуличность» «милой» не есть негативная характеристика¹⁰⁴.

Конечно, здесь дело в том, что ЯКМ Мандельштама вполне рутинно «двоится», размывается, становится «импрессионистичной» (см. п. 2.3.3).

* **прямой vs. кривой, ровный (по горизонтали и вертикали) путь, движение (по равнине) прямо вперед** (пересекается с предыдущим пунктом)

– В Р-ЯКМ концепт «прямого пути» резко позитивен, в то время как «непрямой (кривой) путь» – обычно негативен¹⁰⁵. Ср. у Пушкина: «в поле бес нас водит, видно, да КРУЖИТ по сторонам, ...ЗАКРУЖИЛИСЬ бесы разны». Или в песне: «черный ворон, что ты ВЪЕШЬСЯ над моею головой...», или в выраже-

определения «ростовщический»: «Я люблю военные бинокли / С **ростовщическою** силой зренья».

¹⁰¹ Ср. в словаре В. Даля: «**Двое(дву)душие** <...>, лживость, притворство, лукавство, лицемерие».

¹⁰² Я бы даже сказал (имея в виду некоторую геометрическую метафору): «выворачивает» картинку. Ср. высказывание М: «и все на свете наизнанку».

¹⁰³ Интересно, что «негативная» лексема «двурушник» в своем «расстрельном» значении 'изменник' вошла в русский политический новояз только в начале 30-х.

¹⁰⁴ Это отметил А. Илюшин в статье в «воронежском сборнике»: [71, с. 378].

¹⁰⁵ О «кривизне» как маркере «того света», «нечистой силы» в славянских народных верованиях см.: Белова О., Петрухин. В. «Еврейский миф» в славянской культуре. М., 2008. С. 409. Там же соотв. ссылки.

ниях типа «что ты ходишь ВОКРУГ да около, говори ПРЯМО» и т. п.¹⁰⁶.

– В ЯКМ Мандельштама, наоборот: более позитивен не прямой¹⁰⁷ путь (частный случай: круг → движение по окружности). Одной из глубинных причин этого служит действие «еврейской» культурно-цивилизационной матрицы медиативности/информационности¹⁰⁸. Проще говоря, «кривое» «медиативнее и информативнее», чем «прямое» и (в частности) поэтому привлекательнее для Мандельштама¹⁰⁹. Примеры позитивной окраски этого концепта в текстах М: «улиц твоих большеротых **кривые люблю** вавилоны», «веселая, **кривая**, карличья, в ушах стая», «и Гете, свищущий на **вьющейся** тропе, и Гамлет, мысливший **пугливыми** шагами¹¹⁰, ...и в бездревесности **кружились** листья», «честные зигзаги». К концепту «прямой» отношение у М, скорее, негативное – как к чему-то чуждому и/или опасному, даже страшному: «нет, я не каменщик **прямой**» (1923), «как ее ни вывертывай, **криво** звучит [фамилия Мандельштам], а **не прямо**», «муж **прямой** и дикий» (1937), «как виселица **прям** и дик»¹¹¹. В «Разговоре о Данте» Мандельштам сообщает, что Дант «читил искусство современного ему море-

¹⁰⁶ Интересно, что в журнальном дискурсе 1921–1922 гг. (т. е. в период создания «Грифельной Оды» со строкой «Нет, я не каменщик **прямой**...») имеют место выражения типа: «стиль РСФСР – стиль прямой линии», см. Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 196.

¹⁰⁷ Ср. М о себе в Воронеже: «Как ее [фамилию Мандельштам] ни вывертывай, **криво** звучит, а **не прямо**. Мало в нем было **линейного**...» (1935).

¹⁰⁸ См. подробнее в [200], пп. 2.1 и 1.1. «Еврейская» означает, в данном случае, диаспоральную, «постбиблейскую», «талмудическую» систему. Интересно в этой связи отметить, что в «библейской» ЯКМ, а также в современной израильской ЯКМ, концептуализация пары «прямой vs. кривой» совпадает с русской ЯКМ. Например, понятие *dugri* = 'прямой, прямо' (иврит ← арабский) является **ключевым позитивным** словом-концептом в израильской («сабрской») ЯКМ.

¹⁰⁹ Ср. у В. Топорова: «Неправильное», «кривое» богаче информацией, чем «правильное» и «прямое» по крайней мере потенциально, но образ, в котором эта информация выражается, «темнее», дву- и много-смысленнее, но отважное сознание открыто риску...» [77, с. 13].

¹¹⁰ Точный образ постоянно (на каждом шагу) оборачивающегося человека: блестящая метафора постоянного циклического (рекурсивного) продвижения, нечто вроде сложной спирали, трóпа «вьющейся тропы».

¹¹¹ О колокольне Ивана Великого в Кремле, одном из рутинных символов русской культурно-цивилизационной системы.

плаванья <...> этого наиболее **уклончивого** и пластического спорта», и говорит далее: «Мне хочется указать здесь на одну из замечательных особенностей дантовской¹¹² психики – на его **страх** перед **прямыми** ответами». А. Жолковский отметил, что М воспринимал «объективный внешний мир» как «нечто большое, безличное, холодное, чуждое, равнодушное, “**прямое**”, “простое”»¹¹³.

* **плоская поверхность, равнина, степь** (плоскостной, двумерный вариант предыдущего пункта)

– Этот «пучок» концептов позитивен в Р-ЯКМ: «бескрайние просторы, воля» и т. п.¹¹⁴.

– В ЯКМ Мандельштама рассматриваемый пучок негативен. Он эти *прямые, ровные, однородные* просторы-плоскости не-навидит, т. е. в буквальном смысле видеть не хочет, презирает¹¹⁵ и боится их¹¹⁶. Образ **степи** в М-ЯКМ, к тому же, связан с негативным концептом **мачехи**¹¹⁷. М посвятил экспликации этой «психофизиологии» несколько стихотворений 1937 г. (выделены жирным слова, фиксирующие стремление автора к неоднородности, не-ровности, кривизне и т. д.):

¹¹² Фраза как будто взята М (через «разрыв в хронотопе») из какой-то будущей мандельштамоведческой статьи – осталось только вместо слова «дантовской» вставить: «мандельштамовской».

¹¹³ Избранные статьи о русской поэзии. М., 2005. С. 61.

¹¹⁴ Ср. у С. Городецкого, одного из воспевателей русской культурно-цивилизационной системы, в стих. «Россия» (1914): «Какая мудрость **на равнине** / Культуру сложную слагать / По государствам и в пустыне / Народов облики ковать». Ср. с этим «ночной кошмар» у М (Воронеж, 1937): «И не ползет ли медленно по ним [равнинам] / Тот, о котором мы во сне кричим, – / народов будущих Иуда».

¹¹⁵ Ср. в статье «Петр Чаадаев» (1914): «как безнадежная плоская равнина...».

¹¹⁶ См. выше-цитированный «воронежский ночной кошмар» (1937), а также образ «**мертвых** гончарных **равнин**» из армянского цикла (1930) и, там же, ночной кошмар, который видит двойник автора, «командированный – мать твою так! – / Без подорожной в армянские степи»: «И маршируют повзводно полки / Птиц голенастых по желтой равнине».

¹¹⁷ Через стандартную русско-германскую паронимическую связь: СТЕПЬ ↔ Steppe ↔ Stief (-mutter). Ср. «**Степь** беззимняя гола./ Это **мачеха** Кольцова,/ Шутить: родина щегла!» (Воронеж, 1936). Подробнее см. в Приложении.

О, этот медленный, одышливый простор! –
 Я им пресыщен доотказа –
 И отдышавшийся распахнут кругозор –
 Повязку бы на оба глаза!

Уж лучше б вынес я песка **слоистый** нрав
 На берегах **зубчатых** Камы:
 Я б удержал ее застенчивый **рукав**,
 Ее **круги, края и ямы**.

Я б с ней сработался на век, на миг один –
Стремнин осадистых завистник –
 Я б слушал под корой текучих древесин
 Ход **кольцеванья волокнистый**.

* пространство

– В Р-ЯКМ «пространство» – однородно и «евклидово».

– В ЯКМ Мандельштама «пространство» совершенно поразительно: Raumanschauung М с «обычной» точки зрения – это бред какого-то «идиотического» физика-космолога или математика-тополога.

Его пространство многомерно: «ему пространств **инакомерных** норы...представились в полвека, в полчаса». Но при этом пространство у М (как уже отмечалось в п. 2.3) существенно неоднородно, топологически нетривиально, он убегает от евклидовой «пространственной цивилизации», от ее «пустоты» и «прямызны», от «гладкости» и «симметричности» ее объектов.

Его космос «неевклидов», его прямые – это «кривые» (= ДУГИ) с обычной точки зрения, его поверхности не-плоски, не-гладки, его притягивает мощная гравитация и сложное устройство «особых точек» пространства, т. е. «язык пространства, сжатого до точки».

Его пространство принципиально непусто и способно взаимодействовать с наблюдателем (художником)¹¹⁸, оно может сжиматься, даже до точки, «сдуваться» и «раздуваться»: «...она [Москва] то сжимается, как воробей, то растет, как воздушный

¹¹⁸ Ср. в программном тексте «Утро акмеизма» (1912): «Строить [как акмеисты – Л.Г.] – значит бороться с пустотой, **гипнотизировать пространство**».

пирог», «я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах» и т. п. Его пространство может распадаться на отдельные одномерные пути = «волосы», которые скручиваются и перекручиваются, превращая пространство в некий сложный «колтун»: «...**колтуном пространства** дышал»¹¹⁹.

Здесь же следует отметить, что техническим способом получения «своего» неевклидова пространства в ЯКМ Мандельштама является «компактификация» исходного евклидова, т. е. свертывание «бесконечного», незамкнутого евклидова пространства в «компактное» и замкнутое неевклидово¹²⁰, например, свертка «обычного» трехмерного пространства в неевклидов шар, эллипсоид, свертка евклидовой плоскости в компактную неориентируемую «бутылку Клейна» и т. п. С. Шиндин называет¹²¹ достигаемый эффект «компрессированным состоянием» и напоминает, что герой ЕМ полагал, что полушария (на географической карте), «как питательные пилюли, заключают в себе стуженное пространство и расстояние».

В очерке «Яхонтов» (1927) фигурирует **сжатое** «пространство, необходимое актеру, пространство, которое он носит с собой, словно увязанным в носовой платок портного Петровича, или вынимает его, как фокусник яйцо [= эллипсоид! – Л.Г.] из цилиндра». Там же говорится: «В движениях актера все время чувствуется **страх пространства**, стремление заслониться от набегающей пустоты». Этот пассаж отражает «страх» самого Мандельштама перед неограниченным пустым евклидовым пространством, стремление уйти в некую защитную оболочку, например, в «пространство речи»: «чужая речь мне будет оболочкой»¹²².

¹¹⁹ Пушкин не смог бы здесь воскликнуть: «Плохая математика; но зато какая смелая поэзия!», потому что и «поэтическая топология» («топологическая поэтика») тут вполне смела и нетривиальна.

¹²⁰ «Что делать нам с убитостью **равнин**,/ С протяжным голодом их чуда?/ Ведь то, что мы **открыто**стью в них мним...». Суггестируемый ответ М на свой же вопрос – это: «свернуть это открытое пространство» в замкнутый компактный шар (круг), т. е. метафорически, в «единый город», психологически комфортное для М пространство.

¹²¹ О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007. С. 224.

¹²² Ср. в «Яхонтове»: «Слово для Яхонтова – это второе пространство. <...> Яхонтов – единственный из современных русских актеров – движется в слове, как в пространстве».

О «компактности» и «замкнутости» пространства М свидетельствует также то, что его можно «разорвать» и «выйти» из него: «И я выхожу из пространства...», «разорвав расстояний холстину» и т. п.

Исключительно существенно, что пространство М принципиально «неориентируемо» – хорошо здесь работает топологическая метафора «листа Мёбиуса» и «бутылки Клейна»¹²³: «и все на свете наизнанку».

К специфическим свойствам концепта пространства в М-ЯКМ следует отнести отмеченную рядом исследователей, явно повышенную, по сравнению со стандартной русской ЯКМ, **антропоморфность** пространства у Мандельштама¹²⁴: «пространств несозданных Иуда», «Рим-человек», «ее [Москвы] базаров бабья ширина», «страх <...> он координата времени и пространства», пространство можно «уколоть», «попрекнуть», «гипнотизировать» и т. п.

Несколько упрощая, можно сказать, что *пространство у М – это «субконцепт» *текста. Этот феномен естественно рассматривать как проекцию общей «еврейской» установки (см. 2.4.3): «язык пространства», «земли пустотелую книгу». С. Шиндин, отмечает, что у М «художественный текст способен быть равнозначным универсуму» и вводит понятия «вербального пространства», «вербализации пространства» у Мандельштама¹²⁵.

* взрыв/катастрофа

– В Р-ЯКМ эти концепты, обычно, имеют резко негативные ситуативные коннотации. Об этом пишет, например, Ю. Лотман в [188, с. 22].

– В ЯКМ Мандельштама «взрыв» позитивен во всех ситуациях. Я бы даже сказал, что любая «картинка» в М-ЯКМ почти всегда «настроена» на взрыв/катастрофу. См. подборку высказываний М, содержащих концептуализацию «взрыва» и соответствующие комментарии в 1.2.1.1. Психологически

¹²³ См. 2.3.2.

¹²⁴ Феномен антропоморфности (антропоцентричности) пространства у М анализируется, в частности, в монографии Л. Пановой [142, с. 243].

¹²⁵ См. [144, с.227].

позитивная окрашенность «взрыва» в М-ЯКМ, разумеется, связана с резкой ориентацией «геометрии» Мандельштама на «неровное», «негладкое», как бы «разорванное» (взорванное) пространство, см. п. 2.3 и ***пространство**. Это, в свою очередь связано с ориентацией на «информационность», в то время как концепты взрыва и катастрофы в сознании М тесно связаны с резким увеличением информационности ситуации, с «информообразованием». Ср. в РД: «Зернистые примеси и лавовые прожилки указывают на единый сдвиг, или **катастрофу, как на общий источник формообразования**».

***информация**

– в этом поле следует подчеркнуть исключительно важное свойство М-ЯКМ: концепт «информации» для Мандельштама **геометричен**¹²⁶. См. об этом ***взрыв/катастрофа**.

***математика**

– исключительно существенно, что в М-ЯКМ этот концепт входит в семантическое пространство «музыки» и вместе с ней приобретает морально-этический смысл! Ср. в письме М Кузину от 10 марта 1938 про Дворжака и Шостаковича: «о Дворжаке <...> умное веселье и щедрость. Шостакович – Леонид Андреев. Здесь гремит его 5-я симфония. Нудное запугиванье. Полька Жизни Человека. Не приемлю. Не мысль. **Не математика. Не добро**. Пусть искусство: не приемлю!»¹²⁷ В заметках к РД: «Дант произвел головную разведку... для математики и для музыки»¹²⁸.

***растение**

– в М-ЯКМ концепт «растения» – это часть расширенного семантического пространства «взрыва/катастрофы/грозы». См. в п. 2.5.1 когнитивная метафора: **** РАСТЕНИЕ – ЭТО ГРОЗА**

¹²⁶ Есть ли здесь отличие от Р-ЯКМ? Это очень интересный вопрос, на который у меня нет ответа.

¹²⁷ Цит. по [192, с. 36].

¹²⁸ <Вокруг «Разговора о Данте»> (1933) [72, т. 3, с. 402].

***чтение, *текст, *книга**

– В ЯКМ Мандельштама эти концепты занимают резко более важное место, чем в Р-ЯКМ. Ср. в ШВ: «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова». У М – явный приоритет **текста** над «реальной жизнью», в отличие от русской ЯКМ. Ср. в ЕМ: «Всякая вещь мне кажется книгой. Где различие между книгой и вещью? Я не знаю жизни: мне подменили ее еще тогда, когда я узнал вкус мышьяка на зубах у черноволосой французской любовницы, младшей сестры нашей гордой Анны»¹²⁹. Вот еще поразительные «программные» строки в той же главе ЕМ: «Пожары и книги – это хорошо. Мы еще поглядим – почитаем». Это высказывание, кроме прочего, демонстрирует «катастрофальность», «взрывную начинку» концептов «книги» и «чтения» у М¹³⁰.

– В Р-ЯКМ отношение к этим концептам, скорее «настороженное», как к чему-то «чуждому» и даже потенциально опасному: ср. русское «традиционное» высказывание о «чтении»: «не чти много книг, да не во ересь впадешь». Ср. также негативную в Р-ЯКМ «еврейскую» окраску лексем «книжник», «книжность». Например, М. Пришвин в дневнике от 07–08.08.37 делает вполне характерные записи: «Все, что пишет Шкловский о Розанове, есть демонстрация **книжности** своего **еврейского** ума... книжный ум и еврей, изучил Розанова...**еврей и книжник**, корыто с песком, захотел показаться яблочком!»

*** небо (твердь)**

– В Р-ЯКМ это «позитивный» концепт: красивый, мощный, но в общем, неопасный и часто даже «благожелательный» объект/субъект: если небо «мрачное», то в этом виноваты «тучи», или «буря», которая «мглою небо кроет» и т. д.

¹²⁹ ЕМ, 7-я глава [II, с. 81].

¹³⁰ Напомним удачную формулировку Е. Таборисской принципиального расхождения Мандельштама с Р-ЯКМ в этом поле: «...у Пушкина – приоритет жизни, облакаемый в поэтическое слово, у Мандельштама – первенство **словесного** образа, подчиняющего себе реальные явления и их пропорции» [71, с. 518]. Здесь существенно то, что Пушкин – один из создателей современной русской ЯКМ.

– В М-ЯКМ это один из частотных негативных «пространственных» концептов. «Небо» психологически эквивалентно для М пространству Евклида, бесконечному, некомпактному, однородному, «гладкому» и поэтому чужому и не-приятному для М. «Небо» у М – грозный, жестокий источник опасности¹³¹ («как палица, грозное», «глубокое и сытое», «как чешуя многоочитое», «чужое и безбровое», «холод пространства бесполого»), вызывающий тревогу и страх¹³².

«Небо» через германо-русскую паронимическую связь НЕБО \leftrightarrow Ebene ‘равнина’ соединяется в М-ЯКМ с равно некомфортным для М объектом *равнина, см. выше. Аналогично несимпатична в М-ЯКМ и «твердь»: «твердь сияла грубыми звездами», «твердь кишит червями» и т. д.

* звезда

– В Р-ЯКМ это «позитивный» концепт: «вифлеемская звезда», «и звезда с звездой говорит», «а во лбу звезда горит», «звезды на башнях Кремля» и т. д.

– В М-ЯКМ это (как и «небо») один из частотных (ключевых) «пространственных» концептов. Приэтом образ «звезды»¹³³ резко негативен, и неприязнь к этому «физическому объекту» и/или страх перед ним как бы навязываются читателю¹³⁴: «мне в сердце длинной булавкою опустится вдруг звезда», «последней звезды безболезненно гаснет укол», «в плетенку рогожи глядели колючие звезды», «в звездной колючей неправде», «Я ненавижу свет / Однообразных звезд», «я дышал звезд млечной трухой», «Своей булавкой заржавленной» / Достанет меня звезда», «Твердь сияла грубыми звездами. / Звездный луч – как соль на топоре», «твердь кишит червями, и ни одна звезда не

¹³¹ Ср. «...над ними **неба** мреет темно-синяя **чума**» (1931). О «негативных» свойствах образа неба у М писал Л. Видгоф [143, с. 465].

¹³² Состояние, которое связывается в М-ЯКМ с объектами «небо» и «звезда» (см. ниже), лучше всего описывается немецким концептом Angst, см. ниже в пункте *сила...страх.

¹³³ Как и «объемлющего объекта» – «неба», см. выше *небо.

¹³⁴ Физическая и эмоциональная негативность образа «звезды» в поэзии М отмечалась Ю. Левиным в работе 1973 г. [187, с. 9–10] и в «статье пяти авторов» «Русская семантическая поэтика...» [82]. Подробный анализ «звездного узуса» в тексте М см. в упоминавшейся книге Л. Пановой [142, с. 180–187].

говорит¹³⁵», «жестоких звезд соленые приказы», «Звезды живут, канцелярские птички, / Пишут и пишут свои раппортички», «До чего эти звезды изветливы!» и т. д.

* город

– В Р-ЯКМ «город» окрашен, скорее, негативно. «Город» противопоставлен в Р-ЯКМ «деревне» как чему-то заведомо позитивному, неиз(раз)-вращенному. Конечно, здесь дело в том, что «город» вообще враждебен русской культурно-цивилизационной системе.

– В М-ЯКМ ровно наоборот. «Город» здесь, скорее, позитивен, в отличие от «села»; М – «горожанин и друг горожан». Это – проекция системы «еврейских» примарных матриц¹³⁶. «Город» – резко выделенная часть пространства в М-ЯКМ. С. Шиндин, рассуждая о феномене «сжатия = компрессии» пространства у М, пишет: «Исключительно способным к наделению признаком компрессированности выступает образ *города* – один из гл. пространств. элементов мандельшт. модели мира: “Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один небывалый город”»¹³⁷. Кроме того, как уже отмечалось в п. 1.2.1.1, «город» для М – это книга, текст. Например, разведение мостов в городе – это разрыв в тексте, ведущий к семантической «катастрофе»: см. ЕМ, гл. 8, где пространственная ситуация вокруг разведения петроградских мостов сравнивается с «торцовой книг[ой], в каменном переплете с **вырванной** серединой».

* воздух

– В Р-ЯКМ **воздух** – это, в основном, «чем дышат»

– В М-ЯКМ воздух – это еще и «пространство, свободное пространство, свобода», по-видимому, под влиянием семантического спектра немецко-идишского Luft = ‘воздух, свободное пространство, свобода, воля’¹³⁸. Рассматриваясь как часть про-

¹³⁵ Точный пример демонстративного отказа М от Р-ЯКМ.

¹³⁶ Подробнее см. в «Текст и мир...», пп. 1.1 и 2.1.7.

¹³⁷ О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007. С. 224.

¹³⁸ Ср. например, русский (← идиш) «блатной жаргонизм» ЛУФТ со значениями ‘свобода, воля’.

странства, воздух наделяется в М-ЯКМ свойствами антропоморфности (см. *пространство) и медиативности: «Я обращался к воздуху-слуге, / Ждал от него услуги или вести».

* мир

– В Р-ЯКМ 20-го века значения звукового комплекса [мир]¹³⁹ – это ‘отсутствие войны’ или ‘вселенная’ или ‘община’. Исследователи Р-ЯКМ считают, что разнообразный семантический спектр здесь сводится к модификациям некоего «глубинного» смысла, типа ‘гармония; обустройство; порядок’¹⁴⁰. Эта глубинная семантика, очевидно, делает «мир» ключевым позитивным «цивилизационным» концептом в рамках Р-ЯКМ.

– У М слово «мир», выступающее как русский культурно-цивилизационный концепт «гармонии», вызывает резкое неприятие, даже желание «бежать как от чумы» от русского варианта «мировой гармонии», от русской культурно-цивилизационной парадигмы, от русского «мира»¹⁴¹. У Мандельштама, в отличие от Р-ЯКМ¹⁴², мир – это часть пространства, обжитая некой актуализированной общностью («нами»), каждый член которой активно осознает свою принадлежность к ней, осознает нечто вроде: мир – это мы, мир – это «Богом данный [нам] дворец», а не «мировая клеть»¹⁴³. Скорее всего, это связано с повышенной (сравнительно с Р-ЯКМ) «антропоморфичностью» пространства у М, см. *пространство. Повидимому, под влиянием русско-немецко-идишской омофони-

¹³⁹ В котором слились два омофона: мир и мiр.

¹⁴⁰ См. [80, с. 28].

¹⁴¹ Это отношение явно выражено в статье «Петр Чаадаев», где сказано про Чаадаева (и, конечно, про самого М): «Есть великая славянская мечта <...> о всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое “миром”. <...> Мысль Чаадаева – строгий перпендикуляр, восставленный к традиционному русскому мышлению. Он БЕЖАЛ, как чумы, этого БЕСФОРМЕННОГО РАЯ». Ср. также более поздние стихотворные высказывания М: «против шерсти мира поём» (1922), «с миром державным я был лишь ребячески связан» (1931), «когда подумаешь, чем связан с миром, то сам себе не веришь: ерунда!», «и я в размолвке с миром, с волей» (1937).

¹⁴² В которой «вселенная» и «община» существуют как бы отдельно, «независимо» от своих насельников-членов.

¹⁴³ «Утро акмеизма».

ческой связи мир $\leftarrow \rightarrow$ [mir] = ‘мы, мне’, в ряде текстов М слово МЫ находится в «малой окрестности» слова МИР. См. идишизмы¹⁴⁴ в стих. «Зверинец» (1916) и др.¹⁴⁵ Ср. также частотное соседство слов «мир», «мировой» с местоимениями и глаголами 1-го лица в статье «Утро акмеизма» и т. д.

* время

Время у Мандельштама концептуализируется, в основном, в терминах пространства – в этом нет ничего необычного, это «общечеловеческое» явление¹⁴⁶. Необычно то, что, в отличие от Р-ЯКМ, время в М-ЯКМ может (как и пространство) растягиваться, сгущаться и сжиматься, а также останавливаться – «время свое заморозил».

Время в М-ЯКМ ограничено, компактно, как и пространство: оно свертывается, «как скатанный войлок в киргизской палатке»¹⁴⁷. Специфическая синхронизированность, «склеенность» различных временных «точек» у М¹⁴⁸, приводящая к устранению стандартного понятия «исторического времени», заявляется им самим и многократно проявляется в его текстах, например: «и каждый час нам смертная година», «стоletьем считающий год» и т. п.¹⁴⁹

Главное – в том, что М-время никак не есть бесконечная прямо-линейная ось. Может быть, наиболее простая «модель»

¹⁴⁴ См. Приложение. Кроме того, словарь идишизмов в М-тексте содержится в монографии [200], Приложение 2.

¹⁴⁵ Ср. замечание Ю. Степанова в работе «Константы: Словарь русской культуры»: «‘Мир’ в древнейших культурах индоевропейцев – это то место, где живут люди “моего племени”, “моего рода”, “мы”, место хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствуют “порядок”, “согласие между людьми”, “закон”; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще – от другого пространства, где живут “чужие”, неизвестные», цит. по [142, с. 81].

¹⁴⁶ Ср. «через годы», «in a yeag» и т. п.

¹⁴⁷ ЕМ, гл. 8 [II, с. 87]. Продолжив эту геометрическую метафору М, заметим, что при таком «скатывании» различные слои и точки времени «склеиваются», «синхронизируются»: это принципиально важный феномен М-ЯКМ.

¹⁴⁸ На языке геометрической метафорики это выражается как «нетривиальная топологическая структура хронотопа» М, например, его «односторонность» («неориентируемость») и т. п.

¹⁴⁹ Феномен «синхроничности» у М часто отмечался исследователями, начиная, наверно, со «статьи пяти».

мандельштамовского времени – это «сворачивающаяся», уходящая в «особую точку» (в «зону взрыва») спираль, типа пружины в механических часах¹⁵⁰.

Резюмируя, можно сказать, что геометрия времени у М так же нетривиальна, как геометрия его *пространства¹⁵¹. Ср. высказывание М в программном тексте «Слово и культура»: «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху. <...> А я говорю: вчерашний день еще не родился...». Здесь не «простая» синхронизация событий, но синхронизация с неким «меняющим ориентацию переворотом» стандартного «веера», стандартной ленты событий. Пониманию происходящего здесь снова помогает геометрическая модель «локальной хронотопии» М, т. е. лента (лист) Мёбиуса, которая получается «переворотом» и новой склейкой стандартной ленты времени.

Осталось отметить, что время у М так же «антропоморфно» или «зооморфно», как и пространство: оно, с одной стороны, «жуликовато», и можно даже «за хвост его ловить», но оно может и принимать вид «царственного подпaska», который «ловит слово-колобок».

* память \leftrightarrow *вспоминание

Эти концепты в М-ЯКМ исключительно трудны для понимания. С одной стороны, М объявляет о «ненужности» (=отсутствии) «памяти» в своей ЯКМ: «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова» (ШВ). В самом деле, если нет «исторического времени» (см. *время), то зачем «память»?

¹⁵⁰ Ср. в стих. «Рояль» (1931): «Нюрнбергская есть пружина, / Выпрямляющая мертвецов». Эта загадочная пружина и есть образ «времени» (дело в том, что «пружинные» часы изобрели именно в Нюрнберге), и смысл всей этой загадочной фразы становится значительно более прозрачным: «Время “выпрямляет” мертвецов». Остается «только» понять, что значит «выпрямляет»: см. гл. 3, комментарии к «Роялю». По-видимому, этот же «спиральный» образ времени – в одном из «Восьмистиший»: «И тянется глухой недоразвиток / Как бы дорогой, согнутой в рог, / Понять...» (указано Д.Г. Лахути).

¹⁵¹ Или как, вообще, геометрия М-ЯКМ.

Но дальше оказывается, что «память» все-таки существует в образе какой-то психически больной девушки: «Память – это больная девушка-еврейка, убегающая ночью тайком от родителей на Николаевский вокзал: не увезет ли кто?»¹⁵² В окрестности же этой девушки присутствует опасный монстр – «**воспоминание**», который может убить («**Вспомнить – значит умереть**»)¹⁵³ или изнасиловать: «Память, изнасилованная воспоминанием, – как та больная девушка с влажными красными губами, убегающая ночью на чадный петербургский вокзал: не увезет ли кто»¹⁵⁴. Рядом с этим пассажем в черновиках к ЕМ: «Не вспоминайте лишнего. Остановите “мемуары”»¹⁵⁵. Как бы символизируя исполнение этого пожелания автора, ротмистр Кржижановский¹⁵⁶ в 6-й главе ЕМ увозит «еврейскую девушку» Юдифь¹⁵⁷, т. е. «умывает память» и тем «заканчивает», заканчивает «мемуары» (= ЕМ)¹⁵⁸.

Тем самым, «память» – больной, слабый пассивный объект¹⁵⁹, «воспоминание» – опасный активный субъект: «Все, что ты видел, забудь... Или охватит тебя... Мелкая хвойная дрожь¹⁶⁰».

¹⁵² ЕМ [II, с. 79].

¹⁵³ В статье <Скрябин и христианство> (1917?).

¹⁵⁴ <К повести «Египетская марка»> [72, т. 2, с. 574].

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ «Ротмистр Кржижановский», который в этом контексте выполняет функцию «воспоминания», это не простой ротмистр, но абсолютно опасный субъект: это **палач** (“Rote Meister”) и даже **красный лже-Мессия (Антихрист)**, см. подробнее об этом в главе 3 (п. 3.4.2.2).

¹⁵⁷ Юдифь = др.-евр. **еврейская**, еврейка’.

¹⁵⁸ Не только «мемуары», но и вообще «время». Тем самым, он выполняет функцию анти-Мессии (3.4.2.2).

¹⁵⁹ Так же как и «время» в другом месте в ЕМ: «Время – робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница, молодая еврейка, прильнувшая к окну часовщика – лучше бы ты не глядела!» [II, с. 69].

¹⁶⁰ Здесь явная связь с пушкинским «немые стогны града... и сон, дневных трудов награда... я трепещу и проклиная» («Когда для смертного...»). Заметим, что с этим же пушкинским текстом связано «проклятие» из 5-й главы ЕМ, следующее непосредственно за картинкой бегства «еврейской девушки» (= «памяти») Юдифи Джорджоне: «Проклятый сон! Проклятые стогны бесстыжого города!» [II, с. 75].

* **серьезность, основательность vs. смешливость, ироничность**

– В Р-ЯКМ «серьезность» – это позитивный концепт, нечто вроде римской *gravitas*. Характерно, например, что писатель Ю. Нагибин в критической статье говорит об «истой интонации и печальной **серьезности**» восхищающего его А. Платонова и продолжает: «Только русские писатели до конца **серьезны** (у нас невозможен Анатолий Франс в качестве национального гения)...»¹⁶¹. Смешливость же в Р-ЯКМ, скорее, негативна, ср. пословицы: «смехи да хихи введут во грехи», «где грех, там и смех», «в чем живет смех, в том и грех», «смех без причины – признак дурачины». В традиционном русском (православном) сознании смех – маркер «бесовщины»¹⁶².

– В ЯКМ же Мандельштама смешливость, ироничность, остроумие и т. п. – исключительно позитивны. Это, конечно, результат работы соответствующей «еврейской примарной порождающей матрицы»¹⁶³.

* **сила, твердость, решительность, бесстрашие vs. слабость, мягкость, нерешительность, трусость, страх**

– В Р-ЯКМ сила, твердость, решительность и бесстрашие резко позитивны, а слабость, мягкость, нерешительность, тем более, трусость (склонность к страху) – негативны или, в лучшем случае, нейтральны.

– В ЯКМ Мандельштама – в точности наоборот. «Программным» в этом контексте является его стихотворение «Кому зима – арак...» (1922). Понятно, что этот текст есть часть «никогда не прерывающегося разговора с Колей»¹⁶⁴. «Коля» – это Николай Гумилев, «сильный, твердый, решительный, бесстрашный» заговорщик, канонический герой русской культурно-цивилизационной парадигмы. Автор, он же источник дискурса – заявляет о своей слабости, мягкости, нерешительности.

¹⁶¹ Новый Мир. – 1983. – №5. С. 257.

¹⁶² См. подробнее анализ этого феномена в работе А. Панченко в книге: *Лихачев Д., Панченко А. «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976. С. 146–148.*

¹⁶³ См. подробнее в [200], пп. 1.2.1 и 2.2.1.

¹⁶⁴ Выражение М из его письма к А. Ахматовой.

тельности, даже трусости, заявляет даже с некоторым вызовом, хотя испытывает в этой связи угрызения совести:

Я все отдам за жизнь, мне так нужна забота, –
И спичка серная меня б согреть могла
<...>
Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому,
И шарить в пустоте и терпеливо ждать.

Пусть заговорщики торопятся по снегу
Отарю овец и хрупкий наст скрипит
<...>
И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке,
А белый, белый снег до боли очи ест.

Характерны также «позитивные» упоминания в прозе и стихах М о некоем внутренне присущем ему, как бы встроенном в его экзистенцию, «страхе»¹⁶⁵, «испуге»: «Страх берет меня за руку¹⁶⁶ и ведет. Белая нитяная перчатка. Митенка. Я ЛЮБЛЮ, я УВАЖАЮ страх. Чуть было не сказал: “с ним мне не страшно!” Математики должны были построить для страха шатер, потому что он координата¹⁶⁷ времени и пространства...»; «С каким-то ласковым испугом я соглашался...».

¹⁶⁵ Концепт «страха» у М, по-видимому, является рефлексом специфически немецкого (и ашкеназского?) концепта «Angst» ‘экзистенциальный, встроенный, бытийный и т. п. **страх**’ и, тем самым, является элементом «германизации» М-ЯКМ. О немецком Angst см. подробную работу А. Вежицкой в ее книге «Семантические универсалии и описание языков», М., 1999. С. 547–610. Тонкость здесь в том, что русская лексема «страх» в некоторых существенных контекстах у М «ресемантизирована» и приобрела позитивную семантику «судьбы» = «руководителя» [II, с. 86]. Это произошло, по-видимому, под влиянием идишского Y[моуге = meуге] ‘страх’, см. в Приложении иноязычные интерференции в ЕМ (Гл. VIII).

¹⁶⁶ См. там же в Приложении о связи у М концепта **страха** с образом **матери** через французско-идишскую омофонию.

¹⁶⁷ Сюда вшифрован «крипто-идишизм» [meуге = ‘страх’], который по стандартной паронимической ассоциации дает слово «мера» = «координата». Подробнее см. «Текст и мир...», Приложение 2.

* концептная пара: **динамичность, быстрое перемещение**¹⁶⁸ vs. **неподвижность, медленность**

– В Р-ЯКМ быстрое движение в целом (кроме, может быть, быстрого движения по прямой, см. выше) оценивается негативно. Например, явно негативные коннотации лексем «суетливость», «вертеться», «шустрить», поговорки типа «тише едешь – дальше будешь» и т. п. Известная фраза «и какой же русский не любит быстрой езды» – скорее, «самонасмешлива» в Р-ЯКМ.

– У М картинка обратная: концепт «быстрого непрямого движения» однозначно позитивен. Ср. его восхищение «мудрым беснованием», «мудрой пляской» «иудаистического актера» Михоэльса. В то же время, неподвижность, медленность – негативны в М-ЯКМ¹⁶⁹: «О этот **медленный**, одышливый протостор! – / Я им пресыщен доотказа».

* **красота**

Этот концепт подозрителен и негативен для М (в особенности, в позднем периоде). Ср.: «Там, где эллину сияла / Красота, / Мне из черных дыр зияла / Срамота»¹⁷⁰. Это точный рефлекс еврейской диаспоральной (талмудической) традиции и поэтому может считаться одним из «еврейских» элементов М-ЯКМ.

* **цвета, «цветовая геометрия»**¹⁷¹

– В Р-ЯКМ концепты, связанные с цветом, обычно статичны, нейтральны по отношению к движению, не связаны с уско-

¹⁶⁸ В М-ЯКМ – это проекция примарной матрицы «динамичности» – см. 2.4.1 (в).

¹⁶⁹ Л. Панова отмечает: «...в поэтическом мире Мандельштама неподвижность и замирание движения всегда идут со знаком минус: «Мир», «пространство», «время» [142, с. 670].

¹⁷⁰ Ю. Левин писал в статье о поэтике позднего Мандельштама: «...**категории прекрасного и возвышенного становятся нерелевантными**. <...> стихи перестают быть «красивыми», формальная красота выражения становится как бы нравственно подозрительной; свой стих Мандельштам называет теперь «стариком и неряхой» <...> – отказ от эстетических оценок (всегда идущих вместе и свысока) и **реабилитация «некрасивого»**» [71, с. 408, 414].

¹⁷¹ Связано с предыдущей концептной парой.

ряющимся движением. «Геометрия цвета» в Р-ЯКМ – тривиально «евклидова», проще говоря, она вообще отсутствует.

– В ЯКМ Мандельштама цвет – это концепт динамический, векторный, связанный с ускоряющимся передвижением в неоднородном пространстве, т. е. как бы «дифференциально-топологический». В этой же метафорике концепт «цвета» у М связан с «катастрофическим» развитием, с «бифуркацией гладкого процесса». Поэтому «обычные» эмоционально-психологические проекции «цвета» для М связаны с быстрым движением, ведущим к «особой точке», к «катастрофе». В «Путешествии в Армению»¹⁷² М пишет: «такая облизывающаяся **дерзость раскраски** бывает только на скачках [в которых ты заинтересован всею душою...]. И я начинал понимать, что такое обязательность цвета, старт голубых и оранжевых маек и что **цвет не что иное, как чувство старта**¹⁷³, **окрашенное дистанцией и заключенное в объем...**». Там же М говорит, что на холстах Ван-Гога «размазана **яичница катастрофы**», и далее пишет про «**серо-малиновые бульвары Писсарро**, текущие как колеса огромной лотереи, с **...лоскутьями разбрызганного мозга** на киосках и каштанах»¹⁷⁴.

* **шуба**¹⁷⁵

Шуба у Мандельштама – это, в отличие от Р-ЯКМ, вообще «теплая верхняя одежда», например, пальто с меховым воротником типа шинели Башмачкина у Гоголя. В конце 1-й главы ЕМ Мандельштам конспективно-стёбно описывает (по-видимому) картину П. Бореля «Возвращение Пушкина с дуэли»: «Тут был Пушкин с кривым лицом, в **меховой шубе**». Между тем на картине Бореля на Пушкине явно нечто вроде башмачкинской шинели с меховым воротником, а не общепринятой «шубы».

¹⁷² Главка «Французы»: основной текст и наброски.

¹⁷³ В «Канцоне» М пишет про чувство «нетерпения» (перед стартом?), связанное с красной краской: «В красной – **нетерпенье**».

¹⁷⁴ Ср. еще «катастрофальные образы», связанные с лиловым цветом, в стих. «Импрессионизм» (1932): «Художник нам изобразил/ Глубокий **обморок** сирени/ И красок звучные ступени/ На холст, как струнья, положил...Его запекшееся лето/ **Лиловым мозгом** разогрето...».

¹⁷⁵ О символике концепта ШУБЫ у М см. более подробно в главе 3 (п. 3.3).

* концепт **динамического прагматизма, дела, ориентации на результат**

– В ЯКМ Мандельштама этот концепт явно позитивен: «красота – не прихоть полубога, а хищный глазомер простого столяра».

– В Р-ЯКМ, напротив, важен не результат (конечный результат от человека не зависит)¹⁷⁶, а, скорее, искренность, бескорыстность намерения. Ср. у Л. Толстого: Анна Каренина говорит: «человек, который попрекает меня тем, что он все мне отдал – хуже чем бесчестный»¹⁷⁷.

2.7. Корпус «ресемантизированных» русских лексем и словосочетаний в М-ЯКМ.

К системным отличиям ЯКМ Мандельштама от Р-ЯКМ относится, кроме различий в системе ключевых концептов, присутствие в «русском языке Мандельштама» ряда лексем (и сочетаний) русского языка, не обязательно представляющих «ключевые концепты», но частотных. Об этом говорилось выше в п. 2.5.2.

Список такого рода «смещенных» лексем и сочетаний «индустрия мандельштамоведения»¹⁷⁸ почему-то еще не произвела. Поэтому мы здесь ограничимся несколькими десятками¹⁷⁹ лежащих на поверхности примеров¹⁸⁰.

ЛЕКСЕМЫ:

*блаженный → 'блуждающий', *глаз → 'стекло', *грубый → 'крупный' или 'могильный', *дремучий → 'поэтический', *грозы → 'травы, растения', *жестяной → 'глупый, бессмысленный',

¹⁷⁶ А. Шмелев пишет: «[слово *судьба*] соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и представление, согласно которому человек не контролирует происходящие с ним события» [80, с. 455].

¹⁷⁷ Пример заимствован у И. Левонтиной.

¹⁷⁸ Выражение А. Жолковского.

¹⁷⁹ В реальности, этих лексем и сочетаний, похоже, на порядок больше.

¹⁸⁰ Некоторые из них приводятся в монографии [200], п. 3.2.3 в качестве результатов действия «германского монитора».

*злостный → 'усиленный (акцентуация действия)', *кровь → 'цвет', *крупные клятвы → 'клятвы до гроба', *ласка, ласковый → 'любезность, любезный, снисходительный', *матовый → 'тусклый', *милый → 'достойный, ценный', *нежный → 'тонкий, умный', *очухаться → 'проснуться'¹⁸¹, *плавкий → 'плавающий, голубой', *подозрительный → 'темный', *полынь → 'вермут', *початок → 'начало, нечто начатое', *сонный → 'происходящий в сновидении, галлюцинации', *страх → 'судьба, поводырь'¹⁸², *темя → 'высшая точка (напр. жизни), вершина (напр. горы)', *узкий → 'скудный', *хлеб → 'плоть, тело', *черемуха → '«негативное» растение', *черствый → 'колючий', *честный → 'основательный, хорошо сделанный', *шелест → 'хмель', *шершавый → 'грубый, неотесанный', *шелк → 'шелуха', *шум → 'пена' и т. д.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ:

*сонные казни → 'казни во сне, сны (грезы) о казнях'
 *сонные видения → 'видения во сне, сновидения'¹⁸³
 *славный бес → 'бес «славы»'
 *трамвайный лепет¹⁸⁴ → 'лепет сновидений'
 *трамвайная голова¹⁸⁵ → '«голова, полная грез, легкомысленная»'

и т. д.

* * *

2.8. Некоторые выводы.

Мандельштам создавал из «чужой речи» и чужой ЯКМ свою собственную «сдвинутую» ЯКМ, используя ее в качестве «оболочки», защищающей от враждебного внешнего мира. Удобно (для укладки мандельштамовского *паззла*) рассматривать это как проекцию общей языковой стратегии (матрицы, установки) еврейской диаспоральной культурно-цивилизационной системы.

¹⁸¹ См. ЕМ, гл. 8 [II, с. 83].

¹⁸² См. ЕМ, гл. 8 [II, с. 86–87].

¹⁸³ Перевод с немецкого пьесы Э. Толлера «Человек-масса».

¹⁸⁴ ЕМ, гл. 2 [II, с. 65].

¹⁸⁵ ЕМ, гл. 2 [II, с. 67].

ЯКМ Мандельштама и соответствующие культурные скрипты навязываются читающему его текст. Другими словами, текст М «заставляет» видеть мир, думать, чувствовать так, как автор, даже внедряет паттерны поведения автора и его психических реакций и оценок. Конечно, творчество (и ЯКМ!) любого большого писателя воздействует на читателя. Но в случае М излучение, «энергетика суггестивности» исключительно, необычно сильны.

Это сильное излучение ЯКМ и культурных скриптов¹⁸⁶ Мандельштама часто ощущалось критиками и журналистами как «враждебное манипулирование», вызывало у них внутреннее сопротивление и действовало на них возбуждающе и раздражающе, что отражалось в их собственных текстах о Мандельштаме.

¹⁸⁶ Я бы даже сказал: культурно-цивилизационных скриптов, потому что в этом контексте неизбежно проявляется воздействие оппозиции Шпенглера (культура vs. цивилизация) на мировоззрение Мандельштама, и это невозможно игнорировать.

Глава 3.

Семантический разбор ряда стихотворных и прозаических блоков, где анализ иноязычных интерференций («интерференционный ключ») и других явлений, специфических для «сдвинутой» ЯКМ Мандельштама, облегчает «расшифровку» подтекстов, понимание «темных мест» и комментирование всего текста.

Необходимо создать новый комментарий к Данту, обращенный лицом в будущее...

О. Мандельштам,
набросок к «Разговору о Данте»

Цель этой главы – применить «на практике» то понимание семантических механизмов и устройства ЯКМ Мандельштама, которого удалось достичь в главах 1 и 2. В «случае Мандельштама» подобное «применение теории на практике» означает использование «системных ключей» для расшифровки (или для построения **правдоподобных гипотез** для расшифровки) темных мест в его тексте. В этот же корпус задач входит прояснение и построение элементов М-ЯКМ.

Напомним в этой связи, что специфическим и даже уникальным явлением в дискурсе Мандельштама, которое до недавнего времени в целом игнорировалось, является **массовое** присутствие в его текстах «иноязычных интерференций» – в основном, «германизмов», понимаемых в широком смысле (т. е. включающих немецкие диалектизмы и идишизмы)¹.

Присутствие это – чаще всего не эксплицитное, а как бы «просвечивающее», «суггестируемое», что и послужило, видимо, причиной оставления этих явлений в тени, хотя отдельные

¹ При этом «германские интерференции» – просто наиболее массовое явление: в М-тексте присутствуют интерференции лексем и сочетаний из десятка языков, в разной степени использовавшихся Мандельштамом в качестве «языков-посредников».

факты в этой сфере регистрировались исследователями еще с конца 60-х гг.

При этом, например, идишизмы до недавнего времени вообще, практически, не отмечались².

Но в последнее время достаточно надежно установлено, что в текстах Мандельштама присутствует (по очень грубой оценке) около 700 «германских» интерференций, из которых 50–80 «чисто идишские», а остальные – либо «чисто немецкие», либо «равновероятно» немецко-идишские. Кроме того, присутствует около 100 «романизмов», из которых подавляющее большинство – французские интерференции³ и т. д.

Становится ясно, что «межъязыковой интерференционный ключ» (т. е. учет феномена межъязыковой интерференции со всеми языками-посредниками) является одним из самых важных инструментов в «наборе отмычек», которым должен владеть исследователь и просто квалифицированный читатель для адекватного комментария (часто просто для дешифровки) «темных мест» в текстах Мандельштама.

Все же следует, во избежание недоразумений, еще раз подчеркнуть, что в ряде ситуаций «интерференционный ключ» не дает полной расшифровки «темного места», но зато «наводит» на совершенно неожиданную релевантную **правдоподобную гипотезу**, которая, в идеальном случае, должна быть на следующем шаге **дополнительно** аргументирована.

Поэтому наиболее эффективным методом для понимания «смыслов Мандельштама» является, по-видимому, некое соединение «интерференционного» и «интертекстуального» («подтекстного») ключей. Это и будет продемонстрировано в нижеследующих разборах.

3.1. Гадюка и волк.

Здесь мы приведем 2 нарочито простых примера, где применение аппарата анализа «суггестируемых германо-идишизмов»

² Один «идишизм» был зарегистрирован Р. Тименчиком в работе начала 90-х гг.

³ Относительно полный корпус «иноязычных интерференций» в текстах Мандельштама содержится в Приложении к настоящей работе.

немедленно и существенно улучшает понимание (или просто «дает понимание») темных мест в тексте Мандельштама.

3.1.1. Загадочная «гадючья строка» в «программном» стихотворении «Век» (1922).

Рассмотрим 3-е восьмистишие этого стихотворения:

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.
Это век волну колышет
Человеческой тоской,
И в траве гадюка дышит
Мерой века золотой.

Смысл «золотой меры века» можно извлечь из других текстов Мандельштама (что мы и сделаем ниже), но причем тут «гадюка в траве», да еще дышащая чем-то валютно-финансовым, остается совершенно непонятным.

Применим «интерференционный ключ».

Первый шаг.

Приведем вспомогательную информацию о «просвечивающем» в ряде текстов Мандельштама «идишизме» Y[groz, grozn] = 'трава (травянистое растение), травы'. Это один из относительно немногих «чистых»⁴ идишизмов у Мандельштама.

Вот примеры этой «суггестии» в его текстах:

(а) стих. «К немецкой речи» (1932): «Поэзия, тебе полезны **грозы!** / Я **вспоминаю** немца-офицера, / И за эфес его цеплялись розы, / И на губах его была **Церера...**».

В этой строфе имеются следующие суггестивно-ассоциативные связи:

⁴ Из приводимых ниже примеров, очевидно, что соответствующая немецкая лексема Gras/Gräser 'трава (злак, травяное растение), травы (злаки, травяные растения)' – фонетически значительно менее вероятна.

ГРОЗЫ \leftrightarrow Y[groz] 'трава, растение' \rightarrow (второй) смысл: «тебе полезны травы, растения...»⁵

ГРОЗЫ \leftrightarrow Y[groz] 'трава, растение' \rightarrow «растение, рост» \rightarrow (асс.) «узнавание, вспоминание» \rightarrow (асс.)⁶ ВСПОМИНАЮ

(б) «Путешествие в Армению» (1931–1932), гл. «Москва»: «**Растение**... Оно – посланник живой **грозы**»; «**грозовое** явление турнира... Фигуры шахмат **растут**... процесс **узнавания**, увенчанный победой усилия памяти, удивительно схож с феноменом **роста**. И здесь и там – **росток**, зачаток...»⁷

(в) <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931–1932), гл. «Французы»: «Роскошные плотные сирени Иль-де-Франс, ... сложившиеся в **грозную** лепестковую **массу**... горели на стене [тысячеглазой] **самодышащей** купиной»⁸

(г) «Эта область в темноводье...» (1936): «Хляби хлеба, **гроз** ведро⁹...Солнц подсолнечника **грозных**...»¹⁰. Очевидно, что здесь тот же образ, что и в предыдущем пункте: **грозная** плотная **дышащая масса** (лепестков, семян подсолнуха и т. д.).

(г) «Если б меня наши враги взяли...» (1937): «Прошелестит спелой **грозой** Ленин». Здесь слова **прошелестит**, **спелой** немедленно вызывают ассоциацию с **растением** (злаком)¹¹.

⁵ Например, те полезные «ночные травы», которые Мандельштам собирал «для племени чужого» в стих. «1 января 1924». Существенно, что далее в обсуждаемой строфе присутствуют «растительные» образы: «цеплялись розы» и «была Церера» (Церера – богиня растительности).

⁶ Здесь дело в том, что ситуация «**вспоминания** = узнавания» у Мандельштама связана с концептом «**роста**»/«**растения**». Ср. в ПА: «...ведь процесс **узнавания**, увенчанный **победой усилия памяти** [т. е. вспоминанием – Л.Г.], удивительно схож с феноменом **роста**». Эта же связь в 4-м восьмистишии стих. «Век»: «И еще набухнут почки, брызнет **зелени** побег...».

⁷ [72, т. 3, с. 194–195].

⁸ Там же. С. 384.

⁹ Здесь, разумеется, «рутинный» для Мандельштама двойной смысл: (1) оксюморон **роза/ведро**, (2) ведро как символ большого количества (**массы**) чего-то **растительного** – зерна («хляби хлеба»), подсолнухов, просто травы и т. п.

¹⁰ [72, т. 3, с. 105].

¹¹ Даже слово **Ленин** по русско-немецкой паронимии (Lein, leinen = 'лён, льняной') суггерирует растение (лён). Отметим, что в предыдущих строках этого стихотворения задается контекст «жатвы»: «Я **запрягу** десять волов...

Второй шаг.

В 1922 г. московское издательство «Дельфин» выпустило книгу профессора Московского университета, известного историка Роберта Виппера «Иван Грозный». Эта небольшая «научно-популярная» книжка привлекала внимание нетрадиционной трактовкой личности и деятельности Грозного, точнее, «разоблачением мифа» об Иване Грозном, которого западноевропейские и русские «либеральные» историки (и вообще, «либеральная» интеллигенция) привыкли изображать в виде театрального тирана, какого-то «исчадия ада» в русской и всемирной истории.

Автор аргументирует совершенно противоположное представление о Грозном как о «монархе-народолюбце», «сближавшемся с низшими классами», как о «**гениальном**» политике, дипломате и полководце, «**гениальном организаторе и вожде** крупнейшей державы своего времени»¹² (с. 21).

Книжка, производящая, при достаточной доле академичности, впечатление «заказанной» кем-то из советских вождей¹³, неизбежно должна была привлечь внимание Мандельштама¹⁴ – хотя бы потому, что именно в период 1922–1923 гг. Мандельштам особенно интенсивно (часто даже мучительно)

И поведу руку во тьме **плугом**... Я упаду тяжестью всей **жатвы**, **Сжатостью** всей...».

¹² Здесь и далее в кавычках с указанием страниц – цитаты по изданию: *Виппер Р. Иван Грозный*. М.: Дельфин, 1922.

¹³ Вот только кем? Если бы дата выхода книги была на несколько лет позже, ответ был бы однозначен: И. Сталин. Но Сталин в 1922 г. был еще не у власти и вряд ли мог делать подобные заказы. Он, конечно, обратил внимание на книжку и запомнил автора. После присоединения Латвии к СССР, Р. Виппера переводят из Риги (куда он почему-то переместился в 1924 г.) в Москву, выбирают в академики, а его книжку в 1944 г. переиздают с соответствующими добавлениями и делают «каноническим» трудом по Ивану Грозному. Но в 1922 году на роль «гениального вождя, полководца и дипломата», наследующего Ленину, реальнее всех претендовал Л. Троцкий. Поэтому рискну высказать гипотезу, что «заказчиком» реабилитирующего Ивана Грозного академического труда был именно Троцкий (точнее, его аппарат). Всё это требует специального исследования.

¹⁴ Мы можем с достаточной уверенностью считать, что Мандельштам успел познакомиться с трудом Р. Виппера: стихотворение «Век» создавалось в октябре-ноябре 1922 года.

рефлексирует на историософские темы и на тему своей идентичности: социо-политической, культурно-цивилизационной, национальной и т. п.¹⁵

Держа (по вышеуказанным причинам) в «оперативной памяти» текст Виппера, Мандельштам «вшифровывает» фамилию автора и название книги в создаваемый им в этот момент текст, т. е. в стихотворение «Век». Посмотрим подробнее:

- (а) ГАДЮКА = Viper¹⁶ ‘гадюка’ $\leftarrow \rightarrow$ (пар.) **Виппер**
 (б) И В ТРАВЕ \rightarrow Y[grozn] ‘травы’ \rightarrow (пар.) **Ив-ан Грозн-ый**

(в) МЕРОЙ ВЕК-А (Mass ‘мера, мерило’ $\leftarrow \rightarrow$ Masse ‘масса’). Если подставить в сочетание МЕРОЙ ВЕК-А вместо слова (МЕРОЙ) основу (**масс-**), то суггестируются слово МАССОВИК и сочетание ЧЕЛО-ВЕК-МАССА (= нем. Masse-Mensch), использованные Мандельштамом в статье «Революционер в театре»¹⁷, которая, что существенно, также писалась в конце 1922 г. В этой статье Мандельштам пишет¹⁸: «Протагонист драмы, так называемый Безымянный, он же “Masse-Mensch”, или МАССОВИК...». Далее в этой же статье: «Он [Толлер – Л.Г.] с необычайной силой столкнул два начала: лучшее, что есть у старого мира – гуманизм и, **преодолевший гуманизм ради действия, новый коллективистический императив**».

Из этих рассмотрений ясно, что МЕРА ВЕКА здесь – это «пульс толпы», соотнесение всего с «массовиком, человеком

¹⁵ Это утверждение требует развернутой аргументации. Я здесь, за неимением места, просто сошлюсь на множество текстов Мандельштама этого периода, явно или неявно обсуждающих упомянутую тематику. К соотв. поэтическим текстам относятся, например, почти все стихотворения 1922 года, включая рассматриваемое стихотворение «Век». См. несколько подробнее на эту тему статью: *Городецкий Л.* «Двурушник я с двойной душой...» // Вопросы литературы. – № 5. – 2009. Основной материал этой статьи содержится в данной монографии в п. 3. 2.

¹⁶ Здесь могут «играть» и фр. vipère и лат. vipera (прародительница «гадюк» во всех зап.-евр. языках). Но немецкая «гадюка», по совокупности причин, значительно более вероятна.

¹⁷ [72, т. 2, с. 283–285].

¹⁸ О пьесе Эрнста Толлера «Masse-Mensch» («Человек-масса»), которую Мандельштам перевел в 1922 г.

толпы». Этот «массовик» опасен, **грозен** – ср. вышеупомянутые сирени, «сложившиеся в **грозную** лепестковую **массу**», которые «горели на стене... **самодышащей** купиной»¹⁹ (Первый шаг, пункт «в»).

(г) МЕРОЙ ВЕКА ЗОЛОТОЙ – в предисловии 1923–1924 г. к пьесе Ж. Ромэна «Кромдейр-старый» Мандельштам пишет об унаимистах (см. след. пункт): «...героическая ласка к человеку толпы ...правильный путь: здоровая раса труда... **“Кто-нибудь”, “один из многих” стал мерой вещей, золотой мерой века, источником ритма и силы**»²⁰. С другой стороны, в статье «Гуманизм и современность» (январь 1923) Мандельштам пишет: «Гуманистические ценности... как **золотой запас**... обеспечивают всё идейное обращение современной Европы»²¹

(д) ДЫШИТ – в этом же тексте «Ж. Ромэн. Кромдейр-старый» Мандельштам пишет о французской литературной школе унаимистов: «Раскрыв смысл французского наименования школы»²², получим: поэзия **массового дыхания**, поэзия **коллективной души**»²³.

Суммируя рассмотрения (а) – (д), мы видим, что в «гадючью строку» вставлены историософские размышления Мандельштама о «пульсе толпы», о «человеке массы», о конфликте «коллектив vs. индивидуум», о конфликте идеологом «преодоление гуманизма ради действия, новый **коллективистический императив**» и «**золотой запас** гуманистических идей, обеспечивающий идейное обращение современной Европы» и т. д.

Тем самым, дешифрующий «перевод гадючьей строки на обычный язык» выглядит так: РАБОТА ИСТОРИКА ВИППЕ-

¹⁹ Этот отрезок текста, а также следующий пункт (Первый шаг, пункт «г» с образом «**грозных** подсолнухов») ясно показывает, что в языковом сознании Мандельштама концепт **массы** был связан с концептом **угрозы** и с образом Ивана **Грозного**.

²⁰ [72, т. 2, с. 416–417].

²¹ Там же. С. 288.

²² una = лат. ‘вместе, одна’, anima = лат. ‘дыхание, душа’.

²³ [72, т. 2, с. 415].

РА «ИВАН ГРОЗНЫЙ» ПРОНИЗАНА ИДЕОЛОГИЕЙ «КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА» («преодоления гуманизма ради действия»).

Некоторую более сложную вариацию этого смысла можно попытаться уловить, рассмотрев пассаж из уже упоминавшегося предисловия Мандельштама к пьесе Ж. Ромэна «Кромдейр-старый»²⁴: «Всего меньше современная Франция оставляет места для **народнических** иллюзий. Исторический характер французского крестьянства способен служить пугалом для **социалистически настроенного горожанина**²⁵».

Но «человек толпы» у Ромэна – это не совсем **французский** крестьянин, и Мандельштам продолжает: «он [Ромэн] придумывает для него [места действия пьесы] этнографию... столь же фантастическую, как этнография шекспировской Польши или **Московии**». Появление в этом месте мандельштамовского текста выражения «этнография шекспировской Московии» (а ведь эта «этнография» есть не что иное как русский крестьянин при ИВАНЕ ГРОЗНОМ) можно объяснить только актуальностью образа Грозного для Мандельштама в это время²⁶ и тем, что в его представлении в момент создания текста образы Ивана-крестьянина и Ивана-царя «склеены». Получается, что ИВАН ГРОЗНЫЙ, которого все боятся – это не царь, это грозный русский Иван = французский Jean le Terrible = крестьянин, враг города, пугало для социалистически настроенного горожанина и **одновременно** человек народной **толпы**, «человек-масса».

Поэтому упомянутая вариация «перевода гадючей строки на обычный язык» выглядит так: РАБОТА ИСТОРИКА ВИППЕРА «ИВАН ГРОЗНЫЙ», ПРОНИЗАННАЯ ИДЕОЛОГИЕЙ «КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА», ДЫШИТ УГРОЗОЙ СО СТОРОНЫ ЧЕЛОВЕКА ТОЛПЫ, СТРАХОМ

²⁴ Там же. С. 417.

²⁵ Не себя ли имеет здесь в виду Мандельштам, «горожанин и друг горожан»?

²⁶ Еще одно свидетельство актуальности образа Грозного для Мандельштама в это время находим в его очерке «Сухаревка» (1923): «...площадь пустеет с той истерической поспешностью, с какой пустели бревенчатые мосты, когда по ним проходила **колючая метла страха**» – явный образ опричников Грозного.

ПЕРЕД НИМ И СТРАХОМ ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ «ВЕКА
ИВАНА ГРОЗНОГО».

* * *

Для полноты картины приведем еще несколько интересных историософских «точек совпадения» книги Виппера и размышлений Мандельштама в 1922 году. Виппер сравнивает Россию Грозного с **Ассирией** и другими древневосточными империями:

«Военные громады, управляемые **гениальными** вождями вроде Чингис-хана и Тимура, перенимали технику и уставы старинных **вавилонских** царей... В Москве 15–16 веков нас поражает еще одна черта государственной техники, напоминающая приемы древневосточных держав. Подобно завоевателям **ассирийским** и персидским, московские строители имели обыкновение готовить занятие новой территории постройкой **грозной крепости** на краю границы. ...обычай Востока... беспощадно истребляли правящие государи своих ближайших родственников (с. 15–16). ...В Москве старались закреплять акты государственной жизни подробными и точными протоколами... Как всё это **напоминает практику древнеперсидского** государства! (с. 25) ... Параграф о вдовых боярнях напоминает... статью судебного **Хаммураби** (с. 39)... Иван III ...переселяет, на манер **Сеннахериба** или **Навуходоносора**, пленных ливонцев в глубь Московии (с. 44)».

Мандельштам явно был с этими пассажами знаком: в статье «Девятнадцатый век»²⁷ он пишет: «В жилах нашего столетия течет тяжелая кровь чрезвычайно отдаленных **монументальных** [ср. «кровь-строительница» в «Веке» – Л.Г.] культур, быть может, египетской или **ассирийской**...».

Далее в тексте этой же статьи Мандельштама содержится скрытая аллюзия на Грозного: «В отношении к этому новому веку, **ОГРОМНОМУ**²⁸ и **жестоковейному**, мы являемся колонизаторами...». Через два месяца (январь 1923) Мандельштам использует эту же связь в уже упоминавшейся статье «Гума-

²⁷ [72, т. 2, с. 264]. Время написания статьи: конец лета – октябрь 1922 г.

²⁸ gross ‘огромный’, grass ‘ужасный’ → (пар.) Грозный.

низм и современность»: «ассирийские пленники... под ногами ОГРОМНОГО²⁹ царя».

В октябре-ноябре 1922 г. Мандельштам пишет известные строки: «Ветер нам утешенье принес,/ И в лазури почуяли мы / **Ассирийские** крылья стрекоз,/ Переборы коленчатой [ср. «дней колена» в «Веке» – Л.Г.] тьмы».

Но не только в Ассирии дело. Текст Виппера насыщен идеологией «счета пульса толпы»³⁰ (разумеется, пульса, хорошо ощущаемого «гениальным вождем!»). Это резко резонирует с внутренними ощущениями Мандельштама в то время, – в 1928 г. он пишет, отвечая на журнальную анкету: «Октябрьская революция... отняла у меня... ощущение личной значимости»³¹. Виппер говорит о «демократической монархии», «монархенародолюбце», «сближении носителя верховной власти с низшими классами»³², о «тирании одного-единственного» (с. 12).

Виппер говорит, что «положение государя, который решился бы устремиться в **народническую** политику, крайне рискованно. Чтобы вступить на такой путь, нужен человек **гениальной дерзости**»³³; предприятие его будет по неизбежности граничить с преступлением... тирания “народолюбца” должна направиться в первую очередь на дворянство, на завоеванную и закрепленную им конституционную свободу... публицистам, защищающим закон и право, нетрудно будет осудить его, представить исчадием ада...» Виппер называет Грозного «**гениальным организатором и вождем** крупнейшей державы своего времени».

Виппер высказывает удивительные оценки реформ Грозного: «...решено произвести обмер земель и **уравнять** поместья..., а излишки разделить неимущим... Нас поражают

²⁹ Снова gross → Грозный.

³⁰ Мандельштам напишет через 11 лет: «считали пульс толпы и верили толпе...».

³¹ [72, т. 2, с. 496].

³² На стр. 36 у Виппера: «демократизм, внимание к простому люду, к низшим слоям народа».

³³ Ср. у Мандельштама в стих. «Сумерки свободы» (1918): «Прославим роковое бремя, / Которое в слезах **народный вождь** берет. / Прославим власти сумрачное бремя, / Ее невыносимый гнет».

самодержавно-коммунистические выражения, которые применяет летописец... (с. 50). Это... старинная уверенная **система просвещенной восточной монархии... народнический характер** Московской военной монархии» (с. 81). Виппер также говорит о том, что раньше историки говорили про **права человека**, но надо вспомнить об исторической полезности, о **политической гениальности** Грозного.

Лексика поразительно напоминает более поздние тексты «сталинского» времени: «встает во весь рост **могучая фигура повелителя народов**» (с. 52), «мощная и передовая **светская** власть... опричина – военная реформа, вызванная опытом труднейшей войны» (с. 53), «**оппозиционеру-изменнику** [Курбскому] Иван Грозный с искусством демагога [т. е. народного вождя – Л.Г.] противопоставляет **народническое** направление» (с. 58), «**совет всей земли, ...совет** высшей иерархии, **...всенародный** характер собрания...» (с. 61), «сознавая в себе **мастера... правительственного дела...**» (с. 72), «...**гениальный** дипломатический ход» (с. 101).

Но ведь это только 1922 год!

Напомним, что, кроме Мандельштама, по-видимому, еще один человек внимательно читал труд Виппера. Это И. В. Сталин.

* * *

3.1.2. Происхождение «волкодава» в цикле «Волк».

В первой строке рассматриваемого стихотворения «Век» возникает «зверь» – это, собственно, и есть образ «века»: «Век мой, зверь мой, кто сумеет...». В знаменитом цикле стихотворений «Волк» (1931–1935) этот непонятный зверь превращается в «волкодава», который зачем-то «кидается» на плечи (или, как вариант – на шею) автору.

Продемонстрируем, что самый поверхностный учет «германских интерференций» позволяет реконструировать «прозаический» подтекст этого поэтического образа у Мандельштама и понять происхождение и цели «волкодава».

Рассмотрим строфы из «Волка», в которых возникают образы волка и волкодава:

Мне на плечи³⁴ кидается век-волкодав, / Но не волк я по крови своей: / Запихай меня лучше, как шапку, в рукав / Жаркой шубы сибирских степей/ <...> Уведи меня в ночь, где течет Енисей / И сосна до звезды достает, / Потому что не волк я по крови своей / И меня только равный убьет.³⁵ /

Покажем, что в подтексте первой строки – образ казачьего сотника, пахнущего собакой и волком, в бурке (наброшенной на плечи!) из главы «Бармы закона» в очерке «Феодосия» (1923): «...по улицам ходили циклопы в черных бурках, сотники, пахнущие собакой и волком <...> заряженные лисьим электричеством здоровья и молодости. На иных людей возможность безнаказанного убийства действует, как свежая нарзанная ванна...».

Дело здесь в том, что СОТНИК суггестирует понятие 'сотня', которое, в свою очередь, актуализируют в «языковом сознании» автора немецкое Hundert 'сто' и фонетически и семантически идентичное ему идишское Y[hundert].

Эти «германские» слова, в свою очередь, паронимически активизируют Jahrhundert 'век' и равное ему идишское Y[yorhundert] 'век'. Тем самым, образ сотника имплицитно образ «века» и слово ВЕК. Но слова Hundert и Y[hundert], кроме того, паронимически суггестируют Hund, т. е. немецкую 'собаку', равную идишской 'собаке' Y[hund].

Тем самым, и слово ВЕК имплицитно «собаку»³⁶.

Далее, феодосийский «сотник» пахнет «собакой + волком». Собака + волк в «интерферирующем» в данный момент языке – это (Wolf + Hund) в немецком, или [volf+hund] в идише. Значе-

³⁴ Вариант: «Мне на шею».

³⁵ Вариант: «И во мне человек не умрет».

³⁶ Здесь еще следует отметить, что кроме «собаки», в суггестируемой слове Jahrhundert картинке возникает и «ягуар» (Jaguar ← Jahr), архетип гибкого, прыгучего опасного зверя – «стандартного» образа века у Мандельштама. Ср. в предисловии Мандельштама к роману «Тудиш» (Л., 1925): «...последнего прыжка, когда-то **гибкого**, восемнадцатого века, который, как **зверь** с раздробленными лапами, упал на подмостки новой эры». Получается картинка: век-зверь неудачно прыгнул, упал и получил смертельную травму: ср. обращенные к «веку-зверю» последние строки того же «Века»: «Льется, льется безразличие / На смертельный твой ушиб».

ние же получающегося немецкого сложного слова Wolfshund (а равно и идишского Y[volfhund]) – это именно 'ВОЛКОДАВ'!

Тем самым, «сотник, пахнувший собакой и волком» – это «ВЕК-ВОЛКОДАВ».

Но даже бурка этого нехорошо для автора пахнувшего казачьего офицера тоже «работает» на индуцируемый подтекстом смысл стихотворной строки. Ведь бурка **накидывается на плечи** – в точности, как ВЕК-ВОЛКОДАВ (или век-ягуар!) кидается на плечи героя стихотворения «Волк». Отметим, что глагол «кидается» может иметь как активный («сам кидается»), так и пассивный («его кидают») смысл.

Наконец, накидываемая ЧЕРНАЯ БУРКА суггерирует «чернобурку», т. е. лисью шубу или **накидывающуюся на шею³⁷ и на плечи** (по тогдашней женской моде) лису. Из лисьей же шубы возникает «ЛИСЬЕ электричество», которым были заряжены сотники в прозаическом подтексте, и, «жаркая ШУБА сибирских степей»³⁸ в стихотворении.

Тем самым, мы получаем полное соответствие между прозаическим отрезком из «Феодосии» и строфой из «Волка».

Это соответствие подсказывает другой, как представляется, более правильный, по сравнению с «принятым»³⁹, смысл этой строфы: ВЕК-ВОЛКОДАВ, как БУРКА на СОТНИКА, кидается (или кем-то накидывается) не с целью убить, загрызть и т. п., но с целью «дружить» (или согреть), как на своего, обладающего идентичным «волчье-собачьим» запахом, как кидаются своему на плечи (или на шею: см. вариант).

Но автор не хочет «дружить» с веком-собакой-сотником-убийцей⁴⁰, хочет избежать этой дружбы (или тепла от соот-

³⁷ Напомним вариант: «Мне **на шею** кидается...».

³⁸ Эта шуба – лисья, потому что она «включает», разумеется, ГОЛУБЫХ ПЕСЦОВ из следующей строфы: ведь: «**Песец**, или *полярная лисица* (Canis s. Vulpes lagopus) – млекопитающее из подрода лисицы рода **собаки**» (Энци. Брокгауз и Ефрон, т. 45, с. 420). Отметим, что образ «голубого песца» возник у М, по-видимому, как рефлекс кинорекламы декабря 1930 (и начала 1931) года (см. п. 1.6.1).

³⁹ Принято считать, что здесь агрессивный «век» кидается на автора с целью убить, разорвать горло и т. п.

⁴⁰ Не хочет даже касаться его – любой физический контакт с собакой был для Мандельштама неприемлем: прямо по Талмуду! А. Ахматова говорила Л. Чуковской в 1940 г.: «Он ведь был странный: не мог **дотронуться** ни до кош-

ветствующей шубы), – отсюда пожелание «запихай меня **лучше** как шапку в рукав...». Ясно, что эта просьба обращена не к тому, кто хочет автора загрызть (в этом случае, совсем неуместно выглядело бы слово-пожелание «лучше»), но к кому-то, напращивающемуся автору в друзья...⁴¹

Еще один персонаж в **черной бурке** из того же времени, напращивавшийся Мандельштаму в друзья (хотя обычно считается, что он был смертельным врагом) – это эсер Блюмкин.

Н. Мандельштам описывает сцену в Киеве 1919 года, когда Блюмкин в черной бурке скачет под балконом, на котором стоят Мандельштамы: «в нашу сторону вытянулась рука с наставленным револьвером. О.М. было отпрянул, но тотчас же, перегнувшись через перила, приветливо помахал всаднику рукой» [9, с. 96].

Н. Мандельштам говорит об этом жесте, как о реальной угрозе, хотя очевидно, что это была «дружеская игра» в стиле Блюмкина, своеобразное дружелюбное «кидание на плечи», но черная бурка убийцы-чекиста так же хорошо запомнилась М, как и бурка убийцы-сотника в Феодосии.

Эти рассуждения показывают, что предлагаемый нами лингвистический «интерференционный» комментарий к текстам Мандельштама хорошо коррелирует со ставшим уже традиционным подтекстным комментарием.

ки, ни до **собаки...**», цит. по: *Лекманов О.* Осип Мандельштам. М., 2004. С. 104. Н. Мандельштам сообщает в своих мемуарах, что М однажды отказался покупать в универсаме шубу из собачьего меха. Она это, правда, объясняет тем, что «на такое предательство по отношению к благородному собачьему роду О.М. не отважился и предпочел мерзнуть» [9, с. 182].

⁴¹ О. Лекманов приходит, кажется, к аналогичному пониманию смысла этой строфы, опираясь на последующую строку «Потому что не волк я по крови своей» и на самосравнение Мандельштама с Маугли в «Путешествии в Армению»: «...обучит меня, как мальчика Маугли из джунглей Киплинга...». Лекманов пишет: «В стихотворении “За гремучую доблесть грядущих веков...” он [Мандельштам], обыгрывая ключевую фразу кипплинговской сказки (“Мы с тобой одной крови – ты и я”), подобно Маугли, отказывается от своего “волчьего” прошлого ради “человечьего” настоящего <...>. Но современникам было легче представить себе Мандельштама как раз в образе загнанного в угол зверя» [94, с. 138]. Мне всё же представляется, что лингвистические рассуждения типа приведенных выше надежнее обосновывают «смысловые» выводы как в этом случае, так и в ряде других.

3.2. «Двурушник я, с двойной душой...»: «Грифельная ода» как манифест «ухода» Мандельштама от русской ЯКМ.

Загадочность, и даже, возможно, шифрованность, текста «Грифельной оды» многократно обсуждалась. По-видимому, все исследователи согласны в том, что этот мощный и напряженный текст отражает некоторое переходное состояние автора, некое изменение в сознании, некую «катастрофу»⁴² в «гладком процессе» развития его экзистенции и творчества.

Испытывая те же ощущения от Оды, я хочу показать присутствие в Оде мест, в которых в достаточно прозрачно «зашифрованном» виде передается некое важнейшее, даже «судьбоносное» для автора, сообщение.

Это сообщение есть «культурная» самоидентификация автора, проще говоря, отнесение себя к некоторой «культурной системе»⁴³. «Злой шпенглерянец»⁴⁴ сказал бы: отнесение себя к некоторой «цивилизации».

При этом реальный выбор, куда себя отнести, был невелик: «русская система» или «культурная эмиграция» в «еврейскую (еврейско-немецкую) систему» и/или далее в некое пограничье.

Отвечая в Оде на свой же вопрос «Кто я?»⁴⁵, Мандельштам открыто заявляет свое **не-присутствие** в «русской системе»⁴⁶

⁴² Или «взрыв» в смысле Ю. Лотмана, см. п. 1.2.1. Мандельштаму, с его подчеркнутой любовью к «научной» метафорике, наверно, понравилась бы математическая метафора «культурная бифуркация».

⁴³ Концепт «культуры» понимается здесь в смысле, предложенном Герцем (Clifford Geertz) в работе 1979 г: *культура* – это исторически передаваемая модель значений, воплощенных в символах, система наследуемых представлений, выраженных в форме символов, при помощи которых люди общаются между собою и на основе которых развиваются их жизненные установки. Сам Мандельштам, по-видимому, понимал «культуру» не совсем так: скорее всего, ближе к О. Шпенглеру, под влиянием которого он в 20-е гг. находился.

⁴⁴ По замечательной формуле, употреблявшейся С. Аверинцевым в лекциях: «злой фрейдист сказал бы...».

⁴⁵ Т. е. на вопрос об определении «собственного мира», очевидно, актуализированный у Мандельштама в окрестности 1923 г. Н. Мандельштам вспоминала, что «способность к выбору и определению собственного мира [Мандельштам] считал основным признаком человека».

⁴⁶ Этот «негативный» в отношении русской «культурно-цивилизационной системы» ответ подкрепляется рядом текстов Мандельштама, созданных в

и позиционирует себя сначала в «еврейской системе», а затем в некоем переходном, пограничном состоянии, внеположном обоим этим «мирам».

Этот выбор «цивилизационно-культурной» идентичности технически оформляется предъявлением (самому себе и окружающим) некоторого набора «центральных точек» своей **языковой картины мира**⁴⁷, который демонстрирует ее не «русскость», а, скорее, «еврейскость». Рассматривая эту ситуацию с другого ракурса, можно сказать, что Мандельштам предъявляет «нестандартную» метафорику своей экзистенции, стремится уйти от общепринятой в объемлющем (русском) мире системы метафор, «сломать» ее, подставить на ее место «другую» систему⁴⁸.

Вторым важнейшим техническим средством демонстрации этой культурно-цивилизационной «бифуркации» является здесь массовое и явно сознательное внедрение в текст «германо-идишизмов», т. е. суггестируемых немецко-идиш-русских связей⁴⁹.

Чтобы обосновать эти утверждения, рассмотрим связный отрывок текста Оды⁵⁰:

окрестности 1923 г. и позднее, в которых он фактически разными способами заявляет свое «системное» неприятие «русского мира», свое отталкивание от него. См. подробнее об этом в монографии [200], глава 5.

⁴⁷ При этом Мандельштам, разумеется, не пользуется понятием ЯКМ и набором ЯКМ-терминов, конструктов и дескрипций, возникших через полвека. Соответствующие объекты проявляются в его дискурсе в неявном, виртуальном виде.

⁴⁸ Такого рода уходы, «перескоки», «взрывные» изменения в «системе метафоризации» мира характерны для «кризисного сознания», которое, несомненно, присуще Мандельштаму вообще и, особенно, в период создания Оды. О связи «метафоризации» с кризисным состоянием сознания см. напр. А. Барнов, предисловие к книге [190].

⁴⁹ Подробный список этих связей в тексте «Грифельной оды» см. в Приложении. Здесь только отметим, что в «Грифельной оде» «немецко-идиш-русские» связи имеют место, в среднем, в каждой второй строке (!), что во много раз превышает их среднюю плотность по всему корпусу текстов Мандельштама.

⁵⁰ «Смонтированный» мной из нескольких вариантов Оды, что вполне legitimately, потому что все эти варианты, как обычно у Мандельштама, представляют собой единый текст.

<...> Ломаю ночь, горящий мел,
Для твердой записи мгновенной,
Меняю шум на пенье стрел,
Меняю строй на стрепет гневный.

Кто я? Не каменщик прямой,
Не кровельщик, не корабельщик, –
Двурушник я, с двойной душой,
Я ночи друг, я дня застрельщик.
Ночь, золотой твой кипятик
Стервятника ошпарил горло,
И ястребиный твой желток
Глядит из каменного жерла.

И я теперь учу язык,
Который клекота короче,
И я ловлю могучий стык
Видений дня, видений ночи.
И никому нельзя сказать –
Еще не время: после, после, –
Какая мука выжимать
Чужих гармоний водоросли.

Я хочу показать, что в этом отрывке Мандельштам отвергает ряд «несущих конструкторов» русской **языковой картины мира** и предъявляет свою, в ряде аспектов «противоположную», ЯКМ. Резкое несовпадение и даже противоположность «стандартной» русской ЯКМ и ЯКМ Мандельштама проявляется в несовпадении в его текстах ряда ключевых культурных скриптов со «стандартными» русскими скриптами, что влечет крайне важные последствия для отношений Мандельштама с «окружающей средой».

Рассмотрим несколько подробнее заявляемые Мандельштамом принципиальные моменты расхождения со стандартной русской ЯКМ.

* * *

В ЯКМ Мандельштама (см. гл. 2) концепты **посредничества** и **обмена** однозначно резко позитивны, он как бы «ориентирован» на обмен, медиативность (во всех смыслах) – это прямо заявляется в различных его текстах, начиная с самых ранних⁵¹, и демонстрируется в рассматриваемом отрывке: «меняю шум,... меняю строй...».

В русской ЯКМ⁵² отношение к этим концептам (точнее: к соответствующим установкам, паттернам поведения и т. п.) – скорее негативное, в лучшем случае – нейтральное. Ср. резко негативную окраску в русской ЯКМ концепта «деньги» – числового выразителя и символа «обмена». Ср. также негативную окрашенность концепта «торговля» в русской ЯКМ. В сознании носителя русской ЯКМ концепты «обмена, посредничества (любого, не только коммерческого), купли-продажи» ассоциируются с концептом «обмана» (потенциального или актуализированного) или, вообще, какой-то потенциальной «несправедливости», или служат маркером «низкого» (а не «высокого») поведения⁵³. Ср. высказывания типа «не обманешь – не продашь», «они нас продали»⁵⁴ и т. п.

* * *

Мандельштам отвергает априорную **позитивность** в русской ЯКМ системы слов-концептов *прямызна/прямодушие/прямота/единодушие*. Он сознательно «сопротивляется» давлению русской ЯКМ и русских культурных скриптов, в которых концепт «непрямой = кривой» однозначно резко негативен. Он

⁵¹ Например: «люблю обмен...» (1913), «в непринужденности **творящего** обмена...» (1908) и т. п.

⁵² Отметим, что рассматривается «наивная картина мира» в смысле Ю. Апресяна, в которой «посредничество» и «обмен» ассоциируются с простыми «физическими» ситуациями, а выражения типа «посредничество между культурами» и т. п. – являются какой-то непонятной «метафизикой».

⁵³ О ключевом концепте «справедливость» и об оппозиции «высокое-низкое» в русской ЯКМ см. монографию [80], с. 10–11 и др.

⁵⁴ Совсем недавно в эфире московской FM-радиостанции обсуждалась официальная борьба со словом *sale* в торговой рекламе в Калининградской области. Ведущая программы воскликнула: «Но ведь у нас же не любят слов “продажа” и “распродажа”!»

явно демонстративно применяет к себе в рассматриваемом отрывке Оды резко негативные в современной русской ЯКМ определения «двурушник» и «с двойной душой» (а не с «открытой, прямой душой»!).

В русской ЯКМ концепты **двоедушие, двуличие, двойничество** – негативно окрашены⁵⁵. ЯКМ же Мандельштама как бы отвергает это восприятие, *переворачивает* картинку⁵⁶. В нашем отрывке Оды: «Нет, я не каменщик прямой, / Не кровельщик, не корабельщик, / Двурушник я, с двойной душой...». В мандельштамовском переводе из Петрарки: «Хоть ключ один, вода разноречива – / Полужестка, полусладка, – ужели / Одна и та же милая двулична...» – здесь «двуличность» «милой» не есть негативная характеристика⁵⁷.

ЯКМ Мандельштама вполне рутинно «двоится», размывается, становится «импрессионистичной» – это ее общее (инвариантное) свойство.

Рассмотрим несколько подробнее восприятие Мандельштамом концептов: **прямой vs. кривой, ровный (по горизонтали и вертикали) путь, движение (по равнине) прямо вперед**.

В русской ЯКМ концепт «прямого пути» резко позитивен, в то время как «непрямой (кривой) путь» – явно негативен⁵⁸. Ср. высказывания типа «он по КРИВОЙ дорожке не пойдет», «что ты ходишь ВОКРУГ да около, говори ПРЯМО» и т. п.⁵⁹

В ЯКМ Мандельштама – ровно наоборот: более позитивен непрямой путь. Одной из глубинных причин этого служит действие матрицы (установки) медиативности/информационности «еврейской системы»⁶⁰. Проще говоря, «кривое» – «ме-

⁵⁵ Ср. в словаре В. Даля: «Двое(дву)душие <...>, лживость, притворство, лукавство, лицемерие».

⁵⁶ Я бы даже сказал (имея в виду определенную геометрическую метафору): «выворачивает» картинку. Ср. высказывание Мандельштама: «и все на свете наизнанку».

⁵⁷ Это отметил А. Илюшин в статье в «воронежском» сборнике [71, с. 378].

⁵⁸ О «кривизне» как маркере «того света», «нечистой силы» в славянских народных верованиях см. монографию [166, с. 409].

⁵⁹ Интересно, что в журнальном дискурсе 1921–1922 гг. (т.е. в период создания Оды со строкой «Нет, я не каменщик прямой...») имеют место выражения типа: «стиль РСФСР – стиль **прямой** линии», см. мемуары Э. Миндлина [132, с. 196].

⁶⁰ О «еврейской» системе матриц/установок см. в монографии [200], гл. 1. Все это относится к диаспоральной, «постбиблейской», «талмудической»

диативнее и информативнее», чем «прямое», и (в частности) поэтому привлекательнее для Мандельштама⁶¹.

Примеры позитивной окраски этого концепта в текстах Мандельштама: «улиц твоих большеротых КРИВЫЕ люблю вавилоны», «и Гете, свищущий на ВЬЮЩЕЙСЯ тропе, и Гамлет, мысливший ПУГЛИВЫМИ шагами⁶², ...и в бездревесности КРУЖИЛИСЯ листья», «честные зигзаги». К концепту «прямой» отношение у Мандельштама, скорее, негативное, как к чему-то чуждому и/или опасному, даже страшному: «нет, я не каменщик **прямой**» (1923), «как ее ни вывертывай, **криво** звучит [фамилия Мандельштам], а **не прямо**», «муж **прямой** и дикий» (1937), «как виселица **прям** и дик»⁶³. В «Разговоре о Данте» Мандельштам сообщает, что Дант «чтил искусство современного ему мореплавания <...> этого наиболее **уклончивого** и пластического спорта», и говорит далее: «Мне хочется указать здесь на одну из замечательных особенностей дантовской⁶⁴ психики – на его **страх** перед **прямыми** ответами». А. Жолковский отметил, что Мандельштам воспринимал «объективный внешний мир» как «нечто большое, безличное, холодное, чуждое, равнодушное, “**прямое**”, “простое”»⁶⁵.

ЯКМ. Интересно в этой связи отметить, что в «библейской» ЯКМ, а также в современной израильской ЯКМ, концептуализация пары «прямой vs. кривой» совпадает с русской ЯКМ. Например, понятие *dogri* = ‘прямой, прямо’ (иврит ← арабский) является **ключевым позитивным** словом-концептом в израильской («сабрской») ЯКМ.

⁶¹ Ср. высказывание В. Топорова: «“Неправильное”, “кривое” богаче информацией, чем “правильное” и “прямое” по крайней мере потенциально, но образ, в котором эта информация выражается, “темнее”, дву- и много-смысленнее, но отважное сознание открыто риску...» [77, с. 13].

⁶² Точный образ постоянно (на каждом шагу) оборачивающегося человека: метафора постоянного циклического (рекурсивного) продвижения, нечто вроде сложной спирали, трОпа «вьющейся тропы».

⁶³ О колокольне Ивана Великого в Кремле, одном из рутинных символов «русской системы».

⁶⁴ Фраза как будто взята Мандельштамом (через «разрыв в хронотопе») из какой-то будущей мандельштамоведческой статьи – осталось только вместо слова «дантовской» вставить: «мандельштамовской».

⁶⁵ См. [84, с. 61].

* * *

Мандельштам называет себя «двuruшником». Это слово⁶⁶ в русском общественно-политическом узусе 1923 г. встречается редко⁶⁷ и означает «ведущий двойную игру», «игру и за, и против», «помогающий и нашим, и вашим». «Расстрельный» смысл «подлый изменник» (и частотное употребление в этом смысле) слово «двuruшник» приобретает только в 1930–31 гг. в связи с проведением (в конце 20-х) серии показательных процессов над «тайными врагами» и оформлением соответствующего политического дискурса, в котором эта лексема становится эквивалентом слова «троцкист», т. е. предельно демонизируется и начинает обозначать злейшего врага всякого порядочного человека.

Но эта демонизация начинается лишь где-то с конца 1930 г. Еще в конце 1926 г. Мандельштам, не подозревавший о скорой суровой ресемантизации лексемы «двuruшник»⁶⁸, пишет во «внутренней рецензии» на роман французского писателя Армана Люнеля «Николо Пеккави»: «Все построено на **забавном двuruшничестве** Николо Пеккави...». Имеется в виду, что герой романа, ревностный католик, выступает с антисемитскими выпадами против евреев своего городка и **одновременно** тайно помогает им.

⁶⁶ Этимология слова не ясна. Наиболее релевантная гипотеза (см. напр. [109]) говорит, что это слово происходит из профессионального сленга петербургских нищих, где двuruшник ← *двuruчник означало 'нищий, обманным образом (например, в тесной толпе) подставляющий две руки вместо полагающейся по правилам одной'.

⁶⁷ Например, в «Популярном политическом словаре», выпущенном ленинградским изд. «Прибой» в 1926 г., это слово отсутствует. Вот интересный случай употребления лексемы «двuruшник» в том же 1923 г. у Д. Фурманова в XII гл. романа «Чапаев»: «...девушка сообщила много ценного, заявила, между прочим, и то, что наши некоторые разведчики работают одновременно в разведке белых. **Двuruшников** скоро ликвидировали». Видно, что «двuruшник» здесь достоин осуждения (и ликвидации), но он еще может быть «нашим», и ему еще только предстоит преобразоваться в того «черного **изменника**», которым он стал в начале 30-х. Заметим, что в изданиях «Чапаева» после 20-х гг. слово «наши» исчезло.

⁶⁸ В точности, как гогаевские жида в Запорожской Сечи, спокойно занимавшиеся своими «двuruшническими» делами, не подозревая, что их очень скоро будут за это топить в реке.

Отсюда очевидно, что смысл лексемы «двурушничать» для Мандельштама с 1923 г. до 1930(?) г. не изменился и продолжал быть связанным с **еврейским контекстом**.

Однако через несколько лет, в стихотворении «Не искушай чужих наречий...» (1933) Мандельштам под воздействием «растрельного дискурса» в СМИ видит себя уже не «забавным» двурушником, но именно «изменником»: «Получишь уксусную губку ты для **изменнических губ**».

Наконец, редактируя «Грифельную оду» в 1937 г., когда назвать себя публично «двурушником» было бы просто актом самоубийства, Мандельштам исключил из текста содержащую опасное слово строку⁶⁹. К этому моменту он, скорее всего, знал о пассаже в выступлении поэта Д. Петровского на «пушкинском пленуме» (февраль 1937) касательно стихов Пастернака: «Это – **шифр**, адресованный кому-то совершенно недвусмысленной апелляцией. Это – **двурушничество**. Таким же **двурушничеством** богаты последнее время и общественные поступки Пастернака. Никакой даровитостью не оправдать его **антигражданских** поступков (я еще не решаюсь сказать сильнее). Дело не в сложности форм, а в том, что Пастернак решил использовать эту сложность для **чуждых и враждебных** нам целей»⁷⁰. Подобный вокабуляр был гораздо более характерен для «советского дискурса» о Мандельштаме, чем о Пастернаке, и, несомненно, лишь пребывание Мандельштама весной 1937 в Воронеже убергло его (на год!) от опаснейшей атаки столичных собратьев по литературному цеху⁷¹.

⁶⁹ Всего при этой редакции автор удалил 8 строк.

⁷⁰ Цит. по [179, с. 300]. Ср. высказывание (друга Д. Петровского) поэта В. Луговского в журнальной статье, вышедшей через месяц после «пушкинского пленума»: «**Темнота** Пастернака – это очень часто **зашифрованная** мысль, которую поэт нарочито не хочет прояснять. ... **по-нехорошему загадочны** странные строки Пастернака...», цит. по [179, с. 303]. Ср. также высказывание (друга В. Луговского) писателя П. Павленко в его судьбоносной для Мандельштама «внутренней рецензии» для начальников ССП и НКВД (март 1938): «язык стихов [Мандельштама] сложен, **темен и пахнет Пастернаком**».

⁷¹ Мандельштам, понимая это (и, может быть, ощущая себя на удалении от Москвы в относительной безопасности), иронизирует в письме от 30.04.37 начальнику ССП Ставскому над «непоследовательностью» воронежского отделения ССП: «Располагая моим заявлением к минскому пленуму, содержащим

Но рассмотрим еще подробнее смысл «двuruшника» в приведенной строфе «Грифельной оды». Крайне интересно то, что здесь Мандельштам применяет одну из своих стандартных техник, которую можно назвать «хирургией пересадки смысла на теле русского слова»: применяя эту технику, он вырезает из русского слова основу и заменяет ее паронимичной «германской» (немецкой или идишской) основой, радикально меняя при этом, разумеется, смысл слова⁷².

В данном случае, Мандельштам производит следующие операции: сначала он заменяет русскую основу *руш на *рух, с понятным чередованием [χ] ↔ [š], затем заменяет русскую основу *рух на «паронимичную» идишскую Y[ruyeχ] = 'дух', получая «перескок» значения слова, затем применяет снова чередование [χ] ↔ [š] и получает русскую основу *душ, немедленно приводящую к слову «двудушник = двоедушник» и далее к самоквалификации: «я с двойной душой».

Запишем эту цепочку преобразований более формально:

ДВУ-РУШ-НИК → ДВУ-РУХ-НИК → ДВУ + Y[ruyeχ] ('дух') +
НИК → «двудУХник» → «двудушник»⁷³ → С ДВОЙНОЙ ДУ-
ШОЙ.

* * *

Квалифицируя себя заведомо негативным в рамках русской ЯКМ термином «двuruшник» или «двоедушник», Мандельштам как бы отталкивается от «русской системы» и относит себя к «еврейской системе», в которой «двойничество», «оксюморонность»⁷⁴ является одной из основных установок.

ряд серьезных политических высказываний, – Союз, который это заявление принял и переслал в Москву, до сих пор не объявил его **двурuшническим**, что является признаком непоследовательности» [88, с. 191].

⁷² Более подробный анализ этой техники и дополнительные примеры см. в работе [200].

⁷³ Здесь «двудушник» → «двудушник», с тем же чередованием, что и в дух → душа. Ср. то же чередование в предисловии Мандельштама к драме Жюль Ромэна «Кромдейр-старый» (ГИЗ, 1927): «Раскрыв смысл французского наименования школы [унанимизм], получим: поэзия массового **дыхания**, поэзия коллективной души», т. е. для Мандельштама в этих текстах «дыхание» ↔ «душа».

⁷⁴ Здесь «оксюморонность» – это психологическая, дискурсная и поведенческая установка на **одновременное** присутствие, соединение и взаимодействие

Характерно, что Гоголь, с присущей ему точностью, включает эту «установку» в поведение своего «типичного еврея» – тарасбульбовского Янкеля. Янкель передает информацию о запорожцах ляхам и обратно запорожцам, т. е. является ярко выраженным «двурушником». Главное же (абсолютно непонятное для Тараса Бульбы как для «типичного» представителя русской культурно-цивилизационной системы) здесь то, что Янкель и его знакомые евреи не видят ничего плохого в своем двурушничестве, оно для них вполне нормально⁷⁵.

Мандельштам в «системно-культурном» ракурсе является таким «жидом Янкелем» в русской литературе. **Идеология «двойничества»** у Мандельштама осознанна и исключительно сильна.

Заметим, что «еврейскость» рассматриваемого куса Оды дополнительно маркирована стандартной для Мандельштама (и многократно отмеченной исследователями) «еврейской» черно-желтой цветовой гаммой: «ночь», «золотой кипяток», «желток».

Наконец, нельзя не отметить, что «еврейскость» содержания заявлений: «...я с двойной душой, я ночи друг» подкрепляется странной их корреляцией с распространенными в некоторых местностях Восточной Европы поверьями о еврейских «колдунах-двоедушниках» (они же «жиды-ночники»). О. Белова, исследователь фольклора Восточной Европы, отмечает: «...в Закарпатье распространено поверье, что тело инородца, подобно телу колдуна, может вмещать в себя две души, поэто-

взаимоисключающих противоположностей, на «парадоксальность», на «двойничество», двойственность, «шизоидность», «дополнительность» в смысле Бора и т. п. Подробнее см. в монографии [200].

⁷⁵ Ср. характерную сцену обсуждения Тарасом и Янкелем «перехода» Андрия к полякам, свидетельствующую о **полном** непонимании и неприятии позиций друг друга: «Бульба остолбенел.

- Зачем же он надел чужое одеянье?
- Потому что лучше, потому и надел <...>
- Так это выходит, он, по-твоему, продал отчизну и веру?
- Я же не говорю этого, чтобы он продавал что: я сказал только, что он перешел к ним <...>
- И ты не убил тут же на месте его, чертова сына? – вскрикнул Бульба.
- За что же убить? Он перешел по доброй воле. Чем человек виноват? Там ему лучше, туда и перешел» («Тарас Бульба», гл. VII).

му среди евреев особенно много «двоедушников». О. Белова также приводит русское поверье (Владимирская губ.) о том, что «душа во всяком человеке... одинакова, но при этом христианская душа **светлая**, все остальные – **темные**»⁷⁶. Нет непосредственных свидетельств знакомства Мандельштама с этим фольклором⁷⁷, но известно (автобиографический «Шум времени»), что он в свое время неоднократно общался с С. Ан-ским, много занимавшимся подобной тематикой.

* * *

Все вышесказанное, вроде бы, показывает, что Мандельштам в 1923 г. совершает «перескок» из русской «культурной системы» в еврейскую⁷⁸, о чем он и объявляет публично в Оде. Но самое удивительное и, одновременно, вполне характерное для Мандельштама, состоит в том, что это **не так**: Мандельштам не «переходит» в «еврейскую систему». В том же (!) 1923 г. он пишет автобиографический «Шум времени», в котором эксплицитно свой, наоборот, **уход** от «еврейского мира», неприятие «еврейской парадигмы», «хаоса иудейства», резкое неприятие языка и культуры отца, являвшегося семейным архетипом носителя *Judentum*.

В то же время сама система «культурно-поведенческих» матриц (установок) Мандельштама – по-видимому, еврейская. В частности, «оксюморонность», «медиативность» (ориентация на посредничество, обмен⁷⁹) и т. д. Это выражено настолько ярко, что можно даже утверждать, что Мандельштам «фокусирует» в своей экзистенции некий «геном», т. е. систему «примарных» матриц «еврейской системы»⁸⁰.

⁷⁶ См. [166, с. 263–264]. Там же Белова высказывает гипотезу, что это поверье могло подпитываться «поверьями самих евреев о том, что в будний день у каждого еврея одна душа, а в субботу и в праздники – две».

⁷⁷ Который вполне мог иметь место и в других местностях Восточной Европы, но не был зафиксирован исследователями по техническим причинам.

⁷⁸ Может быть, точнее будет казать: в «германо-еврейскую», «ашкеназскую». Напомним про «необычно» повышенную плотность «германо-идишизов» в тексте ГО.

⁷⁹ Обмен и посредничество во всех смыслах, но прежде всего, в информационной сфере. Напомним, что Мандельштам сказал о себе в раннем стихотворении: «Люблю обмен...».

⁸⁰ Подробнее это расписано в монографии [200].

Итак, уход «отовсюду» и состояние «чужого» везде. Это состояние фиксируется в анализируемом отрывке словами: «И никому нельзя сказать – / Еще не время: после, после, – / Какая **мука** выжимать / **Чужих** гармоний **водоросли**». Через несколько месяцев Мандельштам фактически повторит эти строки в стих. «1 января 1924»: «Какая **боль** – искать потерянное слово, / Больные веки поднимать / И с известью в крови для племени **чужого** / **Ночные травы** собирать». Через несколько лет он напишет: «О, как **мучительно** дается **чужого** клекота полет...».

Нельзя не отметить здесь замечательную (и, одновременно, рутинную для Мандельштама) греко-немецкую фоническую связь: (греч.) основа *alge-* с семантикой 'боль, мука', присутствующая, например, во французских словах типа *an-alg -sie* и др.⁸¹, паронимически суггестирует нем. *Algen* 'водоросли' (← лат. *Algae* 'морская трава, водоросли'), откуда и возникают «водоросли» и «ночные травы» в рассматриваемых отрывках.

В стих. «Разрывы круглых бухт...» (1937) водоросли приобретают еще свойство дурно пахнущей лживости: «Длинней органных фуг, горька морей трава – / Ложноволосяя – и пахнет долгой ложью»⁸². В другом тексте пучок морских водорослей напоминает Мандельштаму «голову Горгоны»⁸³. Поэтому «выжимать чужих гармоний водоросли» для Мандельштама не только психологически мучительно, но физически отвратительно и даже страшно.

Заключение. Мандельштам – это «межкультурный колобок»⁸⁴ из «сухоятной русской сказки». Он уходит от «русской системы»,

⁸¹ Также, разумеется, в немецких и русских словах типа *An-alge-tikum*, «анальге-тик» и т. п., но датировки их возникновения не ясны, в то время как *An-alg -sie* присутствует во французском уже в 19 в. Неясно, «знал» ли Мандельштам основу *alge-* непосредственно из греческого (с которым, как известно, у него были большие проблемы) или, например, из французского.

⁸² Здесь дело в совпадении консонантных составов немецких слов *Algen* 'водоросли, морская трава', *lange* 'длинный, долгий', *L gen* 'ложь', а также паронимией с русск. основой ЛОЖН- и т. д. Подробнее см. в Приложении.

⁸³ Статья «Девятнадцатый век» (1922).

⁸⁴ Ср. его же слова в стих. «Как растет хлебов опара» (1922): «Чтобы силой или лаской / Чудный выманить припек, / Время – царственный подпасок – / Ловит **слово-колобок**. / И свое находит место / Черствый пасынок веков...».

и в «Грифельной оде» открыто объявляет об этом. Для своего «ухода» он использует «маски» и «техники» немецко-еврейской системы, условно говоря, «маску и технику Янкеля», но уходит не в «ашкеназскую парадигму», а в какой-то «могучий стык» культур, в какую-то пограничную зону, как «застрельщик», т. е., по В. Далю, как «солдат в передовом рассыпном строю, начинающий перестрелку с неприятелем».

С «обычной» же точки зрения, он уходит куда-то в никуда, как эмпатичный ему герой-grenzgänger Чарли Чаплина, уходящий от преследования «в перспективу» по пограничной полосе, так что ноги «двурушнически» оказываются в разных государствах. Или как, позднее, такой же двурушник-grenzgänger Пауль Целан – еврейско-немецкий поэт, «реинкарнация» Осипа Мандельштама в следующем поколении.

3.3. Шинель Акакия, лапсердак Янкеля и шуба Осипа: символика верхней одежды у Мандельштама.

Площадками лестниц – разлад и туман,
Дыханье, дыханье и пенье,
И Шуберта в шубе застыл талисман –
Движенье, движенье, движенье...

Для Осипа Мандельштама фоника и графика⁸⁵ фамилии/имени любого человека – вообще, названия любой сущности – имела первостепенное, во многих ситуациях, решающее значение⁸⁶.

Вследствие этого он ощущал свое «происхождение из гоголевской шинели» не столько потому, что ему так было предписано русской *литературной* традицией, сколько потому, что так было прописано в его фамилии.

⁸⁵ В любом из известных ему языков и соответствующих график.

⁸⁶ Г. Кружков, обсуждая конфликт в «Египетской марке» Парнока с ротмистром из-за рубашек (Парнок жалуется, что ему трудно бороться за «визитку», потому что «родословной у него нет»), пишет: «Обратим внимание, как вопрос об одежде Парнока увязывается с его родословной... Победа ротмистра, в сущности, **предопределена дуэлью их фамилий**: несерьезный суффикс “ок” в фамилии крещеного еврея – и шляхетская, подчеркнута христианская, ротмистра (Кржижановский – от польского “krzyż” – “крест”). Кружков Г. У. Б. Йе-йтс: исследования и переводы. М.: РГГУ, 2008. С. 232.

Дело в том, что немецко/идишское слово *Mantel* = 'шинель, шуба'⁸⁷, в польском идише, составлявшем, по-видимому, основной компонент в вернакуляре Эмилия Мандельштама (отца Осипа) произносится с назальностью в замыкании первого слога, влекущей частичное озвончение [t] → [d]. Тем самым, в узусе семейства Мандельштамов (соответственно, в «детском» языке Осипа) слова *Mandelstamm* и *Mantelstamm* практически сливались.

Между тем, *Mantelstamm* означает не что иное, как «**шинельное (шубное) происхождение**», что неизбежно делает шинельно-шубный контекст, всю эту по-гоголевски стёбную топику и метафорику «теплой верхней одежды» (ТВО) – абсолютно знаковыми для Мандельштама⁸⁸, частью его «утробного мира»⁸⁹.

Удобную во многих ситуациях символику получают в этом контексте действия и состояния, связанные с *передвижением*

⁸⁷ Кроме того 'пальто, плащ', в общем: **overcoat**. В лексиконе Мандельштама «пальто» = «шуба». Это подтверждается тем, что, реагируя на инвективу А. Горнфельда («Красная газета», ноябрь 1928), сравнившего Мандельштама с вором, унесшим из прихожей «пальто», Мандельштам пишет в своем ответе в «Вечерней Москве»: «Как он мог унизиться до своей фразы о “шубе”?». В 7-й главе «Четвертой прозы» Мандельштам использует выражение «зимняя шуба» – странный для нормативного узуса плеоназм, свидетельствующий, что для него «шуба» = «пальто». Похоже, что в «семейном» лексиконе Мандельштама и его жены любая теплая верхняя одежда типа пальто и т. п. называлась «шубой»: А. Немировский вспоминает в записи о встрече с Н. Я. Мандельштам в начале 60-х гг., что она его «пальто» «почему-то называла “шубой”». Отметим здесь же, что в семантический спектр слова *Mantel* входит еще значения 'покрывало, покров, личина, вид, внешняя поверхность, «мантия», оболочка' и даже 'опушка леса, лестничная площадка'. Заметим, наконец, что это слово входит в состав фразеологизмов со смыслом 'двуручничать', 'быть «двоязычным» человеком', напр. *den Mantel auf beiden Schultern tragen, den Mantel nach dem Winde hängen* и т. п. См. напр. [117].

⁸⁸ Именно поэтому в описании «знаковой» ситуации в ЧП Мандельштам упоминает «жаркую гоголевскую шубу, сорванную ночью на площади с плеч старейшего комсомольца – Акакия Акакиевича».

⁸⁹ Вот еще один аргумент к отождествлению *Mandelstamm* = *Mantelstamm* – в пассаже из очерка «Шуба» (1922) очевидна связанность в сознании автора (возможно, с детства) фамилии **Мандель** и ТВО: «Ходили мы все, петербуржцы, народ подвижный и ветренный, европейского кроя, в легоньких, зимних, ватой подбитых, **от Манделя**, с детским воротничком, хорошо, если каракуль, **полугрейках**, ни то ни се».

(метафорой) ТВО. Более того, эти действия (состояния) часто приобретают в сознании Мандельштама *ритуальный* характер: пошив или иного рода приобретение ТВО, облачение себя или своего друга в ТВО, ощущение себя в своей или в «чужой» ТВО, срывание ТВО с себя или со своего врага, похищение ТВО и справедливый отъем ее у вора, топтание, сжигание или иное ритуальное уничтожение ТВО.

Символика использования Мандельштамом концепта ТВО и лексемы «шуба», просвечивает во множестве его текстов. Достаточно легко увидеть, что этот концепт для Мандельштама – вполне четкая **метафора культурно-цивилизационной системы**⁹⁰, прежде всего, русской, но, начиная с 1926 г., и еврейской, системы.

Поэтому эмоциональное отношение Мандельштама к «шубе», как в известной шутке, «колеблется» вместе с его отношением к «русской системе».

Попробуем проследить эти колебания.

* * *

Попытка интеграции в «русский мир» в эллинской «оболочке».

Сначала (1914–1921) ТВО для Мандельштама – это «позитивная» метафора русской культуры, унаследовавшей, по его тогдашним представлениям, «эллинский дух» и как бы согревшей, даже спасшей, прикрывшей своим скифским звериным⁹¹ защитным покровом остатки эллинизма и, вообще, аутентичного европеизма:

«И пятиглавые московские соборы/ С их итальянскою и русскою душой/ Напоминают мне явление Авроры,/ Но с русским именем и в **шубке меховой**» (1916)

«Понемногу челядь разбирает/ **Шуб медвежьих** вороха./ В суматохе бабочка летает./ **Розу кутают в меха**... Пахнет дымом бедная **овчина**,/ От сугроба улица черна./ Из блаженного, певучего ритина/ К нам летит бессмертная весна» (1920).

⁹⁰ Т. е. «цивилизации» в терминологии О. Шпенглера, влиянию которого подвергся в 20-х и начале 30-х гг. Мандельштам.

⁹¹ Ср. «дворники в тяжелых **шубах**... **звериния** зевота напомнила твой образ, скиф» → метафора скифа, согревшего звериной шкурой зябнущего Овидия (1920).

В программной статье «Слово и культура» (1921) Мандельштам пишет про «внутренний эллинизм» «царственного хищника» Анненского, «**сорвавшего классическую шаль с плеч Феды и возложившего с нежностью, как подобает русскому поэту, звериную шкуру на все еще зябущего Овидия**»; далее: «Эллинизм – это... всякая **одежда, возлагаемая на плечи любимой**», и, наконец, цитирует Пушкина (образ Овидия): «**пушистой кожей прикрывали они святого старика**».

* * *

Осознание чуждости «русского мира».

В период 1922–1928 гг. метафора «русская цивилизация» ←→ шуба (ТВО) продолжает быть актуальной для Мандельштама, но теряет свою «позитивность». Шуба перестает быть источником или хранителем «телеологического тепла» и становится чужим (с чужого плеча), чем-то неприятным (тяжелым, с нехорошим запахом), даже временами страшным объектом⁹².

В очерке «Шуба» (1922) «шуба» упоминается 16 раз. Вот ключевые точки: «в моей **стариковской шубе**⁹³... Есть такие **шубы**, в них ходили попы и торговые старики... **шуба что ряса**... **Шуба** чистая просторная, и носить бы ее, даром, что с **чужого плеча**, да не могу привыкнуть, **пахнет чем-то нехорошим**, сундуком да ладаном⁹⁴... Покупать **шубу**, так в Ростове. Старый **шубный** митрополичий **русский** город... Не дает мне **покоя моя шуба**... Отчего же **неспокойно мне в моей шубе**? Или **страшно мне** в случайной вещи, – соскочила **судьба с чужого плеча** на мое плечо и сидит на нем, ничего не говорит... **Тяжело мне в моей шубе**... **нехорошее добро с чужого плеча**... **совестно за мою шубу**...».

В «Шуме времени» (1923) ТВО – чуждый и опасный символ литературы-центричной российской цивилизационной

⁹² Это, разумеется, связано с резко негативным отношением Мандельштама к «русской системе», демонстративному «отталкиванию» от нее, оформившемуся где-то к 1922–23 гг. и отразившемуся в ряде текстов этого периода, включая «Грифельную оду». Подробнее об этом см. в монографии [200], глава 5.

⁹³ Неприятный для Мандельштама символ «старой России».

⁹⁴ Заметим, что «запах ладана» – один из архетипов приятного, «хорошего» запаха в «стандартной» русской ЯКМ, которая в этот период демонстративно отвергается Мандельштамом.

системы, которая «не по чину» Мандельштаму: «Ночь. Злитесь литератор-разночинец **в не по чину барственной шубе**... портрет: **в меховой шапке-митре** – колючий **зверь**, первосвященник мороза и государства. Власть и мороз. Тысячелетний возраст государства... Холодно тебе, Византия? Зябнет и злитесь писатель-разночинец **в не по чину барственной шубе**».

В очерке «Феодосия» (1923) – снова чужие, странные и опасные смыслы ТВО: «по улицам ходили циклопы **в черных бурках**, сотники, пахнущие собакой и волком... возможность безнаказанного убийства... кутаясь **в шинель или в пуховый платок**, жалась сестра, похожая на сумасшедшую гадалку».

В «Египетской марке» (1928) связь шубы (ТВО) с чем-то страшным и одновременно омерзительным, нарастает: «театр мне **страшен** как курная изба, как деревенская банька, где совершалось **зверское убийство ради полушубка**...перо.., испакощенное ерниками **в шубах**, ...похабниками, шепчущими телеграммку в надышанный **меховой воротник**».

* * *

Разрыв с «русским миром».

В 1929–1930 в отношениях Мандельштама и «русской системы» (Мандельштама и ТВО) наступает кризис: Мандельштам пытается уйти из «русской системы», используя в качестве (внешне совершенно не значительного) предлога «дело Уленшпигеля». Он срывает с себя **литературную шубу** и топчет: этим же актом он срывает с себя символ литературо-центричного «русского мира» – гоголевскую шинель, из которой он, как всякий русский писатель, «вышел».

Соответствующий пассаж в ЧП (1930): «я – едва не задохнувшийся от **литературной пушнины**...внушил петербургскому хаму желание процитировать как пасквильный анекдот **жаркую гоголевскую шубу**⁹⁵, сорванную ночью на площади с

⁹⁵ Напомним, что «петербургский хам» – А. Горнфельд – употребил в качестве метафоры украденной у него «интеллектуальной собственности» слово «пальто», которое в языковом сознании Мандельштама сливается с «шубой» под влиянием семантического спектра немецко-идишского Mantel. До сих пор не ясно, понимал ли Горнфельд, что своим пассажем про «украденное пальто» он вторгается на «знаковую» для Мандельштама территорию символических смыслов ТВО и ри-

плеч старейшего комсомольца – Акакия Акакиевича. Я **срываю с себя литературную шубу**⁹⁶ и топчу ее ногами. Я в одном пиджачке в тридцатиградусный мороз...убегу из желтой больницы комсомольского пассажа навстречу плевриту – смертельной простуде, лишь бы не видеть...».

Окончательный уход, полный разрыв с «русским миром», срывание с себя его «шубы» – это еще и символическое освобождение от него, это ценнейшее приобретение свободы⁹⁷.

Поэтому выше (в тексте ЧП) сброшенная шуба – символ ситуации **освобождения** (или побега) из тюрьмы: «Когда я переезжал на новую квартиру, моя **шуба** лежала поперек пролетки, как это бывает у покидающих после долгого пребывания больницы или выпущенных **из тюрьмы**».

* * *

Символика «шубы» в еврейском контексте.

Одновременно с попытками ухода из «русского мира», т. е. попытками сбросить «русскую шубу», Мандельштам, начиная с 1926 г.⁹⁸, пытается, хотя вполне неудачно, вернуться в «еврейский мир», с которым он демонстративно порвал в автобиографическом ШВ (1923).

Соответственно, начиная с 1926 г. в его текстах возникает еврейская ТВО-метафорика: образно выражаясь, он пытается сменить «русскую шинель» на «еврейский лапсердак», или сменить неудобную для него русскую «поповскую» «стариковскую шубу с чужого плеча» (очерк «Шуба») на более приемлемую еврейскую «раввинскую» «стариковскую шубу»⁹⁹.

скует спровоцировать бурную (и, со стороны, совершенно неадекватную) реакцию. Не исключено, что это была сознательная провокация: Горнфельд явно был злопамятен и ненавидел Мандельштама еще с начала 20-х, за пренебрежительное (и неосторожное) журнальное высказывание о его персоне.

⁹⁶ = Mantel = литературную (гоголевскую) шинель.

⁹⁷ В письме Мандельштама жене (весна 1930): «Разрыв – богатство. Надо его сохранить».

⁹⁸ Можно утверждать, что именно в 1926 г. (по совокупности причин, для анализа которых здесь нет места) у Мандельштама резко активизируется поиск «национально-культурной идентичности», стремление к «возврату к корням».

⁹⁹ Она выступает как «папина шуба» и является символом предков, традиции и т. п.

В письме жене (февраль 1926): «я, дeтa, весело шагаю **в папиной еврейской шубе**».

В очерке <Михоэльс> (1926) автор внимательно и с подчеркнутой эмпатией наблюдает из окна вагона за евреем из белорусского местечка в традиционном долгополом лапсердаке: «...пробиралась долгополая странная фигура, сделанная совсем из другого теста, чем весь этот ландшафт...золотисторыжим отливали черные¹⁰⁰ полы его сюртука...я крепко запомнил фигуру бегущего реббе потому, что без него весь этот скромный ландшафт лишился оправдания. Случай, толкнувший в эту минуту на улицу этого сумасшедшего, очаровательно нелепого, бесконечно изящного, фарфорового пешехода...еврею никогда и нигде не перестать быть ломким фарфором, не сбросить с себя тончайшего и одухотвореннейшего лапсердака»¹⁰¹.

В тексте «детского сна» в ЕМ (1928) снова возникает «стариковская шуба» (как и в очерке «Шуба», 1922), но на этот раз – это шуба не поповская, а **раввинская** и не пахнет ничем нехорошим, вроде ладана. Символическая же функция ее – запахнуть, закрыть искупительную ритуальную жертву: «Запахнутый полами **стариковской бобровой шубы** ерзал петух, предназначенный резнику¹⁰²».

«Стариковская шуба» возникает и в «Четвертой прозе» (начало 1930) как часть «еврейской атрибутики» в стёбном пассаже о несостоявшейся (на тот момент) поездке в Эривань, при этом странным образом появляется тема «зависания»: «...моя

¹⁰⁰ Здесь явное акцентирование символической (для Мандельштама) черно-желтой еврейской цветовой гаммы

¹⁰¹ Интересно отметить, что здесь Мандельштам явно отождествляет «лапсердак» и «фарфоровую оболочку»: см. ниже рассмотрение концепта «оболочки». Делается это рутинными для Мандельштама техниками «межъязыковой интерференции» и «консонантной паронимии»: ФАРФОР = das Porzellan (нем.), la porcelaine (фр.) ←→ консонантный набор (DSPRTSL) → ЛАПСЕРДАК

¹⁰² Это явно не обычный петух, а тот, которого, по еврейскому ритуалу, зарезают перед Днем Всепрощения (*йом-киттуром*), для того, чтобы он своей гибелью искупил символически *переносимые на него* грехи жертвователя, т. е. это вполне «метафорический» петух.

шуба висела бы на золотом¹⁰³ гвозде. И я бы вышел на вокзале в Эривани с зимней шубой в одной руке и со старикинской палкой – моим еврейским посохом – в другой.

Тема «зависания» шубы продолжается и связывается с темой смерти (и музыки Шуберта) в эксплицитно «еврейском» тексте «Жил Александр Герцевич...» (1931): «Жил Александр Герцевич,/ Еврейский музыкант, – / Он Шуберта наверчивал... Нам с музыкой-голубою/ Не страшно умереть,/ Там хоть вороньей шубою/ На вешалке висеть...».

Здесь шуба, очевидно, еврейская, исходя из «еврейскости» всего текста¹⁰⁴. Но Мандельштам вшифровывает в текст еще и «раввинскую» принадлежность шубы (Rabbi-mantel), используя рутинную для себя русско-германскую омофоническую интерференционную технику: Rabe 'ворон' \leftrightarrow Rabbi 'раввин'. Отсюда ВОРОНЬЕЙ \leftrightarrow РАВВИНСКОЙ.

* * *

Символика ТВО как «оболочки».

На самом деле, мы наблюдаем у Мандельштама вложенную систему символов: ШУБА < ТВО < ОБОЛОЧКА¹⁰⁵. Подобную же вложенную систему оболочек Мандельштам рассматривает в «Разговоре о Данте», обсуждая «метод познания» Данта, т. е. свой собственный «метод»: «Дант угадывает слоистое строение сетчатки: “di gonna in gonna”»¹⁰⁶.

¹⁰³ Снова цветовой еврейской символика: черная (**воронья**, см. ниже) шуба + золотой (желтый) гвоздь. Очевидна связь со стих. «Жил Александр Герцевич», см. ниже.

¹⁰⁴ Здесь еще возникает статистически маловероятная «польская интерференция» («полонизмы» у Мандельштама встречаются, но редко): ШУБОЮ \rightarrow (пароним) szubienica 'виселица' \rightarrow НА ВЕШАЛКЕ ВИСЕТЬ (смешная, в стиле эмпатичного Мандельштаму Виллона, метафора **смерти** на виселице). Но достойна рассмотрения характерная для Мандельштама ситуация, когда обе интерференции – немецко-идишская и польская – имеют место одновременно!

¹⁰⁵ Эта «матрешка», напомним, порождается семантическим спектром лексемы Mantel = 'шуба, шинель, оболочка и т. п.'

¹⁰⁶ di gonna in gonna = итал. «от **оболочки к оболочке**». Заметим, что несколько выше в том же РД Мандельштама занимает ТВО-семантика итальянского слова gonna, встретившегося в другом месте «Божественной комедии»: « – “gonna” (по-теперешнему – “юбка”, а по-староитальянскому – в лучшем случае “плащ” или вообще “платье”)».

Концепт оболочки, включающий, как матрешка, концепт ТВО и, далее, шубы – это метафора отделения от окружающего враждебного мира, метафора «очеловечивания окружающего мира, согревания его тончайшим телеологическим теплом»¹⁰⁷.

Важно понять, что это не столько эллинистический¹⁰⁸, сколько иудаистический, еврейско-диаспоральный способ существования во враждебном мире, способ создания в нем для себя «комфортной» защитной оболочки, экзистенциального «лапсердака»¹⁰⁹.

Но наиболее характерный для иудаистической диаспоральной цивилизации («фокусом» матриц которой, на самом деле, является Мандельштам¹¹⁰) способ создания такой оболочки – это «соткание» ее из «текста».

Дело в том, что еврейская диаспоральная система содержит матрицу (установку), создающую из языка окружающей чуждой культурной системы некую его «генную модификацию», продуцирующую модифицированную языковую картину мира, отвечающую нуждам носителей еврейской диаспоральной системы (или более комфортную для них)¹¹¹.

«Чужая речь мне будет оболочкой» – написал Мандельштам в 1932 г.

Символика «оболочки», кажется, может объяснить странную связь в текстах Мандельштама образов ТВО («шубы»,

¹⁰⁷ Ст. «Слово и культура» (1922).

¹⁰⁸ В статье «Слово и культура» Мандельштам в характерном для себя стиле проецирует свой иудаистический «утробный мир» на эллинистический.

¹⁰⁹ Ср. выше в очерке <Михоэльс>: «еврею никогда и нигде... не сбросить с себя **тончайшего и одухотвореннейшего лапсердака**».

¹¹⁰ Подробно об этом см. в монографии [200], гл. 2.

¹¹¹ Архетипом такого языка в Европе является идиш, но побочными продуктами деятельности этой «цивилизационной матрицы» являются и т. н. «тайные языки», как например, Rotwelsch в Германии или пласт «еврейской» лексики в «блатном» субязыке в южной России, и даже огромный пласт сокращений и акронимов в русской общественно-политической лексике первой трети 20 века. Применяя метафору Мандельштама, можно сказать, что «еврейская диаспоральная система» модифицирует **чужую речь**, создавая некую «защитную языковую **оболочку**». Ю. Слезкин считает (может быть, излишне драматизируя ситуацию в общем, но для случая Мандельштама это представляется релевантным), что цель этого процесса: «увековечение отличий, сознательное сохранение странности, а значит – чуждости» [70, с. 32].

«шапки» и т. п.) с образами «ночи» и «смерти»: ведь концепт защитной оболочки, вообще говоря, связан с архетипами «темноты», «утробы», «скорлупчатой тьмы», «разобщения с миром», «ухода в иной мир», «темноты подземного царства Аида», «смерти». В этом ряду просматриваются рутинные для Мандельштама оксюморонные связи: «утроба матери, защита» ←→ «иной мир, смерть».

Замечательный пример такой «оксюморонной» ТВО-символики виден в тексте «Волка»: «Мне на плечи кидается век-волкодав¹¹²... Запихай меня лучше, как **шапку**, в **рукав жаркой шубы** сибирских степей... Чтоб не видеть... кровавых костей... Чтоб сияли всю **ночь** голубые **песцы**... Уведи меня **в ночь**... меня только равный **убьёт**».

Не менее интересный в этом контексте пример – детская ТВО-символика Мандельштама (ЕМ, 1928): «Он вертелся в тяжелых зимних доспехах, как маленький глухой рыцарь, не слыша своего голоса. **Первое разобщение с людьми и с собой**, и, кто знает, быть может, сладкий **предсклеротический шум в крови**... воплощались в наушниках¹¹³ и шестилетнего ватного Бетховена в гамашах, вооруженного глухотой, выталкивали на лестницу». Несколькими строками ниже – про еврейского портного: «Когда портной относит готовую работу... Чем-то он напоминает члена **похоронного братства**, спешащего в дом, отмеченный Азраилом, с принадлежностями ритуала».

В очерке «Французы» (цикл ПА, 1931) снова шуба как метафора отделенности от мира: «Стояние перед картиной, с которой еще не сравнилась телесная температура вашего зрения... – все равно что серенада **в шубе** за двойными оконными рамами».

* * *

С «шубно-шинельной» символикой связано и повышенное внимание, даже сочувственная фамильярность, Мандельшта-

¹¹² Кидается (накидывается), скорее всего, с целью «дружить», согреть, создать «для своего» защитную оболочку, как черная бурка, накидываемая на плечи сотником из Феодосии, пахнущим волком и собакой, см. п. 3.1.2. Но автор сообщает, что он «не свой», отвергает эту «защитную оболочку» и пытается найти другую.

¹¹³ Здесь «наушники» = шапка-ушанка.

ма к «старейшему комсомольцу» Акакию Акакиевичу. Это ведь, при всем внимании Мандельштама к Гоголю, единственный гоголевский герой, с которым он себя хотя бы частично отождествляет¹¹⁴.

Именно с этим «старейшим комсомольцем», с которого сорвали ТВО, Мандельштам, сам сбросивший ТВО, готов «в одном пиджачке в тридцатиградусный мороз» убежать «из желтой больницы комсомольского пассажи – навстречу плевриту – смертельной простуде». Только у Башмачкина вместо «плеврита» – «горячка».

Оба освобождаются, сбросив оболочку, но сброс защитной оболочки смертельно опасен, и освобождение должно завершиться смертью (например, от плеврита) для этого мира, т. е. переходом в иной мир. В «ином мире» Башмачкин становится разбойником и совершает свой главный подвиг – восстановление справедливости, состоящее в справедливом отъеме защитной оболочки у «значительного лица». Мандельштам тоже становится разбойником¹¹⁵: его переход в иной мир – это преступный побег из тюрьмы. Его главный подвиг, тоже касающийся «значительного лица» в шинели, еще впереди...

Все же, почему настолько близок Мандельштаму Башмачкин? Посмотрим с несколько другого ракурса. Гоголь пишет «антибиографию» «человека текста». Весь «жизненный проект» Башмачкина – вязание текста, но его текст **линеен**, он всю жизнь пишет одну нескончаемую строку, он ничего не читает и почти ничего не говорит: Акакий – не читатель, Акакий – *писатель*. Чтобы быть в состоянии продолжать свою нескончаемую строку, он должен создать себе защитную оболочку.

Мандельштам – тоже «человек текста», и, в некотором роде, *переписчик*, только текст его «не линейный», как у переписчика Башмачкина, а какой-то совсем другой. Про Данта, с которым он себя отождествляет, он говорит: «...ни единого словечка он

¹¹⁴ Здесь речь идет о «явных», демонстративных отождествлениях. У Мандельштама, как всегда, есть еще и неявные, «вшифрованные» в текст, отождествления себя с некоторыми гоголевскими персонажами.

¹¹⁵ Но, скорее, в смысле разбойный = 'стоящий порознь, отдельно' (В. Даль), т. е. здесь разбойник = диссидент. В 1932 г. Мандельштам напишет: «И широка моя стезя – / Другие сны, другие гнезда, / Но **не разбойничать нельзя**».

[Дант] не привносит от себя... Он пишет под диктовку, он **переписчик**, он **переводчик**...»¹¹⁶.

У Мандельштама, на самом деле, то же стремление к созданию защитной шубы – «чужая речь мне будет оболочкой». Шуба для обоих – символ экзистенции в контексте «цивилизации текста». Ее отнимают, обвиняя в том, что она чужая (**украденная!**) и это конец экзистенции (жизни): смерть Башмачкина, воображаемая¹¹⁷ смерть Мандельштама от мороза.

В то же время, весь «жизненный проект» разночинца в «антибиографии» Мандельштама – это система текстов, которые прочитал разночинец. «Разночинец» Мандельштама, т. е. он сам – это не *писатель*¹¹⁸, это *читатель* по преимуществу. Вообще, Мандельштам – это вывернутый наизнанку Башмачкин, шуба его – это вывернутая наизнанку, мехом наружу, шинель.

Поэтому для Мандельштама сброс шубы – это уход от «русского мира» (прекращение существования в контексте «наглой комсомольской» системы) и пробуждение к какой-то новой жизни («в мире ином», как у Башмачкина), которая преступна с точки зрения предыдущей жизни (как у Башмачкина).

* * *

Я хочу в завершение темы «шуба» \leftrightarrow Mantel обратиться к некоторым воронежским текстам, содержащим ТВО-лексемы, т. е. к стих. «На мертвых ресницах...» (июнь 1935) и «Когда щегол в воздушной сдобе...» (1936), и показать, что и здесь суггеструется слово Mantel, – это послужит подтверждением присутствия связи ТВО-лексемы \leftrightarrow Mantel в «оперативной памяти» поэта¹¹⁹.

Рассмотрим последнюю строфу этого стиха:

¹¹⁶ РД, гл. X.

¹¹⁷ Пророчески предсказывающая реальную «смерть от мороза» через несколько лет «в ночи, где течет Енисей».

¹¹⁸ «Какой я к черту писатель! Пошли вон, дураки!» (ЧП, гл. 6).

¹¹⁹ Еще одно подтверждение присутствия в июне 1935 связи «шуба, шинель» \leftrightarrow Mantel в «оперативной памяти» Мандельштама: в мае-июне создаются «Стансы», в которых появляется «шинель»: «Люблю **шинель** красноармейской складки...».

Площадками лестниц – разлад и туман, / Дыханье, дыханье и пенье, / И Шуберта в шубе застыл талисман – / Движенье, дви-
женье, движенье...

В 3-й строке «**талисман**» совсем не понятен. Но подставим Mantel вместо слова ШУБЕ, рассмотрим далее консонантный состав пары Mantel + ЗАСТЫЛ, получим набор MNTLS(Z) и сравним его с консонантным костяком слова ТАЛИСМАН. Получается полное совпадение!

Суггестия слова (лексемы) по «консонантному набору» основы – это одна из рутинных техник Мандельштама¹²⁰. Запишем получившуюся «суггестивную цепочку» более формально:

В ШУБЕ ЗАСТЫЛ → (Mantel 'шуба' + ЗАСТЫЛ) → (эквиконс. MNTLS) ТАЛИСМАН

Интересно здесь же отметить, что слово ТАЛИСМАН «эквиконсонантно» слову Mantelstam. Это возвращает нас к началу этого разбора, где обосновывалось утверждение об «эквивалентности» фамилий Mantelstamm = Mandelstamm в языковом сознании Мандельштама.

В рассматриваемой строке эта эквивалентность суггестирует картинку: Мандельштам, поднимающийся в морозный день по лестнице питерского дома (возможно, гостиницы, где он встречался с О. Ваксель), останавливающегося на лестничной площадке и мурлыкающего, немного задыхаясь («разладное пение», «туман» от «дыхания»), мелодию «песни Шуберта».

Для полноты этой картинке осталось посмотреть на 1-ю строку обсуждаемой строфы («Площадками лестниц – разлад и туман, / Дыханье, дыханье и пенье») и вспомнить, что одно из значений слова Mantel – это «лестничная площадка». Тем самым, слово Mantel проходит через всю рассматриваемую строфу.

Рассмотрим теперь строки из стих. «Когда щегол в воздушной сдобе...» (1936):

«Ученый плащик перчит злоба, / А чепчик – черным красовит».

¹²⁰ См. анализ соответствующего СИ-оператора в п. 1.3.2 и многочисленные примеры в Приложении.

Здесь просвечивает связь: УЧЕНЫЙ ПЛАЩИК → Mantel¹²¹ 'плащ, мантия' → «мантия профессора» + ЧЕПЧИК (= «ермолка» профессора).

В заключение переместимся из Воронежа 1935 г. в Питер 1913 г. и покажем присутствие суггестируемой связи «шинель» ↔ Mantel уже у «раннего» Мандельштама.

В стих. «Петербургские строфы» (1913) рассмотрим первую строфу:

«Над желтизной правительственных зданий/
Кружилась долго **мутная метель**,/ И правовед опять садится в сани,/ Широким жестом запахнув **шинель**».

Применяя ту же технику, что и в предыдущем примере, получаем связь:

МУТНАЯ МЕТЕЛЬ → (эквиконс. MTNL) Mantel 'шинель' → ШИНЕЛЬ

Рассмотренные примеры 1913 и 1935 гг. показывают, что немецко-идишская ТВО Mantel и его связь с русской «шубой» и гоголевской «шинелью» (а также с мантиями и оболочками разных видов) проходят через все творчество Мандельштама, «что и требовалось доказать».

3.4. О феномене «французских интерференций» в текстах Мандельштама на примере «Египетской марки» и «Довольно кукаться...»: мандельштамовская дьяволиада в Москве.

3.4.1. Французский монитор.

В п. 1.4.3 было введено понятие **иноязычного монитора** в тексте Мандельштама – это процесс отслеживания в порождаемом тексте русско-иноязычных связей и модификации на их основе уже созданного и создаваемого текста.

¹²¹ Заметим, что южно-немецкое (= идишское) «уменьшительное» окончание -el (Mant-el = ПЛАЩ-ИК!) актуализируется у М еще в «Грифельной оде»: ГРИФЕЛЬ = «маленький гриф, грифёныш».

Этот «монитор-переводчик», линейно продвигаясь вдоль уже созданного текста, отслеживает возможные ситуации русско-иноязычной омофонии, омонимии, паронимии, эквипонсонантизма и т. д. и генерирует их проекции «вперед и назад» в создаваемый текст.

В п. 1.4.6 была рассмотрена специфика «французского монитора» (F-монитор), т. е. отслеживания и обработки в генерируемом тексте возможных франко-русских омонимических, паронимических и т. п. связей, – «включающегося», в отличие от соответствующего «германского монитора», нечасто: по грубой оценке, неявных галлицизмов у Мандельштама на порядок меньше, чем «германизмов», т. е. около 70–80 случаев.

На каких текстах «включается» F-монитор? Представляется, что это, прежде всего, тексты, в которых выявляются (проявляются) отношения автора с окружающим обществом, общественным устройством, государством и т. п. Т. е. – нечто вроде «гражданской лирики». Вероятно, такие свои тексты подразумевал Мандельштам, говоря (в начале 30-х): «Сейчас стихи должны быть гражданскими».

Если эта гипотеза верна, то она отражает тот факт, что Мандельштам вполне находится в русле российской традиции соотношения своей собственной и общероссийской «общественной» парадигмы с французской: отсюда «французские» ассоциации и т. д.

Интересно в этой связи, что и такая российская «общественно-политическая» черта, как фокусировка «общественного движения» в театре (когда театр выступает как главная «точка сосредоточения» общественной жизни) является проекцией специфической «театральности» французской общественной парадигмы, – также находит отражение в текстах Мандельштама¹²².

¹²² Ср. в статье «Деятнадцатый век» (1922) М пишет, явно соотнося Францию в окрестности «Великой революции» и послереволюционную Россию, а также, по-видимому, себя, Гумилева и А. Шенье: «По мере приближения Великой французской революции псевдоантичная театрализация жизни и политики делала все большие успехи <...>. Когда в этот жалкий картонный театр сошли настоящие фурии античного **беснования**, <...> только поэзия Шенье, поэзия подлинного античного **беснования**, наглядно доказала, что существует союз ума и фурий, что древний ямбический дух <...> **еще жив**».

Яркими примерами «гражданских» М-текстов, в которых мощно работает «французский монитор», являются прозаический текст 1927 года «Египетская марка» (ЕМ) и стихотворение 1931 года «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..» (ДК)¹²³. В этих текстах присутствуют «точки максимальной плотности» французских интерференций.

3.4.2. Французские интерференции в ЕМ.

В этом тексте эксплицируются отношения главного героя – Парнока (= Мандельштама) с государством, с общественными объединениями и движениями, с «толпой» и т. д.

3.4.2.1. F-монитор актуализирует в ЕМ «общественную» тему с самого начала, – с названия: МАРКА → Timbre¹²⁴ ‘марка’ → (пар.) «тембр» →¹²⁵ «структурный источник текста».

Эта же связь «марка» ↔ «тембр» присутствует в 4-й главе ЕМ:

«Товарищи в школе дразнили его “овцой”, “лакированным копытом”, “египетской маркой”¹²⁶ и другими обидными именами. Мальчишки ни с того ни с сего распустили о нем слух, что он “пятновыводчик”, то есть знает особый состав от масляных, чернильных пятен».

Тем самым, оформляется кольцевая связь:

МАРКОЙ → ПЯТНОВЫВОДЧИК, СОСТАВ ОТ ПЯТЕН → (асс.) «пятновыведение с помощью щелочи и кислоты» → (асс.) СТРУКТУРНОЕ

¹²³ См. подробнее Приложение: входы с пометой Fr.

¹²⁴ Заметим, что на египетских марках начала 20 века были французские и английские (но не немецкие!) надписи.

¹²⁵ Эта «стрелка» подкрепляется несколькими местами в РД, гл.7: «Следует твердо помнить, что **тембр – структурное начало, подобное щелочности или кислотности того или иного химического соединения**»; **«драматическая структура самого рассказа вытекает из тембра**, а вовсе не сам тембр подыскивается для нее».

¹²⁶ Гипотеза: когда в школе Парнока (= Мандельштама) дразнили «египетской маркой» (ЕМ), то имели в виду, прежде всего, «немецкий» смысл: МАРКА ← Marke ‘чужак, чувак, странный человек, тип’, и именно поэтому это прозвище было обидным, а не из-за каких-то «египто-филателистических» коннотаций.

НАЧАЛО, ПОДОБНОЕ **ЩЕЛОЧНОСТИ** ИЛИ **КИСЛОТНОСТИ**¹²⁷ =
«тембр» → Timbre ‘марка’ → (пар.) МАРКА!

Суммируя, мы видим, что, в самом названии ЕМ содержится указание на «египетский тембр» дальнейшего текста.

Далее, ЕМ «с египетским тембром» – это текст в египетских ОБЕРТОНАХ (в египетской окраске).

При этом обертоны текста ЕМ – прозрачно еврейские¹²⁸: за перегородкой у Мервиса «гудело тягучим еврейским медом¹²⁹ женское контральто» (ЕМ, 2-я глава). Здесь, конечно, еврейский «мед» – это еврейский «тембр».

Далее, из РД мы видим, что у Мандельштама «тягучий еврейский мед» (= еврейский тембр) – это **тембр виолончели**. Ср.: «Тридцать третья песня <...> дана в оболочке **виолончельного тембра, густого и тяжелого, как прогорклый, отравленный мед**»¹³⁰.

Отсюда обертоны текста ЕМ – одновременно «еврейские» и «виолончельные».

Но в той же 7-й главе РД хорошо просматривается связь (в «языковом сознании» М) виолончельного тембра и жанра «автобиографии»: «Дантовские... арии и ариозо – своеобразные автопризнания, самобичевания или автобиографии» <...> виолончель не на шутку братается с тюрьмой. И carcere – тюрьма дополняет¹³¹ и акустически обуславливает речевую работу АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ВИОЛОНЧЕЛИ».

Тем самым, название и отдельные места ЕМ сообщают (используя F-монитор), что весь текст ЕМ – это «автобиография» в египетских (*егупецких*) и еврейских (оберт)тонах.

¹²⁷ Это приведенный выше (более поздний!) пассаж в РД, гл.7: «Следует твердо помнить, что **тембр** – **структурное начало, подобное щелочности или кислотности** того или иного химического соединения».

¹²⁸ Поэтому в тексте ЕМ просматривается связь «египетский» = «егупецкий», от Егупца Шолом-Алейхема. О связи ЕМ с некоторыми текстами Шолом-Алейхема писал Л. Кацис в монографии [3].

¹²⁹ Отметим, что в вербальной характеристике тембра используются различные ассоциации: тембровое качество звука сравнивают со зрительными, осязательными, **вкусовыми** ощущениями.

¹³⁰ РД, 7-я глава.

¹³¹ Ср.: упоминание Лубянки в самом конце ЕМ «дополняет» эту своеобразную автобиографию «в тембре виолончели» – Л.Г.

3.4.2.2. «Общественная» тема» закольцовывается в ЕМ эпилогом, в котором необычно высока плотность «французских интерференций»:

«В девять тридцать вечера на московский ускоренный собрался бывший ротмистр Кржижановский. Он уложил в чемодан визитку Парнока и лучшие его рубашки. Визитка, поджав лапы, улеглась <...> дельфином, которому они сродни покровом и молодой душой.

Ротмистр Кржижановский выходил пить водку в Любани и в Бологом, приговаривая при этом: “суаре-муаре-пуаре” или невесть какой офицерский вздор. Он пробовал даже побриться в вагоне, но это ему не удалось.

В Клину он отведал железнодорожного кофия, который готовится по рецепту, неизменному со времен Анны Карениной, из цикория с легкой прибавкой кладбищенской земли <...>. В Москве он остановился в гостинице “Селект” – очень хорошая гостиница на Малой Лубянке, <...> с шикарнейшей стеклянной витриной вместо окна».

Здесь непосредственные результаты работы F-монитора:

- (а) «СУАРЕ-МУАРЕ-ПУАРЕ», ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО, ВРЕМЕН АННЫ КАРЕНИНОЙ → (сугг.) франц. «вздор» железнодорожного мужичка из видения Анны Карениной: «il faut battre le fer, le broyer, le pétrir» → тема смерти, связанная с этим мужичком и актуализированная в романе.
- (б) «СЕЛЕКТ» → SELECT ‘отборный, шикарнейший’ → С ШИКАРНОЙ → (конс. корень СТКЛ) СТЕКЛЯННОЙ → (эквиконс.) «скелет» → тема смерти.

В чем здесь проявление «общественно-политической» темы – кроме, разумеется, прозрачного намека на ГПУ в адресе «хорошей гостиницы»?

Дело в том, что ротмистр Кржижановский – не простой ротмистр, но маска Сатаны-Антихриста¹³², приход которого

¹³² КРЖИЖ-АН-ОВСКИЙ → пол. Krzyż- ‘крест’ + греч. an- ‘отрицание’ → (сугг.) «Антихрист».

символизирует наступление «конца времени»¹³³ и массовую смерть.

Это «красный лже-Мессия»¹³⁴, он же «**красный хозяин**», он же **палач**¹³⁵ ЧК-ГПУ, перемещающийся из Петрограда в Москву на Лубянку.

Этот пассаж, как будет показано ниже, плотно связан с написанным через 4 года стихотворением ДК.

3.4.3. Французские интерференции в ДК.

Связанный с ЕМ текст, в котором громко звучит «общественно-политическая» тема – это ДК:

Довольно кукуська! Бумаги в стол засунем!
Я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем
Мне вымыл парикмахер Франсуа.

¹³³ Он «умыкает» девушку Юдифь, т. е. «девушку-еврейку» (Юдифь = др.-евр. 'еврейка'). Но, по тексту ЕМ, «девушка-еврейка», стремящаяся к тому, чтобы ее «увезли» – это «**память**». А в 4-й главе ЕМ: «**Время** –<...> молодая еврейка, прильнувшая к окну часовщика – лучше бы ты не глядела!». Тем самым, Кржижановский забирает «память» (= «историю») и само «время», после чего наступает, естественно, «конец времен», т. е. выполняется главная задача Сатаны-Антихриста. И. Багратион-Мухранели пишет в работе о ЕМ: «Мандельштам **апокалиптически** изображает время и пространство, сжатое до точки. <...> Точка эта – **конец истории. Смерть всего**: <...> смерть физическая – человечка и государства; смерть в ритуалах культуры <...>, смерть метафизическая...» [204, с. 85].

¹³⁴ И. Багратион-Мухранели видит в слове ПУАРЕ, входящем в «офицерский вздор», аллюзию на известное петербургское «дело Пуаре» (1915), связанное с подлогами, подменами, фальсификацией. Тем самым, ПУАРЕ – маркер имманентной «фальшивости» Кржижановского. И. Багратион-Мухранели пишет: «Смысл, связанный с именем Пуаре – нарушение закона, подлог, незаконное наследование и наглое скандальное самозванство. Именно так рассматривал Мандельштам переход власти в руки новых хозяев – людей в *чужих фраках*. Ротмистр Кржижановский в похищенной визитке Парнока – фальшивый наследник» [204, с. 99–100].

¹³⁵ РОТМИСТР → (пар.) rote Meister 'палач; букв. «красный хозяин» → смысл: «Ротмистр Кржижановский – это «красный хозяин (оприходовавший рубашки Парнока)» = «Сатана», «палач». Ср. у Гумилева в «Заблудившемся трамвае»: «В **красной рубашке**, с лицом, как вымя, / Голову срезал палач и мне».

Держу пари, что я еще не умер,
И, как жокей, ручаюсь головой,
Что я еще могу набедокурить
На рысистой дорожке беговой.

Держу в уме, что нынче тридцать первый
Прекрасный год в черемухах цветет,
Что возмужали дождевые черви
И вся Москва на яликах плывет.

Не волноваться. Нетерпенье – роскошь,
Я постепенно скорость разовью –
Холодным шагом выйдем на дорожку –
Я сохранил дистанцию мою.

3.4.3.1. Рассмотрим межъязыковые интерференции в первых двух строфах этого стихотворения (они почти все – французские):

- (а) ДОВОЛЬНО...! = barbe! → (пар.) barbier ‘парикмахер’ → ПАРИК-МАХЕР
(б) СЛАВНЫМ БЕСОМ ОБУЯН → “vom **Ehrenteufel** gepackt” →
 смысл: «**бесом славы** обуян»¹³⁶
(в) barbier ‘парикмахер’ → (омоф.) Барбье¹³⁷ → (асс.) стихи Огюста

¹³⁶ Здесь стандартный для М-текста «германизм», основанный на посесивном смысле немецких «сложных» лексем (здесь «восстанавливается» слово типа Ehren-teufel). Ср. в другом месте «сонные казни» = «казни сна» → «воображаемые казни» (2-я глава РД) и т. п.

¹³⁷ А. Barbier – франц. поэт, стихи которого о революционном Париже лета 1830 года М переводил в 20-х гг. Связь ДК с Барбье подчеркивается еще и тем, что ДК написано 5-стопным **ямбом** – а «главный» цикл стихов Барбье (частично переведившийся М-мом) называется «**Ямбы**». «Гражданская» ангажированность Барбье (и Данта!) крайне актуализирована для М в момент создания ДК. Первые строки ДК (и **ритм ямба**) явно отсылают к статье М «Огюст Барбье» (лето 1923), в которой М пишет: «“Собачья склока” была напечатана в газете <...>; еще не высохла типографская краска, как имя поэта было у всех на устах. **Слава** [→ “бесом славы обуян” – Л.Г.] пришла одним ударом, одним стихотворением. Какими способами <...> достиг Барбье ошеломляющего впечатления на современников? Во-первых, он взял **мужественный стих ямбов** – как это раньше сделал Шенье, стих, стесненный размером, с энергичными

- Барбье → (асс.) картинка революционного Парижа лета¹³⁸ 1830 г.
- (г) ШАМПУНЕМ → (пар.) Champs-(Elysée) = «Елисейские поля» в Париже
- (д) ПАРИ-КМАХЕР ФРАНСУА → (пар.) Paris [pari] = Париж, Франция
- (е) ФРАНСУА → (мет. + асс.) **frisson nouveau**¹³⁹ ‘новый трепет, дрожь’ → смысл: «я почувствовал дрожь от наступления чего-то нового, неведомого»¹⁴⁰
- (ж) ФРАН-СУА → (пар.) frein soit! ‘да будет узда!’ → (асс. → подтекст) «Вся поэтика гражданской поэзии – искание узды, frein»¹⁴¹ → смысл: «я ищу узду → я должен писать гражданские стихи!»
- (з)¹⁴² **Fr ОБУЯН** → (пар.) «Ан-ту-ан» → (пар.) âne ‘осёл’ → ОСЁЛ НА УХО НАСТУПИЛ!
- (и) ДЕРЖУ ПАРИ, ЧТО [париш-то] → (пар.) Paris [pari] = Париж
- (к) НАБЕДО-КУРИ-ТЬ → (пар.) courir ‘бежать’ → БЕГОВОЙ

ударениями, приспособленный для могучей ораторской речи, для **выражения гражданской ненависти и страсти**. <...> Силе поэтических образов Барбье учился непосредственно у Данта, ревностным почитателем которого он был, а не следует забывать, что “Божественная комедия” была для своего времени величайшим **политическим памфлетом**. Из этого следует важный вывод: ДК для самого М есть подготовка к написанию «ошеломляющего политическо-го памфлета», что и было сделано через 2 года.

¹³⁸ Имя Огюст (Август) – дает дополнительную ассоциацию с «летним Парижем». Ср. еще в стих. «Я молю, как жалости и милости» (1937): «Где бурлила, королей смывая,/ Улица июльская кривая».

¹³⁹ “frisson nouveau” = «новый трепет» – известное высказывание Юго в письме Бодлеру: “Vous dotez le ciel de l’art d’on ne sait quel rayon macabre, vous créez un frisson nouveau”.

¹⁴⁰ Ср. с написанным близко по времени в ПА (1931–1932): «я почувствовал **дрожь новизны**, как будто меня окликнули по имени», гл. «Москва» [II, с. 106].

¹⁴¹ «Вся поэтика гражданской поэзии – искание узды, frein» – пассаж из мандельштамовских «Заметок о Шенье» [II, с. 166]. Тем самым, здесь М «подтекстирует» свой собственный текст, как и в ряде других мест.

¹⁴² Эта французская интерференция в речи М «просвечивает» в воспоминаниях С. Липкина о его разговоре с М на Тверском бульваре летом 1932 г. Липкин предложил вместо «Обуян-Франсуа» более подходящую, на его взгляд, рифму «Обуян-Антуан». Реакция М: « – у него не только нет разума, у него нет и слуха! “Антуан-обуян!” Чуть! Осёл на ухо наступил!» [205, с. 391]. Здесь еще очень вероятна интерференция французской поговорки: → laver la tête d’un âne on perd sa lessive = ‘мыть голову ослу – потерянная стирка’.

(л) БЕГОВОЙ → (асс.) «бега, скачки» = courses → (омогр. RSES) РЫСИС-ТОЙ¹⁴³.

3.4.3.2. Рассмотрим теперь межъязыковые интерференции в третьей строфе этого стихотворения:

- (а) В ЧЕРЕМУХАХ → фр. bourdaine, putiet, putier¹⁴⁴ ‘черемуха’, нем. falsche Faulbaum¹⁴⁵ ‘черемуха’ → смысл: «1931 год – во лжи, фальши, гниении и т. п.»
- (б) ЦВЕТЕТ → нем. blüht ‘цветет’, Blüte ‘цвет (растений)’ → (пар.) Blut ‘кровь’ → смысл: «1931 год проходит во лжи, фальши, гниении, крови¹⁴⁶»
- (в) ДОЖДЕВЫЕ → (асс.) «дождь» = pluie → (пар.) ПЛЫВЕ-Т
- (г) ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ → (подтекст) «два или три наблюдательных дождевика написали на песке число 6 три раза подряд <...> “Масих-аль-Деджалъ”»¹⁴⁷ → (пар.) Mosoch¹⁴⁸ + all ‘нем. весь, вся’ + die Jolle ‘нем. ялик’¹⁴⁹ → (пар.) ВСЯ МОСКВА НА ЯЛИКАХ → смысл: «в Москву пришел и захватил ее Антихрист = лже-Мессия и т. д.»

¹⁴³ Представляется, что здесь еще задействована фамилия Рысс (Рисс). Для рассмотрения этой гипотезы здесь нет места.

¹⁴⁴ Эти франц. слова «паронимичны» словам bourde ‘враньё, обман’, pute ‘шлюха’.

¹⁴⁵ Это нем. слово буквально означает «фальшивое, гнилое дерево». Этот «буквальный» смысл обыгрывается в ряде М-текстов, где участвует образ «черемухи».

¹⁴⁶ Ср. тогда же написанное в «Отрывках из уничтоженных стихов»: «в Москве черемухи да телефоны, И казнями там имениты дни», «из раковин кухонных хлещет кровь». Существенно еще, что связь «цветение» ↔ «кровь» работает и в другом М-тексте, так же связанном с Барбье: см. выше германские интерференции в переводе из Барбье «Наполеоновская Франция» (1923).

¹⁴⁷ Это аллюзия на место в повести «КА» В. Хлебникова, в котором «дождевики» («дождевые черви») замечают, как в воде плавают «лже-Мессия» (по-арабски: *Масих-аль-Деджалъ*), он же Антихрист [203, с. 54]. Повесть была опубликована в 1930 г., и М, безусловно, это издание внимательно читал.

¹⁴⁸ Mosoch (в Vulgata), он же Мешех сын Яфета в Быт. 10, 2 и Иез. 38, 3 – по распространенному мифу, предок «моско-витов».

¹⁴⁹ В рамках нашей реконструкции М произносит нем. die Jolle «по-французски»: [di-zole]! Отметим, наконец, что араб. корень [DŽL] имеет семантику «обмана, фальши», что хорошо коррелирует с только что возникшим образом «черемухи».

3.4.3.3. Теперь легко увидеть ряд соответствий между текстом ДК и эпилогом ЕМ (п. 3.4.2.2):

уС-КОР-енный (ЕМ) – «КУР-ьерский поезд», СКОРОСТЬ (ДК)

уСКОРЕН-ный, КАРЕН-иной (ЕМ) – КОРЕНЬ (ДК)

КАРЕНИНОЙ → «скачки» (ЕМ) – ЖОКЕЙ, «бега» (ДК)

лето KEREN-ского + (корень) ци-КОР-ия (ЕМ) – лето в Москве + КОРЕНЬ (мыльный корень) шампуня (ДК)

суаре (ЕМ) – Франсуа (ДК)

побриться (ЕМ) – парикмахер (ДК)

кладбищенской земли (ЕМ) – дождевые черви = (земляные) черви (ДК)

ласты визитки, дельфин (ЕМ) – Антихрист Хлебникова = плававший в воде и вылезший на берег зверь (ДК).

Почему эти тексты «соответствуют» друг другу, в чем причина явно возникающего здесь «семантического отображения»?

Общая объединяющая тема – это тема приближения смерти, катастрофы, наступления «конца времени». Она переходит в тему «Антихриста», или, другими словами, в эквивалентную тему «дьявола в Москве», популярную в 20–30-х гг.¹⁵⁰

Этот лже-Мессия (Антихрист) – есть центральный стержень «смыслового соответствия» между рассмотренными текстами.

¹⁵⁰ Заметим, что есть сюжетные соответствия между ЕМ и булгаковской «Дьяволядой» (1925): например, «погоня» Парнока за Кржижановским соответствует погоне Короткова за Кальсонером у Булгакова и т. п.

* * *

3.5. Эпиграмма («Мы живем, под собою не чуя страны...»): несколько темных мест.

В стихах 30-х годов есть и совершенно прямые, в лоб, высказывания и сознательная зашифровка смысла. В Воронеже к нам однажды пришел «любитель стихов» полувоенного типа <...> и долго любопытствовал, что скрывается под «Бежит волна волной, волне хребет ломая» – «Уж не про пятилетки ли?» О.М. расхаживал по комнате и удивленно спрашивал: «Разве?»... «Как быть, – спросила я потом О.М., – если они во всем будут искать **скрытый смысл?**» – «Удивляться», – ответил О.М.

Н.Я. Мандельштам «Воспоминания»

Прокомментируем (попытаемся понять) несколько темных мест из известного «террористического М-текста» «Мы живем, под собою не чуя страны...».

3.5.1. «Он один лишь бабачит и тычет».

Здесь итальянская интерференция:

БАБАЧИТ → итал. разг. babbo, babbaccio 'папа, отец' → (пар.) «Папа» → смысл: «играет во всеобщего и всевластного "папу", играет в римского Папу, подражает непогрешимому и всевластному Папе».

«Итальянизм» здесь более вероятен, чем другие «смыслы», вот почему: в 1932–1933 гг. М явно находится под сильнейшим воздействием текста «Божественной комедии» и «жизненного текста» Данта. М в это время идентифицирует себя с Дантом, борющимся с римскими папами **оружием текста**¹⁵¹.

В частности, написание «Эпиграммы» – это для М, кроме всего прочего, симулирование текстуальной войны Данта с римскими Папами.

¹⁵¹ А всеильный Папа для М – это, разумеется, Сталин.

В набросках к РД (1933) М записывает: «Узурпаторы¹⁵² ПАПСКОГО престола могли не бояться ЗВУКОВ¹⁵³, которые насылал на них Дант, они могли быть равнодушны к ОРУДИЙНОЙ КАЗНИ¹⁵⁴, которой он их предал, следуя законам поэтической метаморфозы, но РАЗРЫВ ПАПСТВА как исторической формации здесь предусмотрен и разыгран...»¹⁵⁵.

Эти слова в тексте 1933 года отсылают к статье М «Огюст Барбье» (лето 1923), в которой М пишет: «Какими способами <...> достиг Барбье **ошеломляющего впечатления** на современников, ... **выражения гражданской ненависти и страсти**. <...> Силе поэтических образов Барбье учился непосредственно у Данта, ревностным почитателем которого он был, а не следует забывать, что “Божественная комедия” была для своего времени величайшим **политическим памфлетом**»¹⁵⁶.

¹⁵² **Узурпаторы** – это: (современные Данту Папы) → Наполеон (которого принято было называть «узурпатором») → Сталин. Отметим известную фразу Наполеона, сказанную Александру I во время их «разговора без треуголок»: «Вы у себя дома одновременно **император и ПАПА** – это хорошая идея». В ряде текстов М сквозь образ Наполеона просвечивает образ Сталина: «ТЫЧУТ [ср. в Эпиграмме: ТЫЧЕТ – Л.Г.] шпагами шишиги, В ТРЕУГОЛКАХ НОСАЧИ [конечно, из-под «маски» просвечивает: **усач(и)** = распространенное прозвище Сталина – Л.Г.]».

¹⁵³ = «песен» (Canzone ↔ Канцона) → (эквинокс.) «казней», ср. в «Реквиеме»: «Часто пишется **казнь**, а читается правильно – **песнь**» Т. е. Дант «насылал» на Папу текстуальные «казни».

¹⁵⁴ Здесь зашит второй смысл: «**орудийной казни**» = «**кровавой казни**». Дело в том, что работает русско-германская (идишская) паронимия: ОРУДИЙНОЙ ↔ «рудной» (руда = кровь) и (с метатезой) Y[oder] = ‘жила, аорта’. Поэтому далее РАЗРЫВ ПАПСТВА ↔ «разрыв аорты». Образ смертоносного ЗВУК[A], ведущего к РАЗРЫВ[У] АОРТЫ возникает в воронежском стих. «За Паганини...» (1935).

¹⁵⁵ [72, т. 3, с. 399–400].

¹⁵⁶ Памфлетом, за которым должна последовать высылка, тюрьма или казнь – в 7-й главе РД М пишет: «В подсознании итальянского народа тюрьма играла выдающуюся роль. Тюремные кошмары всасывались с молоком матери. **Треченто** бросало людей в тюрьму с удивительной беспечностью». Здесь **треченто** (trecento = ‘300’), т. е. «трехсотые годы» неизбежно фонически и графически связывается с «**30-ми годами**» (в СССР). Здесь же отметим сообщение жены поэта: «В **тюрьму** О.М. взял с собой **Данта** <...> я захватила с собой [в **сылку**, в Чердын] другое издание **Данта**» [9, с. 35]. И далее: «про Данта О.М. сразу сказал, что это и есть самое главное. <...> Думая о возможном аресте <...> О.М. раздобыл себе “Комедию” маленького формата и всюду таскал ее в

Текст РД с упомянутыми подтекстами и отсылками показывает, что в 1933 году **Мандельштам сам готовится к написанию «ошеломляющего политического памфлета»**, что и было сделано в Эпиграмме¹⁵⁷.

В 1938 г. на пересылке М вспоминает про «римского папу»: «выкрикивал что-то насчет папы римского, иногда за курево читал стихи, его не понимали, но курево все равно давали»¹⁵⁸.

Теперь отметим, что В. Меркулов (солагерник Мандельштама) вспоминал, что Мандельштам в начале октября 1938 г. «в обмен на полпайки предлагал прочесть оба варианта своего стихотворения о Сталине (хотя до сих пор отрицал свое авторство и уверял, что все это “выдумки врагов”). Но никто не соглашался»¹⁵⁹.

Ясно, что за стихи читал (или предлагал читать) Мандельштам «за курево» и откуда возникает «римский папа» в сообщении И. Поступальского.

Мандельштам, по-видимому, пытался объяснить солагерникам «дантовский» смысл своего судьбоносного стихотворения. Солагерники же, разумеется, слышали лишь непонятные фразы невменяемого человека. Мы лишь через 70 лет после колымской записи И. Поступальского подошли к пониманию этих «невменяемых» высказываний.

3.5.2. «Как подкову, дарит за указом указ».

Здесь двойной смысл:

- (а) известный и популярный в этот период образ «кузнеца», кующего для всех подарки: то «счастья ключи» (из популярной песни), то символы этого же счастья – подковы.

кармане. <...> Карманного Данта О.М. оставил в Москве, а с собой в Саматиху, откуда его забрали, взял другое, довольно увесистое издание» [9, с. 220–221].

¹⁵⁷ «“Поэзия – это власть”, – сказал он в Воронеже Анне Андреевне...» [9, с. 159]. Там же он говорил С. Рудакову: «Поэтическая мысль вещь страшная, и ее боятся» и «Подлинная поэзия перестраивает жизнь, и ее боятся», см. [9, с. 411].

¹⁵⁸ В кавычках – пересказ П. Нерлером [196, с. 150] (почему-то без точной цитаты) записи И. Поступальского, сделанной в 1941 г. на Колыме и находящейся в Мандельштамовском обществе.

¹⁵⁹ Цит. по [196, с. 141].

(б) аллюзия на иероглиф СССР, включающий 3 подковы. Ср. эту же аллюзию через полтора года в воронежском стихотворении: «Мне кажется, мы говорить должны/ О будущем советской старины,/ Что ленинское-сталинское слово – / Воздушно-океанская подкова»¹⁶⁰. Здесь еще интересная французская интерференция:

ЛЕНИНСКОЕ-СТАЛИНСКОЕ СЛОВО¹⁶¹ → С-С-С-Р = «утроенная подкова + [ЭР] = фр. AIR ‘воздух’ → ВОЗДУШНО-ОКЕАНСКАЯ ПОДКОВА

Отсюда смысл этой строки: «Сталин своим СЛОВОМ (УКАЗАМИ!) выковывает, как кузнец подкову, страну, которую мы не чьем под собой и т. д.»

Отсюда, кроме прочего, важный вывод: оружие Сталина (в представлении М) – это его СЛОВО, и поэтому с ним надо бороться именно **словом**¹⁶².

3.5.3. «Он играет услугами полулюдей, <...> Кому, в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз./ Что ни казнь у него – то малина».

Здесь «малина» (точнее, малиновый цвет) выводит на контекст «театра»: эта цветовая связь частотна и рутинна для текстов М. С другой стороны, «казнь» связана с «песней»: «Часто пишется – казнь, а читается правильно – песнь...»¹⁶³.

Тем самым, смысл здесь: «казнь (например, показательный процесс) для Сталина – это театральное действие, театральная песнь и т. п. Сам же Сталин – режиссер собственного театра, в котором актеры – его рабы: он **играет** услугами полулюдей».

Отметим, наконец, что паронимическая связь ТО-МА-ЛИНА ↔ АН-АТОМИ-Я + «анатомическое» перечисление частей тела в предыдущей строке – четко выводят на связь этого места со следующим пассажем М:

¹⁶⁰ Вариант посл. строки: «Войны и мира гнутая подкова».

¹⁶¹ Заметим, что в предыдущей строке просвечивает выражение «советская страна» (← «советская старина»), о которой хочет говорить автор, после чего появление «слова» СССР неизбежно.

¹⁶² См. в п. 1.6 про М-текст и «язык Сталина».

¹⁶³ «Реквием» на смерть А. Белого (1934).

«Ведь **убийца** – немножечко **анатом**. Ведь **палач** для средневековья – чуточку научный работник [палачи знали анатомию – Л.Г.]. Искусство войны и **мастерство казни** – немножечко преддверье к **анатомическому ТЕАТРУ**»¹⁶⁴.

Тем самым, в рассматриваемые строки вшифрован образ «**театрального палача-АНАТОМА-убийцы**».

3.5.4. «И широкая грудь осетина».

А. Рассмотрим строку из симультанного (одновременно созданного) текста «Преодолев затверженность природы»: «И, как руда, из груди рвется стон».

Рассмотрим «отображение» этой строки в строку: «И широкая грудь осетина».

Применение принципа семантической «непрерывности»¹⁶⁵ показывает, что «в близкой окрестности» слов ГРУДЬ ОСЕТИНА с большой вероятностью должен оказаться «образ» слова РУДА («кровь»), т. е. нечто «рудное» = «кровоавое».

Поскольку в этой близкой окрестности находится только слово ШИРОКАЯ, то становится ясно, что оно «с большой вероятностью» является маскирующей заменой слова **кроваяя** (или **окровавленная**).

Тем самым, строка «И широкая грудь осетина» маскирует строку «И кровавая грудь осетина», или, эквивалентно, «И грудь кровавого осетина»¹⁶⁶.

Б. Еще один скрытый смысл «осетина»:

ОСЕТИН = (метатеза) Y[sotn] ‘сатана’¹⁶⁷ = СОТН-ИК-убийца в «Феодосии».

¹⁶⁴ РД, конец гл. 8.

¹⁶⁵ См. подробно в п. 1.2.3.3 (а).

¹⁶⁶ В 1.2.3.3 (а) уже отмечалось, что полученный смысловой вариант хорошо соответствует обозначению Сталина как «кровоавого осетина»: это распространенное в начале 30-х определение принадлежало, по устным сообщениям, Г. Зиновьеву. См.: *Волгонов Д.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989. Кн. I, ч. 2. С. 75.

¹⁶⁷ Он же лже-Мессия, он же Антихрист, образ которого возникает в ЕМ и в «Довольно кукуться...», см. подробнее в п. 3.4.3. Напомним, что герой «Войны и мира» Пьер Безухов собирается совершить **подвиг**, осуществив теракт против Наполеона = Антихриста. Для Мандельштама, как всегда, было здесь существенно и имя героя: *piétre* = фр. ‘камень’ → в стих. 1912 года: «**мстите-лем**, камень, будь...».

Тем самым, мы выходим на расширенный смысл последней строки:

«И ОКРОВАВЛЕННАЯ ГРУДЬ СОТНИКА-САТАНЫ-УБИЙЦЫ-ПАЛАЧА».

Суммируя, получаем «наиболее вероятный» смысл последних 2 строк:

«КАЗНЬ У НЕГО – ЭТО ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЕСНЬ, РВУЩАЯСЯ, КАК СТОН, ИЗ ГРУДИ КРОВАВОГО СОТНИКА-САТАНЫ-УБИЙЦЫ-ПАЛАЧА».

3.6. Стихотворный цикл на смерть А. Белого.

Не откликнешься на смыслы темные,
будешь сегодня – «дурак»; а
откликнешься, будешь – на завтра
«дурак», потому, что два смысла,
темнотный и ясный, перекувыркнутся
за год.

А. Белый «Начало века»

Здесь мы хотим исследовать «германизмы», т. е. германские образы, аллюзии и немецко-русские межъязыковые «интерференции» в тексте стихотворного цикла Мандельштама на смерть А. Белого («Реквиема»), созданного поэтом в начале 1934 года. Делается попытка объяснения феномена повышенной «насыщенности» германизмами этого текста.

В этом цикле стихов исключительно мощно проявляется «германский компонент» языковой картины мира (ЯКМ) Мандельштама: явно и постоянно «включен» «германский монитор» с соответствующими СИ-операторами, порождающими в ряде мест текста «германизмы». Этот феномен в значительной степени объясняется тем, что Андрей Белый в сознании М тесно связан (как и сам М!) с германской культурой и цивилизацией. В рассматриваемом цикле германская «маркированность» Белого демонстративно объявляется в ряде мест, например:

– «НЕМЕЦКИЙ крикун, скоморох»;

– «Ему солей трехъярусных растворы, / И мудрецов ГЕРМАН-СКИХ голоса, / И русских первенцев блистательные споры / Представились в полвека, в полчаса».

Важно здесь, что М, в обычном для себя стиле, порождает текст в режиме эмпатии, т. е. отождествляет себя с «ведущим объектом» текста, как бы становится на его «точку зрения». Поэтому многое, говоримое в текстах цикла о Белом, явно относится и к самому автору.

Кроме того, в текстах цикла работает (также стандартная для М) «мигающая семантическая двойка», реализующаяся как «мигающая эмпатия»: «объект наблюдения» отождествляется с наблюдателем, автор подставляет себя вместо объекта описания, как бы «играет его роль», мгновенно перескакивая обратно в прежнее состояние и т. д.

Разумеется, «мигающая эмпатия» продуцирует у автора состояние сильнейшего психологического напряжения.

В строфе, завершающей стихотворение цикла «10 января 1934», М мастерски передает это напряженное состояние:

Как будто я повис на собственных ресницах,
И созревающий и тянущийся весь, –
Доколе не сорвусь, разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь...

Отождествляя себя с Белым, М объединяет в своем сознании корпус негативных и пейоративных критических высказываний о нем самом и о Белом (в частности, высказывания Л. Каменева в его предисловии к книге Белого «Начало века»¹⁶⁸ и в «пост-похоронной» статье «Андрей Белый» в «Известиях» от 10.01.34) и применяет к Белому в тексте «Реквиема» ряд характеристик из этого «объединенного корпуса».

В своих статьях, написанных в насмешливо-пренебрежи-

¹⁶⁸ Книга А. Белого «Начало века» с предисловием Л. Каменева вышла в ноябре 1933 г. [86]. О влиянии этой статьи Л. Каменева на цикл «Стихи памяти Андрея Белого» говорила М. Спивак в своем докладе на конференции по текстологии в РГУ в июне 2006. Она же привела примеры лексических и синтаксических «цитат» из статьи Каменева в «Реквиеме».

тельном и снобистски-поучающем ключе, Каменев, в частности, использовал для пейоративной характеристики Белого вокабуляр, примененный Белым для описания своих персонажей. Этот вокабуляр (как и сам некорректный, но вполне принятый в «марксистской критике», прием), очевидно, задел М не меньше, чем самого Белого и отразился в тексте «Реквиема».

Примеры.

У Каменева: «косноязычны до полной невнятицы», «властители дум», «учитель», «немецкий учитель». – В «Реквиеме»: «непонятен-понятен», «невнятен», «властитель», «учитель», «мучитель», «немецкий крикун».

У Каменева (цитаты из Белого): «путаница», «запутался», «перепутался», «Он, ломаясь зигзагами, <...>мчал<...> по кругу», «словесные выкрутасы», «шут». – В «Реквиеме»: «запутан», «... речей, запутанных, как честные зигзаги, у конькобежца...», «скоморох».

У Каменева: «Октябрьская революция <...> должна была взять их **за шиворот и сорвать с того пути**, по которому они двигались». – В «Реквиеме»: «**веком гонимый взащей**» и т. д.

У Каменева: «автор **зол** и на ряд своих персонажей и на самого себя [т. е. зол «на весь **мир**» – Л.Г.]; и эта **злость** хороша и плодотворна». – В «Реквиеме»: «**мировая** манила тебя молодящая **злость**».

У Каменева (в статье в «Известиях»): «Его книги будут изучаться даже тогда, когда трагедия идеализма и индивидуализма станет для человечества давно прошедшим скверным **сном**». – В «Реквиеме» (незаконченный отрывок): «...**напутал** и **уснул**» [34, с. 178] .

Вообще, М, скорее всего, подставляя себя вместо Белого, проецировал на ситуацию «Каменев versus Белый» ситуацию «Горнфельд (и прочие «враги-критики») versus Мандельштам».

Высказывания Л. Каменева о Белом имеют в этом контексте значение для М еще и потому, что Каменев (как и Горнфельд пятью годами ранее!), в восприятии М – это (в культурно-цивилизационном аспекте) «немецкий еврей» par excellence.

Это просматривается, например, в сцене (начало 1930 г., зафиксировано Э. Герштейн в мемуарах), в которой М, выйдя

из кабинета Л. Каменева, произносит слово, которое Герштейн фиксирует как немецкое *Gelehrter* = ‘ученый’¹⁶⁹. Герштейн пишет: «Мандельштам отозвался о Каменеве сдержанно: “*Gelehrter*”. Мне было странно слышать такую характеристику о недавнем члене правительства, но он настаивал, указывая на ограниченность [присущую, по известной мифологеме, «немецким профессорам» – Л.Г.] мышления Каменева и **немецкую** аккуратность в его кабинете» [8, с. 396].

Поэтому, в контексте «Реквиема», в сознании М, по-видимому, присутствует «германский треугольник»: два «немецких еврея» (сам Мандельштам и Каменев) и русский германофил Белый.

При этом, в контексте дискурса о Белом, собственная «германика» М входит в резонанс с таковой у Белого и у Каменева (несущественно, реальной или существующей лишь в представлениях М), продуцируя вышеуказанный необычный текстуральный эффект.

Рассмотрим теперь «германизмы» и связанные с ними подтексты подробно, по отдельным текстам «Реквиема»:

3.6.1. Стихотворение «Голубые глаза и горячая лобная кость...»¹⁷⁰.

Голубые глаза и горячая лобная кость – (1)
Мировая манила тебя молодая злость.

И за то, что тебе суждена была чудная власть, (2)
Положили тебя никогда не судить и не клясть.

¹⁶⁹ Возможно, это был «не слышанный» Герштейн идишизм *Y[gelernter]* ‘ученый’. Косвенное соображение: слово *Gelehrter* («с прописной буквы», т. е. как имя существительное) в немецком языке употребляется реже, чем *gelehrter* (‘ученый’, как атрибутив). В идише же это слово *Y[gelernter]* ‘ученый’ чаще употребляется именно как существительное, примерно, как «ученый» в русском языке. Но, будучи произнесено отдельно (что следует из описания Герштейн), это слово есть, конечно, существительное: тем самым, идишизм здесь более вероятен.

¹⁷⁰ Написано 10–11 янв. 1934 г. [I, с. 206, набр. с. 535].

- На тебя надевали тиару – юрода колпак, (3)
Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!
- Как снежок на Москве заводил кавардак гоголек: (4)
Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...
- Собиратель пространства, экзамены сдавший птенец, (5)
Сочинитель, щегленок, студентик, студент, бубенец...
- Конькобежец и первенец, веком гонимый взашей (6)
Под морозную пыль образуемых вновь падежей.
- Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь, (7)
Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?
- Прямизна нашей речи не только пугач для детей – (8)
Не бумажные дести, а вести спасают людей.
- Как стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши, (9)
Налетели на мертвого жирные карандаши.
- На коленях держали для славных потомков листы, (10)
Рисовали, просили прощенья у каждой черты.
- Меж тобой и страной ледяная рождается связь – (11)
Так лежи, молодежь и лежи, бесконечно прямясь.
- Да не спросят тебя молодые, грядущие те, (12)
Каково тебе там в пустоте, в чистоте, сироте...
- (набросок)**
- Из горячего черепа льется и льется лазурь, (13)
И тревожит она литератора-Каина хмурь.

* * *

В этом стихотворении (как и во всем цикле) через весь текст проходят следующие русско-германские паронимические и ас-

социативные связи, генерируемые фамилией «Белый»¹⁷¹:

Белый → weiss ‘белый’ → Waise ‘сирота’, Eis ‘лед’, Eisen ‘железо’;
 Белый → холод(ный), мороз(ный), (чистый, белый, голубой)
 снег, (чистый, белый, голубой) лед, конькобежцы.

В строфе 1:

ГОРЯЧАЯ ЛОБНАЯ КОСТЬ

Образ «белого, светящегося, горящего/горячего/воспаленного ЛБА» возникает в очерке М о похоронах Ленина «Прибой у гроба» (1924), который является подтекстом (или претекстом) для «Реквиема» (та же фоновая система образов: белый снег, холод, лед, гроб):

«<...> очередь к ночному солнцу [погасшему – Л.Г.], <...> Высокое белое здание расплавлено электрическим светом. <...> лежит он, перегоревший, чей лоб был воспален еще три дня назад...<...> остудивший свой воспаленный лоб» [72, т. 2, с. 406–407].

Следует отметить, что еще более ранний подтекст здесь – это стихотворение 1923 г. «А небо будущим беременно...», с его образами: «на лбу высоком», «лопастью пропеллер лоснится как **кость** точеная тапира» и т. д., см. ниже комментарии к строфе 11.

Легко видеть, что образ «горящего, светлого, белого лба» создается G-монитором из резкой немецко-идишской паронимической связи: Stern ‘звезда’ ↔ Stirn ‘лоб’, причем в идише здесь имеет место **полная** омофония: Y [štern] = ‘звезда’ = ‘лоб’¹⁷².

Интересно, что в стихотворении 1935 г. «Мир начинался страшен и велик...» [I, с. 308] снова «просвечивает» эта же связь в строке: «Могучий мозг, гори, гори стране!».

¹⁷¹ Это вполне соответствует ориентации самого Белого на «языковое обыгрывание» фамилий (или, в стиле «Реквиема», имитирует эту ориентацию). В мемуарах «Начало века» Белый описывает свои совместные с А. Блоком «игры с фамилиями» [86, с. 359].

¹⁷² Еще одна, встречающаяся в текстах М (и, возможно, работающая в рассматриваемой строфе) семантическая связь – это ‘белый’ ↔ ‘горящий, горячий’. Ср. «горящий мел» (Грифельная Ода), «горячие снега» и т. д.

В строфе 7:

КАЗНЬ → («консонантная паронимия») *Gesang* (=Y [gezank])
‘песня’ → ПЕСНЬ¹⁷³. КАЗНЬ = *Todesstrafe* (=Y [toyt-štrof]) →
(эквиконс. T/D-Š/S-TR-F/P) → ПРОСТОТА.

Примечание. Этот же консонантный набор PRST работает в
«Грифельной Оде» (1923).

Далее (одновременно) в этой же строфе:
ПЕСНЬ = *Lied* → (пар.) *Leid(en)* ‘болезнь’ → БОЛЕЗНЬ
ПРОСТОТА = (ПРОСТ)+(ТОТА) → (включается эквиконсо-
нантизм «по модулю» набора P/B-R-S/Š-T) → (ŠTERB-)+(ТОТЕ)
‘смерть, мертвый’ → СМЕРТЬЮ.

В строфе 11:

(а) СТРАНОЙ → *Land* ‘страна’ → (эквиконс. LDN) ЛЕДЯ-
НАЯ

М. Гаспаров в [34, с. 792] объясняет возникновение здесь
слова ЛЕДЯНАЯ тем, что *ледяной* – самопрозвание Белого (в
«Записках чудака» и др.). Но это не объясняет возникновения
«связи» между Белым и «страной», в то время как «консонант-
ный» СИ-оператор все ставит на свои места вполне рутинным
образом.

(б) СВЯЗЬ → *Melden, Meldung* ‘связь, сообщение (напр. по
радио)’ → (эквиконс. D-L-M/N) МОЛОДЕЙ, ЛЕДЯНАЯ¹⁷⁴.

¹⁷³ Эта же связь «казнь» ↔ «песнь» просвечивает в строке «Карающего
пенья материк» в стихотворении М февраля 1937 г. «Я в львиный ров и в кре-
пость погружен...».

¹⁷⁴ Эта консонантная связь (как и концепты «полета» и «связи» в этой стро-
фе), скорее всего, суггестирована частотным в январе 1934 г. радио-газетным
вокабуляром, связанным с «эпопеей дрейфующего во льдах Челюскина»: **лед,**
белая (льдина), **ледяной**, (радио)**связь**, (радио)сообщение, **страна** следит за...,
самолеты, **полеты** и т. п. Вот сообщение о «Челюскине» в «Известиях» от 3
января: «Радио от нашего спец.-корр.: На месте затянувшегося ровным слоем
льда ... соорудили аэродром...самолеты не смогли начать полетов». 9 января
в «Известиях», непосредственно рядом с некрологом на Белого, сообщения:
«Эскадрилья самолетов “Авель Енукидзе” (см. ниже прим. к строфе 13)...»;
«Льды наступают... радио с Челюскина...ледяные поля... спуск на лед»; «Кон-
курс на лучший радиоприемник». 14 января в тех же «Известиях» «Стихи о
Москве» М. Светлова: «Стратосферы наглогавшись вдосталь, / Погружаясь в
море синевы, / Мы не в небе плаваем, мы просто... Это отзвук напряженной
связи / Между звездами и Москвой...».

Замечание. Здесь есть еще «промежуточная» паронимическая связь:

Melden, Meldung → «меледа, меледить» = (В. Даль) ‘медлить, мешкать, работа без конца, бесконечное одно и то же’ → МОЛОДЕЙ (смысл: «лежи спокойно и долго»). Здесь еще существенно, что слово «меледа» несколько раз используется Белым на первых страницах его (упоминавшихся выше и, несомненно, только что прочитанных Мандельштамом) мемуаров «В начале века» [86].

(в) В этой же строфе интересно рассмотреть гипотезу М. Спивак [85] о том, что ЛЕЖИ, БЕСКОНЕЧНО ПРЯМЯСЬ в концевой строке – не что иное, как ЛЕТИ, БЕСКОНЕЧНО ПРЯМЯСЬ. Вариант с ЛЕТИ присутствует в исследованном Спивак машинописном списке, оставшемся в ГИХЛе и исходившем, по-видимому, от П. Зайцева, автора мемуаров «Последние десять лет жизни Андрея Белого». М. Спивак считает (и аргументирует свою гипотезу), что в основе «списка Зайцева» лежит некий, находившийся у П. Зайцева и не дошедший до нас (но повлиявший на «ГИХЛовский» список) автограф этого стихотворения М с вариантом ЛЕТИ и считает этот вариант более релевантным, чем ЛЕЖИ. Последнее утверждение она основывает на общих «летальных» соображениях, как-то:

«Гораздо проще представить, даже чисто “физиологически”, как можно “лететь, бесконечно прямаясь”. К тому же с понятием смерти тесно связано представление о душе, отлетающей в иной мир»; «“Маяковский” слой в творчестве Мандельштама

Кроме того, тема (гибельного) полета заметно выделяется в мемуарах «Начало века», например: «И я развивал: ...”символист”-де – **авиатор**, осуществляющий свой **полет**; “декадент” – **авиатор**, кончающий **полет гибелью**... в строчках Валерия Брюсова: “Но лестница все круче, / Не оступлюсь ли я, / Чтоб стать **звездой падачей** / На небе бытия?” Кто сомневается (не оступится ли?), в том **силы полета** подорваны... Бессильно противопоставлял я жизненную уверенность, что **полеты** – будут, что помощь – возможна, и что надо “**связать**” [ср. СВЯЗЬ – Л.Г.] руки всем искателям новых путей; я – цитировал Блока: “... вместе **свяжем** руки, – / **Отлетим** в лазурь”. В 1902 году я полагал: всенепременно “**свяжем**”, т. е. будет коммуна новаторов; и – **полетим**; в 1904 году я сам **полетел** кувыркком, но не в лазурь: в пыль [ср. МОРОЗНУЮ ПЫЛЬ **ПАДЕЖЕЙ** – Л.Г.] ...Мы разучились **летать**: мы тяжело мыслим» [86, с. 130–131, 304].

вообще занимал существенное место, а в данном случае аллюзия¹⁷⁵ кажется более чем уместной» [85].

Между тем, красивая гипотеза Спивак следует¹⁷⁶ из совершенно **рутинного**, без всякой «летальной мистики»¹⁷⁷, применения G-монитора, который, конечно, работал «в сознании» Мандельштама при создании этого текста. G-монитор просто не мог пропустить столь резкой паронимии немецких (немецко-идишских) лексем *liegen* ‘лежать’ \leftrightarrow *fliegen* ‘лететь’.

Кроме того, здесь, по-видимому, имеет место уже упоминавшаяся частая в текстах М «мигающая» семантическая двойка, присутствующая «в сознании» автора. Используя метафору самого М из стихотворения 1923 г. «А небо будущим беременно...» [I, с.306], можно сказать, что здесь имеет место «крыла [лети] и смерти [лежи] уравнение». В том же стихотворении мы встречаем сочетание «кладбища лёта», т. е. снова «крыла и смерти уравнение»¹⁷⁸.

Вообще, похоже, что «А небо будущим...» М лежит здесь в подтексте в не меньшей степени, чем межзвездные перелеты Маяковского с Есениным.

Ср. еще: «горячая лобная кость [Белого]» \leftrightarrow «лопастью... лоснится, как кость точеная тапира» (т. е. белая «слоновая кость»)¹⁷⁹.

Отметим, что для [ЛЕЖИ/ЛЕТИ] БЕСКОНЕЧНО ПРЯМЯСЬ существует еще один неожиданный подтекст. Это – ва-

¹⁷⁵ На «Пустота... Летите, в звезды врезываясь...» в стих. Маяковского на смерть Есенина. Ср. строфу из Брюсова в предыдущем примечании.

¹⁷⁶ Кроме стандартной «омофонической» связи ЛЁТ = ЛЁД.

¹⁷⁷ Внутренняя энергетика и загадочность этого места приводили к неожиданным результатам. Например, мне известно, что некоторые читатели и исследователи, чтобы лучше понять, что имеется в виду, пробовали «на себе», что значит «лежи, бесконечно прямась».

¹⁷⁸ «Крыла и смерти уравнение» в текстах М «просвечивает» и в других его текстах. Например, в написанном через месяц после «Реквиема» стихотворении «Мастерица виноватых взоров...» – в одной строфе: «путь опасный... янычару... **летуче-красный**... полумесяц губ». Здесь «летуче-» вместе с «янычаром» явно эквивалентно «кроваво-» или «смертельно-». Ср. еще «...умрет / Тот, у кого **тревожно-красный** рот» в стих. «От легкой жизни мы сошли с ума...» 1913 г.

¹⁷⁹ См. подробнее (в Приложении) германизмы в «А небо будущим беременно...».

риант строфы из стихотворения М ноября 1930 г. «Дикая кошка – армянская речь...» [34, с. 712]:

«А не пора ль очутиться мне там, / Где обо мне ни слуху ни духу
/ В городе, где **выпрямляюсь** по слуху, / Не по гвардейским его
каблукам...»

ГОРОДЕ → (парон., эквиконс.) gerade (= Y[grode]) ‘прямой’ → (асс.)
ВЫ-ПРЯМ-ЛЯЮСЬ

Эта же «консонантная паронимия» присутствует в строфах 12–13 анализируемого стихотворения:

ПРЯМЯСЬ → gerade (= Y[grode]) ‘прямой’ → (конс.пар. GRD) ГРЯД-
ущие.

Эти любопытные русско-немецкие связи демонстрируют работу G-монитора, но не очень помогают пониманию смысла.

Но вот точка, где анализ работы G-монитора может реально помочь понять смысл стиха, точнее: смысл загадочного здесь глагола ПРЯМЯСЬ¹⁸⁰. Дело в том, что в немецком есть «второй» частотный корень (основа) для понятия ‘прямой, прямиться’. Это основа RICHT- с частотным сибилантным произношением [rišt]. Основа RICHT- уже, по-видимому, сгенерировала паронимическую связь в строфе 8 рассматриваемого стихотворения: ПРЯМИЗНА → RICHT [rišt] → РЕЧИ. Но дело в том, что семантический спектр частотной в немецком возвратной конструкции (sich) richten очень широк:

‘прямиться, выпрямляться’;

‘кончать **самоубийством**¹⁸¹’;

‘**примиряться**, приспособливаться’;

¹⁸⁰ Одна из причин присутствия здесь глагола «прямась» – это ироническая аллюзия на «осуждающее» (контакты Белого с Блоками) высказывание З. Гиппиус в «Начале века»: «...они [Блоки и Белый – Л.Г.] в пустоте завиваются... Что делали с Блоком?... В пустоте завивались?... Удивительно: аполитичность!... наверное нас предаете!» [86, сс. 478–479]. Но этот подтекст не показывает смысла данного глагола в тексте «Реквиема».

¹⁸¹ Ср. сообщения мемуаристов о ходившем в начале 1930 г. в литературных кругах Ленинграда и Москвы **слухе** (ср. ПО СЛУХУ) о самоубийстве М (см. например, [33]).

‘ориентироваться, **равняться**’ [«по слуху», «по гвардейским каблукам»!].

Ясно, что из этого меню смыслов наиболее релевантен для понимания рассматриваемого места смысл ‘примириться’: «ЛЕЖИ в окончательном (бесконечном) примирении (со страной, с которой «рождается связь»).

Наконец, **в строфе 13 (набросок)** интересная «фоно-графическая» связь:

лат. написание A.Bel[yj] → Abel = Авель → (асс.) Каина → ЛИТЕРАТОРА-КАИНА¹⁸².

Интересно отметить здесь же русско-польско-идиш-украинскую связь: ХМУРЬ → Y[xmare] = укр. хмара = пол. chmara = ‘туча’. Эта «туча» естественно противопоставляется [небесной] ЛАЗУРИ.

3.6.2. Стихотворение «10 января 1934»¹⁸³.

В строфе:

Запутанных, как честные зигзаги
У конькобежца в пламень голубой, –
Морозный пух в железной крутят тяге,
С голуботвердой чокаясь рекой.

(а) ПЛАМЕНЬ = Flamme → (пар.) Flaum ‘пух’ → ПУХ.

Примечание. Этот пример демонстрирует стяжение дифтонга [au] → [a], стандартное для немецкого произношения М.

(б) ГОЛУБОТВЕРДОЙ → (асс.) «глаз»¹⁸⁴ → Glas ‘стакан, рюмка’¹⁸⁵ → ЧОКАЯСЬ.

¹⁸² Считается, что Каин, в результате известного конфликта между братьями, убил Авеля, разбив ему череп. Поэтому в тексте возникает образ (разбитого) «черепа», из которого «льется лазурь».

¹⁸³ [I, с. 207], написано 16 января 1934 г.

¹⁸⁴ Ср. у М в «восьмистишии #5» [I, с. 200], написанном почти одновременно с «Реквиемом»: в январе/феврале 1934: «голуботвердый глаз».

¹⁸⁵ Связь Glas ←→ «глаз» – «стандартная» в текстах М германо-русская омофоническая связь; отмечалась исследователями: см. [87].

(в) КОНЬКОБЕЖЦА, ГОЛУБОТВЕРДОЙ РЕКОЙ → (ассоц.) «лед» → Eis ‘лед’ → (пар.) Eisen ‘железо’ → ЖЕЛЕЗНОЙ.

В строфе:

И вдруг открылась музыка в засаде,
Уже не хищницей лиясь из-под смычков,
Не ради слуха или неги ради,
Лиясь для мышц и бьющихся висков...

МУЗЫКА = Musik (=Y [muzik]) → (пар.) Muskel (=Y [muskl]) ‘мышца’ → МЫШЦ

Поскольку СМЫЧОК = Bogen = ‘лук (оружие)’, а ЗАСАДА – одновременно и музыкантов и охотников, то здесь одновременно суггестируется сцена охоты (из засады) на хищного зверя – отсюда и появление ХИЩНИЦЫ.

3.7. Россия, Кама, Лорелея: к дешифровке «темных мест» в воронежских «Стансах» (1935).

Die schönste Jungfrau sitzt
dort oben wunderbar,
ihr gold'nes Geschmeide blitzet,
sie kämmt ihr goldenes Haar.

Над страшной высотой
Девушка дивной красоты
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы

Sie kämmt es mit goldenem Kamme
und singt ein Lied dabei,
das hat eine wundersame,
gewaltige Melodei.

Золотым убирает гребнем
И песню поет она;
В ее чудесном пенье
Тревога затаена.

H.Heine “Die Loreley”
(перевод А. Блока)

3.7.1. В начале лета 1935 года высланный в Воронеж Мандельштам написал стихотворение из 8 строф, которое он назвал «Стансы», с прозрачной отсылкой к итальянскому STANZA, с его коннотациями ‘строфа, комната, жилье, местожительство, местопребывание’, и к русскому парониму СТАНЦИЯ = «временная остановка в пути», суггестируемому итальянской фоникой.

Как и полагается по жанру, содержание «Стансов» – «медитативное»: автор пытается осмыслить происшедшее с ним за

последний год: попытка теракта против Сталина, арест, «помилование», новое местопребывание («станция»). Автор раскаивается, – точнее, считает своей ошибкой и даже ругает себя за «затею» с эпиграммой на Сталина («проклятый шов, нелепая затея») ¹⁸⁶ и программирует свое примирение с окружающей действительностью во всех ее ипостасях: страна, государственный строй, армия, города, колхозные села, освоение Арктики, природа, люди и т. д.

Автор призывает сам себя, воспроизводя при этом набор мантр в стиле «вставшего на путь исправления каналаармейца» ¹⁸⁷: «люб[ить] шинель красноармейской складки», честно и продуктивно работать в своей области («я должен... работать речь... сам-друг») и быть политически лояльным и согласным с большинством («я должен жить, дыша и большевея»).

3.7.2. Несмотря на столь ясные общие «сквозные» смыслы, текст все же содержит несколько «темных мест». Выше была рассмотрена «правдоподобная гипотеза» о смысле «**проклятого шва**». Рассмотрим теперь 7-ю и 8-ю строфы «Стансов», содержащие «темное место», связанное с образом Лорелеи:

Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь – сам-друг, –

¹⁸⁶ Я здесь сформулирую «правдоподобную гипотезу», уже публиковавшуюся в монографии [200, с. 282]: здесь с большой вероятностью имеет место русско-немецко-идишская паронимическая связь ШОВ → Y[šof] ‘овца, баран’, Schöps ‘кастр. баран → перен. «осел», простофиля’ → смысл строки: «проклятый осел (я), нелепая затея (моя)». Предположительно, здесь имеет место соединение идиш-фонки и немецкой семантики. Идишизм Y[šof] ‘баран’ более точен фонетически, но немецкая семантика «простофиля» – частотна. Вероятно также использование немецкого диалектизма – см. [96, с. 101] о присутствии в немецких диалектах слова [šof] ‘овца’ ← (сред.-верхн.-нем. schaf = нов.-нем. Schaf). Ср. новонемецкое: dumm wie ein Schaf ‘глупый как баран’. Ср. в ЕМ, гл. IV, про Парнока и самого Мандельштама: «Товарищи в школе дразнили его “овцой”, <...> и другими обидными именами». Заметим, что в этой школе (в Тенишевском училище) учили немецкий. Напомним, наконец, что, по сообщению Н. Мандельштам [9, с. 288], начиная с 1930 г. Мандельштам читал тексты на средневехненемецком.

¹⁸⁷ «Каналоармеец» (→ з/к = «заключенный каналаармеец»), «вставший на путь перековки, исправления и т. п.» – газетные штампы 1934–1935 гг.

Я слышу в Арктике машин советских стук,
 Я помню все: немецких братьев шеи
 И что лиловым гребнем Лорелеи¹⁸⁸
 Садовник и палач наполнил свой досуг.

И не ограблен я и не надломлен,
 Но только что всего переогромлен...
 Как слово о полку, струна моя туга,
 И в голосе моем после удушья
 Звучит земля – последнее оружие –
 Сухая влажность черноземных га!

В 5-й строке 7-й строфы непонятно, причем тут Лорелея и, в особенности, почему ее гребень (которым она, по соответствующим легендам, все время чешется) лилового цвета? В 6-й строке той же строфы непонятен «садовник и палач». Вроде бы, Гитлер... но, как к известной фигуре из «Мертвых душ»: присмотришься попристальнее... Ой, Сталин!

То, что на роль «садовника и палача» есть 2 главных претендента, ощущалось и фиксировалось комментаторами давно. Еще в работе 1991 г. И. Месс-Бейер указывала на графаретность образа Сталина как вождя-садовника в советской прессе 1934–35 гг.¹⁸⁹ Рассмотрим аргументы в пользу каждого из двух претендентов.

За Гитлера:

- (а) «немецких братьев шеи» → какие-то казни в фашистской Германии → Гитлер.
 (б) «палач», который то ли рубит «немецких братьев шеи», то ли вешает их «за шею», а затем, отдыхая от этой работы, наполняет СВОЙ ДОСУГ, как национально ориентированный немец, чем-то эксплицитно «германским» (Лорелеей с ее

¹⁸⁸ Вариант строк 4–5: «Я помню все: германских братьев шеи / И что проклятым гребнем Лорелеи ...».

¹⁸⁹ Месс-Бейер И. Эзопов язык в поэзии Манделъштама // Russian Literature. 1991. Vol. 29. №1. P. 245–393. Но еще задолго до 1991 г. московский поэт и переводчик М. Каждан указывал в устных обсуждениях «Стансов», что здесь «садовник» – это именно Сталин. Этот факт, как и многие другие, показывает, что «смыслы» Манделъштама – это некий кусок ноосферы (или, может быть, «Устного Учения» в еврейских традиционных терминах), не укладывающийся в рамки «упорядоченного научного дискурса».

аксессуарам), – это именно главный «германский» палац, т. е. Гитлер.

Остается непонятным: зачем Гитлеру «на досуге» именно ГРЕБЕНЬ Лорелеи, и почему подчеркнут его ЛИЛОВЫЙ цвет – ни в одной балладе о Лорелее цвет ее гребня не указан (правда, всегда «в дверях скучает» «общее» соображение типа «лиловый» \leftrightarrow «кровавый» и т. п.). Еще неясно, почему САДОВНИК? Гитлера садовником не называли: правда, САДОВНИК паронимически суггестирует де Сада \rightarrow садиста, и это коррелирует с семантическим спектром ПАЛАЧА, но тогда почему именно Гитлера?

А главное, непонятно, почему для самого автора существенно ПОМНИТЬ, что Гитлер на досуге развлекается не, скажем, черепами и/или скелетами казненных братьев, а каким-то гребнем для расчесывания волос? В этом случае, просматривается какой-то фрейдистский «фетишизм», совершенно неуместный в данном контексте.

За Сталина:

(а) именно он одновременно и ПАЛАЧ, и САДОВНИК. Дело в том, что именно к Сталину (а не к Гитлеру)¹⁹⁰ применялось в прессе первой половины 30-х гг. клише «садовник» и широко цитировались «садоводческие» метафоры из его речей¹⁹¹.

¹⁹⁰ Стандартных сравнений Гитлера с садовником или указаний на увлечение его садоводством в немецкой (и советской) прессе первой половины 1930-х не зафиксировано. Это отмечает (со ссылкой на Месс-Бейер) в своем исследовании Д. Лахути, см. [199, с. 136].

¹⁹¹ Это впервые было отмечено в указанной выше работе И. Месс-Бейер (1991). Д. Лахути в монографии 2008 г. цитирует Месс-Бейер и приводит ряд своих убедительных примеров. Например, он указывает, что известные слова Сталина: «Людей надо внимательно и заботливо выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодородное дерево» – появляются как «шапка» – большими, плакатными буквами во всю ширину над второй страницей «Правды» от 29 апреля 1935 г.» [199, с. 135–136]. Нельзя не привести в этой связи также стих. «Садовник», шедевр садоводческой метафорики, созданный В. Лебедевым-Кумачом в 1938 г. Будучи более поздним, чем «Стансы», этот текст вполне релевантен здесь, потому что Лебедев-Кумач был талантливым «уловителем» общепринятых, «обще-симпатичных» на данный момент (середина 30-х гг.) общественно-политических концептуальных метафор: «Вся страна весенним утром,/ Как огромный сад, стоит, /И глядит садовник мудрый/ На

(б) в мандельштамовской ситуации естественно «помнить» действия именно Сталина, а не далекого Гитлера, пусть тоже ПАЛАЧА. Любое действие, любой шаг Сталина в сознании Мандельштама этого периода наполняется гипертрофированно огромным символическим содержанием: Мандельштам «в высшей мере» «всего переогромен», выражаясь его же словами¹⁹².

Остается непонятным **главное**: зачем Сталину ГРЕБЕНЬ какой-то немецкой Лорелеи: к тому же эта Лорелея (явная германская шпионка и троцкистская двурушница) дезориентировала судоводителей своим провокационным пением и публичным чесанием волос, что приводило к авариям и кораблекрушениям, – т. е. занималась вредительством на речном транспорте. Еще остается неясным: почему акцентируется ЛИЛОВЫЙ цвет ее гребня?

* * *

Баланс аргументаций – нулевой. Как выражается в подобном случае Талмуд, техника дискурса которого имеет непосредственное отношение к комментированию текста Мандельштама (см. п. 1.2.3): «вопрос стоИт», т. е. остается нерешенным. Неизбежно возникает желание считать образы Гитлер/Сталин «мигающими», как в некоторых других текстах Мандельштама, и объяснять это, скажем, общей установкой мандельшта-

работу рук своих. / Радость бабочкой веселой / Пролетает по кустам, / Вьются песни, точно пчелы / По лазоревым цветам. / Цепи яблонь протянулись/ Там, где были пустыри... / Садовод глядит прищурясь/ И тихонько говорит: / – Не напрасно люди наши/ Проливали пот и кровь,— / Что ни день – светлей и краше/ Выходит радостная новь! / День и ночь с веселым шумом/ Сад невиданный растет, / День и ночь трудам и думам/ Отдается садовод./ Все ему проверить надо/ Взором пристальным своим, / Чтобы каждый корень сада/ Был по-своему любим. / Он помощников расспросит, / Не проник ли вор тайком. / Сорняки, где надо, скосит, / Даст работу всем кругом. / Пар идет от чернозема,/ Блещут капельки росы... / Всем родной и всем знакомый/ Улыбается в усы».

¹⁹² Посмотрим «попристальнее» на начало 8-й строфы: «И не о-ГРАБ-лен я...». Здесь рутинная для Мандельштама семантическая обработка консонантного набора [GRB] дает более релевантный, чем «грабеж», смысл: «я все-таки жив, не положен в **гроб**, в **могилу** [нем. **Grab** = ‘могила’]».

мовского текста на «оксюморонность» и т. д. Само устройство текста Мандельштама¹⁹³ **провоцирует** генерирование «дурной бесконечности» такого рода «общих» комментарий.

3.7.3. Я все-таки хочу попытаться «решить» эту проблему, т. е. положить решающую гирию на чашу весов «за СТАЛИНА».

Основной тезис: **в последней строке рассматриваемой строфы слово СВОЙ является «маскирующим словом» для долженствующего здесь быть слова МОЙ.**

Конструкция «эквиритмичной маски» совершенно не является необычной для «позднего» Мандельштама, – скорее, это рутинная техника¹⁹⁴. Важно в каждом случае уметь аргументировать присутствие «маски».

Аргументацию построим сначала в виде «реконструкции» процесса появления интересующих нас образов «в сознании» Мандельштама. Итак, в начале июня 1934 года Мандельштам плывет вверх по Каме на пароходе из Соликамска в Чердынь¹⁹⁵. Плывет с женой и спецконвоем из 3 человек. Путешествие это было необычно комфортным, – благоволивший к чете Мандельштамов старший конвоир разрешил (и даже посоветовал) им взять отдельную каюту: «Пусть твой отдохнет!»¹⁹⁶.

«Отдыхающий» Мандельштам НА ДОСУГЕ рассматривает высокий, поросший лесом БЕРЕГ (ГРЕБЕНЬ¹⁹⁷) Камы. «Герман-

¹⁹³ Похожее на «устройство» и техники порождения еврейского традиционного текста (мидраш). См. об этом статью «Текст Мандельштама в сопоставлении с традиционным еврейским дискурсом» // Вестник Пермского университета. Росс. и заруб. филология. 2010, вып. 4(10). Основной материал статьи содержится в п. 1.2.3.

¹⁹⁴ Вот очевидный пример из мандельштамовских «Стихов о русской поэзии»: «В треуголках **НОСАЧИ**» (здесь НОСАЧ – это прозрачная эквиритмичная «маска» для «**усача**», т. е. Сталина).

¹⁹⁵ Через 2 недели, в середине июня, Мандельштамы проделывают обратный путь на пароходе по бассейну Камы: из Чердыни в Казань через Пермь – уже без конвоя. Наша аргументация относится одновременно к этим двум плаваниям.

¹⁹⁶ См. [196, с. 58].

¹⁹⁷ Необходимо здесь отметить уже упоминавшийся «сквозной» для «Стансов» **неупорядоченный** трех-консонантный набор [BRG], присутствующий в «камских» стихах в явных и суггестируемых русских и немецких словах: БЕРЕГ, ГРЕБЕНЬ, О-ГРАБ-ЛЕН, BERG-EN 'горы'. Этот «набор» работает и в других текстах Мандельштама.

ский монитор»¹⁹⁸, почти всегда работающий в его сознании, подсказывает ему простую русско-немецкую паронимическую связь Кама \leftrightarrow Kamм 'гребень, гребенка'¹⁹⁹.

Существенно здесь же отметить, что фоническая интерференция немецкого Kamм в русском тексте Мандельштама происходила и раньше. Например, в стих. «Квартира» (1933) в строках «И я, как дурак, на гребенке / Обязан кому-то играть»: ГРЕБЕНКЕ \leftrightarrow [КАМ-уто]²⁰⁰.

Далее, немецкое слово Kamм²⁰¹ + русские слова «гребенка», Кама + «речной пейзаж с высоким берегом» + указанная фоническая связь в «Квартире» вместе суггестируют ситуацию «**игры на гребенке на высоком берегу (гребне) реки**», которая немедленно (и вполне рутинно для семантического процесса Мандельштама) тянет за собой активизацию более раннего мандельштамовского текста, а именно, пассажа из 4-й главы «Египетской марки» (ЕМ):

«Вот и Фонтанка – Ундина барахольщиков и голодных студентов с длинными сальными патлами, **Лорелея** вареных раков, **играющая на гребенке с недостающими зубьями; река** – покровительница плюгавого Малого театра, с его облезлой,

¹⁹⁸ «Германский монитор» у Мандельштама – процесс отслеживания русско-немецких (и русско-идишских) омофонических, паронимических и т. п. связей. Подробнее см. в п. 1.4.5.

¹⁹⁹ Строка из баллады Г. Гейне “Die Loreley”: “Sie kämmt es mit goldenem Kamme” (разумеется, «активизированная» в этот момент у Мандельштама) содержит слово Kamme («гребнем»), еще более паронимичное слову «Кама». Еще одна строка “Die Loreley”, способствовавшая активизации этого стиха Гейне у Мандельштама в это время – это строка: “Ein Märchen aus uralten Zeiten das kommt mir nicht aus dem Sinn”, в которой слово uralten ‘древний’, разумеется, фонически связывалось с «Уралом». Ср. «долговечный Урал» в стих. «Кама, 3» (апрель-май 1935), см. подробнее Приложение.

²⁰⁰ Для «подкрепления» этой связи, укажем на еще одну связь этого места в «Квартире» с «гребнем». Дело в том, что в варианте этого места в «Стансах» (в Принстонском архиве, см. [207, т. 1, с. 491]): «**проклятым** гребнем Лорелеи», что немедленно дает «правдоподобную гипотезу» о существовании семантического отображения между отрезками текста, что позволяет применить НСО-принцип (п. 1.2.1.2): [А стены ПРОКЛЯТЫЕ ... И я, как дурак, НА ГРЕБЕНКЕ обязан КАМУ-то] \leftrightarrow [ПРОКЛЯТЫМ ГРЕБНЕМ + смысл: «Кама»].

²⁰¹ Оно же идишское с теми же значениями.

лысой, похожей на **ведьму**²⁰², надушенную пачулями, Мельпоменой».

Заметим, что в этом пассаже ЕМ Лорелея отождествляется с рекой (Фонтанкой).

Итак, вот и возникла Лорелея, играющая на дефектной «зубчатой» гребенке на высоком берегу Камы-реки. Автор как бы говорит: «И этим “гребнем”, т. е. гребнем Лорелеи и гребнем реки, и, наконец, самой рекой-Камой, заботливый садовник и палач Сталин наполнил мой досуг, – вместо того, чтобы просто казнить меня, – за что ему спасибо».

Заметим здесь же, что «зубчатая гребенка» и способность Камы «наполнить досуг» просвечивают в более позднем воронежском «ностальгическом» стихотворении о Каме, в котором образ реки «склеивается» с неким аттрактивным женским образом, более «выносимым» для Мандельштама, чем воронежская «убитость равнин», по которым, к тому же, «медленно ползет» какой-то кошмарный «народов будущих Иуда»:

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав
На **берегах зубчатых Камы**:
Я б удержал ее застенчивый рукав,
Ее круги, края и ямы²⁰³.

* * *

В завершение доказательства того, что в рассматриваемой строфе слово СВОЙ «маскирует» слово «мой», приведем еще одно соображение в пользу того, что «гребнем Лорелеи» наполнился досуг именно Мандельштама, а не «палача». Сохранился отрывок стихотворного текста, написанный Мандельштамом в 1935 г. – похоже, в мае – т. е. тогда же, когда создавались «Стансы»:

Это я. Это Рейн. Браток, помоги.
Празднуют первое мая враги.
Лорелеиным гребнем я жив, я теку
Виноградные жилы разрезать в соку²⁰⁴.

²⁰² В «дискурсе о Лорелее» ее часто называют «ведьмой».

²⁰³ «О, этот медленный, одышливый простор!» [I, с. 231].

²⁰⁴ «Строки из уничтоженных или утерянных стихотворений» [72, т. 3, с. 365].

Дело в том, что при порождении текста Мандельштам обычно отождествляет себя с «объектом дискурса», т. е. в данном случае с «Рейном». Поэтому слова ЛОРЕЛЕИНЫМ ГРЕБНЕМ Я ЖИВ – не в меньшей степени прямая речь автора, чем «Рейна». Тем самым, автор как бы говорит: «палач наполнил МОЙ досуг гребнем Лорелеи, и этот гребень есть сейчас нечто жизненно важное для меня».

Но здесь зашито еще одно свидетельство «жизненного значения» Лорелеинового гребня для Мандельштама в этот момент. Чтобы это увидеть, надо чуть поглубже «разрезать жилы» текста. Дело в том, что в этой точке суггестируется следующая ассоциативно-паронимическая цепочка: Г-РЕБНЕ-М → (пар.) Reben ‘виноград (лоза)’ → эпитафия из Э. Клейста к стих. Мандельштама «К немецкой речи» (1932)²⁰⁵, содержащий слова:

Reben ↔ ВИНОГРАДНЫЕ,
 Freund ‘друг’ ↔ БРАТОК,
 Saft ‘сок’ ↔ В СОКУ,
 leben ‘жить’ ↔ Я ЖИВ,
 fliehn ‘убегать, «утекать»’ ↔ Я ТЕКУ.

В результате реконструируется четкая связь: ГРЕБНЕМ → набор объектов [«ВИНО-градная лоза», «ВИНО-градный сок»] → «текущая из ВЕНЫ ВЕНО-зная кровь» → ЖИЛЫ [вены!] РАЗРЕЗАТЬ → «вскрыть вены = покончить самоубийством»²⁰⁶. Но слово ТЕКУ в тексте суггестирует второе (переносное) значение «соответствующего» ему немецкого fliehn, т. е. «утекать» = «убегать». Окончательно получается смысл: «гребень Лорелеи есть сейчас нечто жизненно важное для меня: благодаря ему, я избегаю самоубийства».

²⁰⁵ Вот этот эпитафия (как обычно, «усвоенный → присвоенный» Мандельштамом): ‘**Freund!** Versäume nicht zu **leben**: / Denn die Jahre **fliehn**, / Und es wird der **Saft** der **Reben** / Uns nicht lange glühen’.

²⁰⁶ В более раннем шуточном стихе Мандельштама «Помпонуш, римский гражданин...» (20-е гг.) обыгрывается ситуация вскрытия **вен**: «И сам себе **разрезал скукожилья**, / Скукожился и дух по ванной испустил» [72, т. 2, с. 86].

3.7.4. Итак, Сталин наполнил досуг Мандельштама гребнем Лорелеи, ставшим для поэта «жизненно важным». Но почему этот гребень **лиловый**?

Гребень Лорелеи **ЛИЛОВЫЙ**, потому что:

(а) Лорелея = Сирена²⁰⁷ → «сиреневый цвет» = «лиловый цвет». Заметим, что из германского контекста, который постоянно присутствует здесь, возникает русско-немецкая паронимическая связь: «сиреневый» → lila ‘сиреневый’ → (пар.) **ЛИЛОВЫМ**. Заметим еще, что Лорелея в немецких балладах, например, в упоминавшемся стихотворении Гейне, устраивает свои вредительские перформансы вечером, на заходе солнца²⁰⁸, т. е. как бы при наступлении «сиреневых сумерек».

Запишем более формально полученную цепочку:

ГРЕБНЕМ ЛОРЕЛЕИ → **ГРЕБНЕМ** «сирены» → сиреневым **ГРЕБНЕМ** = Lila-kamme → (пар.) «лиловой Камой» → **ЛИЛОВЫМ ГРЕБНЕМ**.

Стоит отметить и чуть более короткую цепочку, дающую связь Лорелея → «сиреневый». Эта цепочка просвечивает в наброске к гл. «Французы» из «Путешествия в Армению»: «...Роскошные плотные сирени Иль-де-Франс <...> горели на стене <...> [и были чувственной, лукавей и опасней огненных женщин] более сложные и чувственные, чем женщины»²⁰⁹. Здесь Лорелея = соблазнительная, чувственная, опасная женщина → сирень → сиреневый (цвет).

Собственно, сказанного в п. (а), по-видимому, достаточно для демонстрации связи Лорелея → лиловый. Но пп. (б) – (е) достойны упоминания, потому что они дают интересное описание «работы» лилового цвета в воронежской «картине мира» Мандельштама.

²⁰⁷ Образ «сирены» уже возникал у М в статье <Скрябин и христианство>: «Бессловесный, странно немолчаливый ХОР “Прометей” – все та же опасная, **соблазнительная СИРЕНА**» [72, т. 1, с. 204]. В приведенном выше пассаже из ЕМ Мандельштам издается над «соблазнительностью» «Лорелеи вареных раков», «покровительницы плюгавого Малого театра» с его «похожей на ведьму Мельпоменой».

²⁰⁸ У Гейне: “Die Luft ist kuhl und **es dunkelt** <...> im abendsonnenschein”. В переводе А. Блока: «Прохладой **сумерки** веют;/ И Рейна тих простор;/ **В вечерних лучах алеют/ Вершины далеких гор**».

²⁰⁹ [72, т. 3, с. 384].

(б) В представлении М, высокий берег (гребень) Камы-Вишеры зарос ельником: «Жгучий **ельник** бежит, молодея в воде»²¹⁰. В то же время, по другим воронежским текстам видно, что «речной ельник» = «еловый лес у реки» связывается у М с **лиловым** цветом, напоминающим цвет чернил²¹¹: «Близкой кажется **река**. / И какой **там лес** – **еловый?** / **Не еловый, а лиловый**, – / И какая там береза, / Не скажу наверняка – / Лишь **чернил** воздушных проза / Неразборчива, легка»²¹². Отсюда получается связь: «Гребень Камы» = «гребень Лорелеи» ↔ «лиловый (фиолетовый) цвет»²¹³.

(в) В другом представлении М почему-то возникает «гастрономическая» метафора²¹⁴: высокий берег (гребень) Камы предстает большим куском мяса или рыбы²¹⁵ на кости («костер» ← «кострец»), который можно съесть, предварительно посолив: «И хотелось бы гору с костром отслоить, / Да едва успеваешь леса посолить»²¹⁶. Гребень горы, гора с костром = мясо, ХВОЙНОЕ МЯСО. [САЛИ-КАМ-ск] → [ЛИСА-ПА-САЛИТЬ, АТ-СЛАИ-ТЬ]. По-видимому, цветовая гамма куска мяса

²¹⁰ Стих. «Кама» (апрель–май, 1935) [I, с. 215].

²¹¹ Ср. в стих. «Еще мы жизнью полны в высшей мере»: «И пишут <...> толковые **лиловые чернила**» [I, с. 218]. Это стих. написано 24 мая 1935 г., т. е. на том же временном пятячке, что и «Стансы».

²¹² Стих. «Вехи дальние обоза...» (декабрь 1936 г.) [I, с. 227]. Ср. в стих. «Еще мы жизнью полны в высшей мере» (24 мая 1935 г.): «И пишут <...> толковые **лиловые чернила**» [I, с. 218].

²¹³ Приведем наблюдение берега на закате солнца «сплавником» по Каме-Вишере: «Берег по цвету... вечером ближе к **синему**... Под закат, естественно, **рыжевато-оранжевый**» (сообщено проф. Н. Бочкаревой, Пермь). Если эти краски на палитре смешать, то как раз и получится то, что на немецком называется общим словом **lila**, т. е. фиолетово-сиренево-лиловая гамма. Связь: нем. **lila** → (пар.) **ЛИЛОВЫЙ** здесь вполне релевантна, потому что у Мандельштама при генерировании рассматриваемого текста, как уже отмечалось, «включен» «германский монитор».

²¹⁴ По-видимому, это метафора, индуцированная названием СОЛИ-КАМ-ск (исходный пункт плавания по Каме).

²¹⁵ Ср. в варианте стих. «День стоял о пяти головах...» (1935, апрель–май): «...**Горой пообедав, поезд ужинал лесом** <...>. Глаз превращался в **хвойное мясо**» [72, т. 3, с. 336].

²¹⁶ Стих. «Кама» (апрель–май, 1935) [I, с. 215].

на «мозговой» кости представляется Мандельштаму **синева-то-лиловой**²¹⁷.

(г) В стих. 1937 года М несколько ностальгически вспоминает свое путешествие 1934 года по Каме: «А на деле-то было тихо, / Только шел пароход по реке [Каме!], / Да за кедром²¹⁸ ЦВЕЛА ГРЕЧИХА...»²¹⁹. Поле цветущей гречихи имеет **розово-фиолетовый** (= лиловый) цвет. Связь в представлении М «цветущей гречихи» с фиолетово-лиловой расцветкой, т. е. с цветовой гаммой «венозной крови», подтверждается строкой в мандельштамовском переводе (с французского) одного из стихотворений О. Барбье: «война цветет, как море гречи»²²⁰ → аллюзия на связь **цвета крови** с цветом поля цветущей гречихи²²¹, к тому же слова «война» и «вена» – паронимы.

(д) Еще один «лиловый» компонент гребня Лорелеи, которым «садовник и палач» наполнил досуг Мандельштама – это воронежский чернозем. В стих. «Чернозем», почти совпадающим по времени создания со «Стансами», Мандельштам пишет о воронежской земле: «Переуважена, **перечерна**, вся в доле, <...> В дни ранней пахоты **черна до синевы**...»²²². Видно, что суггестируемая цветовая гамма здесь фиолетово-лиловая.

Находясь в семантическом поле «чернозема», приведем еще одну цепочку со-ображений (т. е. сопоставлений образов): в уже рассмотренном в (а) отрывке из «Скрябина» некий «бессловесный **хор** Прометей» отождествляется с «**сиреной**». Но в других воронежских стихах Мандельштам «солидаризируется» с «пригвожденным к скале» [→ скала Лорелеи!] Прометеем²²³.

²¹⁷ Ср. в «Импрессионизме»: «Его запекшееся лето **лиловым мозгом** разогрето», «А тень-то тень все **лиловой**, <...> Ты скажешь: повара на кухне **готовят жирных голубей**» [I, с. 188].

²¹⁸ Т. е. на высоком берегу, на ГРЕБНЕ.

²¹⁹ Стих. «Средь народного шума и спеха» (январь 1937 г.) [I, с. 235]

²²⁰ См. Приложение: 1923. Переводы из Огюста Барбье. «Наполеоновская Франция». Заметим, что во французском оригинале у Барбье никакой «гречихи» нет и в помине.

²²¹ Запишем более формально паронимические связи здесь: ЦВЕТЕТ → blüht 'цветет', Blüte 'цвет (растений)' → (пар.) Blut 'кровь' → (асс.) «поле, залитое кровью».

²²² Стих. «Чернозем» (апрель 1935 г.) [I, с. 211].

²²³ «Где связанный и пригвожденный стон, / Где Прометей – скалы подспо-

Тем самым, имеется связь: «хор Прометея» \leftrightarrow «хор Мандельштама», откуда имеем отождествление: «хор Мандельштама» = «сирена». Но в стих. «Чернозем» говорится про воронежскую землю (= «чернозем»): «Вся рассыпаючись, вся образуя **хор**²²⁴, – / Комочки влажные моей земли и воли». Отсюда «хор Мандельштама» = «чернозем» = «сирена». Поэтому «чернозем» – сиреневый = **лиловый** и т. д.

(е) В завершение вернемся к приведенному в конце п. 3 отрывку 1935 г.

«Это я. Это Рейн. Браток, помоги. / Празднуют первое мая враги. / Лорелеиным гребнем я жив, я теку / Виноградные жилы разрезать в соку»

Напомним, что в конце п. 3.7.3 была продемонстрирована связь «Лорелеина гребеня» с «текущей **венозной** кровью». Тем самым «гребень» связывается, соответственно, с «темно-красно-**лиловой**» цветовой гаммой венозной крови, что и придает ему **лиловую** окраску.

рье и пособие?» (1937) [I, с. 233].

²²⁴ Необходимо здесь отметить высоковероятную побочную (хотя у Мандельштама, кажется, не бывает побочных связей) омофоническую связь: РАССЫПАЮЧИСЬ, ХОР \rightarrow идиш [hor] 'волосы' (= нем. Нааг, присутствует в тексте Гейне, см. эпиграф) \rightarrow «рассыпающиеся волосы» \rightarrow роскошные **рассыпающиеся по плечам волосы** Лорелеи, которые она, собственно, и расчесывает своим ГРЕБНЕМ.

Приложение

Корпус «межъязыковых интерференций»
у Мандельштама. Иноязычные словоформы
и словосочетания (эксплицитные и
суггестируемые) в текстах М
и комментарии к ним.

Мы к Мандельштаму близко не
подошли, мы заняты первичной
дешифровкой, мы учим язык!

Г. Левинтон¹

Предварительные замечания

Отдельные факты присутствия иноязычных (в основном, немецких) суггестий и подтекстов у Мандельштама давно регистрировались исследователями².

¹ На мандельштамовском симпозиуме (1991).

² Еще Н. Мандельштам в своем «Комментарии к стихам 1930–1937 гг.», писавшемся в конце 60-х, рассматривает связь «Рейн – (я весь будущим) прореян» в варианте стих. «К немецкой речи» и видит в ней отражение «кровной связи [Мандельштама] с землей, откуда в Россию пришли его предки» [2, с. 425]. В 1979 г. Г. Левинтон в рамках общих рассуждений о «поэтическом билингвизме» и о «языке как о подтексте» привел 2 очень точных примера немецко-русской паронимазии у Мандельштама: «Фета жирный карандаш» и «есть блуд труда и он у нас в крови», последний пример – со ссылкой на Р. Тименчика [100, с. 29]. В 1981 г. В. Топоров в рамках исследования «анаграммы» рассмотрел просвечивающее греко-латинское слово *chelidon* ‘ласточка’ в «Стихах о неизвестном солдате» [213, с. 120]. О. Ронен в статье 1986 г. рассматривает связь «Бог Нахтигаль–соловей–слово» и анаграмму «Нищие – ценишь»; в этой же статье Ронен упоминает «замечательные **двуязычные омонимы**» в лирике М 1916 г. [2, с. 520, 523, 535]. Б. Кац в комментарии 1991 г. указывает на «происхождение» строки «И Шуберт **на воде...**» из названия песни Шуберта: “**Auf dem Wasser zu singen**” [192, с. 34]. Там же (с. 122) он приводит русско-немецко-итальянскую «смыслозвучную цепочку»: «**Герц**ович–**Сердце**вич–**Скерц**ович» (Herz ‘сердце’ – Scherz ‘шутка’ – Scherzo ‘нем. ← итал. шутка’) и рассматривает (с. 32) русско-польскую связь: *żał* ‘печаль, жалость’ ↔ «чалый» в строке: «Утешь меня Шопеном чалым». N. Pollak в монографии 1995 г. [133, с. 17] приводит 2 примера паронимического и синтаксического рефлексов немецкого текста Гете в тексте Мандельштама. М. Лотман в работе 1996 г. [101, с. 59–60]

Но первая серьезная попытка сбора и интерпретации фактов в этой области, была сделана лишь в монографии [200], где был предъявлен корпус «германских» (немецкий и идиш) интерференций у Мандельштама.

В настоящем «словаре» делается следующий шаг, а именно: предъявляется, по возможности, полный корпус эксплицитных и «просвечивающих» (суггестируемых) иноязычных интерференций в текстах Мандельштама на **всех** использованных им языках. При этом корпус «германизмов» значительно пополнен, по сравнению с [200].

Замечание о «пометах». Отсутствие обозначения языка, который интерферирует в данном месте текста, означает, что этот язык (по умолчанию) – немецкий. «Идишизмы» помечаются буквой У Следует отметить, что в корпус «идишизмов» здесь не включены те случаи суггестий и эксплицитных выражений, немецкое происхождение которых равно- или более вероятно, чем «идишское». Эти интерференции отнесены к «немецким», т. е. не помечены.

Обозначения в тексте «корпуса»³:

Тексты М (и их датировки) цитируются, в основном, по изданию [1]; римск. I обозначает первый том этого издания, римск. II – второй том.

Отсутствие языковой пометы (ситуация «по умолчанию») подразумевает, что имеет место немецкая интерференция.

рассмотрел связи «смерти–умрет–тот», красный–рот», «Лермонтов–(м)учитель». А. Жолковский в статье [103] 2000 года приводит русско-польскую и русско-немецкую омофонии (пол. kruk, нем. Rabe 'ворон') в строке «Перед всем безлесным **кругом** даже **ворон оробел**». Г. Амелин и В. Мордерер в книге [87] 2000 года приводят ряд примеров русско-немецкой омонимии у Мандельштама. 7 надежных связей, установленных в [87], приводятся в нашем списке, это: «сугроб–болезненные–тоска», «глухонемые–голуби–штаб», «кружево–проколы», «банкиры–горный ландшафт», «глаз–рюмка–стекло–бинокль», «зрение–лайковая перчатка», «бриллиант Тэта–пляска смерти» (последнее, скорее, идишизм).

³ Общий список сокращений см. в начале книги.

Скобки [...] содержат (кроме ссылок) фонетическую запись слова/отрезка речи.

Знак (=A) сообщает, что может иметь место **равновероятная** интерференция языка А (иногда с небольшой фонетической модификацией).

Знаки (>A) и (<A) говорят, что могущая иметь место интерференция языка А более (или менее) вероятна⁴, чем рядом указанная интерференция.

Знак (+A) обозначает вероятную контаминацию с интерференцией языка А.

Знак (?A) означает присутствие интерференции языка А с неясным отношением (в смысле вероятности или контаминации) к рядом указанной интерференции.

Стрелки \leftarrow и \rightarrow содержат «меню» смыслов типа 'суггестирует, вызывает, ассоциируется с, провоцирует, каузирует и т. п.' Знак \leftrightarrow сообщает, что направление стрелок не ясно⁵, или же, что взаимовлияние соединяемых стрелками «слов» симметрично. Эти стрелки еще удобно называть «семантическими операторами», или «семантическими функциями», преобразующими смысл А в смысл В.

Помета CONJ означает, что данная связь – всего лишь гипотеза.

Выделение слова в цитатах прописными буквами или «жирным» шрифтом – по умолчанию, **ВЕЗДЕ мое**.

⁴ Собственно, главный недостаток этой работы состоит в том, что мы не умеем численно оценивать эту вероятность, равно как и вероятность (достоверность) того, что данная «германская» суггестия в тексте М вообще имеет место. Поэтому мы вынуждены ограничиваться чем-то вроде «экспертной» оценки. Этого, конечно, недостаточно и иногда даже вызывает «метафорические ДТП»: наблюдателя «заносит», и он начинает видеть «иноязычные интерференции» в М-тексте везде, что приводит к смешным курьезам. Разработка **методики** численной оценки соответствующих вероятностей («достоверностей») становится сейчас приоритетной задачей в данной области лингвоэтики (психолингвистики?).

⁵ На самом деле, направление стрелок редко когда до конца ясно, оно, в идеале, также должно снабжаться численной оценкой вероятности.

Список упорядочен хронологически,

* – маркер нового «входа»

* 1908. Стих. «Сусальным золотом горят...» [I, с. 66].
В стр. «В кустах игрушечные волки / Глазами страшными глядят.»

КУСТАХ → Sträucher [štrouše]⁶ ‘кусты’ → (пар. основы) **страш-**
→ СТРАШ-ными.

* кон. 1908–нач. 1909. Стих. «Довольно лукавить: я знаю...» [I, с. 263].

В стр. «Что я не умею дышать; / Туманное очарованье»
(=Y) ДЫШАТЬ → atmen ‘дышать’ → (эквиконс. TМN) ТУМАН-
НОЕ

* 1909. Стих. «На бледно-голубой эмали...» [I, с. 67].

В стр. «Когда его художник милый / Выводит на стеклянной
тверди»

(=Y)⁷ МИЛЫЙ → würd-ig ‘милый, дорогой, достойный’ [117,
с. 1453] → (пар.) ТВЕР-ДИ⁸.

* 1909. Стих. «Имею тело: что мне делать с ним...» (вариант) [I, с. 68, 456].

(1) В стр. «Имею тело: что мне делать с ним»

(=Y)⁹ ИМЕЮ ТЕЛО... ← «Ich habe...» – синтаксический германизм.¹⁰

⁶ Здесь следует напомнить, что М «шепелявил», поэтому для него фонетически [š] = [s] → [страш] = [штраш] и т. п.

⁷ Идишизм Y[wertik] ‘ценный, достойный’ здесь равновероятен.

⁸ Отсюда можно видеть, что семантический спектр русск. «милый» у М «смещен» под воздействием G/Y-субстрата примерно так же, как в случае с русск. «ласка, ласковый», (идиш/польско/укр. воздействие). Ср. «милый плов» в «Мне Тифлис горбатый снится» [I, с. 128].

⁹ Идишизм [ix-hob] ‘я имею’ здесь равновероятен.

¹⁰ Этот вариант был в дебютной публикации М в журнале «Аполлон», №9, июль-авг. 1910 г. В более позднем варианте G/Y-конструкция была устранена и возник окончательный вариант ДАНО МНЕ ТЕЛО – ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ С НИМ. В. Андреев, сын писателя Леонида Андреева, пишет в своих мемуарах [25]: «Еще в отцовской библиотеке, в одном из номеров «Аполлона» я прочел

(2) В стр. «Узора милого не зачеркнуть»
(=Y) МИЛОГО УЗОРА → würdig (= Y[wertik]) 'дорогой, ценный' → смысл: «**дорогого, ценного** узора»¹¹.

* 1909. Стих. «Ни о чем не нужно говорить...» [I, с. 69].
В стр. «Темная звериная душа: / <...>
И плывет дельфином молодым / По седым пучинам мировым»
CONJ
(а) ДУША → Seele 'душа' → (пар.) See 'море' → «пучина моря»
→ ПО... ПУЧИНАМ.
(б) See → (син.) Meer 'море' + (русск.) «море» → (пар.) (ПУЧИНАМ) МИРОВЫМ.

* 1909. Стих. «Если утро зимнее темно...» [I, с. 269].
В стр. «То холодное твое окно / Выглядит как старое панно»
(=Y) ХОЛОДНОЕ → kalt (=Y[kalt]) 'холодный' → (пар.) «как» +
alt (=Y[alt]) 'старый' → КАК СТАРОЕ.

* 1909. Стих. «Дыханье веще в стихах моих...» [I, с. 271].
В стр. «Что круг очерченной им красоты»
(<Y) КРУГ → Kreis (= YP [kraz]) 'круг' → (пар.) КРАС-ОТЫ.¹²

* 1909. Стих. «Нету иного пути...» [I, с. 271].
В стр. «Лодка скользящая над / Тихою бездною вод»
ЛОДКА → Boot 'лодка' → (пар.) ВОД.

* 1910. Стих. «Где вырывается из плена...» [I, с. 272].
В стр. «Потока шумное стекло, / Клубящаяся стынет пена»

стихотворение «Имею тело – что мне делать с ним...», которое меня поразило неприятным оборотом «имею тело» и удивительным, похожим на мертвую зыбь, ритмом...». См. также «германизмы» в «Мы напряженного молчания не выносим...» (1913).

¹¹ См. пред. *.

¹² «Польский идишизм» YP[kras] 'круг' здесь более точен фонетически и поэтому более вероятен. См. еще G/Y-суггестии к «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935).

(=Y) ПЕНА → Schaum (=Y[šoyum]) 'пена' → (пар. основы) ШУМНОЕ¹³

* 1910. Стих. «Когда укор колоколов...» [I, с. 275].

В стр. «Я уничтожен, заглушен, / Вино, и крепче и тяжеле, / Сердечного коснулось хмеля / <...> И мне переполняет душу / Неизъяснимая полынь»

(а) ПОЛЫНЬ → Wermut 'полынь, вино «вермут»' → отсылает к первой строке: ВИНО, И КРЕПЧЕ И ТЯЖЕЛЕ...

(б) ПОЛЫНЬ. → Wermut → (пар.) Wehmut 'тоска, меланхолия' → НЕИЗЪЯСНИМАЯ («тоска»)¹⁴

* 1910. Стих. «Мне стало страшно жизнь отжить...» [I, с. 275].

(1) в стр. «И с дерева, как лист, отпрянуть, / И ничего не полюбить, / <...> На мраморной сличаю плите»

(=Y) ЛИСТ → Blatt 'лист, страница' → (эквиконс. В/Р-ЛТ) ПОЛЮБИТЬ, ПЛИТЕ

(2) в стр. «И содроганья теплых птиц, / Улавливаю через сети, / И с истлевающих страниц»

(>Y) СЕТИ → (пар.) Seite 'лист, страница' → СТРАНИЦ

* 1910. Стих. «Убиты медью вечерней...» [I, с. 277].

В стр. «И тело требует терний, / И вера – безумных цветов, / Упасть на древние плиты / <...> Вином божественной крови...»

(=Y) ЦВЕТОВ → Blüte 'цветок, цвет (собира.)' → (эквиконс. В/Р-ЛТ) ПЛИТЫ → (пар.) Blut (=YР[blit]) 'кровь' → КРОВИ¹⁵

* 1910. Стих. «В изголовьи Черное Распятие...» [I, с. 281].

В стр. «И ложится тонкое проклятье – / Пыльный след на дереве Креста»

¹³ Об этой связи см. ниже в G-сугг. к «Раковина» (1911).

¹⁴ Сочетание со смыслом 'неизъяснимая тоска' встречается в других стих. М, например, в первой строке «Невыразимая печаль...». См. еще G-суггестии к «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922): «вино <...> полынь».

¹⁵ Эту же связь см. ниже в G/Y-сугг. к стих. «За Паганини длиннопалым...» (1935).

(=Y) ПРОКЛЯТЬЕ → Fluch 'проклятие' → (пар.) Flucht 'линия'
→ ПЫЛЬНЫЙ СЛЕД (НА ДЕРЕВЕ)

* 1910. Стих. «Когда удар с ударами встречается...»
[I, с. 70].

В стр. «Торопится, и грубо остановится, / И упадет веретено»
(>Y) ГРУБО (ОСТАНОВИТСЯ) → grob-lich 'грубо, сильно
(усилит. смысл)' → усиление смысла. «остановится» → смысл:
«резко остановится веретено»¹⁶.

* 1910. Стих. «Silentium» [I, с. 70].

(1) в стр. «Спокойно дышат моря груди, / Но, как безумный,
светел день, / И пены бледная сирень / В черно-лазоревом
сосуде»

Fr СПОКОЙНО, СВЕТЕЛ → (acc.) sereine 'светлая, ясная, спо-
койная' → (пар.) СИРЕНЬ¹⁷

(2) в стр. «Да обретут мои уста / Первоначальную немоту, / Как
кристаллическую ноту, / Что от рождения чиста!»

It (>**Fr**) УСТА → (пар.) «хр-уста-ль» → cristallino (= фр. cristallin)
'хрустальный, кристаллический, чистый (о голосе)¹⁸ → КРИ-
СТАЛЛИЧЕСКУЮ, ЧИСТА

(3) в стр. «Останься пеной, Афродита, / И, слово, в музыку вер-
нись, / И, сердце, сердца устыдись»

(а) (=Y) ПЕНОЙ → Schaum (=Y[šoym]) 'пена' → (пар.) «шум»
→ (acc.) МУЗЫКУ¹⁹

(б) **Fr** ПЕНОЙ → mousse 'пена'²⁰ → (пар.) МУЗЫКУ

(в) (>Y) ПЕНОЙ → Schaum [šam]²¹ 'пена' → (пар.) Scham 'стыд'

¹⁶ Подробнее о подобных примерах см. в главе 7, в конце п. 7.5. Идишизм
Y[greblich] 'rather rude [107]' здесь менее точен фонетически.

¹⁷ Эта же связь в стих. «Старик» (1913).

¹⁸ Ср. фр. voix crystalline 'чистый голос'.

¹⁹ Связь «шум», «музыка» ↔ «пена» см. еще в G-суггестиях к «Где выры-
вается из плена» (1910), «Раковина» (1911), «Шум времени» (1923), <Скрябин и
христианство> (1915).

²⁰ Отметим, что слова mousse [mus] и ШУМ – это омофоны с точностью до
конс. метатезы.

²¹ Со стандартным стяжением дифтонга [au] в произношении М. Стяжение
дифтонга [au] → [a] «слышно» в ряде явных и суггестируемых германизмов у
М, см. напр., G-суггестии к «Два трамвая» (1925).

→ У-СТЫД-ИСЬ²².

* 1910. Стих. «В огромном омуте прозрачно и темно...» [I, с. 72].

В стр. «Соскучившись по милом иле, / То – как соломинка, ми-
нуя глубину»

(=Y) (ПО) МИЛОМ ИЛЕ → Schlamm (=Y[šlam]) 'ил' → (экви-
конс. «по модулю» š=s) «солома» → СОЛОМИНКА

* 1910. Стих. «Из омута злого и вязкого...»²³ [I, с. 72].

В стр. « Из омута злого и вязкого / Я вырос тростинкой, шур-
ша, – / И страстно, и томно, и ласково / Запретною жизнью
дыша./ И никому, никем не замеченный, / В холодный и топкий
приют»

(а) Yd ИЗ ОМУТА → Y[waser-grub] 'омут'²⁴ → (Y [grub] 'яма,
могила' + (пар.) R «гроб») → смысл: «из могилы, гроба,
смерти вырос в жизнь и возвращаюсь обратно в могилу»²⁵.

(б) Yd (= G) ЗЛОГО = Y[beyz] 'злой'), Y[beysk-ayt] 'злость' →
(пар.) ВЯЗК-ОГО

(в) Yd ИЗ ОМУТА → Y[waser-grub] 'омут' → [waser] → (экви-
конс. ВСР) ВЫРОС

Еще одна связь, приводящая к тому же результату (к сугге-
стированию ВЫРОС):

(г)²⁶ Yd ВЯЗКОГО → (эквиконс.) Y[waksn] 'рост' → R «рост» →
(acc.) ВЫРОС, Т-РОСТ-ИНКОЙ.

(д) Yd ШУРША ←→ Y[šuršen] 'шуршать'

(е) Yd И ТОМНО → (эквиконс. + пар.) Y[otemen] 'дыхание, ды-
шать' → ДЫША

²² Здесь еще возможен, но фонетически менее вероятен, идишизм Y[šemen-zix] 'стыдиться'.

²³ Большая плотность YP/Pol интерференций в этом стих. объясняется, по-
видимому, манифестируемой здесь мучительной рефлексией М о своих отно-
шениях с семьей и с еврейством вообще (тема ухода?). О «еврейских» коннота-
циях этого текста см. [3].

²⁴ См. [104, с. 323].

²⁵ Здесь именно идишизм, т. к. немецкие эквиваленты для «омут» не содер-
жат [grub]. Ср. Y-поговорку [stile-waser-grobn-tif] 'букв.: тихая вода роет глубо-
ко' = «в тихом омуте...».

²⁶ Ср. ниже интерференции в «Вакс ремонтнодышащий» (1937–1938).

- (ж) **Yd** (= **G**) И ЛАСКОВО → (пар.) $Y[lason]$ 'dainty person'
(нем. lass 'усталый, изнеженный') → смысл: «нежно, томно дыша»²⁷
- (з) **Pol** ТРОСТИНКОЙ → (с мягким [ль]) laska 'трость, палка'
→ (пар.) ЛАСКОВО

* 1910. Стих. «Как кони медленно ступают...»²⁸ [I, с. 73].
В стр. «Как кони медленно ступают, / Как мало в фонарях огня!/
Чужие люди, верно, знают, / Куда везут они меня. / А я уверяю
их заботе./ Мне холодно, я спать хочу; / Подбросило на повороте,
/ Навстречу звездному лучу. / Горячей головы качанье,
/ и нежный лед руки чужой, / И темных елей очертанья, / Еще
невиданные мной»

- (1) (<Y) «двухсогласная ячейка» [F/V-R] и ее 3-конс. расширение [F/V-R-M/N] паронимически «проявляется» во многих местах, если вскрыть G/Y-суггестивность: КОНИ = Pferde = $Y[ferde]$, ФОНАРЯХ, ОГНЯ = (pl.) Feuer = (pl.) $Y[fayern]$, ЧУЖИЕ fremde = $Y[fremde]$, ВЕРНО, ВЕЗУТ = fahren = $Y[fi:n]$, ВВЕРЯЮСЬ, ПОДБРОСИЛО = werfen ('бросать') = $Y[untervarfn]$, ПОВОРОТЕ, ГОРЯЧЕЙ = warm = $Y[warem]$, ЧУЖОЙ (РУКИ) = fremde = $Y[fremde]$ ²⁹.
- (2) (=Y) МЕДЛЕННО СТУПАЮТ → «тащатся» = schleppen (= $Y[\$lep:n]$) → (эквиконс. по модулю p/f) schlafen 'спать', schläfern 'клонить ко сну, быть сонным' (= $Y[\$lefern]$) → СПАТЬ ХОЧУ³⁰.
- (3) (?Y) Я (ВВЕРЯЮСЬ) → Ich (= $Y[ix]$) 'я' → (омон.) ИХ (ЗАБОТЕ)

²⁷ Это еще один элемент «смещенного» семантического спектра «ласковости» у М. Ср. «с каким-то ласковым испугом...».

²⁸ Этот текст замечателен тем, что он фиксирует какие-то впечатления раннего детства М и при этом пронизан G/Y-суггестиями с перевесом в сторону идиша. Это свидетельство того, что языком раннего детства М был идиш, или идиш-немецкий «суржик».

²⁹ Легко видеть, что идишизмы здесь, в общем, фонетически точнее.

³⁰ Здесь еще русская эквиконс. пара «ступать-спать». Но «сквозная» G/Y-суггестивность первых 2 строф показывает, что эта R-пара суггестирована соотв. G/Y-парой schleppen-schläfern, в которой даже нет (в основе) конс. метатезы!

- (4) (=Y) В ФОНАРЯХ → (эквиконс.) fahren (=Y[fiɾen]) 'везут' → (КУДА) ВЕЗУТ
- (5) (=Y) НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДНОМУ ЛУЧУ – здесь просвечивает «аллитерация» [STR-N/L]: Н-ав-СТР-ечу, ЗВЕЗДНОМУ = Stern- = Y[štern], ЛУЧУ = Strahl = Y[štral]
- (6) (=Y) ЕЛЕЙ → Tannen 'ели' (=Y[tanen]) → (пар.) ТЕМН-ЫХ, ОЧЕР-ТАН-ЬЯ, ВИ-ДАНН-ЫЕ.

* 1910. Статья «Франсуа Виллон» [II, с. 134].
 В стр. «подобно тому, как Верлен разбил serres chaudes символизма...»
Fr SERRES CHAUDES = 'теплицы, зажимы, когти, сдавливание' → **двойной** смысл: (а) «Верлен смог вырваться из когтей (зажимов) символизма», (б) аллюзия на сборник М. Метерлинка «Теплицы»

* 1911. Стих. «Скудный луч холодной мерюю...» [I, с. 73].
 В стр. «Как пустая башня белая, / Где туман и тишина...»
 (>Y) БАШ-НЯ БЕЛ-АЯ → (акр.) [n'abel] → пар. Nebel (=Y[nepɫ]) 'туман' → ТУМАН.

* 1911. Стих. «Воздух пасмурный влажен и гулок...» [I, с. 74].
 В стр. «Мировая туманная боль – /<...> И тебя не любить мне позволь»
 (а) (>Y) ТУМАН-НАЯ БОЛЬ ↔ (акр.) [nayaɔɫ] → пар. Nebel (=Y[nepɫ]) 'туман' → ТУМАН → R/G-«палиндром» ТУ-МАН- NeBeL
 (б) (>Y) НЕ ЛЮБИТЬ → (акр.) [nelub] → (конс. метат + пар.) Nebel (=Y[nepɫ]) 'туман'.

* 1911. Стих. «Сегодня дурной день...» [I, с. 75].
 В стр. «О, маятник душ строг – / Качается глух, прям»
 (>Y) МАЯТНИК → Pendel (=Y[pedikl]) 'маятник' → (пар.) педель (школьный сторож, швейцар), Pedant 'педант' → «строгий учитель» → (асс.) «строгий, прямой» → СТРОГ, ПРЯМ

* 1911. Стих. «Смутно-дышащими листьями...» [I, с. 75].

В стр. «Встала медная луна»

ЛУНА → Mond 'луна' → (эквиконс.) МЕДНАЯ

* 1911. Стих. «Отчего душа так певуча...» [I, с. 76].

В стр. «Неожиданный Аквилон? / Он подымет облако пыли»

(<Y) АКВИЛОН → (эквиконс.) Wolken 'облака' → ОБЛАКО³¹.

* 1911. Стих. «Раковина» [I, с. 76].

(1) в стр. «Но ты полюбишь, ты оценишь / Ненужной раковины
ложь»

CONJ ОЦЕНИШЬ ← (анаграмма) «Ницше»³².

(2) в стр. «Наполнишь шопотами пены, / Туманом, ветром и до-
ждем.»

(а) (=Y) ПЕНЫ → Schaum (=Y[šoym]) 'пена' → (пар.) «шум» →
«шумами пены» → ШОПОТАМИ³³

(б) Yd НАПОЛН-ИШЬ → (эквиконс. NPL) Y[nepl] 'туман' →
ТУМАНОМ

* <1911>. Стих. «На перламутровый челнок...» [I, с. 77].

В стр. «Ты заклинаешь, без сомненья, / Какой-то солнечный ис-
пуг»

(=Y) СОМНЕНЬЯ → (эквиконс. «по модулю» назальных m/n)
Sonnen- (= Y[zunen]) 'солнечный' → СОЛНЕЧНЫЙ

* 1911. Стих. «О небо, небо, ты мне будешь сниться» [I, с. 366].

В стр. «Жемчужный почерк оказался ложью, / И кружева не ну-
жен смысл узорный, / И только медь – непобедимой дрожью – /
Пространство режет, нижегт бисер черный»

(а) Yd МЕДЬ → Y[meš] 'медь' → (пар.) Y[emes] 'истина' →

³¹ Идишизм Y[volken] 'облака' более точен здесь ввиду ед. числа слова ОБ-
ЛАКО.

³² Эту анаграмму обнаружил О. Ронен, см. [2, с. 520].

³³ «Пена» ↔ «шум», «музыка» – постоянная связь у М, см. «германизмы»
к <Скрябин и христианство> (1915) и к «Шуму времени» (1923).

(ант.) ЛОЖЬЮ³⁴

(б) **Yd** МЕДЬ → Y[meš] 'медь' → (пар.) Y[meser] 'нож' → (acc.) «резать» → РЕЖЕТ

* 1911, 1922 Стих. «Кузнец» [I, с. 285].

В стр. «Круглое братство»

(=Y) БРАТСТВО → Bruder 'брат' → (пар.) runder 'круглый' → КРУГЛОЕ³⁵

* 1912, 1937. Стих. «Я вздрагиваю от холода...» [I, с. 77].

В стр. «Что, если, вздрогнув неправильно, / Мерцающая всегда, / Своей булавкой заржавленной / Достанет меня звезда?»

(а) серия суггестируемых G-эквиносонантизмов с конс. составом :(R-Š/S-T): НЕПРАВИЛЬНО = un-recht [un-rešt], ЗАРЖАВЛЕННОЙ = rostig [roštiš], ДОСТАНЕТ = reicht [rayšt] 'достигает', ЗВЕЗДА = Stern [štern].³⁶

(б) (=Y) МЕРЦАЮЩАЯ → Flimmer (= Y[glimer]) 'мерцание' → (пар.) immer 'всегда' → ВСЕГДА

* 1912. Стих. «Я ненавижу свет...» [I, с. 78, вар. с. 460].

В стр. «Кружевом, камень, будь / И паутиной стань, / (вар.: «Мстителем, камень, будь, / Кружевом острым стань») Неба пустую грудь / Тонкой иглоу рань»

(а) (=Y) КРУЖЕВОМ = Spitzen 'кружево' → Spitze 'острие' → ТОНКОЙ ИГЛОУ, КРУЖЕВОМ ОСТРЫМ³⁷.

(б) (=Y) КАМЕНЬ = Stein [štayn] (= YP[šta(y)n]) → (пар.) СТАНЬ

³⁴ См. также идишизмы к ЕМ, гл. VII, к «10 января 1934», к «А посреди толпы, задумчивый, брадатый ...» (1934). Здесь одновременно есть, похоже, аналогичная «русская» (т. е. не использующая язык-посредник) связь: МЕДЬ → «медные ПРОВОДА» → (эквинос.) «правда» → (ант.) ЛОЖЬЮ.

³⁵ Y-суггестия YP [brider] 'братья' → YP [rinder] 'круглый' здесь равновероятна.

³⁶ Все словоформы п. (а) – из варианта 1937 г. Здесь можно «услышать», что нем. sh для M в это время звучало на соотв. позиции как (частотный) сибилант [š]. В стандартном Y это же звучит как [x].

³⁷ Эта G-связь отмечена в [87]. См. G-суггестии к «Четвертой прозе» (1929), «кружева».

(в) **Yd** КАМЕНЬ → (эквиконс.) Y[NeKoMe] ‘месть’ → (пар.) МСТИТЕЛЬ

* 1912. Стих. «Образ твой, мучительный и зыбкий...» [I, с. 78].

В стр. «Образ твой, мучительный и зыбкий / Я не мог в тумане осязать./ «Господи!» – сказал я по ошибке,/ Сам того не думая сказать./ Божье имя, как большая птица,/ Вылетело из моей груди!»

(а) (>Y)³⁸ ОСЯЗАТЬ = fühlen (= Y[filn]) → (пар.) fehlen ‘ошибаться’ (Y[feler] ‘ошибка’) → (СКАЗАЛ Я) ПО ОШИБКЕ.

(б) ЗЫБКИЙ = schwan-kend → (пар.) Schwan ‘лебедь’ → «лебедь» → БОЛЬШАЯ ПТИЦА

* 1912. Стих. «Пешеход» [I, с. 79].

В стр. «И вечность бьет на каменных часах»

(=Y) И ВЕЧНОСТЬ → Urstand ‘первоначальное – от века – состояние (людей)’ → (де-акр., омоф., пар.) Uhr + Stein [šta(y)n] ‘часы + камень’ → КАМЕННЫХ ЧАСАХ

* 1912. Стих. «Казино» [I, с. 79].

В стр. «Но я люблю на дюнах казино, / <...> И тонкий луч на скатерти измятой»

(а) (>Y)³⁹ ДЮНАХ → (пар.) dünn (=Y[din]) ‘тонкий’ → ТОНКИЙ

(б) CONJ НА СКАТЕРТИ → (эквиконс. NSKTRT) knitterig [knitteriš] ‘измятый’ → ИЗМЯТОЙ.

* 1912. Стих. «Паденье – неизменный спутник страха...» [I, с. 80].

В стр. «И деревянной поступью монаха / Мощный двор когда-то мерил ты: / Булыжники и грубые мечты – / В них жажда смерти и тоска размаха! »

(а) МОНАХА → Monch [monš] ‘монах’ → (эквиконс. MNŠ) МОЩЕН-ЫЙ

³⁸ Y-связь менее вероятна по фонетическим соображениям.

³⁹ Y-связь менее вероятна по фонетическим соображениям.

- (б) CONJ Monch [monʃ] 'монах' → (эквиконс. MNŠ/S) messen 'мерить' → МЕРИЛ
- (в) МОЩЕНЫЙ = gepflastert → pflastern 'мощение' → Pflasterstein 'булыжник' → БУЛЫЖНИК
- (г) (<Y)⁴⁰ ГРУБЫЕ → grobe 'крупные' → смысл: «**крупные мечты**» → (ТОСКА) РАЗМАХА. Одновременно: grob → (омофон) «гроб» → смысл: «**гробовые мечты**» → ЖАЖДА СМЕРТИ

* 1912 (1913?). Очерк «Утро акмеизма» [II, с. 142].

В стр. «Острые акмеизма – не стилет и не жало декадентства»

Gr (>Fr, >G) АКМЕ-ИЗМА → 'ακμῆ 'острие, апогей, расцвет' → ОСТРИЕ⁴¹

* 1913 (1937). Стих. «Старик» [I, с. 84].

В стр. «Еще светло, поют сирены/ В седьмом часу утра./ Старик, похожий на Верлэна...»

Fr (>It) СВЕТЛО → sereine 'светлая, ясная, безмятежная' → (пар.) СИРЕНА⁴²

* 1913. Стих. «Петербургские строфы» [I, с. 85].

(1) в стр. «Кружилась долго мутная метель,/ И правоведа опять садится в сани,/ Широким жестом запахнув шинель» (=Y) МУТНАЯ МЕТЕЛЬ → (эквиконс. MTNL) Mantel 'шинель' → ШИНЕЛЬ

(2) в стр. «Онегина старинная тоска; / На площади Сената – вал сугроба»

CONJ ТОСКА → Wehmut 'тоска,' → (пар.) Wehe 'сугроб' → СУГРОБА⁴³

⁴⁰ Идишизм Y[grub] = (1) 'крупный', (2) 'могильный' – фонетически более точен.

⁴¹ В этом сочетании M как бы восстанавливает исконное греческое значение 'ακμῆ 'острие'. В нем. Akmé = 'вершина, апогей'; во фр. acmé = 'расцвет, апогей'.

⁴² Французская интерференция здесь объясняется фоном Парижа: Верлен и т. д. Эта же французско-русская связь в стих. «Silentium» (1910). Амелин и Мордерер, отметившие связь СВЕТЛО ↔ СИРЕНА в своей монографии [201, с. 327], почему-то считают «языком-посредником» здесь итальянский.

⁴³ Эта G-суггестия отмечена в [87]. См. еще «германизмы» к «1 января 1924»: «сугроб».

* 1913. Стих. «Заснула чернь. Зияет площадь аркой...»
[I, с. 87].

(1) в стр. «Здесь Арлекин вздыхал о славе яркой»

CONJ АРЛЕКИН = Harlekin → (пар.) heller 'яркий' → (СЛАВЕ)
ЯРКОЙ

(2) в стр. «Россия, ты – на камне и крови – / Участвовать в тво-
ей железной каре»

(а) (КАМНЕ + КРОВИ) = (Stein + Blut) → (акр.) Blutstein '(крас-
ный) железняк [117, с. 258]' → ЖЕЛЕЗНОЙ

(б) CONJ (В ТВОЕЙ) ЖЕЛЕЗНОЙ КАРЕ → Eisen 'железо, кан-
далы' + (ом.) Karre 'тачка' → «каторжная (острожная) тач-
ка» → смысл: «участвовать в твоих каторжных работах», ср.
нем. in die Karre verurteilen 'присудить к каторжной работе
[117, с. 750]; ср. у М позднее: «командированный к тачке
острожной».

Еще одна связь, приводящая к тому же смыслу на выходе:

(в) CONJ (В ТВОЕЙ) КАРЕ → (ом.) Karre 'тачка' + «кара (на-
казание)» = Strafe → Karrenstrafe 'каторжная работа [117, с.
750]' → смысл: «участвовать в твоих каторжных работах,
быть на твоей каторге».

* 1913 <1915?>. Стих. «Здесь я стою – я не могу иначе...»
[I, с. 85].

В стр. «Здесь я стою – я не могу иначе / Не просветлеет темная
гора – / И кряжистого Лютера незрячий/ Витает дух над купо-
лом Петра»

(а) ЗДЕСЬ Я СТОЮ – Я НЕ МОГУ ИНАЧЕ ← "Hier stehe ich –
ich kann nicht anders" (М. Лютер)

(б) ЛЮТЕР → Lauter 'чистый, светлый' → ПРОСВЕТЛЕЕТ

* 1913. Стих. «Мы напряженного молчанья не выно-
сим...» (вариант) [I, с. 87, комм. с. 464].

В стр. «Я был на улице. Свистел осенний шелк.../ Чтоб горло
повязать, я не имею шарфа!»

(а) ШЕЛК ← Schelke 'шелуха, скорлупа, кожаца [117, с. 1112]'

(б) (=Y) НЕ ИМЕЮ ШАРФА⁴⁴ ← «Ich habe...» – синтаксический германизм, Y[ix-hob] равновероятно.

* 1913. Стих. «Адмиралтейство» [I, с. 88].

В стр. «Запутался в листе прозрачный циферблат»

(=Y) В ЛИСТВЕ → «лист» = Blatt (=Y[blat]) → ЦИФЕР-БЛАТ.

* 1913. Стих. «В таверне воровская шайка...» [I, с. 88].

В стр. «И, недовольный, о ночлеге / Монах рассказывает ложь!»

(>Y) О НОЧ-ЛЕГЕ → (пар.) Lüge (=Y[lign]) 'ложь' → ЛОЖЬ.

* 1913. Стих. «Теннис» [I, с. 90].

В стр. «Из ковша спортсмен веселый; / И опять война идет»

(<Y) КОВША → Krug 'кувшин, кружка' (=Y[krug], YP[krig]) → (пар.) Krieg 'война' → ВОЙНА⁴⁵

* 1913. Стих. «Американка» [I, с. 91].

В стр. «В Америке гудки поют / И красных небоскребов трубы / Холодным тучам отдают / Свои прокопченные губы»

(а) ГУДКИ → Hupе 'гудок' → (пар.) ГУБЫ

(б) (=Y) НЕБОСКРЕБОВ → Wolkenkratzer (=Y[volknkratser]) 'небоскребы, букв. «туческребы»' → Wolken 'тучи' → ТУЧАМ

(в) ТРУБЫ → trübe = 'хмурый, пасмурный' → ХОЛОДНЫМ ТУЧАМ.

* 1913. Стих. «От легкой жизни мы сошли с ума...» [I, с. 288].

В стр. «Мы смерти ждем, как сказочного волка, / Но я боюсь, что раньше всех умрет / Тот, у кого тревожно-красный рот / И на глаза спадающая челка»

(а) (>Y) СМЕРТЬ → Tod, tot 'смерть, мертвый' → (пар.) ТОТ

⁴⁴ 2 апреля 1937 г. эта G/Y-конструкция была устранена, и возник окончательный вариант: И ГОРЛО ГРЕЕТ ШЕЛК ЩЕКОЧУЩЕГО ШАРФА. См. к этому германизмы в стих. «Имею тело...».

⁴⁵ Похоже, что здесь (польский) идишизм: вариант YP [krig] фонетически наиболее точен.

(б) (>Y) ROT → (пар.) rot ‘красный’ → ТРЕВОЖНО-КРАСНЫЙ
ROT⁴⁶

* 1913. Стих. «Мадригал» [I, с. 289].

В стр. «И пред людьми русалка виновата – / Зеленоглазая, в
морской траве! / <...> Так моряки в прохладе изумрудной»

(а) ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ → (пар.) Seegrass ‘взморник, букв. «мор-
ская трава»’ → (В) МОРСКОЙ ТРАВЕ

(б) (=Y) «зеленый цвет» + (МОРСКОЙ-ТРАВЕ) → (эквиконс.
MRSKT) Smaragd [smarakt] ‘изумруд’ → ИЗУМУРДНОЙ.

* 1913. Стих. «Песенка» [I, с. 290].

(1) в стр. «Голубые судомойки»

ГОЛУБЫЕ = blauen → (пар.) blauen ‘синить, подсинивать белье’
→ СУДОМОЙКИ (= прачки, см. п. 2)

(2) в стр. «Тяжела с бельем корзина, / И мясник острит так
плотски.»

(а) CONJ (=Y) ТЯЖЕЛА = schwere → (част. метатеза) Wasche
‘белье, стирка’

(б) МЯСНИК = Fleischer → (метатеза) schleifen ‘заострять’ →
ОСТРИТ

(в) МЯСНИК = Fleischer → Fleisch ‘мясо, плоть’, fleischlich ‘плот-
ский’ → ПЛОТСКИ

* Конец 1913. Шут. стих. «В девятьсот двенадцатом, как ябло-
ко румян...» [I, с. 341].

В стр. «Был канонизирован святой Мустамиан./<...> Тот, кто

⁴⁶ Эти G-связи (со ссылкой на М. Лотмана) отмечены в [120, с. 349]. Иди-
шмызы Y[toyt] ‘смерть’, Y[royt] ‘красный’ здесь также могли бы работать, но
G-суггестия фонетически точнее. См. еще вариант к «Соломинке», приводи-
мый в двойной передаче в [I, с. 475]: «Я запечатаю на много поколений / Твой
маленький багрянородный рот». Отметим еще, что в шуточном стих. (1935)
«Случайная небрежность...» [I, с. 361] в стр. «И понадергали они друг другу
челок! / Но виноват из двух друзей, конечно, тот, / Который услышал оплош-
но: “идиот”».» М, похоже, отсылает к своему же раннему «Мы смерти ждем...».
Ralph Dutli, современный переводчик М на немецкий, слышит и здесь «тот»
как омофон немецкого tot ‘мертвый’ и переводит эти строки так: «Darauf zer-
rüpften sie sich die Frisür! / Doch schuldig ist von beiden, schon halbtot, / Wer fe-
hlerhaft nur hörte “Idiot”» [121, с. 157].

от чудовищных родителей рожден»

(=Y) РОЖДЕН (происходит от) = stammt (=Y[štamt]) → (пар. части фамилии) Мандель-ШТАМ → МУ-СТАМ-иан

* 1914. Стих. «О временах простых и грубых...», [I, с. 94].

В стр. «Овидий пел арбу воловью / В походе варварских телег»

Lat АРБУ → (пар.) лат. *barbara* 'варварские'⁴⁷ → ВАРВАРСКИХ

* 1914. Стих. «Природа – тот же Рим...» [I, с. 96].

В стр. «Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать, / Рабы, чтобы молчать, / И камни, чтобы строить»

Fr (= **Lat**) ЧТОБЫ + «инфинитив» – это рефлекс французской (или соотв. латинской)⁴⁸ конструкции: предлог *pour* + «инфинитивы» = «ситуационная цель»

* 1914. Стих. «Я не слышал рассказов Оссиана...», [I, с. 98].

В стр. «Я получил блаженное наследство – / Чужих певцов блуждающие сны»

Yd (= **Pol**) БЛАЖЕННОЕ → (пар.) Y[blundžen] 'блуждать' → БЛУЖДАЮЩИЕ⁴⁹

* 1914. Стих. «Как овцы, жалкою толпой...» [I, с. 296].

В стр. «Как мальчик вечером песок / Вытряхивает из сандалий.»

⁴⁷ *barbara* – слово из строки Овидия: “*ducunt Sarmatici barbara plaustra boves*” (*Tristia* I. III, X, 34). Эта связь впервые рассматривалась О. Роненом, а затем – В. Топоровым [213, с. 230].

⁴⁸ Г. Адамович отметил здесь латинскую интерференцию еще в работе 1961 г.: «К латыни же Мандельштам расположен был всегда, и порой в его “бормотания” она вклинивается с огромной силой (например, “Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить”), – удивительная, действительно “тацитовская” строчка, где самое звуковое насилие над первым “чтобы”, втиснутым в размер как слово ямбическое, увеличивает выразительность стиха, подчеркивает соответствие ритма смыслу» [цит. по 184, с. 353].

⁴⁹ Здесь, конечно, «полонизм в идише»: польск. *bladzić* (назальность в *dz*) ‘блуждать, ошибаться’. См. Y-суггестии к стих. «В Петербурге мы сойдемся снова...». Ср. также в «Заметках о Шенье» (1915): «отдельный блуждающий стих» [II, 163].

(=Y) ПЕСОК → Sand ‘песок’ → (пар.) САНД-АЛИЙ

* 1914. Очерк «Петр Чаадаев» [II, с. 155].

В стр. «Только русский человек мог открыть этот Запад, который сгущеннее, конкретнее самого исторического Запада»

Fr (>G) КОНКРЕТНЕЕ → (пар.) concret ‘густой, конкретный’ → (acc.) СГУЩЕННЕЕ

* 1915. Стих. «О свободе небывалой...» [I, с. 104].

В стр. «Возлагаю на тебя, / Чтоб свободе, как закону»

(?Y) ВОЗЛАГАЮ НА = Setze auf → (пар.) Gesetz ‘закон’ → ЗАКОНУ

* 1915. Стих. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» [I, с. 104].

В стр. «На головах царей божественная пена, – / Куда плывете вы? Когда бы не Елена»

(=Y) ПЕНА = Schaum (=Y[šoyum]) → (пар.) schwimmen (=Y[švimen]) ‘плывете’ → ПЛЫВЕТЕ

* 1915. Очерк < Скрыбин и христианство > [II, с. 157].

На с. 158, 160: «...время мчится обратно с шумом и свистом, как прегражденный поток, – и новый Орфей бросает свою лиру в клокочущую пену <...> музыка бросила нам миф <...> пенорожденный...»

(a) (=Y) ШУМОМ → (пар.) Schaum (=Y[šoyum]) ‘пена’ → ПЕНУ

(б) (=Y) МУЗЫКА → (acc.) «шум» → (пар.) Schaum (=Y[šoyum]) ‘пена’ → (миф.) ПЕНОРОЖДЕННЫЙ⁵⁰

* 1915. Стих. «Автоматичен, вежлив и суров...» [I, с. 342].

В стр. «Автоматичен, вежлив и суров, / На рубеже двух славных поколений»

(a) (=Y) РУБЕЖЕ = Grenze (=Y[grnets]) → (эквиконс. GRN-TS) Generation (=Y[generatsie]) ‘поколение’ → ПОКОЛЕНИЙ

⁵⁰ Связь «шум», «музыка» ↔ «пена» см. еще в G-суггестиях к «Раковина» (1911), «Шум времени» (1923).

(6) (=Y) РУБЕЖЕ = Grenze (=Y[grenets]) → (эквиконс.GRN-T-Š/S) Streng (=Y[štreng] ‘суровый’) → СУРОВЫЙ

* 1915, 1916. Стих. «Как этих покрывал и этого убора...» [I, с. 107].

В стр. «Мы же, песнью похоронной / Провожая мертвых в дом, / Страсти дикой и бессонной»

(=Y) **серия** суггест. пароним. основ (LIED-LEIT-LEID): ПЕСНЬЮ = Lied [lid], ПРОВОЖАЯ = begLEITen [layt], СТРАСТИ = LEIDenschaft [layd]

* 1915 (?) Стих. «Приглашение на луну» [I, с. 368].

В стр. «На луне голубой / Я сварю вам жженку»

(=Y) (НА) ГОЛУБОЙ = (auf dem) blauen (=Y[bloyn]) → (пар.) brauen (=Y[broyn]) ‘варить жженку’ → СВАРЮ.

* 1916, 1935. Стих. «Зверинец», вариант: «Мир» (Ода)» [I, с. 108, 473].

(1) в стр. «Отверженное слово «мир»/ В начале оскорбленной эры;/ Как на косматые пещеры/ Мы променяли сей эфир? / Эфир, которым не сумели,/ Не захотели мы дышать. / Мы разучились умирать,/ Но разве этого хотели?/»

(а) Yd МИР → Y [mir] ‘мы’ → МЫ (3 раза)⁵¹

(б) Yd (МИР + Y [mir]) → yМИРать

(2) в стр. «И рейнская струя светлей»

(=Y) РЕЙНСКАЯ → rein ‘чистый, без примесей, незамутненный’ → СВЕТЛЕЙ

* 1916. Стих. «Соломинка» [I, с. 110].

⁵¹ Это замечательный пример ранней (и сначала, возможно, подсознательной) Y-суггестии, см. еще стих. «В Петрополе прозрачном мы умрем...» (1916). После 1916 г. эта связь кажется осознанной. См. идишизмы в «О, как мы любим лицемерить...» (1932). Кроме того, эта же связь устойчиво проявляется в переводах 1925/26 гг. из немецкой поэзии: (1) В переводах стих. Макса Бартеля «Поруганный лес» [2, с. 339], «Птицы» [2, с. 342], «Неизвестному солдату» [2, с. 345], «Простерла руку жизнь над нами» [2, с. 348], «Военная песня» [2, с. 350]; (2) в переводе стих. Рене Шикеле «Телохранители» [2, с. 378]. См. об этом явлении в Главе 2 (ЯКМ) *мир.

(1) в стр. «Спокойной тяжестью, – что может быть печальной»
(=Y) СПОКОЙНОЙ ТЯЖЕСТЬЮ → Schwer ‘тяжесть’ + Mut
‘мужество → спокойствие’ → Schwermut ‘печаль’ → ПЕЧАЛЬ-
НЕЙ

(2) в стр. «Соломка звонкая, соломинка сухая, / Всю смерть ты
выпила и сделалась нежней»

(=Y) СУХАЯ → trocken ‘сухой’ → (конс. метат.) trank ‘пила’ →
ТЫ ВЫПИЛА

(3) в стр. «Нет, не соломинка в торжественном атласе, / <...>
Струится в воздухе лед бледно-голубой./ Декабрь торже-
ственный струит свое дыханье,/ <...> И голубая кровь стру-
ится из гранита»

(=Y) СОЛОМИНКА → Stroh, Strohalm ‘солома, соломинка’ →
СТРУИТСЯ, СТРУИТ⁵²

(4) в стр. «В моей крови живет декабрьская Лигейя, / Чья в сар-
кофаге спит блаженная любовь – »

(=Y) КРОВИ → Blut ‘кровь’ → (конс. метат.) lebt ‘живет’ → ЖИ-
ВЕТ → liebt ‘любит’ → ЛЮБОВЬ.

(5) в варианте, приводимом (в двойной передаче) в [I, с. 475]:
«Я запечатаю на много поколений / Твой маленький багря-
нородный рот»

(>Y) РОТ → (пар.) rot ‘красный’ → (асс.) «багряный» →
БАГРЯНО-РОД-НЫЙ⁵³

* 1916. Стих. «Мне холодно. Прозрачная весна...»
[I, с. 111].

(1) в стр. «Мне холодно. Прозрачная весна / <...> Но, как меду-
за, невская волна / Мне отвращенье легкое внушает. / По на-
бережной северной реки / Автомобилей мчатся светляки»

(a) (=Y) (МНЕ) ХОЛОДНО → Ich friere (=Y[ix-frir]) → (пар.)
Frühling ‘весна’ (=Y[frilin]) → ВЕСНА

(b) ВОЛНА → Wellen ‘волны’ → (част. пар.) Widerwillen ‘отвра-
щение’ → ОТВРАЩЕНЬЕ

(в) Fr (= G) НАБЕРЕЖНОЙ → Quai [ke] ‘набережная’ → (пар.)

⁵² Y-суггестия здесь равновероятна. Пожалуй, Y[štroyele] ‘соломинка’ с ди-
минутивным суффиксом Y[-le] и YP[štrumen] ‘струиться’ даже лучше «соот-
ветствуют» звуковой ткани этого стиха.

⁵³ См. G-связи в стих. «От легкой жизни мы сошли с ума...» (1913).

РЕ-КИ, СВЕТЛЯ-КИ

(2) в стр. «Морской воды тяжелый изумруд»
 (=Y) МОРСКОЙ → (эквиконс. MRSK) Smaragd [smarakt]
 (=Y[smarak]) 'изумруд' → ИЗУМРУД

* 1916. Стих. «В Петрополе прозрачном мы умрем...»
 [I, с. 112].

В стр. «В Петрополе прозрачном мы умрем,/ Где властвует
 над нами Прозерпина./ Мы в каждом вздохе смертный воздух
 пьем,/ И каждый час нам смертная година./ Богиня моря, гроз-
 ная Афина, / <...> В Петрополе прозрачном мы умрем, - / »

(a) Yd МЫ → Y [mir] 'мы' → УМРЕМ + СМЕРТНЫЙ + СМЕРТ-
 ная

(b) Yd БОГИНЯ МОРЯ → Y[moyre/meyre] 'страх, ужас' →
 ГРОЗНАЯ

* 1916. Стих. «Не веря воскресенья чуду...» [I, с. 112].

(1) в стр. «Целую кисть, где от браслета»

(?Y) ЦЕЛЮЮ = küsse → (пар.) КИС-ТЬ

(2) в стр. «Чудесный звук, на долгий срок»

(=Y) ЗВУК = Klang (=Y[klang]) 'звук' → (пар.) lang 'долгий' →
 ДОЛГИЙ

* 1916. Стих. «Собирались элины войною...» [I, с. 114].

В стр. «На прелестный остров Саламин, - / <...> Виден был из
 гавани Афин»

(a) (>Y) САЛАМИН → (эквиконс. S-L-N/M) Insel 'остров' →
 ОСТРОВ

(b) (=Y) ГАВАНИ = Hafen (=Y[hafn]) → (пар.) АФИН

* 1917. Стих. «Золотистого меда струя из бутылки...»
 [I, с. 116].

В стр. «Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград, /
 Где воздушным стеклом обливаются сонные горы»

(a) СТЕКЛОМ → Glas 'стекло' → glasieren 'глазировать, обли-
 вать глазурью' → ОБЛИВАЮТСЯ

(b) ВИНОГРАД → «виноградник» = Weinberg → Berg 'гора' →
 ГОРЫ

* 1917. Стих. «Когда на площадях и в тишине...»
[I, с. 118].

(1) в стр. «Холодного и чистого рейнвейна»

(=Y) ЧИСТОГО (= rein) ← РЕЙНВЕЙНА

(2) в стр. «Янтарь, пожары и пиры»

ЯНТАРЬ → Bernstein ‘янтарь’ → (пар. первой основы) brennen
‘жечь’ → ПОЖАРЫ → Feuer ‘пожар’ → (пар.) ПИРЫ.

* 1918. Стих. «На страшной высоте блуждающий
огонь!..» [I, с. 121].

В стр. «Прозрачная весна над черною Невой / Сломалась, воск
бессмертья тает...»

(=Y) ВЕСНА → (пар.) Wesen (=Y[vezn]) ‘существо (создание),
существование’ → смысл: «хрупкая жизнь, бытие, умирает».

* 1918. Стих. «Сумерки свободы» [I, с. 122].

В стр. «В ком сердце есть – тот должен слышать, время»

(=Y) (СЛЫШАТЬ + ВРЕМЯ) → (hören ‘слышать’ + Zeit ‘время’)⁵⁴
→ (акр.) Herz ‘сердце’ → СЕРДЦЕ⁵⁵

* 1918. Стих. «Tristia» [I, с. 124].

В стр. «Когда в сенях лениво вол жуёт»

(=Y) ЛЕНИВО → faul (=Y[foyl]) ‘ленивый’ → (пар.) «вол» →
ВОЛ⁵⁶

* 1919. Стих. «В хрустальном омуте какая крутизна!..»
[I, с. 125].

В стр. «И сумасшедших скал колючие соборы/ Повисли в воз-
духе, где шерсть и тишина./ С висячей лестницы пророков и
царей...»

⁵⁴ Здесь равновероятна Y-суггестия: Y[hern] ‘слышать’ + Y[tsayt] ‘время’ →
Y[harts] ‘сердце’, которая несколько менее точна фонетически.

⁵⁵ Здесь вполне возможен и обратный процесс, т. е. «де-акронимизация»
Herz: СЕРДЦЕ = Herz → hören + Zeit → СЛЫШАТЬ, ВРЕМЯ.

⁵⁶ «Вол» ↔ «лень» – стабильная G/Y/R-связь в текстах М. См. еще герма-
низмы к стих. «За то, что я руки твои...» (1920).

- (а) **Yd** КОЛЮЧИЕ → (Y[šerske] ‘шершавый, колючий’⁵⁷ + Y[šorstik] ‘rough, stubbly’⁵⁸) → (пар.) ШЕРСТЬ⁵⁹
- (б) **It** СКАЛ → scala ‘лестница’ → ЛЕСТНИЦЫ

* 1920. Стих. «Венецийская жизнь» [I, с. 129].

(1) в стр. «Вот она глядит с улыбкою холодной / В голубое дрях-
лое стекло.»

(=Y) ХОЛОДНОЙ = kalte (=Y[kalte]) → (пар.) alte ‘старый, дрях-
лый’ → ДРЯХЛОЕ

(2) в стр. «И горят, горят в корзинах свечи»

СВЕЧИ = Kerzen [kertsen] → (эквиконс. KRZN) «корзина» → В
КОРЗИНАХ

(3) в стр. «Воздух твой граненый. В спальне тают горы / Голубо-
го дряхлого стекла»

(=Y) ГРАНЕННЫЙ → «гранить» = schleifen (=YР[šlafn]) → (пар.)
schlafen (=YР[šlufn]) ‘спать’ → В СПАЛЬНЕ⁶⁰

* 1920. Стих. «Когда Психея-жизнь спускается к те-
ням...» [I, с. 130].

(1) в стр. «Навстречу беженке спешит толпа теней»

(<Y) БЕЖЕНКЕ → Pleyte gehen ‘исчезать, убежать’ (Y[pleyte]
‘бергство’) → (эквиконс. PLT) ТОЛПА⁶¹

(2) в стр. «Сухие жалобы кропят, как дождик мелкий./ И в неж-

⁵⁷ См. [106, с. 419].

⁵⁸ См. [107, с. 394].

⁵⁹ Связь Y[šorstik] – «шерсть» – «черствый» – «шершавый» – «колючий» да-
лее становится устойчивой, приводя, в частности, к «нестандартному» упот-
реблению слова «черствый». Например, в переводах из О. Барбье и М. Бартеля
(1923–26): «... под ЧЕРСТВОЮ эгидой...» [2, с. 310] = ‘под колючей эгидой’,
«Верден, ЧЕРСТВА твоя весна, <...> КОЛЮЧИЙ стыд!..» [2, с. 353]; в ШВ: «А
в ЧЕРСТВОЙ обстановке торговой комнаты...» [II, с. 14]; в «Путешествии в
Армению» [II, с. 108]: «две черствые липы»; в стих. «Слышу, слышу ранний
лед...» (1937): «С ЧЕРСТВЫХ лестниц, с площадей/С угловатыми дворцами»
[I, с. 234]. Ясно, что в этих примерах ЧЕРСТВЫЙ = «колючий». Интересно, что
про последний пример А. Ахматова «говорила, что у Мандельштама “черствые
лестницы” – законы, оправданы дантовским “хлебом чужим» [108, с. 295].

⁶⁰ Эта же G/R-связь: «сон» – «граненый» – «стекло» см. в стих. «Обороняет
сон мою донскую сонь» (1937).

⁶¹ См. эти же связи подробнее в G-суггестиях в стих. «Флейты греческой...»
(1937).

ной сутолке, не зная, что начать»
(=Y) МЕЛКИЙ → fein (=Y[feyn]) ‘мелкий, деликатный, слабый, нежный’ → В НЕЖНОЙ⁶²

* 1920. Стих. «Ласточка» [I, с. 130].
В стр. «На крыльях срезанных, с прозрачными играть.»
(=Y) КРЫЛЬЯХ → «крыло» → (эквиконс.) klar ‘прозрачный’ → С ПРОЗРАЧНЫМИ⁶³

* 1920. Стих. «В Петербурге мы сойдемся снова...» [I, с. 132].
В стр. «И блаженное бессмысленное слово / <...> За блаженное бессмысленное слово»
Yd (= Pol) БЛАЖЕННОЕ → (пар.) → Y[blundžen] ‘блуждать’ → смысл: «блуждающее слово, слово = бес-смысленная Психея, ищущая смысл/вещь/тело»⁶⁴

* 1920. Стих. «За то, что я руки твои не сумел удержать..» [I, с. 133].
В стр. «И медленный день, как в соломе проснувшийся вол»
(=Y) МЕД-ЛЕН-НЫЙ ДЕНЬ → «лень» → faul (=Y[foyl]) ‘ленивый’ → (пар.) ВОЛ⁶⁵.

* 1920. Стих. «Когда городская выходит на стогны луна...» [I, с. 134].
В стр. «Когда городская выходит на стогны луна, / И медленно ей озаряется город дремучий, / И ночь нарастает, унынья и меди полна, / И грубому времени воск уступает певучий»
(а) ЛУНА = Mond → (эквиконс. M-N/L-D) МЕДЛЕННО
(б) Mond → (эквиконс. MND) «медный» → МЕДИ
(в) (=Y) НА-РАСТ-АЕТ → «рост» = Wachsen (=Y[waksn]) → (ом.) Wachs (=Y[waks]) ‘воск’ → ВОСК

⁶² Это хороший пример «связывания» русских лексем в тексте М через более широкое семантическое поле «связывающего» G-слова.

⁶³ Здесь равновероятен идишизм Y[klor/klur] ‘прозрачный’.

⁶⁴ Здесь полонизм в Y: польск. bladzić (с назальностью) ‘блуждать, ошибаться’. См. суггестии к стих. «Я не слышал рассказов Оссиана...» (1914).

⁶⁵ «Лень» – «вол» – постоянная связь у М. См. G-суггестии к “Tristia” (1919).

* 1920. Стих. «Я наравне с другими...» [I, с. 136].

В стр. «Не утоляет слово / Мне пересохших уст, / И без тебя мне снова / Дремучий воздух пуст»

(=Y) ДРЕМУЧИЙ → *dichter* 'густой, дремучий (о лесе)' → (омон.) *Dichter* 'поэт' → смысл (параллельный в 2 строках): «без тебя для меня воздух поэзии (слово) пуст».

* 1921/22 г. Переводы старо-франц. эпоса, О. Барбье, В. Пшавелы [2, с. 269–326].

В ряде мест используется слово ЛАСКА в его Y/Pol/Ukr-значении, не совпадающем с русским. Используется и производное русское ЛАСКОВЫЙ с измененной («идишизированной») семантикой основы, дающей смысл – 'любезный':

(1) с. 271: «Товарищ мой ЛАСКОВЫЙ...» = 'Товарищ мой любезный'

(2) с. 272: «Спросил его вежливо, с ЛАСКОЙ всей...» = 'с любезностью всей'

(3) с. 274: «И ЛАСКОВАЯ Франция...» = 'И любезная Франция'

(4) с. 275: «Молит Бога, чтоб ПРИЛАСКАЛ их...» = 'оказал милость'

(5) с. 280: «ЛАСКОВЫЙ сир, – говорят они, – исполним» = 'Любезный господин'

(6) с. 292–293 (3 раза): «Госпожа моя ЛАСКОВАЯ...» = 'Госпожа моя любезная'

(7) с. 308: «Нет к побежденным мужественной ЛАСКИ...» = 'снисходительно-милостивого обращения'

(8) с. 326: «За чудесный подвиг ЛАСКОВЫЙ» = 'за великодушную снисходительность»

В (1)–(8): **Yd** (=Pol, =Ukr) ЛАСКА = Y[laske] 'condescending, reluctant favor, снисходительная милость, любезность'⁶⁶.

* 1921. Стих. «Умывался ночью на дворе...» [I, с. 140, вариант: с. 493].

В стр. «Твердь сияла грубыми звездами./ <...> Чище правды грубого холста»

⁶⁶ См. [105, с. 269], [107, с. 220], этот же идишизм подробнее см. в суггестиях в «Канцоне» (1931).

(<Y) (ГРУБЫМИ, ГРУБОГО) → (grob 'крупного помола зерно, мука и т. п., Grube 'яма → могила'). Тем самым, получаются смыслы: «сияла **крупными могильными звездами**, большими **звездами смерти**», и «правды грубого, могильного, **смертного холста**, савана»⁶⁷.

* 1921. Очерк «Слово и культура» [II, с. 167].

С. 168: «...слово – плоть, и простой хлеб – веселье и тайна»

С. 170: «Слово – плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание»

(а) (=Y) ПЛОТЬ = Leib (=Y[layb]) → (ом.) Laib (=Y[labn]) 'каравай хлеба' → ХЛЕБ

(б) (>Y) ХЛЕБА, ПЛОТИ → Laib (=Y [labn]), Leib (=Y[layb]) → (пар.) Leid (=Y [leyd]) 'страдание' → СТРАДАНИЕ.⁶⁸

* 1921–1922. Очерк «О природе слова» [II, с. 172].

(1) с. 176: «он [Белый] нещадно и бесцеремонно гоняет слово, сообразуясь только с темпераментами своего спекулятивного мышления»

It, Fr ТЕМПЕРАМЕНТАМИ → temperamento 'смешение, сочетание', tempérament 'характер, склад' → смысл: «...сообразуясь только со своим мгновенным психическим состоянием»

(2) с. 181: «готовил настой таких горьких, полынно-крепких стихов...»

ПОЛЫННО- → (acc.) Wermut 'полынь, вино «вермут»' → вино «вермут» → -КРЕПКИХ⁶⁹

(3) с. 186: «Гиератический, то есть священный, характер поэзии обусловлен убежденностью, что человек тверже всего остального в мире»

(=Y) ГИЕРАТИЧЕСКИЙ = hierat-isch → (эквиконс. HRT) hart (=Y[hart]) 'твердый' → ТВЕРЖЕ⁷⁰

⁶⁷ Y-суггестия, дающая омонимы YP[grub] 'крупный, толстый' = (омон.) YP[grub] 'могила', представляется здесь несколько более точной.

⁶⁸ См. еще германизмы в стих. «Мастерица виноватых взоров» (1934), «полухлеб», «плоть».

⁶⁹ Та же связь в стих.: «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922), см.

⁷⁰ Слово «гиератический», заимствованное в русский из нем. hieratisch или

* 1921–1922 г. Стих. «Люблю под сводами седья тишины» [I, с. 137].

(1) в стр. «Сюда влачится по ступеням / Широкопасмурным несчастья волчий след»

(=Y) СТУПЕНЯМ → Treppe ‘лестница’ → (метатезы конс. корня TR-P/B) (breit ‘широкий’ + trübe ‘пасмурный’) → ШИРОКО-ПАСМУРНЫЙ⁷¹.

(2) в стр. «Зане свободен раб, преодолевший страх, / И сохранилось свыше меры / В прохладных житницах, в глубоких закромах / Зерно глубокой, полной веры»

(а) Yd СТРАХ → Y[meure] ‘страх’ → (пар.) СВЫШЕ МЕРЫ⁷²

(б) (=Y) ГЛУБОКИХ, ГЛУБОКОЙ → (эквиконс.) Glaube ‘вера’ → ВЕРЫ⁷³

* 1922, январь. Очерк «Шуба» [II, с. 272].

С. 272: «небывальый город с вечно санным путем...»

(=Y) ВЕЧНО → (асс.) «век» → (омоф.) Weg ‘путь’ → ПУТЕМ⁷⁴

* 1922. Стих. «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» [I, с. 140].

(1) в стр. «Кому жестоких звезд соленые приказы / В избушку темную перенести дано»

(= Fr) СОЛЕННЫЕ ПРИКАЗЫ → (пар.) solenn ‘торжественный’ (= фр. solennel ‘торжественный’) → смысл: «торжественные приказы»

(2) в стр. «Пусть заговорщики торопятся по снегу / Отарою овец и хрупкий наст скрипит, / Кому зима – польнь и горький дым к ночлегу, / Кому – крутая соль торжественных обид»

фр. hieratique ‘священный, величественный’, встречается у М еще в статье «О современной поэзии» (1916) [II, с. 260]: «перелом к гиератической важности». По-видимому, чувствуя некоторую искусственность этой кальки, М вставляет пояснение «то есть священный», но само это слово ему нужно для консонантной паронимии с hart.

⁷¹ Здесь равновероятна Y-суггестия: Y[trep] ‘лестница’, Y [breyt] ‘широкий’, Y[trib] ‘хмуры’.

⁷² Получается смысл: «сохранилась вера, которая выше страха», См. этот же идишизм ниже в комм. к «Египетской марке», гл. VIII.

⁷³ Здесь равновероятен идишизм Y[gloybn] ‘вера’.

⁷⁴ Эта же связь имеет место в стих. «Я в сердце века...» (1936), см.

- (а) ОТАРОЮ = Herde → (ом.) Herd 'очаг' → «дым к ночлегу»
 (б) ЗИМА = Winter → (эквиконс. W-N/M-T-R) Wermut 'полынь, вино «вермут»' → 1) ПОЛЫНЬ, 2) → смысл: «кому зима – вермут», отсылающий к первым строкам этого стих.: «Кому зима – арак и пунш голубоглазый, / Кому душистое с корицею вино».
 (в) (?Y) Wermut 'полынь, вино «вермут»' → (пар.) Wehmut 'тоска, меланхолия' → ОБИД⁷⁵
 (г) (= Fr) СОЛЬ⁷⁶ → (пар.) solenn 'торжественный' (= фр. solennel 'торжественный') → ТОРЖЕСТВЕННЫХ ОБИД

* 1922. Стих. «Холодок щекочет темя...» [I, с. 141].
 В стр. «Как ты прежде шелестила, / Кровь, как нынче шелестишь.»
 (>Y) ШЕЛЕСТИЛА → rauschen 'шелестеть, (ом.) хмелить, опьянять' → смысл: «опьяняла кровь»⁷⁷.

* 1922. Стих. «Я по лестнице приставной...» [I, с. 143].
 (1) в стр. «Лез на включенный сеновал, – / Я дышал звезд млечных трухой»
 СЕНО-ВАЛ → «сено» → Neu [hoу] → (пар. ударного окончания) ТРУ-ХОЙ
 (2) в стр. «Сеновала древний хаос»
 (>Y) СЕНОВАЛА → «сена (род. п.) (хаос)» → Neues [hoyes] 'род. п. Neu = сена' → (пар. к [hoyes]) ХАОС⁷⁸.
 (3) в стр. «И травы сухорукий звон»
 CONJ (=Y) trocken 'сухой' → (де-акр. + пар.) «трава» + «руки» → ТРАВЫ СУХОРУКИЙ (ЗВОН)⁷⁹.

* 1922. Стих. «Есть в лазури слепой уголок...» [I, с. 144].

⁷⁵ См. еще G-суггестии к «Когда удар колоколов...» (1910): «вино <...> неизъяснимая полынь».

⁷⁶ Эта же связь – в п. (1): СОЛЕННЫЕ ПРИКАЗЫ = «торжественные приказы».

⁷⁷ Идишизмы Y[roʏʂn] 'шелестеть', Y[baroʏʂung] 'опьянение' – фонетически менее вероятны. См. еще германизмы в стих. «Слышу, слышу ранний лед...» (1937), «шелестит», «хмель».

⁷⁸ Здесь так же мог бы работать идишизм Y[heу] 'сено', но точная G-фонетика суггестии в п. (1) делает Y-суггестию менее вероятной и в п. (2).

⁷⁹ Идишизм Y[trokn] 'сухой' здесь равновероятен.

В стр. «Есть в лазури слепой уголок, / И в блаженные полдни всегда»

(=Y) СЛЕПОЙ → blind (=Y[blint]) 'слепой' → (эквиконс. В/Р-ЛНД) ПОЛДНИ

* 1922. Стих. «Московский дождик» [I, с. 144].

В стр. «Он подает куда как скупю / Свой воробьиный холодок –»

СКУПО = sparlich 'скупю = скудно' → (пар.) Sperling 'воробей' → ВОРОБЬИНЫЙ

* 1922. Статья «Пшеница человеческая» [II, с. 192].

В стр. «...исторического материка, чье темя еще не окрепло, как темя ребенка»

ТЕМЯ РЕБЕНКА → Scheitel 'темя, высшая точка, ключ свода (арки)' → смысл: «высшая точка, вершина (еще не достигнутая)» → ТЕМЯ (ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИКА)⁸⁰.

* 1922. Статья «Кое-что о грузинском искусстве» [II, с. 262].

В стр. «С этой скрипкой – то же самое, что с мошенническими реликвиями монахов...»

МОНАХОВ = Mönche ↔ (эквиконс. MNŠ) «МоШеННик» → МОШЕННИЧЕСКИМИ

* 1922. Переводы из старофранцузского эпоса. «Сыновья Аймона» [II, с. 346].

В стр. «Пьют мед древних пасек и яблочный кларет, / И темное густое вино, ублюдок старых лет»

(а) **Fr, G** КЛАРЕТ → (пар.) clarté 'свет', Klar 'светлый' → смысл: «светлое вино» → (ант.) ТЕМНОЕ ВИНО

(б) **Fr, G** ТЕМНОЕ ГУСТОЕ ↔ bistre, **бистр** 'коричневая, «бронзовая» краска' ↔ (пар.) **бастр**, **бастра** 'ст.-русск. вид вина' → (пар.) **bastart** 'ст.-фр. вид вина' → (ом.) ст.-фр. **bastart**, нем. Bastard 'ублюдок' → УБЛЮДОК⁸¹

⁸⁰ См. в стих. «Век» (1922): «темя жизни».

⁸¹ Ф. Успенский зафиксировал и подробно исследовал связь УБЛЮДОК

(v1) **Fr, G bastart, Bastard, бастра** → (пар. основы) СТАР-ЫХ

* октябрь 1922. Стих. «Век» [I, с. 145].

(1) в стр. «Век мой, зверь мой, кто сумеет/ <...> Словно зверь,
когда-то гибкий»

(=Y) ВЕК⁸² → Jahr-hund-ert ‘век’ → (пар.) Jaguar ‘ягуар’, Hund ‘собака’ → (асс.) метафора: «гибкий хищный зверь» → ЗВЕРЬ, ГИБКИЙ

(2) в стр. «Это век волну колышет/ Человеческой тоской,/ И в
траве гадюка дышит/ Мерой века золотой»

(а) ТОСКОЙ → Trauer ‘тоска’ → (пар.) ТРАВЕ

(б) Yd И В ТРАВЕ → Y[groz] ‘трава’ → (пар.) «Ив-ан Грозный»⁸³

(в) (=Y, = Fr, = Lat) ГАДЮКА = Vipera (лат. vipera) ‘гадюка’ ↔
(пар.) Виппер⁸⁴

(г) МЕРОЙ ВЕК-А → Ma ← ‘мера’ → (пар.) Masse ‘масса’ →
(асс.) Masse-Mensch = «Человек-масса»⁸⁵ → смысл: «гадюка
дышит духом “массового” человека, человека толпы»⁸⁶.

(д) Yd МЕРОЙ ВЕКА → (пар.) Y[meyre] ‘страх’ → смысл: «га-
дюка дышит “страхом” (века)»⁸⁷

(3) в стр. «И с высокой сетки птичьей,/ От лазурных влажных
глыб,/ Льется, льется безразличье»

(а) (=Y) СЕТКИ → Netz- ‘1. сетка, сетчатка (глаза); 2. влаж-

↔ ст.-фр. bastart ‘ублюдок, вид вина’ ↔ (ст.-русск.) бастр ‘вид вина’ в ра-
боте [214].

⁸² Эту же связь см. в стих. «За гремучую доблесть...» (1931).

⁸³ «Иван Грозный» – название книги, вышедшей в 1922 г. и привлечшей внимание М. Автор книги – Р. Виппер, чья фамилия суггестирует образ «гадюки»: см. ниже.

⁸⁴ Р. Виппер, профессор истории, автор книги «Иван Грозный» (Москва, 1922), привлечшей внимание М. См. подробнее в гл. 3, п. 3.1.

⁸⁵ Название пьесы Э. Толлера, которую М переводил приблизительно во время написания стих. «Век».

⁸⁶ См. в предисловии М к изданию пьесы «Кромдейр-старый» (1923): «...ла-ска к человеку толпы. <...>. “Кто-нибудь”, “один из многих” стал мерой вещей, золотой мерой века, источником ритма и силы» [72, т. 2, с. 416–417].

⁸⁷ Этот же идишизм более эксплицитен в ЕМ, гл. VIII: «Математики должны были построить для страха шатер, потому что он координата времени и пространства». Кроме того, здесь, похоже, дополнительная связь: ТОСКОЙ → (асс.) «страх» → (пар.) Y [meyre] → МЕРОЙ.

ношь (основа)' → «влажность» → **ВЛАЖНЫХ, ЛЬЕТСЯ**
 (б) (+Fr) **ВЫСОКОЙ СЕТКИ** → Netzhaut 'сетчатка (глаза)' ←→
 Netz 'нем. сеть' + haut 'фр. высокий' → **ВЫСОКОЙ**
 (в) **Fr haut** → haute 'высокая' [ot] → (омоф.) **ОТ**
 Тем самым, «вероятный» смысл: «от сетчатки лазурных глаз
 неба (вечности)⁸⁸ исходит безразличье».

* 1923. Статья «Буря и натиск» [II, с. 285].
 В стр. «... звуки иностранной, какой-то серафической поэти-
 ки.»
СЕРАФИЧЕСКОЙ ← seraphisch 'небесный, экстатический, от-
 носящийся к серафимам'⁸⁹.

* 1923. Переводы из Огюста Барбье. «Бронза» [2, с. 309].
 В стр. «В воронку темную вошла рабыней бронза»
 (=Y) **ВОРОНКУ** → (пар.) «ворон» = Rabe → (пар.) **РАБЫНЕЙ**⁹⁰

* 1923. Переводы из Огюста Барбье. «Наполеоновская
 Франция» [72, т. 2, с. 147].
 В стр. «И в поле, где война цветет, как море гречи»
 (а) (<Y), **Pol ВОЙНА** = Krieg 'война' → (конс. метатеза) пол.
 груга 'гречиха' → **ГРЕЧИ**
 (б) **Yd ГРЕЧИ** → (пар.) «горечь» → Y[more/mure] 'горечь' →
 (пар.) **МОРЕ**
 (в) (<Y) **ЦВЕТЕТ** → blüht 'цветет', Blüte 'цвет (растений)' →
 (пар.) **Blut 'кровь'** → (асс.) «поле, залитое кровью»⁹¹

⁸⁸ Ср. в «Дано мне тело...» (1909): «На **стекла** (= глаза! – Л.Г.) **вечности** уже
 легко».

⁸⁹ Даль дает для «серафим» относ. прилаг. «серафимский». Павловский в
 [117] и [122], а также Макаров в [126] дают тот же эквивалент: seraphisch = **се-
 рафимский**. М же применяет фонетически более близкую кальку немецкого
 слова.

⁹⁰ Здесь равновероятен идишизм Y[rob] 'ворон'.

⁹¹ Заметим, что цветущая гречиха – бордового (кровоавого) цвета.
 Y-суггестия, дающая: Y[krig] 'война' → Y[grike] гречиха' и YP[blit] 'цвет (рас-
 тений)' = (ом.) YP[blit] 'кровь', фонетически выглядит более точной. См. эту
 же игру Y/G омонимов в стих. «За то, что я руки твои не сумел удержать...»
 (1920). Интересно, что в исходном французском тексте («Elle se releva, mais un
 jour de bataille/ Ne pouvant plus mordre ses freins...») **нет ни «поля», ни «моря»,**

* 1923. Переводы из Огюста Барбье. «Это зыбь» [72, т. 2, с. 148].

В стр. «Раздутым теменем большеголовой качки/ Колотит крышу низких туч»

Yd (= **Pol**, = **Ukr**) КАЧКИ → Y[ка́ске] (пол. kaczka, укр. качка) ‘утка’⁹² → смысл: «волна колотит “теменем большеголовой утки” крышу туч»

* 1923. Стих. «Нашедший подкову» [I, с. 146].

(1) в стр. «Земля гудит метафорой,/ И легкие двуколки/ В броской упряжи...»

Gr МЕТАФОРой → метафорá ‘перемещение, транспортировка’ → (асс.) ДВУКОЛКИ, УПРЯЖИ

(2) в стр. «Влажный чернозем Нееры, каждую ночь распаханый заново»

CONJ Загадочная «Неера» – это контаминация грецизма и германизма!

Gr (=G, =Y) НЕЕРЫ → (пар.) Gr[neá `era] ‘новая земля, новь, целина’ + neue Ära (=Y[neue-ere]) ‘новая эра’ → смысл: «**целина новой эры**»⁹³.

Ср. в очерке «Слово и культура» (1921): «Поэзия – плут, взрывающий время <...>его чернозем,<...> человечество <...> жаждет целины времен» (II, с. 169)⁹⁴.

ни «цветущей гречи».

⁹² Слово *качка* в значении «утка» присутствует также в зап. и южн. русск. диалектах (В. Даль).

⁹³ Здесь фонетическая тонкость в том, что как *неуе*, так и идишизм Y[naue] ‘новая’ дают гласный [e] в диалектах, стандартная же вокализация – G-дифтонг [ou] и Y-дифтонг [au]. Отметим фонетически близкий к «Неере» идишизм: Y[naerd] (в диал. [neerd]!) = ‘целина, **новь**’.

⁹⁴ М. Гаспаров видит в слове «Неера» не «целину **Новой Эры**», а античное женское имя (любовница Тибуллы?): «загадочное имя Нееры в центральной строфе (пришедшее из античности через Шенье и Мореаса) заново осмысливается как «новая эра» [26, с. 233]. Мне же представляется, что прописное Н в «Неера», вызывающее немедленную ассоциацию с именем женщины или богини, выполняет всего лишь ту же «персонифицирующую» функцию, что и в слове «Нирвана» в очерке М «Деятнадцатый век» (1923): «Он был колыбелью Нирваны ...».

* 1923, 1937. Стих. «Грифельная ода» [I, с. 149, варианты: с. 497].

Здесь частью G-, частью Y-суггестия.

(1) в стр. 1–4 «Звезда с звездой – могучий стык,/ Кремнистый путь из старой песни/ Кремня и воздуха язык,/ Кремень с водой, с подковой перстень»

(а) (=Y) ПУТЬ → Stieg (Steig)⁹⁵ ‘путь (в горах), крутой подъем’ → (пар.) СТЫК⁹⁶

(б)⁹⁷ (=Y) КРЕМЕНЬ = Feuerstein → (FRŠTN) → (эквиконс. «по модулю» фрикативы/смычные и сибиланты š/s) ПЕР-СТЕНЬ

(2) в стр. 5–10 «На мягком сланце облаков /Молочный грифельный рисунок – / Не ученичество миров, / А бред овечьих полусонок. / Мы стоя спим в глухой ночи / Под теплой шапкою овечьей»

(а) (=Y) СЛАНЕЦ = Schiefer → Schäfer ‘пастух’, Schäferei ‘овчарня’ → ОВЕЧЬИХ

(б) (=Y) СЛАНЕЦ = Schiefer → Schiefertafel = Griffeltafel ‘грифельная доска’ → ГРИФЕЛЬНЫЙ РИСУНОК

(в) (=Y) СЛАНЕЦ = Schiefer → Schiefertafel = Griffeltafel ‘грифельная доска’ → Griffbrett ‘букв. тоже гриф. доска, но в смысле «клавиатура, гриф инструмента»’ → Brett ‘доска’ → (омоф.) БРЕД

(г) Yd МИРОВ ← Y[mir] ‘мы’ ← MY⁹⁸

(д) (>Y) ШАПКОЮ → (пар.) Schaf (=Y[šof/šuf]) ‘овца’ → ОВЕЧЬЕЙ⁹⁹

(3) в стр. 11–16 «Обратно в крепь родник журчит / Цепочкой,

⁹⁵ Русские когнаты этих G/Y-слов: «стеся, стез, стезка, до-стиг-ать» и т. д.

⁹⁶ Эта же связь (ПУТЬ ↔ Stieg ↔ СТЫК) имеет место в стр. 62–63 (см.)

⁹⁷ Эта же связь в стр. 64, совпадающей со стр. 4/

⁹⁸ Эта Y-R-омонимия, регулярно использующаяся M, здесь дает смысл: «мы – не разумные ученики с грифельными досками, а бредящие полусонные овцы».

⁹⁹ Слова Schaf ‘овца’ и Brett употребляются в разговорном немецком в выражениях со смыслами типа ‘дурак, глупость’. Например. er hat ein Brett vor dem Kopf = «он набитый дурак». В результате здесь получается смысл: «мы – не разумные ученики с грифельными досками, а глупые спящие овцы». Заметим, что здесь еще работает постоянная у M Y-связь: МИРОВ ↔ Y [mir] ‘мы’ ↔ MY.

- пеночкой и речью. / Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг /
Свинцовой палочкой молочной, / Здесь созревает черновик
/ Учеников воды проточной»
- (а) (>Y) РОДНИК → (эквиконс. RDN) Reden (=Y[redn]) 'речь'
→ РЕЧЬЮ
- (б) (=Y) (ЖУРЧИТ) ПЕНОЧКОЙ → (пар.) «пена» → Schaum
(=Y[šoym]) 'пена' → (пар.) «шум» → (асс.) «музыка» →
смысл: «звучит музыкой и речью»¹⁰⁰.
- (в) ЖУРЧИТ + РЕЧЬЮ → (пар.) Rutsch, Erdrutsch 'сдвиг (зем-
ли), оползень' → СДВИГ
- (г) CONJ СТРАХ = Furcht [furšt] → (эквиконс. F/P-R-Š/Č-T)
ПРОТОЧНОЙ
- (д)¹⁰¹ СВИНЦОВОЙ ПАЛОЧКОЙ → Blei-stift [blayštift] 'ка-
рандаш, грифель, букв. «свинцовый палец, гвоздик»
↔ ГРИФЕЛЬ (в других строках) → (пар.) bleich [blayš]
'бледный, известковый' → (асс.) МОЛОЧНОЙ (в стр. 6:
МОЛОЧНЫЙ ГРИФЕЛЬНЫЙ РИСУНОК)
- (е) CONJ Bleistift 'карандаш, грифель' → Stift 'ученик
(подмастерье)¹⁰² → УЧЕНИКОВ (в стр. 54: УЧЕНИКОМ, в
стр. 7: УЧЕНИЧЕСТВО)
- (ж) CONJ ПРОТОЧНОЙ ↔ (эквиконс. F/P-R-Š/Č-T) ПЕР-
СТЕНЬ¹⁰³
- (4) в стр. 21 «Им проповедует отвес»
CONJ ОТВЕС = Richtblei → (де-акр.) richten 'править, су-
дить' + Blei 'свинец' → ПРОПОВДУЕТ → смысл: «ими правит
свинец»¹⁰⁴.
- (5) В стр. 27-28 «И ночь коршунница несет / Горящий мел и гри-
фель кормит» (и в вар. стр. 39-40)

¹⁰⁰ О постоянной связи пена-музыка-шум у М см. напр. германизмы в «Раковина», «Шум времени». Связь пеночка-пена-музыка указана М. Гаспаровым [26, с. 234].

¹⁰¹ Связи в пункте (д) отметил Я. Левченко в статье [182].

¹⁰² Это «побочное» значение слова Stift давно фиксируется в разг. нем. Происхождение этого значения не ясно, см. например [125, с. 596].

¹⁰³ Тем самым, во всем тексте: КРЕМЕНЬ (Feuerstein) ↔ ПЕРСТЕНЬ ↔ СТРАХ (Furcht) ↔ ПРОТОЧНОЙ.

¹⁰⁴ Это отсылает к стр. 13-14: «Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг / Свинцовой палочкой...», где «сдвиг», по-видимому, = глобальный социальный катаклизм Erdrutsch, см. (2).

- (а) **Yd** ГРИФЕЛЬ = Y[grifele] ‘маленький гриф, грифенок’ ← Y[grif] ‘гриф’¹⁰⁵
- (б) (>Y) МЕЛ → Mehl-Kreide ‘(мин.) горное молоко, lac lunae’ [117, с. 910]¹⁰⁶.
- (б) в стр. 37–40 (вар.) «За этот виноградный край, / За впечатлений круг зеленых/ Меня, как хочешь, покарай,/ Голодный грифель, мой звереныш!»
- (а) (=Y) (КРАЙ + ЗА, ЗЕЛ-еных) → (пар.) Kreis-el [krayz-el] ‘круг, кружок, **волчок**’ → КРУГ¹⁰⁷
- (б) **Yd** ГРИФЕЛЬ = Y[grifele] ‘маленький гриф, грифенок’ (← Y[grif] ‘гриф’) → ГОЛОДНЫЙ, ЗВЕРЕНЫШ
- (7) в стр. 45–48 (вариант: II, с. 383) «И никому нельзя сказать –/ Еще не время: после, после, –/ Какая мука выжимать/ Чужих гармоний водоросли
- (= Fr, = Lat, = Gr) ВОДОРОСЛИ = Algen ‘водоросли’ (= фр. algues ← лат. algae ‘морская трава, водоросли’) → греч. основа alge- ‘боль, мучение’ → МУКА¹⁰⁸
- (8) в стр. 36 «И в полдень злых овчарок шубы»
Yd ШУБЫ ← (YР [suf] ‘овца’ + Y [sufhunt] ‘овчарка’)¹⁰⁹
- (9) в стр. 51 «Двурушник я, с двойной душой,»
Yd ДВУ-РУШ-НИК → (де-акр) ДВУ + Y[ryueх] (‘дух’) + НИК → «двурушник» → «двудушник» → С ДВОЙНОЙ ДУШОЙ¹¹⁰

¹⁰⁵ Здесь именно идишизм: из Y взят не только суффикс диминутива, но и базовое слово, т. к. в G ‘гриф’ = Greif (с дифтонговой вокализацией).

¹⁰⁶ Здесь играет еще G-Y-значение второй части названия минерала Kreide = Y[krayd] = ‘мел’. Кроме того, (латинское название питательного для грифенка минерала) lac lunae = ‘лунное молоко’, что соответствует обозначению «кормилицы»: НОЧЬ-КОРШУННИЦА. Отметим еще один вариант суггестии «мела»: МЕЛ ← лат. Mel ‘мед’, что соответствует 1-й строке строфы: КАК МЕРТВЫЙ ШЕРШЕНЬ ВОЗЛЕ СОТ. Скорее всего, обе суггестии «работали» вместе.

¹⁰⁷ Идишизм Y[krayz] = ‘круг’ здесь равновероятен.

¹⁰⁸ Ср. в «1 января 1924»: «Какая **боль** <...> для племени **чужого** ночные **травы собирать**».

¹⁰⁹ YР-гласный [u] в YР[suf], указывает именно на YР, а не на немецкий.

¹¹⁰ Здесь «двудушник» → «двудушник», с тем же чередованием, что и в дух → душа. Двурушник – слово с неясной этимологией (один предполагаемый источник – профессиональный сленг питерских нищих начала 20 в.), вошедшее в широкое употребление в 20-х годах, см. [109]. См. также гл. 2 (ЯКМ), *концептуальная пара «**правда/неправда**».

- (10) в стр. 53–54 «Блажен, кто называл кремень / Учеником
воды проточной»
(=Y) КРЕМЕНЬ = Feuerstein → (FRŠTN) → (совпадение. конс.
наборов по модулю фрикативы/смычные и š=č) ПРОТОЧНОЙ
(11) в стр. 61–64 «И я хочу вложить персты / В кремнистый путь
из старой песни, / Как в язву, заключая в стык – / Кремень с
водой, с подковой перстень»
(а) (=Y) ПУТЬ → Stieg (Steig) ‘путь, тропа (в горах), крутой
подъем’ → (пар.) СТЫК¹¹¹ ←→ (пар.) Stig-ma ‘язва (колотая
рана)’ →
(б) Stieg, СТЫК ←→ (пар.) Stig-ma ‘язва (колотая рана¹¹²)’ →
ЯЗВУ
(в) (=Y) КРЕМЕНЬ = Feuerstein → (FRŠTN) → (эквиконс. «по
модулю» фрикативы/смычные и сибиланты š/s) ПЕРСТЫ,
ПЕРСТЕНЬ¹¹³

* 1923. Стих. «Париж» [I, с. 150].

- (1) в стр. «Язык булыжника мне голубя понятней; / Здесь кам-
ни – голуби, дома – как голубятни»
БУЛЫЖНИКА → taubes Gestein ‘пустая порода’ → Taube ‘го-
лубь’, Stein ‘камень’ → КАМНИ, ГОЛУБЯ, ГОЛУБИ, ГОЛУБЯТ-
НИ¹¹⁴
(2) в стр. «Большеголовые там руки подымали / И клятвой на
песке, как яблоком, играли...»
Fr¹¹⁵ РУКИ ПОДЫМАЛИ... КЛЯТВОЙ НА ПЕСКЕ... ИГРА-
ЛИ → (асс.) реалии франц. революции: стих. А. Шенье «Игра
в мяч» (“Jeu de raume”)¹¹⁶ + известная картина Давида «Клятва

¹¹¹ Эта же связь имеет место в стр. 1–2 (см.).

¹¹² Т. е. раны от гвоздей на теле Иисуса в греческом и латинском тексте Но-
вого Завета (Галат. 6, 17), в которые апостол Фома хочет вложить персты с це-
лью верификации воскресения Иисуса. Здесь тонкость в том, что в немецком
слово Stigma не имеет прямого значения «рана, язва» – поэтому здесь более
вероятна латинско-греческая интерференция, чем немецкая.

¹¹³ Эта же связь в стр. 4, идентичной стр. 64.

¹¹⁴ Все же более вероятной представляется связь: БУЛЫЖНИКА → БуЛыГа
→ (конс. метатеза) ГоЛубя.

¹¹⁵ Эту связь впервые отметил О. Ронен в работе «An Approach to Mandel-
stam», Jerusalem, 1983. Эта же связь имеет место в стих. «1 января 1924».

¹¹⁶ Это стихотворение Шенье Мандельштам упоминает и цитирует в «За-

в Зале для **игры в мяч** (jeu de paume)¹¹⁷, в сюжете которой – **клятва и голосование** депутатов третьего сословия и т. п. → jeu de paume ‘игра в мяч, лапта’ → (омоф.) ромте ‘яблоко’ → **ЯБЛОКОМ**

- * 1923. Стих. «А небо будущим беременно...» [I, с. 306].
- (1) в стр. «Опять войны разногосица / На древних плоскогорьях мира, / И лопастью пропеллер лоснится, / Как кость точеная тапира. / Крыла и смерти уравнение, – / С алгебраических пирушек / Слетев, он помнит измерение / Других эбеновых игрушек»
- (а) **ПЛОСКОГОРЬЯХ** → Ebene ‘плоскость, равнина’, Nochebene ‘плоскогорье’ → (пар.) Ebenholz ‘черное дерево’, Elfenbein ‘слоновая кость’ → **КОСТЬ (ТОЧЕНАЯ) ТАПИРА, ЭБЕНОВЫХ (ИГРУШЕК)**¹¹⁸
- (б) одновременно с (а) присутствует связь: **ПЛОСКОГОРЬЯХ** → Ebene ‘плоскость, равнина’, eben ‘плоский, ровный, равнинный’ → **УРАВНЕНИЕ**
- (2) в стр. 25: «Давайте бросим бури яблоко / На стол пирующим землянам / И на стеклянном блюде облака / Поставим яств посередине»
- (а) **ЯБЛОКО** → (станд. асс.) ‘глаз’, ср. «Два сонных яблока у века властелина...». Поэтому: **БУРИ ЯБЛОКО** = «глаз бури»¹¹⁹ = символ «замирения» воюющего мира.
- (б) (=Y) одновременно с (а): «глаз» → Glas ‘стекло’ → **СТЕКЛЯННОМ**

метках о Шенье» (предп. 1922): «В “Jeu de paume” наблюдается борьба...» [72, т. 2, с. 280].

¹¹⁷ Это франц. сочетание появляется в том же 1923 г. в ШВ (гл. «Сергей Иванович»): «в длиннейшем “jeu de paume” меншиковского университета...», со значением, очевидно, «актовый зал».

¹¹⁸ Похоже, что здесь у М имеет место контаминация Ebenholz ‘черное дерево’ и Elfenbein ‘слоновая кость’, а также «слоновой кости» и «кости тапира», у которого никаких бивней (для изготовления «игрушек») нет. Отметим еще, что связь «равнина, плоскогорье» – «небо, полет» присутствует также в стих. «Не сравнивай: живущий несравним...» (1937).

¹¹⁹ Энци. словарь Брокг.-Ефр., т. 9, с. 34 (ст. «Бури»): «В самой середине урагана в густых тучах наблюдается как бы разрыв, сквозь который видно голубое небо. Это явление моряки называют **ГЛАЗОМ БУРИ**».

* 1923. Стих. «Как тельце маленькое крылышком...» [I, с. 151].

В стр. «Как комариная безделица / В зените ныла и звенела / И под сурдинку пеньем жужелиц / В лазури мучилась заноза: / – Не забывай меня, казни меня, / Но дай мне имя, дай мне имя! / Мне будет легче с ним, пойми меня, / В беременной глубокой сини»

(а) (=Y) КОМАРИНАЯ → Mucke (=Y[muk]) 'комар, (ом.) каприз, причуда' → tucken 'издавать слабый звук, пищать, ныть, (ом.) обижать, помыкать' → НЫЛА, → (пар.) «мука» → МУЧИЛАСЬ

(б) Mucke 'каприз, причуда' → ЗАНОЗА (в смысле «надоедливый каприз») ¹²⁰

(в) tucken 'обижать, помыкать' → КАЗНИ МЕНЯ

(г) (=Y) ИМЯ → (Name, Namen) 'имя' (=Y[nomen/numen]) → (эквиконс. NMN) МеНЯ, каЗНи МеНЯ, дай МНЕ иМя, НиМ, пойМи МеНЯ, береМеННой.

* 1923. Очерк «Холодное лето» [II, с. 294].

С. 295: «Тот не любит города, <...> кто не заглядывался в каторжном дворе Вхутемаса на занозу в лазури, на живую, животную прелесть аэроплана...»

(=Y) ЗАНОЗУ → Splitter (=Y[špilter]) 'заноза' → (эквиконс. Š/S-PLTR) ПРЕЛЕСТЬ ¹²¹

* 1923. Очерк «Сухаревка» [II, с. 296].

(1) с. 296: «...под башней-индюшкой, дородной, как сорокапятитлетняя императрица, <...> строил ее Петр с перепугу ...»

(а) ИНДЮШКОЙ → Puter 'индюшка' → («консонантная» паронимия) Peter → ПеТР, имПеРаТРИца

(б) (=Y) Peter → (пар.) fetter (=Y[feter]) 'жирный, тучный, дородный [117, с. 511], [123, с. 137]' → ДОРОДНАЯ

(2) с. 298: «... подставить спину под веник ласковой брани»

Yd (= Pol, = Ukr) ЛАСКОВОЙ → Y [laske] 'condescending,

¹²⁰ См. G-суггестии к очерку «Холодное лето» (1923), «заноза в лазури».

¹²¹ См. G-суггест. к стих «Как тельце маленькое...» (1923), «в лазури мучилась заноза...».

reluctant favor, снисходительная милость' → смысл: «под веник снисходительной брани»

* 1923. «Шум времени» [II, с. 6].

(1) название всего текста

(=Y) ШУМ (ВРЕМЕНИ) → (пар.) Schaum 'пена' → (дополн.) смысл: «пена века», см. п. (9).

(2) гл. «Хаос иудейский», с. 19: «...прикасаются к тяжелой книге, <...> по поручению всех совершают что-то почетное и самое главное»

Yd «Сейфер-Тора» (название свитка Торы в синагоге) → Y[seyfer] '(евр. религ.) книга' → К КНИГЕ¹²²

(3) гл. «Хаос иудейский», с. 20: «Где-то поблизости Спиноза разводит в банках своих пауков. <...> немного продержавшись, он падает из этого странного университета обратно в кипучий мир семидесятых годов...»

(а) (=Y) СПИНОЗА [spinoza, вариант špinoza] → (пар.) Spinne (=Y[špin]) 'паук' → ПАУКОВ

(б) (=Y) ПАДАЕТ¹²³...ОБРАТНО В ↔ fallt zurück (=Y[faltzurik]) '(по)падает обратно, возвращается' → смысл: «попадает обратно...»

(4) гл. «Хаос иудейский», с. 21: «... вагон <...> приступом брали какие-то ферейны, возвращаясь с большого певческого праздника»

(=Y) ФЕРЕЙНЫ → Verein (=Y[fareyn]) 'союз, объединение' → смысл: «члены каких-то певческих объединений»¹²⁴.

(5) гл. «Хаос иудейский», с. 22: « Землю свою он разгородил на чистую от евреев и нечистую»

¹²² Этот случай отмечен Л. Кацисом в [3].

¹²³ Характерно, что в работе 1930 г. критик Н. Берковский (или корректор его книги?), цитируя этот отрывок из ШВ, по-видимому, чувствует какую-то «неправильность» здесь в слове ПАДАЕТ и «исправляет» его на «попадает»! [167, с. 169].

¹²⁴ Немецкий синоним Verein [fəraʏn] чуть менее вероятен, чем Y[fareyn] из-за отличающегося произношения ударного дифтонга. Возможно, детская память М зафиксировала это слово в Y-речи родителей, обсуждавших ночное событие: «эстонцы топотали и ломились в дверь. Было очень страшно».

ЧИСТУЮ ОТ ЕВРЕЕВ ← judenrein ‘чистая от (свободная от примеси) евреев’

(6) гл. «Концерты Гофмана и Кубелика», с. 23: «... почти хлыстовским радением трабантов Михайловской площади. В туманном свете газовых фонарей многоподъездное здание подвергалось настоящей осаде»

ТРАБАНТОВ → Trabanten ‘наемные солдаты, приспешники’ → смысл: «завсегдагаи Михайловской площади (великопостных концертов) осаждали Дворянское собрание как наемники».

(7) гл. «Тенишевское училище»: «Про Витте все говорили, что у него золотой нос...»

У НЕГО ЗОЛОТОЙ НОС → Er hat eine gute Nase für [111] → смысл: «У него хороший нюх на...»

(8) гл. «Эрфуртская программа»: «...и бурги по самые уши увязли в зелени»

(=У) БУРГИ → Burg ‘замок’ → смысл: «замки (курляндских баронов) увязли в зелени»¹²⁵

(9) гл. «Семья Синани»:

(а) «...губернаторы, торы, погромы...»

ТОРЫ → Thora ‘Тора’ → Thor ‘герм. бог грома’ → «бог грома» [bog-groma] → (пар.) ПОГРОМЫ

(б) «...в ослепшей от дождя Финляндии...»

(=У) ОСЛЕПШЕЙ → blind ‘слепой.’ → (пар.) ФИНЛЯНДИИ

(9) гл. «Комиссаржевская»: «...прислушиваясь к нарастающему шуму века и выбеленные пеной его гребня, мы обрели язык».

(=У) ШУМУ → (пар.) Schaum ‘пена’ → ПЕНОЙ¹²⁶

(10) гл. «В не по чину барственной шубе»

Здесь в ряде мест паронимически суггестируется связь между немецким Tier ‘зверь’ и кусочками слова и всем словом ли-

¹²⁵ Идишизм Y[burg] ‘замок, castle’ равновероятен здесь.

¹²⁶ Идишизм Y[soym] ‘пена’ равновероятен здесь. Связь «шум» ↔ «пена» см. еще в G-суггестиях к «Раковина» (1911), «Скрябин и христианство» (1915). Если верно утверждение О. Лекманова [94, с. 103], что сочетание «шум времени» у М восходит к следующему фрагменту романа Андрея Белого «Серебряный голубь»: «...Август плывет себе в шуме и шелесте времени: слышишь – времени шум?», то лексема ПЕНА у М дополнительно суггестируется сочетанием ПЛЫВЕТ В ШУМЕ (= «в пене») у Белого.

ТЕР-а-ТУР-а = Literatur

- (а) «У него было ЗВЕРИНОЕ отношение к ЛИТЕРАТУРЕ как к единственному источнику ЖИВОТНОГО тепла. Он грелся о ЛИТЕРАТУРУ, терся о нее шерстью <...>. Он был Ромулом, ненавидящим свою ВОЛЧИЦУ...» [II, с. 45]
- (б) «Неужели ЛИТЕРАТУРА – МЕДВЕДЬ, сосущий свою лапу <...>. Я приходил к нему разбудить ЗВЕРЯ ЛИТЕРАТУРЫ.» [II, с. 46]
- (в) «ЛИТЕРАТУРА – ЗВЕРЬ» [II, с. 49]

* 1923–1924(?) «Феодосия» [II, с. 50].

- (1) гл. «Старухина птица», с. 53: «Городок, где днем идешь, как по мертвому римскому плану...»
(ИДЕШЬ ПО) ПЛАНУ → Plan 'площадь, ровное место' → смысл: «идешь по римской площади»
- (2) гл. «Бармы закона», с. 55: «...и с злобной песнью шарахались от несостоявшейся сделки»
CONJ (C) ПЕСНЬЮ → (пар.) pesen 'разг. бежать, спешить [111, с. 189]' → смысл: «в спешке шарахались»
- (3) гл. «Бармы закона», с. 55: «Грязная, на серой древесной бумаге, газетка Освага <...> будила впечатление русской осени в лавке мелочного торговца»
(а) CONJ (НА) ДРЕВЕСНОЙ БУМАГЕ → Baum- 'древесный' → Baumwolle 'древесная», хлопчатая бумага' → смысл: «на серой, хлопчатой (хлопьями на вид), плохой бумаге».
- (б) (=Y) БУДИЛА → (пар.) Bude (=Y[bude]) 'лавка, ларек, палатка, хибара' → «лавка» → В ЛАВКЕ
- (4) гл. «Бармы закона», с. 55: «...по улицам ходили циклопы в черных бурках, сотники, пахнущие собакой и волком...»
(=Y) СОТНИКИ → «сотня» → Hundert (= Y[hundert]) 'сотня' → (пар.) Hund 'собака' → СОБАКОЙ¹²⁷
- (5) гл. «Мазеса да Винчи», с. 57: «...они впервые сделали городской эту шершавую землю»
ШЕРШАВУЮ (ЗЕМЛЮ) → rauh 'шершавый, дикий, суровый (о местности)' → смысл: «сделали городской эту суровую, дикую землю»¹²⁸

¹²⁷ См. G-сугг. к стих. «За гремучую доблесть...» (1931), «век-волкодав».

¹²⁸ См. G-сугг. в «Египетской марке», гл. II, «шершавый гость».

(б) гл. «Мазеса да Винчи», с. 57: «...стояла гостеприимная будка с распахнутой дверью»
(=У) БУДКА → (пар.) Bude (=У[bude]) 'лавка, палатка, хибара'
→ ([bude] + димин. суфф. «-ка») = «хибарка» → смысл: «стояла гостеприимная хибарка»¹²⁹.

* 1924, 1937. Стих. «1 января 1924» [I, с. 152].

(1) в стр. «Он будет вспоминать, как спать ложилось время / В сугроб пшеничный за окном. / Кто веку поднимал болезненные веки →»

(а) (СУГРОБ + ВРЕМЯ) → (Wehe + Zeit) → (акр. + метат.) weizen → ПШЕНИЧНЫЙ

(б) СУГРОБ → Wehe 'сугроб' → (ом.) weh(e) 'больной (орган), болезненное (ощущ.)' → БОЛЕЗНЕННЫЕ (ВЕКИ)¹³⁰

(2) в стр. «И глиняный прекрасный рот»

(=У) ПРЕКРАСНЫЙ → «красный» → rot 'красный' → (омоф.) РОТ¹³¹

(3) в стр. «Ужели я предам позорному злословью – / Вновь пахнет яблоком мороз – / Присягу чудную четвертому сословию / И клятвы крупные до слез?»

Fr¹³² ЯБЛОКОМ → rotme 'яблоко' → (омоф.) рауме 'лапта' → (асс.) jeu de раume 'игра в мяч (лапта)' → (асс.) реалии франц. революции: стих. А. Шенье «Игра в мяч» ("Jeu de раume")¹³³ + известная картина Давида «Клятва в зале для игры в мяч (jeu de раume)¹³⁴», в сюжете которой – клятва депутатов третьего сословия и т. п. → ПРИСЯГУ, КЛЯТВЫ

¹²⁹ См. п. (3) шп. (б).

¹³⁰ Эта G-суггестия отмечена в [87].

¹³¹ Здесь одновременно связь: ГЛИНЯНЫЙ → «красный» → ПРЕКРАСНЫЙ, ср. в очерке «Холодное лето» (1923): «бегут... по красноватой глине» (II, с. 294).

¹³² Эта же связь в стих. «Париж» (1923).

¹³³ Это стихотворение Шенье Мандельштам упоминает и цитирует в «Заметках о Шенье» (предп. 1922): «В "Jeu de раume" наблюдается борьба...» [2, т. 2, с. 280].

¹³⁴ Это франц. сочетание появляется в том же 1923 г. в ШВ (гл. «Сергей Иванович»): «в длиннейшем "jeu de раume" меншиковского университета...», со значением, очевидно, «актовый зал».

* 1924–1925. Шут. стих. «На Моховой семейство из Полесья...» [I, с. 351].

(1) в стр. «И голова в кудрявых пейзах песья»

Yd ПЕСЬЯ ← Y [pesi] ‘дурачок, наивный до глупости’¹³⁵

(2) в стр. «Два карлика построили шалаш/ Для ритуала, для раввинских каш –»

Yd КАШ ← Y [kaše] ‘трудный вопрос, проблема’¹³⁶

(3) в стр. «Такой же, как и он, небритый карл, / Ждет младший брат, торговли книжной ярл»¹³⁷

(а) (+Y) **КАРЛ** → (пар.) «король» = König. Поэтому:

ЯРЛ + **КАРЛ** → Jarl-König → (пар.) Erlkönig [erl-köniš] ‘миф.

лесной царь’¹³⁸ → (пар.) **КНИЖ-НОЙ** → (шутл. смысл): «лесной

(+ «небритый» + «из Полесья») царь книжной торговли»¹³⁹

* 1925. Стих. «Из табора улицы темной...» [I, с. 158].

В стр. «Я буду метаться по табору улицы темной/ За веткой черемухи в черной рессорной карете,/ За капором снега, за вечным, за мельничным шумом.../ Я только запомнил каштановых прядей осечки, / Придымленных горечью – нет, с муравьиной кислинкой,/ <...> А жизнь проплывет театрального капора пенной...»

(а) (<Y) **КАПОРОМ** → Kapores (←Y[kapores]) ‘испорченный, погибший → ненужный’¹⁴⁰. Получается смысл: «гнаться за ненужным, бессмысленным (снегом)».

¹³⁵ См. [110, с. 249].

¹³⁶ См. [110, с. 269]. Y[kaše] участвует в словосочетании Y [di-fir-kašes] ‘четыре вопроса’, обозначающем часть иудейского пасхального ритуала, см. ниже идишизмы в стих. «Холодная весна...» (1933). Давид Выгодский, один из «двух карликов», хорошо знал Y и делал Y→R переводы [I, с. 601].

¹³⁷ ЯРЛ = Jarl ‘наместник короля в Скандинавии’.

¹³⁸ Erlkönig («Лесной царь») – известная баллада Гете, упоминавшаяся М в [II, с. 242].

¹³⁹ Здесь вероятно контаминация с Y[kinig] ‘король’ → (пар.) «книг(а)».

¹⁴⁰ См. [111]. Идишизм (изначально – гebraизм) Y[kapores] имеет более точное соответствующее ситуации значение ‘good for nothing, of no use’ [107, с. 213] и поэтому более вероятен. Кроме того, Y [kapore] участвует в выражении Y [di-kapore-wern-far] ‘be infatuated with smb.’ [105, с. 265]. Отметим, что Y[kapore] изначально – ‘искупительная жертва’, обычно, БЕЛЫЙ петух. Поэтому не случаен здесь снег «КАПОРОМ СНЕГА». Ср. во «сне» в VIII гл. ЕМ: «петух, предназначенный резнику» = явно Y[kapore], и фоном сцены является белый СНЕГ.

- (б) (=Y) ЧЕРЕМУХИ = Faulbaum (=Y[foylboym]), букв. 'испорченное, «неправильное» дерево'¹⁴¹
- (в) (>Y) ПРИДЫМЛЕННЫХ → geräuchert [geroyšert] (=Y[geroyxert]) 'задымленный' → (эквиконс. GRŠ) ГОРЕЧЬЮ¹⁴²
- (г) Yd ГОРЕЧЬЮ → YP[mure] 'желчь, горечь, меланхолия' → (пар.) МУРА-ВЬИНОЙ
- (д) Yd ПЕНОЙ → Y[milinkes] 'мыльная пена, пузыри, эфемерность [104, с.356]' → (эквиконс.) МЕЛЬНИЧНЫМ
- (г) (=Y) ПЕНОЙ = Schaum (=Y [šoyum]) → (пар.) ШУМОМ. Получается смысл: «жизнь пройдет с театральным шумом, ненужная, как пена»

* 1925. Стих. для детей «Примус» [I, с. 20].

- (1) в гл. III («Молоко») «... – Я совсем не неженка, / У меня есть пенка!»
- (=Y) ПЕНКА = Haut 'кожа, шкура, пенка на молоке' → смысл: «у меня есть **шкура**» → НЕ НЕЖЕНКА¹⁴³
- (2) в гл. VII («Телефон»): «Я обижен, я простужен: / Телефоны-старички – / Те поймут мои звонки!»
- (а) ПРОСТУЖЕН → Erkalten 'простудить' → (пар.) Alten 'старички' → ТЕЛЕФОНЫ-СТАРИКИ
- (б) Yd ЗВОНКИ → Y [kling] 'звонко' → (пар.) Y [farkiling] 'простуда [106, с. 305]' → Я ПРОСТУЖЕН

* 1925. Стих. для детей «Два трамвая» [I, с. 324].

- (1) В стр. « – Вот сонный трамвай, посмотри! / »
- ТРАМ-ВАЙ → (пароним основы) Traum¹⁴⁴ 'сон' → СОННЫЙ¹⁴⁵

¹⁴¹ Напомним, что идишизм (изначально – гебраизм) kapores присутствует и в стандартном немецком в значении 'сломаный, испорченный, конченный, погибший'. Напр. er ist kapores = его песенка спета, см. [111].

¹⁴² «Германизм» здесь фонетически точнее из-за сибиллянта [š].

¹⁴³ Y-суггестия здесь равновероятна: Y[hoyt] = 'кожа, шкура, пенка на молоке'.

¹⁴⁴ [tram] – со стяжением дифтонга в произношении М. Это стяжение [au] → [a] «слышно» в ряде явных и суггестируемых германизмов у М.

¹⁴⁵ Слово «сонный» у М имеет 2 коннотации: «желающий спать» и (под воздействием сложных слов на Traum-) «имеющий место в сновидении, в галлюцинации», напр. «сонные казни» (2-я глава РД) и т. п.

(2) в стр. «С чужими он там говорит лошадьми»
 (<Y) ЛОШАДЬМИ = Pferden (=Y[ferdn]) → (эквиконс. F-R-D-N/M) fremden (=Y[fremdn]) ‘чужие’ → (пар.) → reden (=Y[redn]) ‘говорить’ → С ЧУЖИМИ, ГОВОРИТ¹⁴⁶

* 1925. Эпиграмма «Писателю. Как некий исполин...»
 [I, с. 347].

В стр. «Как некий исполин с Синая до Фавора, / От договора ты бредешь до договора»

CONJ (гора) ФАВОРА = Taborberg → (эквиконс. T-B/F-R-G) Vertrag [fertrag] ‘договор’ → (ДО) ДОГОВОРА

* 1925(?). Шут. стих. «Антология античной глупости»
 [I, с. 344].

В стр. «Пушкин имеет проспект, пламенный Лермонтов тоже»
 (=Y) ПУШКИН ИМЕЕТ ← «Puschkin hat (einen Prospekt)...» – синтаксический германизм¹⁴⁷.

* 1925. Устный дискурс, зафикс. мемуристом [179, с. 541].

(=Y) ПОЭТ ДОЛЖЕН ИМЕТЬ (КОЛБАСНУЮ ЛАВОЧКУ) – синтаксический германизм (см. пред. пункт)

* 1925. Шут. стих. «Антология житейской глупости»
 [I, с. 347].

В стр. «Никакой другой Иосиф не есть Осип Мандельштам. / <...> Эта Анна есть Иванна – Дом-Искусства человек, / <...> Несмотря что Альциона есть элегия Шенье... / <...> Это есть Лукницкий Павел, Николаич человек, / <...> Несмотря на то, что Пешков – не есть горький человек»

(a) (=Y) НЕ ЕСТЬ (← ist nicht) – синтаксический германизм (идишизм [iz-nit] ‘не есть’ равновероятен).

(b) (=Y) ЭТО ЕСТЬ (← dieses ist) – синтаксический германизм

¹⁴⁶ Y-суггестия здесь фонетически точнее.

¹⁴⁷ Идишизм [hot] ‘имеет’ равновероятен. В отличие от стих. 10-х годов «Имею тело...» и «Мы напряженного молчанья...», здесь эта G/Y-конструкция используется сознательно для стилизации текста.

(идишизм [iz] ‘есть’ равновероятен)¹⁴⁸

* Середина 1920-х. Стих. «Это есть художник Альтман...» [I, с. 348].

В стр. «Это есть художник Альтман, / Очень старый человек / По-немецки значит Альтман – / Очень старый человек»¹⁴⁹
(=Y) ЭТО ЕСТЬ (← dieses ist) – синтаксический германизм¹⁵⁰

* Середина 1920-х. Стих. «Это есть мадам Мария...» [I, с. 348].

В стр. «Это есть мадам Мария – / Уголь есть почти что торф»
(=Y) ЭТО ЕСТЬ: см. ЭТО ЕСТЬ в пред. *пункте.

* 1925/26 гг. Стих. «Петербург» (перевод из Макса Бартеля) [2, с. 338].

В стр. «Эй, проснись, “пролет” немецкий, / Встань, германский пролетарий!»

ПРОЛЕТ = Prolet (презр.) ‘пролетарий’.

* 1925/26 гг. Стих. «Кто я? Вольный бродяга я...» (перевод из Макса Бартеля) [2, с. 339].

В стр. « – Вечер красен, заря красна, – / Начал вслух бормотать я, – / Хлебом земля беременна, – / Утешьтесь, братья!»¹⁵¹

(а) ХЛЕБОМ → Brot ‘хлеб’ → (пар.) БРАТЬЯ

(б) (Frühlings) **erbarmen** (оригинал) → (пар., эквиконс.) БЕРЕМЕННА¹⁵²

(в) (=Y) (Frühlings) **erbarmen** (ориг.) → (пар., эквиконс.) brummen ‘бормотать’¹⁵³ → БОРМОТАТЬ

¹⁴⁸ См. примечания к G-суггестиям к шут. «Антология античной глупости» (1920-е).

¹⁴⁹ По свидетельству Г. Адамовича: «Мандельштам читал эти стихи сотни раз, даваясь от смеха, но с напускной важностью и с сильным **немецким акцентом**: “ошэн стари шэловэк”...», цит. по [51, т. I, с. 546].

¹⁵⁰ Идишизм [iz] ‘есть’ равновероятен. См. примечание к G-сугг. к «Антология античной глупости» (1920-е).

¹⁵¹ Оригинал: «Abendrot – Morgenrot – Frühlings**erbarmen** Ich bringe euch Brot. Weint nicht, ihr, Armen», цит. по [174, с. 695].

¹⁵² Эту связь отметил Г. Киршбаум [174, с. 695].

¹⁵³ Идишизм [brimen] ‘бормотать’ здесь равновероятен.

* 1925/26 г. Стих. «Май месяц» (перев. из М. Бартеля) [2, с. 340].

(1) в стр. «К свету лестницей крутой / Нас уводит жизни трепет»

(=Y) ЛЕСТНИЦЕЙ → Treppe 'лестница' → (пар.) ТРЕПЕТ¹⁵⁴

(2) в стр. «С высокой млечной тропы / Срезает брусся, – как жнец горбатый»

(=Y) ТРОПЫ → (пар.) Treppe 'лестница' → образ «лестницы, с которой срезают ступени»¹⁵⁵

(3) в стр. «Зверинец. Я зябну. Весна.»

(=Y) ЗЯБНУ → (Ich) friere → (пар.) Frühling 'весна' → ВЕСНА¹⁵⁶

* 1925/26 г. Стих. «Птицы» (перев. из Макса Бартеля) [2, с. 342].

В стр. «Лежат в крови у пыльного рва. / Мы безочажный, блуждающий грай»

(а) (=Y) КРОВИ → Blut 'кровь' → (пар.) «блуд, блудить, блуждать» → БЛУЖДАЮЩИЙ¹⁵⁷

(б) (<Y) КРОВИ, РВА → (пар.) Y[kro], Krähe 'ворона', Y[rov], Rabe 'ворон' → (асс.) «вороний грай» → ГРАЙ

* 1925/26 г. Стих. «Неизвестному солдату» (перевод из Макса Бартеля) [2, с. 345].

В стр. «В колесе огромного сраженья, / Или там, где наблюдает мать / Сыновой могучее цветенье»

(=Y) наБЛЮДАет → (пароним основы) Blut 'кровь' → (пар.)

Blüte 'цветение' → ЦВЕТЕНЬЕ. → смысл: «мать видит кровь сыновой в могучем сражении»¹⁵⁸

* 1926 г. Стих. для детей «Шары» [I, с. 327].

(1) в стр. « – А нитка моя / Тоньше паутинки»

(=Y) НИТКА = Faden → (эквиконс. FDN) fein, dünn → ТОНЬШЕ

¹⁵⁴ Идишизм Y[trep] = 'лестница' равновероятен здесь.

¹⁵⁵ Идишизм Y[trep] = 'лестница' равновероятен здесь.

¹⁵⁶ Y-суггестия: Y[frirn] 'зябнуть', Y[frilink] 'весна' – равновероятна здесь.

¹⁵⁷ Эта же связь в стих. «Полночь в Москве...» (1931).

¹⁵⁸ Y-суггестия – YP[blit] 'кровь', (омон.) YP[blit] 'цветение' – равновероятна здесь.

(2) в стр. «Вот балует шар»

(>Y) ШАР = Ball, Ballon (=Y[bol]) → (пар.) БАЛУЕТ

* 1926 г. Стих. для детей «Кухня» [I, с. 332].

В стр. «На масле на подсолнечном / Оладьи! Оладьи!»

(=Y) (НА) МАСЛЕ → Öl 'растит. масло' → (пар.) ОЛАДЬИ¹⁵⁹

* 1926 г. Очерк «Михоэльс» [II, с. 306, наброски: с. 374].

(1) в стр. «вся фигура пайкового чортика съезживается <...>, утомившись мудрым своим беснованием...»

ПАЙКОВОГО ЧОРТИКА → Ration 'паёк' → (пар.) Ratio 'разум'
→ МУДРЫМ, БЕС-НОВАНИЕМ

(2) в стр. «...этого сумасшедшего, очаровательно нелепого, бесконечно изящного, фарфорового пешехода...»

(=Y) ИЗЯЩНОГО → fein (=Y[faʏn]) 'изящный, деликатный, тонкий, хрупкий' → смысл: «бесконечно хрупкого (как фарфор) пешехода»¹⁶⁰

(3) в стр. «...еврею никогда и нигде не перестать быть ломким фарфором, не сбросить с себя тончайшего и одухотвореннейшего лапсердака»

(=Y = Fr) ФАРФОРОМ → das Porzellan (=Y[portselaj], = la porcelaine 'фарфор' → (пар. + конс. метатеза) ЛАПСЕРДАКА¹⁶¹

(4) в стр. «...позвать свата-шатхена <...> статуэтку зеленого шатхена-кузнечика»

Yd ШАТХЕН(A) = Y[šatxen] 'сват'

(5) набросок <5>. В стр. «Вот, например, злостный по своей рассудочности трюк...»

ЗЛОСТНЫЙ → böse '1. злостный, 2. (разг.) сильно, очень, страшно' → смысл: «очень (ужасно) рассудочный трюк».

* 1926 г. Очерк «Киев» [51, т. 3, с. 5].

(1) В гл. I «... заглянув под вечер в любое окно, увидит скудную

¹⁵⁹ Идишизм (польский!) YP[ayl/al] 'растит. масло' равновероятен здесь.

¹⁶⁰ Аналогичное расширение семантического поля лексемы ИЗЯЩНЫЙ через G-лексеми fein см. в «Египетской Марке» (1927), гл. VII, «изящнейший фарфоровый портной».

¹⁶¹ Здесь еще возможен галлицизм: la porcelaine 'фарфор' ↔ ЛАПСЕРДАКОМ.

вечерю еврейской семьи – булку-халу, селедку и чай на столе. <...>»

Yd (= **Ukr**) ВЕЧЕРЮ = Y[večere] ‘ужин’

(2) В гл. II «... я вышел на Днепр к старику Розинеру <...>. Но можно еще жить, пока есть крепкое изюмное вино...»

(= **Ukr**, = **Yd**, = **Pol**) РОЗИНЕР → (пар.) Rosinen (укр. родзинки, Y[rozinkes]), пол. rodzynki ‘изюм’¹⁶² → ИЗЮМНОЕ

* 1927/28 г. «Египетская марка» [II, с. 59].

(0) Название: «Египетская марка»

(а) **Fr** МАРКА → Timbre¹⁶³ ‘марка’ → (пар.) «тембр» →¹⁶⁴ «структурный источник нарратива». Эта же связь «марка» ↔ «тембр» присутствует в гл. 4 ЕМ: см. ниже (12).

Тем самым, здесь ЕГИПЕТСКАЯ МАРКА = «нарратив с египетским ТЕМБРОМ (т. е. в египетских ОБЕРТОНАХ, в египетской окраске и т. п.)».

(б) МАРКА ← Marke ‘чудак, чувак, странный человек, тип’.

Гипотеза: когда в школе Парнока (= М) дразнили «египетской маркой» (ЕМ), то имели в виду, прежде всего этот «немецкий» смысл, и именно поэтому это прозвище было обидным, а не из-за каких-то «египто-филадельфических» коннотаций.

(1) гл. I: «Уже артельщики, приплясывая в ужасе, поднимают кабинетный рояль миньон, как черный лакированный метеор, упавший с неба. Рогожи стелются как ризы. Трюмо плывет <...> во весь свой **пальмовый** рост».

Arab КАБИ-НЕТНЫЙ → (пар.) Каабы → (асс.) «камень Каабы»¹⁶⁵

¹⁶² Ср. также лит. gasinos ‘изюм’. Эту же Y/R-связь см. в инояз. интерф. в 5-й гл. ЕМ: «лодка, **груженная изюмом**».

¹⁶³ Заметим, что на егип. марках начала 20 века были **французские** и английские (но не немецкие!) надписи.

¹⁶⁴ Эта «стрелка» подкрепляется несколькими местами в РД, гл.7: «Следует твердо помнить, что **тембр** – структурное начало, подобное щелочности или кислотности того или иного химического соединения»; «**драматическая структура самого рассказа вытекает из тембра**, а вовсе не сам тембр подыскивается для нее».

¹⁶⁵ Исламская святыня, еще называемая по-арабски «**черный** камень». Он считается **упавшим с неба метеоритом**. Ср. в 1-й гл. ЧП: «Как турок ездит к **черному** камню Каабы...».

→ «ужас от контакта со святыней»¹⁶⁶ → ПРИПЛЯСЫВАЯ В
УЖАСЕ, ЧЕРНЫЙ МЕТЕОР, КАК РИЗЫ, ПАЛЬМОВЫЙ¹⁶⁷

(2) гл. I: «...полушария [карты мира], как два большие мяча,
<...> они, как питательные пилюли, заключают в себе...»¹⁶⁸

(а) **Yd** МЯЧА → Y[boles] ‘мячи’ → БОЛЬШИЕ

(б) **Yd** ПИЛЮЛИ = Y[piles] ‘пилюли’ → Y[pilkes] ‘пилюльки’ =
(омон.) Y[pilkes] ‘мячи’¹⁶⁹ → МЯЧА

(3) гл. I, ранняя редакция¹⁷⁰: «Она любила <...> русские сотен-
ные с их морозным хрустом»

(<Y) МОРОЗНЫМ → Frost (=Yp[frust]) ‘мороз’ → (пар.)
ХРУСТ-О.М¹⁷¹

(4) гл. II «...из общества ревнителю и любителей последнего
слова, из камерного кружка стрекозиной музыки...»

(=Y) ЛЮБИТЕЛЕЙ (СЛОВА) → (пар.) Libelle ‘стрекоза’ → (Вме-
сто «кружка любителей музыки») СТРЕКОЗИНОЙ МУЗЫКИ¹⁷²

(5) гл. II: «Большоголовый Николай Давыдыч был шершавым
и добрым гостем, <...>, виновато улыбающимся, как по-
сылный, допущенный в комнаты. От него пахло портным
и утюгом»

ШЕРШАВЫМ → rauh ‘шершавый, неотесанный, «мужлани-
стый»’ → смысл: «был неотесанным, простонародным».

(б) гл. II: «...засыпая в кровати <...> при свете голубой фино-
линки¹⁷³...»

¹⁶⁶ «Артельщики» испытывают ужас от прикосновения к «камню Каабы», потому что артельщики (= носильщики) – мусульмане: «носильщик» была одной из общинных специализаций казанских татар в российских столичных городах.

¹⁶⁷ «Риза» – здесь: оклад иконы, вообще, **облачение священного предмета**. ПАЛЬМОВЫЙ естественно возникает из «аравийскости» исламского подтекста.

¹⁶⁸ Здесь фиксируются ранние детские ассоциации, основанные на Yp-омонимии и синонимии: Y[pilke] = пол. pilka ‘мяч’ = Y[bol] ‘мяч’.

¹⁶⁹ См. [104, с. 259]. См. эту же связь в Y/Pol-суггестиях к стих. «Железо» (1935).

¹⁷⁰ Цит. по [62, с. 71].

¹⁷¹ Здесь «польский» идишизм: Yp[frust] фонетически точнее.

¹⁷² Здесь идишизм: Y[libele] ‘стрекоза’ равновероятен. См. также G-сугг. к стих. «Какая роскошь в нищенском селеенье...» (1930).

¹⁷³ Комментарий А. Морозова: «Финолинка – невыясненное слово, в контексте – ночная лампа» [64].

It ФИНОЛИНКИ ← fanalino ‘фонарик’

CONJ Yd ФИНОЛИНКИ ← *Y[finol] ← нем. Fanal ‘маяк, сигнальный огонь’¹⁷⁴

(7) гл. II: «Концертный морозец пробежал по его сухой коже»

КОНЦЕРТ-НЫЙ → (пар. + эквиконс.) trocken ‘сухой’ → **СУХОЙ**

(8) гл. II: «...одной из самых легких и безответственных улиц Петербурга»

ЛЕГКИХ → leicht ‘легкий, легкомысленный’ → смысл: «легкомысленная, безответственная улица»¹⁷⁵.

(9) гл. III: «...бормашины – этой бедной сестры аэроплана, – тоже сверлящего борчиком лазурь»

ЛАЗУРЬ ← (пар.) Glasur [glazur] ‘зубная эмаль’ ← **СВЕРЛЯЩЕГО БОРЧИКОМ, БОРМАШИНЫ**

(10) гл. III: «... в сытом тумане прачешной ... »

СЫТОМ → satt ‘сытый, насыщенный, густой’ → смысл: «в густом тумане»¹⁷⁶

(11) гл. III, (хозяйка прачечной): «Я не варьятка, чтобы отдавать им белье ротмистра...»

Yd (> Pol) **ВАРЬЯТКА** = Y[varyatke] = ‘madwoman’¹⁷⁷ → смысл: «я не сумасшедшая, чтобы...»

¹⁷⁴ *Y[finol] ← нем. Fanal ‘маяк, сигнальный огонь’, [111, с. 457] ← ит. fanale ‘фонарь’ [112, с. 102]. Кроме того, фр.(= исп.) fanal ‘beacon, маяк, сигнальный огонь, большой фонарь’. Проблема здесь в том, что слово *Y[finol] не зафиксировано в Y-словарях. Но то, что это Y-, а не G-слово, аргументируется фонетическим переходом исконного (романского) ударного [a] → [o]. Этот переход не произошел в диалекте (блоке диалектов), из которого сгенерировался «стандартный» немецкий. Например, Y[dos] ‘указ. мест.’ = das, Y[wos] ‘вопр. мест.’ = was и т. п. Интересным является вопрос, откуда (и когда) Y заимствовал «исходную» словоформу: из некоего нем. диалекта или напрямую из какого-то романского языка (ладино?).

¹⁷⁵ Пример этого смысла в G: ein leichtes Mädchen = ‘легкомысленная девушка’.

¹⁷⁶ Пример этого смысла в G: eine satte Lösung = ‘насыщенный, густой раствор’.

¹⁷⁷ См. [105, с. 203]. Variat = ‘сумасшедший’ в польском, что соответствует тому, что хозяйка прачечной, судя по тексту, жила в Варшаве. Но Y-форма женского варианта лексемы, его присутствие в Y-словарях, а также подчеркнуто «одесский» стиль объемлющего дискурса хозяйки показывают, что это слово – идишизм.

(12) гл. IV: «По Гороховой улице с молитвенным шорохом двигалась толпа»¹⁷⁸

(+Y) ТОЛПА → Schar ‘толпа’ → scharren ‘шаркать’ → Y[sarn-zix] ‘shuffle, move along the ground’ [107, с. 377] → (пар.) ШОРОХОМ → смысл: «толпа продвигалась, шаркая».

(13) гл. IV: «...раздражительные затылки...»

ЗАТЫЛКИ = Nacken → (пар.) necken ‘дразнить, раздражать’ → РАЗДРАЖИТЕЛЬНЫЕ¹⁷⁹

(14) гл. IV: «Время, робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница, молодая еврейка, прильнувшая к окну часовщика – лучше бы ты не глядела!»

(=Y) ВРЕМЯ → die Zeit (fem.) ‘время’ → все метафоры и соотв. глагольные формы: женского рода¹⁸⁰

(15) гл. IV: «Товарищи в школе дразнили его “овцой”, “лакированным копытом”, “египетской маркой” и другими обидными именами. Мальчишки ни с того ни с сего распустили о нем слух, что он “пятновыводчик”, то есть знает особый состав от масляных, чернильных пятен»

Fr МАРКОЙ → Timbre ‘марка’ → (пар.) «тембр» → (acc.) НАЧАЛО, ПОДОБНОЕ ЩЕЛОЧНОСТИ ИЛИ КИСЛОТНОСТИ¹⁸¹ → (acc.) «пятновыведение с помощью щелочи и кислоты» → «ПЯТНОВЫВОДЧИК». Эта же связь: «марка» ↔ «тембр» присутствует в названии ЕМ: см. выше (0).

(16) гл. IV: «Аптечные телефоны делаются из самого лучшего scarлатинового дерева»

(=Y) СКАРЛАТИНОВОГО → Scharlach ‘1. ярко-красная краска 2. scarлатина’ → смысл: «красного дерева»¹⁸²

(17) гл. IV: «Уже весь воздух казался огромным вокзалом для жирных нетерпеливых роз»

Yd РОЗ → YL[reyzn] ‘розы’ → (пар.) Reisen, reisen (=Y[rayzn])

¹⁷⁸ Здесь, по-видимому, контаминация Y/G смыслов.

¹⁷⁹ См. G-подтексты к стих. «Я молю, как жалости и милости...» (1937).

¹⁸⁰ Идишизм Y[tsayt] ‘время’ здесь равновероятен.

¹⁸¹ Эта «стрелка» следует из (более позднего!) пассажа в РД, гл. 7: «Следует твердо помнить, что **тембр** – структурное начало, подобное щелочности или кислотности того или иного химического соединения»

¹⁸² Идишизм Y[šarlex] ‘scarlet [107, с. 394], (разг.) scarлатина’ здесь равновероятен.

- ‘поездки, путешествовать’ → (асс.) ВОКЗАЛ ДЛЯ (поездок)
Yd РОЗ → YL[reyzn] ‘розы’ → (эквиконс. RZN) ЖИРН-ЫХ¹⁸³
 (18) гл. IV: «Он – лимонная косточка, брошенная в расщелину
 петербургского гранита, и выпьет его с черным турецким
 кофеом налетающая ночь»¹⁸⁴
 (=Y) КОСТОЧКА = Y[kern] ‘kernel’ = (син.) Y[kerl] ‘grain, pit’
 [107, с. 377] → нем. Kerl = разг. ‘человек, малый’, презр. ‘тип,
 субъект’ → «человек, брошенный в тьму ночи» → (лимонный)
 «еврей, брошенный в тьму ночи»¹⁸⁵
 (19) гл. V, ранняя редакция¹⁸⁶: «... просачивался [мороз] дифте-
 ритный гость чудных пространств»
 (=Y) МОРОЗ → Frost (=Yp[frust]) ‘мороз’ → (пар.) ПРОСТ-
 РАНСТВ¹⁸⁷
 (20) гл. V: «Глухонемые исчезли в арке Главного штаба <...>
 словно засылали в разные стороны почтовых голубей»
 (а) (=Y) ГЛУХОНЕМЫЕ → Taubstumme ‘глухонемой’ → Taube
 ‘глухой’ → (ом.) Taube ‘голубь’ → ГОЛУБЕЙ
 (б) (>Y) (одновременно) Taube ‘глухой, голубь’ → (пар.) Stab
 ‘штаб’ → (ГЛАВНОГО) ШТАБА¹⁸⁸
 (21) гл. V: «Каждый такт – это лодочка, груженная изюмом и чер-
 ным виноградом»
Yd ИЗЮМОМ = YP[ruʒenke]¹⁸⁹ → (пар. + эквиконс.) ГРУЖЕ-
 НАЯ¹⁹⁰

¹⁸³ Очень вероятно, что в Y-диалекте М «немецкое» [s] после гласного произносилось как [ʒ] = [ж] (см. об этом явлении в Y у Жирмунского [96, с. 106], что, конечно, усиливает фонетическое сходство консонант в рассматриваемых словах. См. это же ниже в «идишизмах» к гл. V: «изюм».

¹⁸⁴ Здесь замечательная R/Y/G – игра смыслов. Ср. в набросках к ЕМ: «Предки Парнока – испанские евреи ходили в острокопечных желтых колпаках – знак позорного отличия для обитателей гетто... Не от них ли он унаследовал пристрастие ко всему лимонному и желтому?» [62, с. 71]. Поэтому здесь однозначно «лимонный» = «желтый» = «еврейский».

¹⁸⁵ Ср. также Y-подтекст ГРАНИТА ниже в комм. к гл. VIII.

¹⁸⁶ Цит. по [62, с. 74].

¹⁸⁷ См. G-суггестии к главе I «ЕМ».

¹⁸⁸ G-суггестии (а) и (б) отмечены в [87]. Y-суггестия: Y[toyb-štum] ‘глухонемой’ → Y [toyb] ‘голубь’, Y[štab] ‘штаб’ здесь менее вероятна фонетически. В связи Taube → Stab просматривается стяжение дифтонга [au] → [a] в немецком произношении М. См. ниже примечание к п. (22).

¹⁸⁹ См. [107, с. 260].

¹⁹⁰ В принципе, здесь могла работать G-связь Rosinen ‘изюм’, но иди-

(22) гл. V: «... – это план, по которому тонет ночь, организованная в косточки слив»

ПЛАН [plan] → (пар.) Pflaume ‘слива’ → (КОСТОЧКИ) СЛИВ¹⁹¹

(23) гл. V: «Рысак выбрасывает бабки. Серебряные стаканчики наполняют Миллионную»

СТАКАНЧИКИ = Gläser → (пар.) Glasen, glasen ‘мор. «склянки», бить склянки’ → смысл: «наполняют звоном, как склянки».

(24) гл. V: «...узкими, как правда, полозьями...»

УЗКИМИ = schmalen ‘узкие, бедные, скудные’ → метафора: «как бедная, **скудная** правда»¹⁹².

(25) гл. VII: «...изящнейший фарфоровый портной ...»

(=Y) ИЗЯЩНЕЙШИЙ → fein (=Y[fayn]) ‘изящный, деликатный, тонкий, хрупкий’ → смысл: «хрупкий (как фарфор) портной»¹⁹³

(26) гл. VII: «Я спешу сказать настоящую правду. Я тороплюсь.

Слово, как порошок аспирина, оставляет привкус меди во рту»

Yd ПРАВДУ → Y[emes] ‘истина, правда’ → (пар.) Y[meš] ‘желтая медь’ → МЕДИ¹⁹⁴

(27) гл. VII: «... страницы мерзлой книги, переплетенной в топоры ...»

В ТОПОРЫ → Veil ‘топор’ → (пар.) Veilage ‘приложение к журналу’ → ПЕРЕПЛЕТЕННОЙ В ТОПОРЫ → смысл: «переплетенных журнальных приложений»¹⁹⁵

шизм фонетически гораздо более точен. Кроме того, в разг. вост. Y «лодка» = Y[lodke], см. [104, с. 234].

¹⁹¹ Здесь интересно очевидное стяжение дифтонга [au] → [a] в немецком произношении М. То же явление, по-видимому, в строке: «Аустерлица забыт огонек...» [I, с. 419], в «И Фауста бес – сухой и моложавый...» [I, с. 183] и в «В кустах игрушечные волки глазами страшными глядят». Также выше (в п. 20) см. связь: Taube → Stab.

¹⁹² Здесь стандартная техника расширения семант. спектра при применении G/R-омонимии.

¹⁹³ См. G-суггестии к «Михоэльс» (1926). О семантике лексемы «изящный» у М писал Д. Сегал в [124].

¹⁹⁴ См. также идишизмы в «А посреди толпы, задумчивый, брадатый ...» (1934), в «10 января 1934» (1934), а также в ЧП, гл. 10: «партийная девственница – Правда-Партия».

¹⁹⁵ Ср. ШВ: «... “Нива”, “Всемирная новь” и “Вестники иностранной литературы”, бережно переплетаемые, проламывали этажерки <...> эти переплетенные чудовища» [II, с. 7].

(28) гл. VII: «...с зачитанными в шелк заразными страницами. <...> Некоторые страницы сквозили, как луковичная шелуха»

ШЕЛУХА → Schelke 'шелуха, скорлупа, кожица'¹⁹⁶ → (пар.) → ШЕЛК¹⁹⁷

(29) гл. VIII: «под тучковыми тучками, под французским **буше** умирающих набережных, под зеркальными зенками барско-холуйских квартир...» [II, с. 84]

(а) **Fr** ПОД ТУЧКОВЫМИ ТУЧКАМИ → (acc.) temps bouché 'пасмурная погода' → ПОД ФРАНЦУЗСКИМ БУШЕ

(б) **Fr** ПОД ФРАНЦУЗСКИМ БУШЕ → bouchée 'слоеное пирожное, пирожок' → (acc.) **пирожн-ое** → (эквиконс. П/Б-РЖН) НаБеРеЖНых

(в) **Fr** ПОД ЗЕРКАЛЬНЫМИ ЗЕНКАМИ... КВАРТИР → (acc.) glase 'зеркальное стекло' → (омоф.) «глаз» → (син.) ЗЕНКАМИ

(30) гл. VIII: «Я – безделица. Я – ничего. Вот попрошу у холерных гранитов на копейку – египетской кашки, на копейку – девической шейки»

(а) **Yd** (БЕЗДЕЛИЦА + НИЧЕГО) → (Y[gur-nit] 'ничто') → набор конс. (GRNT) → ГРАНИТНЫХ

(б) **Yd** БЕЗДЕЛИЦА → Y[kapetške] 'tiny bit'¹⁹⁸ → НА КОПЕЙКУ

(в) **Yd** Y[kapetške] → набор конс. (GPTSK) → ЕГИПЕТСКОЙ

(г) **Yd** (БЕЗДЕЛИЦА + НИЧЕГО) à (Y[nit-koše] 'ничего, не имеет значения') à (пар.) КАШКИ

(д) **Yd** КАШКИ → (Y[košken] 'ласкать, гладить' + Y[kušn] 'целовать') → набор конс. (KŠN)= (ŠNK) → (пар.) Y[šeynkayt] 'красота, красотка' → [šeynka] → (пар.) (ДЕВИЧЕСКОЙ) ШЕЙКИ¹⁹⁹

¹⁹⁶ См. [117, с. 1112].

¹⁹⁷ См. G-сугг. к стих. «Мы напряженного молчания не выносим...» (1937), «шелк».

¹⁹⁸ См. [107, с. 430].

¹⁹⁹ Еще 2 четкие ассоциации в этот пучок: (а) ЕГИПЕТСКОЙ «эквивокалично» с ДЕВИЧЕСКОЙ (б) смысл 'гладить' → девицы-гладильщицы из прачечной в том же тексте. Плотность идишизмов здесь явно демонстративная. В отличие от М. Гаспарова, который считает [26, с. 291], что в этом пассаже Парнок «просит только на поддержанье жизни и продолженье рода» (очевидно, М. Гаспаров усматривает в «девической шейке» некий Geschlechtsinstru-

(31) гл. VIII: «Не командуй» – так гласила одна из заповедей»²⁰⁰
Yd НЕ КОМАНДУЙ ← Y[komandeven] = 'be noisy, disorderly, naughty'²⁰¹

(32) гл. VIII: «Розовоперстая Аврора обломала свои цветные карандаши. Теперь они валяются, как птенчики с пустыми разинутыми клювами»

(=Y) КАРАНДАШИ → (асс.) «грифели» → (пар.) Greif-el 'маленький гриф, птенец грифа' → ПТЕНЧИКИ²⁰²

(33) гл. VIII: «Песня качается в седлах, как большущие даровые мешки с золотой фольгой хмеля. Она свободный приварок к мелкому топоту...»

ДАРОВЫЕ → frei 'даровой; свободный'²⁰³ → СВОБОДНЫЙ

(34) гл. VIII: «Страх берет меня за руку и ведет. Белая нитяная перчатка. Митенка. Я люблю, я уважаю страх. Чуть было не сказал: “с ним мне не страшно!” Математики должны были построить для страха шатер, потому что он координата времени и пространства <...> Страх распрягает лошадей, когда нужно ехать, и посылает нам сны...» [II, с. 86–87]

(а) Yd СТРАХА → Y[meure] 'страх' → «мера, измерение (времени и пространства)» → КООРДИНАТА

(б) Yd Y[meure] → «мера» → «изМЕРЕНИЕ (времени)» → (частичная слоговая метатеза) → ВРЕМЕНИ²⁰⁴

(в) Yd Y[meure] → (пар.) «Мойра» → (метон.) «рука судьбы» → ЗА РУКУ ...ВЕДЕТ, ПОСЫЛАЕТ СНЫ

ment!), мне представляется, что Парнок здесь (вместе с M), скорее, юродствует, упражняясь в демонстрации своего Y-субстрата и используя его как генератор «вульгаризмов», назло еврейским и русским интеллигентам вроде Горнфельда и Селищева (подчеркнутое использование в этом же куске вульгаризма «извиняюсь»: об этом писал Б. Гаспаров).

²⁰⁰ Это – «неписанный домашний словарь» Парнока (и, по-видимому, семейства М-ов в 1890-е гг.), «заповедь» для детей.

²⁰¹ См. [107, с. 358]. Этот идишизм был впервые отмечен Р. Тименчиком.

²⁰² «...птенчики с разинутыми клювами» – это явная отсылка к «голодным грифельям» в «Грифельной оде» (1923), см. выше. Там же – про диминутивный южногерманский (и Y) суффикс –el.

²⁰³ См. например, словарь [126] (1911 г.).

²⁰⁴ См. этот же идишизм в стих. «Люблю под сводами седья тишины» (1921), «Флейты греческой...» (1937), «Век» (1922).

- (г)²⁰⁵ **Fr** (←**Yd**) mère ‘мать’ ↔ Y[mere ‘страх’] → СТРАХ БЕРЕТ МЕНЯ ЗА РУКУ И ВЕДЕТ... → «мать» → (пар.) МАТЕМАТИКИ
- (35) гл. VIII: «Ротмистр Кржижановский выходил пить водку в Любани и в Бологом, приговаривая при этом: “суаре-муаре-пуаре” или невесть какой офицерский вздор <...>. В Клину он отведал железнодорожного кофия, который готовится по рецепту, неизменному со времен Анны Карениной, из цикория с легкой прибавкой кладбищенской земли <...>. В Москве он остановился в гостинице “Селект” <...> с шикарной стеклянной витриной вместо окна» [II, с. 87]
- (а) РОТМИСТР → (пар.) rote Meister ‘палач; букв: «красный хозяин»’ → смысл: «Ротмистр Кржижановский – это “красный хозяин = Сатана”, “палач”»
- (б) **Pol, Gr** КРЖИЖ-АН-ОВСКИЙ → пол. Krzyż- ‘крест’ + греч. ап- ‘отрицание’ → (сугг.) «Антихрист».
- (в) **Fr** «СУАРЕ-МУАРЕ-ПУАРЕ», ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО, ВРЕМЕН АННЫ КАРЕНИНОЙ → (сугг.) франц. вздор железнодорожного мужичка из видения Анны Карениной: «il faut battre le fer, le broyer, le pétrir»
- (г) **Fr** «СЕЛЕКТ» → SELECT ‘отборный, шикарный’ → С ШИКАРНОЙ → (конс. корень СТКЛ) СТЕКЛЯННОЙ
- (36) неизданный фрагмент: «О, странная музыка [ложно-еврейских фамилий]! В каком саду сорвал свое благоуханное прозвище – Розенблум, в какой небывалой [золотистой] Мексике, где Гауризанкары²⁰⁶ сияют [золотыми пломбами] золотом пломб, подобрал свою массивную кличку – Гольдберг, на каком самоцветном берегу среди топазов и раковин выбрал [свое] драгоценное имя Финкельштейн?»²⁰⁷
- (=Y)²⁰⁸ Розенблум = Rosenblum = ‘цветок розы’
- (=Y) Гольдберг = Goldberg = ‘золотая гора’
- (=Y) Финкельштейн = Funkelstein = ‘сверкающий камень’.

²⁰⁵ Здесь редкий случай контаминации франко-русско-идишских омофонических связей.

²⁰⁶ «Гауризанкар» – (гора) Эверест.

²⁰⁷ Цит. по [88, с. 580].

²⁰⁸ Здесь М «этимологизирует» несколько еврейско-немецких (идишских) фамилий.

* 1929–1930. «Четвертая проза» [II, с. 88].

(1) гл. 1: «Исай Бенедиктович жил благочестивым французом, кушал свой потаж»

Fr ПОТАЖ → potage ‘суп’ → смысл: «ел типично французскую еду»

(2) гл. 3: «... жиды с лягушкой венчают, то есть происходит непрерывная свадьба козлоногого ферта, мечущего театральную икру, с <...> московским редактором-гробовщиком, изготавливающим газетовые гробы <...>. Он отворяет жилы месяцам христианского года, еще хранящим свои пастушески-греческие названия: январю, февралю и марту. Он страшный и безграмотный коновал происшествий, смертей и событий и рад-радешенок, когда брызжет фонтаном черная лошадиная кровь эпохи»²⁰⁹

(а) **Yd** Y[oder] → (пар.) «одер, одр, одра» ‘плохая кляча – В. Даль’ → Y[fert/d] ‘лошадь’ → (пар.) ФЕРТ-А

(б) (<Y) ФЕРТА → (пар.) Pferd (=Y[fert]) ‘лошадь’ → (acc.) КО-НОВАЛ, ОТВОРЯЕТ ЖИЛЫ, ЛОШАДИНАЯ КРОВЬ²¹⁰

(в) **Yd** Y[oder] → (пар.) «одер, одр» ‘носилки, на которых выносят покойников – В. Даль, ср. выражение «на смертном одре»’ → ГРОБЫ, ГРОБОВЩИКОМ

(г) **Yd** Y[oder] ‘жила’ → ЖИЛЫ

(д) **Yd** Y[oder] ‘месяц Адар’ → ФЕВРАЛЮ И МАРТУ (приблизительное время Адара)

(е) (=Y) ЛОШАДИНАЯ КРОВЬ → (пар.) Pferd (=Y[fert]) ‘лошадь’ → (конс. метат.) Feder (=Y[feder]) ‘перо’ → смысл: «брызжут черные чернила (лошадиная кровь) из под его пера»²¹¹

²⁰⁹ В этом блоке центральным «суггестирующим подтекстом» (аргументом СИ-функции) является Y[oder], представляющий Y-омофоны ‘месяц Адар’ и ‘жила’ + русские омофоны ‘одр, кляча’ и ‘од(е)р – ложе умирающего, покойника’. Заметим, что текст ЧП заканчивался в феврале-марте (1930), а это как раз время еврейского месяца Адара.

²¹⁰ Идишизм здесь несколько более вероятен не только фонетически, но и потому, что весь абзац, завершающий 3-ю главу ЧП, пронизан идишизмами. В частности, как было указано выше, «сквозным ключом» ко всему абзацу является идишизм Y[oder] ‘(месяц) Адар’.

²¹¹ Ср. в 5-й гл. ЕМ: «Не повинуется мне ПЕРО: оно расщепилось и разбрызгало свою ЧЕРНУЮ КРОВЬ, как бы привязанное к конторке телеграфа ... » [II, с. 74].

- (3) гл. 4: «...матерные воды Москвы-реки зальют ...»
 (<Y) МАТЕРНЫЕ ← (Materie 'гной'+ matten 'утомлять, изну-
 рять' + matt 'утомленный, тусклый')²¹². Тем самым, здесь МА-
 ТЕРНЫЕ = тусклые/гнойные/мучительные/хищные воды»²¹³.
- (4) гл. 5: «...вторые – ворованный воздух»
 CONJ Yd ВОЗДУХ → Y[luft] 'воздух' → «луфт» = 'свобода, воля'
 в тюремно-блатном жаргоне²¹⁴. Тем самым, здесь получается
 смысл: «написанные без разрешения литературные произведе-
 ния – это ворованная свобода, это **незаконный побег (вора)**
из тюрьмы на волю»²¹⁵.
- (5) гл. 5: «...анализ мочи Горнфельда»²¹⁶
 (>Y) ГОРНФЕЛЬДОМ → Harn 'моча' → МОЧИ (ГОРНФЕЛЬДА)²¹⁷
- (6) гл. 6: «Зато карандашей у меня много – и все краденые и раз-
 ноцветные»
 (=Y) КАРАНДАШЕЙ → Kreiden 'карандаши, «сухие краски в
 палочках для рисования» [117, с. 802]²¹⁸ → (пар.) (КРАДеные +
 РАЗНОЦВЕТНЫЕ)
- (7) гл. 8: «из той породы, что на цыпочках ходят по кровавой
 советской земле, некий Митька Благой – лицейская сво-
 лочь, разрешенная большевиками для пользы науки...»

²¹² Y[materie] 'pus, гной'+ Y[matern] 'torment, torture, prey upon' + Y [mat/mater] 'dull, lackluster, тусклый') [107, с. 231].

²¹³ Здесь, кажется, имеет место контаминация Y- и G-суггестий: matten = 'утомлять, изнувать', Materie = 'гной', но присутствие Y более очевидно, хотя бы из-за фоники лексемы Y[matern]. Кроме того, здесь вероятно корреляция с тюремно-блатным (из идиша?) значением: материал = 'вода', см. [183, с. 138].

²¹⁴ См. [183, с. 131]. Ср. в очерке М «Возвращение» (1923) в «дискурсе о тюрьме»: «узник...карабкается на амбразуру окна, чтобы **выпить воздуха**» [II, с. 301]. Здесь, очевидно, «выпить воздуха» = «выпить глоток свободы».

²¹⁵ Ср. в конце 4-й главы ЧП (т. е. несколькими строками выше): «...моя шуба лежала поперек пролетки, как это бывает у покидающих после долгого пребывания больницу или **выпущенных из тюрьмы**».

²¹⁶ Здесь явная (и, скорее всего, намеренная) контаминация Y и G-суггестии.

²¹⁷ Y[urin] 'моча', равно как и русск.-лат. «urina, урина» – здесь менее вероятны.

²¹⁸ =Yp[kradl] 'crayon, цветной карандаш [107, с. 414]'. Русская парон. связь: КАРАНД-АШИ → КРАДЕН-ые несколько менее вероятно фонетически. См. также G/Y-суггестии к циклу «Армения» стих. I (вариант) (1930).

- (а) **Yd** ПОРОДЫ → (пар.) Y[peródem] ‘подлец, ничтожество’²¹⁹
→ СВОЛОЧЬ
- (б) **Lat** ЛИЦЕЙСКАЯ → (пар.) licet²²⁰ ‘разрешается’ → РАЗРЕ-
ШЕННАЯ
- (8) гл. 9: «Ты бы лучше поплакал господину Пропперу в чистый
еврейский литературный жилет»
ПРОППЕРУ → (пар.) Proper ‘чистый, аккуратный’ → В ЧИ-
СТЫЙ (ЖИЛЕТ)
- (9) гл. 10: «Есть одна секретарша – правда, правдочка, совер-
шенная белочка <...>. Вот эта беляночка – настоящая прав-
да <...> вместе с тем она другая правда – та жестокая пар-
тийная девственница – Правда-Партия»
- (а) **Yd, Ukr, Pol** ПРАВДА, ПРАВДОЧКА, НАСТОЯЩАЯ ПРАВ-
ДА → wahr ‘истинный’ → *wahr-ke ‘правдочка’ → *wahr-
wahr-ke ‘настоящая правдочка’ → Y[veverke], укр. вивірка,
пол. wiewiorka²²¹ ‘белка’ → БЕЛОЧКА²²²
- (б) **Yd, Gr** ПРАВДА-ПАРТИЯ → Y[partei] + Y[emes] ‘правда’ →
(акр.) [partenos] ‘греч. девственница’ → (пар.) (ПАРТИЙ-
НАЯ) ДЕВСТВЕННОЦА
- (10) гл. 13: «... бородатые мужчины в рогатых меховых шапках
...»
- (<Y) В РОГАТЫХ МЕХОВЫХ → (Horn ‘рог’ + Fell ‘мех’) → (асс.)
Горнфельд (фамилия)²²³
- (11) гл. 14: «... с переводчиками Горнфельдом и Карякиным. Я –
скорняк драгоценных мехов, я – едва не задохнувшийся от
литературной пушнины ...»
- (<Y) ГОРНФЕЛЬДОМ → Fell ‘мех’ → МЕХОВ + ПУШНИНЫ²²⁴

²¹⁹ Слово **порода** с этим значением (Y[peródem ← pere-ódem]) присутствует в «блатном» языке, см. [183]. Ср. еще в «Восьмистишии 5» (1933/34): «в земной коре юродствуют **породы**».

²²⁰ Это слово участвует в известном латинском афоризме *квод-лицет-йовис-нон-лицет-бовис*: «что **разрешено** Юпитеру – не **разрешено** быку».

²²¹ По В. Далю, это же слово есть в зап. русск. диалектах: «вевёрка».

²²² Это – попытка реконструкции внутреннего суггестивного процесса. Звездочка (*) означает, что данной словоформы не существует в реальности.

²²³ Эта суггестия может, в принципе, быть и идишской: Y[horn] = ‘рог’, Y[fel] = ‘мех’, что в данном контексте с его чисто еврейскими аллюзиями, более вероятно.

²²⁴ См. пред. пункт. Здесь же: КАРЯКИН (+ ‘мех’!) суггестирует (по эквиконс.

(12) гл. 15: «Когда приходит жестяная повестка <...> Жестяные повесточки под подушечку!»

ЖЕСТЯНАЯ → blechern 'жестяной, перен. пустой, ничего не значащий' → смысл: «когда приходит бессмысленная повестка, ерундовые повесточки»²²⁵

(13) в гл. 16: «...кружево. В нем главное то, на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы»

(=Y) КРУЖЕВО = Spitzen 'кружево' → Spitze 'острие' → ПРОКОЛЫ²²⁶

(14) в гл. 16: «Ленин и Троцкий ходят в обнимку, как ни в чем не бывало. У одного ведрышко и константинопольская удочка в руках. Ходят два еврея <...> и один все спрашивает, все спрашивает, а другой все крутит, все крутит...»

Yd ВСЁ КРУТИТ, ВСЁ КРУТИТ → аллюзия на частотные идиомы: Y[dreyen] = 'хитрить'²²⁷, Y[drey-mir-ništ-dem-kop] = 'не крути мне голову' и т. п.

(15) гл. 16: «Ходит немец шарманщик с шубертовским лееркастеном»

(<Y) ЛЕЕРКАСТЕНОМ ← Leierkasten 'шарманка'²²⁸

принципу) → СКОРНЯК. По-видимому, РОГАТАЯ НЕЧИСТЬ в гл. 8. этого текста также происходит из связи Y[horn] = 'рог' ↔ ГОРНФЕЛЬД. Кроме того, М, скорее всего, причислил к «рогатой нечисти» и Львова-РОГачевского, автора известного в 20-х годах труда «Евреи в русской литературе» – см. подробно об этой работе в связи «с её горнфельдовскими подтекстами» (выражение М. Гаспарова) в книге Л. Кациса [3]. По-видимому, (ПИСАТЕЛЬСТВО – ЭТО РАСА С ПРОТИВНЫМ ЗАПАХОМ КОЖИ) в гл. 12. этого же текста также происходит из связи Y[fel] = 'кожа (животных), шкура, мех' ↔ «ГорнФЕЛЬд».

²²⁵ См. G-сугг. к «Путешествию в Армению» (1931), гл. «Севан: «жестью».

²²⁶ Эта G-сугг. отмечена в [87]. Y-суггестия Y[špitsn] 'кружева' → Y[špits] 'острие' здесь равновероятна.

²²⁷ См. [104, с. 222]. В очерке М. Горького «В.И. Ленин» (несомненно, известном М) итальянские рыбаки обучают Ленина ловить рыбу и называют его «синьор дринь-дринь». Похоже, что это «дринь» (являясь почти полным омофоном идишизма Y[dreyen]) и суггестирует лексему КРУТИТЬ в рассматриваемом отрывке ЧП. На связь «константинопольской удочки» в ЧП и рыболовецкой сцены в очерке «В. И. Ленин» указал О. Лекманов в докладе на Гаспаровских чтениях (РГГУ, 2007).

²²⁸ Идишизм здесь несколько более вероятен, т. к. [leerkasten] – типичный Y-вокализм. Немецкое Leierkasten [layerkasten] по-русски должно было дать здесь: «лАеркастеном», хотя в реальности дифтонг ei по-русски часто передается как [эй].

(16) гл. 16: «**Ich bin arm.** Я беден. Спи, моя милая...»
«Ich bin arm. Я беден» – замечательный пример «выхода на поверхность» G-монитора.

* Начало 1930-х «Моргулетка» [I, с. 354].
В стр. «Моргулис – он из Наркомпроса. / Он не турист и не естественник, / К истокам Тигра и Эфроса / Он знаменитый путешественник»
(а) **Yd ЭФРОСА** ← Y[efros] = библич. топоним, городок в Иудее
(б) **Yd НАРКОМ-ПРОС** → [pros] – ашкен. произн. ивритского названия реки Евфрат²²⁹

* окт.–нояб. 1930. Цикл «Армения» [I, с. 160].
(1) Стих. 1. В стр. «А здесь лишь картинка налипла / Из чайного блюдца с водой»

КАРТИНКА = Bildchen [bildʃen] ↔ (эквиконс. BLD-Š/Z)
БЛЮДЦА-С (ВОДОЙ)

(2) Стих. 1. (вариант) [I, с. 387]. В стр. «Ломается мел, и крошится / Ребенка цветной карандаш »

Yd МЕЛ → YP[krad] ‘мел’ → (пар.) YP[kradl] ‘craуon, цветной карандаш’²³⁰ → ЦВЕТНОЙ КАРАНДАШ

(3) Стих. 2. В стр. «Как люб мне язык твой зловещий, / Твои молодые гроба, / Где буквы – кузнечные клещи / И каждое слово – скоба...»

ГРОБА → (Grob ‘упаковочный материал, ящик’ + grob ‘крупный, грубо сделанный’) → смысл: «грубо, крупно сделанные формы слов твоего языка»²³¹

(4) Стих. 6. В стр. «К трубам серебряным Азии вечно летящая»
Lat ЛЕТЯЩАЯ ↔ (подтекст): «Серебряная труба Катуллы: Ad claras Asiae volemus urbes»²³² ↔ ТРУБА, ASIAE ‘Азии’,

²²⁹ М использует ашкен/У произношение соотв. ивритского топонима для обозначения реки Евфрат и для шутиwego обыгрывания еврейской фамилии Эфрос.

²³⁰ См. [107, с. 414]. См. также G/Y-суггестии к «Четвертой прозе», гл. 6 (1929–1930).

²³¹ Разумеется, здесь еще рутинная для М игра G/R-смыслов консонантного набора GRB: «зловещий большой (грубый) ящик → гроб».

²³² Отрывок из статьи М «Слово и культура».

VOLEMUS 'conjunct. hortat. от volare = «давайте **полетим**»'

(5) Стих. 7. В стр. «Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса»

ЦИРКУЛЬНОГО → zirkular 'круглый' → смысл: «нарубленный круглый, кругляковый лес»²³³.

(6) Стих. 8. В стр. «Мне холодно. Я рад...»

(=Y) (МНЕ) ХОЛОДНО = (Ich) friere → (пар.) (Ich bin) froh 'я рад' → Я РАД

(7) Стих. 10. В стр. «И в лабиринте влажного распева / Такая душная стрекочет мгла, / Как будто в гости водяная дева / К часовщику подземному пришла»

СТРЕКОЧЕТ → «стрекоза» → Wasserjungfer 'стрекоза, «водяная дева» [122, с. 1566]' → ВОДЯНАЯ ДЕВА²³⁴

(8) Стих. 12. В стр. «Над книгой звонких глин, над книжную землей, / Над гнойной книгою, над книгой дорогой»

(а) (=Y) ЗВОНКИХ → kling [klin] 'дзинь', kling-en [klin-en] 'звонить' → (пар.) ГЛИН

(б) (<Y) (ГЛИНА, ГЛИН) = Lehm 'глина' → Schleim 'слизь, мокрота' → ГНОЙНОЙ²³⁵

* октябрь 1930. Стих. «На полицейской бумаге верже...» [I, с. 167]

В стр. «На полицейской бумаге верже / Ночь наглоталась колючих ершей – / Звезды живут, канцелярские птички, / Пишут и пишут свои раппортгички»

(а) Fr (= G) РАППОРТ-ИЧКИ ↔ (пар.) rapporter (= нем. rapportieren) 'доносить, наносить стандартный узор на ткань, бумагу' → (асс.) русск. «раппорт» = водяной узор на бумаге → (асс.) НА... БУМАГЕ ВЕРЖЕ, КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПТИЧКИ (т. е. узор на бумаге Верже)

(б) русск. «раппорт» → (омоф.) «рапорт» → (асс.) «донесение или донос в полицию, в ГПУ и т. п.» → (асс.) НА ПОЛИ-

²³³ В. Даль: «кругляковый лес, дрова из кругляков, не колотые на плахи или поленья».

²³⁴ Кроме того, отдельное слово Jungfer = 'стрекоза, дева'. Эта связь по видимому, работает в «Дайте Тютчеву стрекозу...».

²³⁵ Здесь еще возможна игра идишизмов: YP[laym] 'глина' → Y[šlaym] 'mucus, scum, слизь, гной', и Y-суггестия фонетически точнее.

ЦЕЙСКОЙ → «доносчики (в политическую **полицию**) из
РАППа»²³⁶ → (acc.) РАПП-ОРТИЧКИ

* ноябрь 1930. Стих. «Дикая кошка – армянская речь»
[I, с. 167, вар. с. 506], вар. [34, с. 712].

(1) в стр. «О, лихорадка, о, злая маруха!»²³⁷

Yd МАРУХА = Y[maroxe/maruxe] ‘судьба, счастье, доля’²³⁸ →
смысл: «вот злая судьба!»

(2) в стр. «Пропадом ты пропади, говорят,/ Сгинь ты навек,
<...>/ Долго ль еще нам ходить по гроба,/ Как по грибы де-
ревенская девка?»

(а) **Yd** ГРОБА → YP[grub/grib] ‘могила’ → (пар.) ГРИБЫ

(б) ПРОПАДОМ ТЫ ПРОПАДИ, СГИНЬ → (acc.) in die Pilze
gehen ‘гибнуть, пропадать’ (дословно: «ходить по грибы»)
→ ХОДИТЬ ПО, ГРИБЫ

(3) в стр. (вар.) «А не пора ль очутиться мне там, / Где обо мне ни
слуху ни духу / В городе, где выпрямляюсь по слуху,/ Не по
гвардейским его каблукам,/ Где на <молочных [его] еще пло-
щадах>/ [Липа стоит] Летнего сада столетней <резьбою>»²³⁹

(а) (<Y) «ЛенинГРАД» → ГОРОДЕ → (пар., эквиконс.) gerade (= Y[grode]) ‘прямой’ → (acc.) ВЫ-ПРЯМ-ЛЯЮСЬ

(б) «ЛЕНИ+НГРАД» → (пар.) Linde ‘липа’ + (конс. NGRT/D)
Garten ‘сад’ → ЛИПА, ЛЕТН-его САДА, сто-ЛЕТН-ей

(в) **It** НЕ ПО ГВАРДЕЙСКИМ → guardo ‘взгляд, взор’ → смысл
строки: «я прихожу в нормальное психическое состояние
**не от вида прямых, как гвардейский каблук, углов улиц, а
ПО СЛУХУ**»

²³⁶ Отметим здесь еще присутствие дополнительной игры: «по ассоциации»
возникает АССОЦИАЦИЯ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ и т. д.

²³⁷ МАРУХА – ранний вариант в автографе с датой «Тифлис, октябрь 30» из
архива М. Зенкевича; более поздний вариант: МОРУХА, см. [I, с. 506].

²³⁸ См. [110, с. 181]. В исходной ивритской словоформе в предпоследнем (от-
крытом) слоге масоретская вокализация – *камац-гадоль*. Гласный [u] в соотв.
месте – один из маркеров польского диалекта идиша. В [I, с. 506] это слово,
без всякой лексикографической ссылки прокомментировано: «томительный
летний зной!»

²³⁹ Здесь первые 2 строки немедленно суггестируют слово «Ленинград» и
возникают паронимические и консонантные связи.

* Ноябрь 1930. Стих. «И по-звериному воет людье...» [I, с. 168].

В стр. «Он Черномора пригубил питье»

Уд ЧЕРНОМОРА ← «Черное море» ← Y[more-šxoure] ‘меланхолия, черная желчь’²⁴⁰

* декабрь 1930. Стих. «Ленинград» [I, с. 168].

В стр. «Я на лестнице черной живу, и в висок / Ударяет мне вырванный с мясом звонок, / И всю ночь напролет жду гостей дорогих, / Шевеля кандалами цепочек дверных»

(а) (<Y) ВИСОК = Schlafe (=YP[šlaf]) → (эквиконс. ŠLF) Fleisch (=YP[flayš] ‘мясо’ → (C) МЯСОМ

(б) ЗВОНОК → Schelle(n) ‘звонок (на цепочке, которую дергают); кандалы; (ю.-нем.) крути под глазами (от бессонницы); звонкая оплеуха; бубны (карт. масть = маркер каторжника)’ → КАНДАЛАМИ ЦЕПОЧЕК

(в) Schelle → (пар.) ШЕВЕЛЯ

(г) (=Y) ШЕВЕЛЯ → (пар.) Schwelle ‘порог’ → (асс.) сцена «стояния на пороге перед закрытой на цепочку двери в ожидании звонка гостей»

* январь 1931. Стих. «С миром державным...» [I, с. 168].

В стр. «С миром державным я был лишь ребячески связан, / Устриц боялся и на гвардейцев смотрел исподлобья →»

Conj (<Y) УСТРИЦ → Austern (= Y[oystern]) ‘устрицы’ → (пар.)

Ostern (=Y[ostern])²⁴¹ ‘христ. Пасха’ → БОЯЛСЯ → НА ГВАРДЕЙЦЕВ СМОТРЕЛ ИСПОДЛОБЬЯ²⁴²

²⁴⁰ Ср. в статье «Кое-что о грузинском искусстве» [II, с. 260]: «Грузия обольстила русских поэтов <...> какой-то меланхолической и пиршественной пьяностью...». Это стих. по-видимому, является частичным вариантом стих. «Дикая кошка», см. [I, с. 506], в котором (как и в других текстах армянского цикла) работает «желтый цвет, желчь, (основа) МОР». К Y[more-šxoure] и «Черному морю» см. идишизмы в стих. «Флейты греческой...».

²⁴¹ См. [123, с. 378].

²⁴² Гипотеза: у юного М (под влиянием разговоров в семье?) возникает паронимическая ассоциация: «устрицы» ↔ «христианская Пасха». Христ. Пасха, в свою очередь, в еврейских семьях ассоциировалась с возможными погромами, поэтому ее наступления принято было опасаться. Еще одна гипотеза здесь: какая-то деталь формы «гвардейцев» напоминала «устрицу», и поэтому (в связи с вышесказанным) ассоциировалась с чем-то опасным.

* март 1931. Стих. «После полуночи сердце ворует...»
[I, с. 170].

В стр. «После полуночи сердце ворует / Прямо из рук запрещенную тишь. / Тихо живет – хорошо озорует, / Любишь – не любишь: ни с чем не сравнишь... / <...> Что пополуночи сердце пирует,»

(а) (=Y) ТИШЬ → Ruhe (= Y[ru]) ‘покой, тишь’ → (пар. ударной части основы) ВО-РУЕ-Т, ОЗО-РУЕ-Т, ПИ-РУЕ-Т²⁴³

(б) Yd (ИЗ) РУК → (пар.) Y[ruik] ‘спокойно, тихо’ ↔ ТИШЬ, ТИХО

* март 1931. Стих. «Ночь на дворе. Барская лжа...»
[I, с. 170].

В стр. «Шапку в рукав, шапкой в рукав – / И да хранит тебя Бог»

CONJ (= Y) ШАПКУ, ШАПКОЙ → Hut ‘шапка, (омон.) хранение, защита’ → be-hüt dich Gott ‘храни тебя Бог’ → ДА ХРАНИТ ТЕБЯ БОГ²⁴⁴

* 2 марта 1931. Стих. «Я скажу тебе с последней...»
[I, с. 170].

(1) в стр. «Греки сбондили Елену / По волнам»

(=Y) ГРЕКИ → «эллины» → (пар.) Wellen ‘волны’ → ПО ВОЛНАМ

(2) в стр. «Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли, / Все равно. / Ангел Мэри, пей коктейли, / Дуй вино»

(а) (=Y) ДУЙ → Wehe ‘дуй!’ → (пар.) ВЕЙ

(б) Wehe ‘дуй!’ → Wehen ‘дуть’ → (пар.) Wein ‘вино’ → ДУЙ ВИНО.

²⁴³ Здесь еще явная паронимия с ruhig ‘спокойный’ с диалектным сибилантным произношением [ruɪʃ], которое характерно для «немецкого» М. Ср. фоничку нижеследующей Y-суггестии.

²⁴⁴ Ср. нем. поговорку: in guter [паронимия с Gott] Hut sein ‘находиться в безопасности’. Здесь равновероятна игра (квази)омофонов Y[hɪtl, hɪtn] ‘шапка, хранить’ и Y[got] ‘Бог’, Y[got-baHIT-dix] ‘да сохранил тебя Бог’, Y[got-baHIT] ‘Боже упаси!’. Смысл строки И ДА ХРАНИТ ТЕБЯ БОГ: скорее «упаси тебя Бог от безобразия, изображенного в первых 6 строках», чем призыв защиты Бога вообще.

(в) Кроме того, Weh = 'горе', поэтому ВЕЙ ЛИИ имеет дополнительную коннотацию: ВЕЙ ЛИИ = «горе ли, или не горе» → ВСЕ РАВНО

* 2 марта 1931. Стих. «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...» [I, с. 171].

В стр. «Так вот бушлатник шершавую песню поет / В час, как полоской заря над острогом встает»

(>Y) ШЕРШАВУЮ (ПЕСНЮ) → rauh 'шершавый, суровый, угрюмый, (голос) хриплый, осипший [117]' → смысл: «угрюмую суровую песню хрипло, осипшим голосом поет»²⁴⁵.

* 17–18 марта 1931, конец 1935. Стих. «За гремучую доблесть грядущих веков...» [I, с. 171].

В стр. «Мне на плечи кидается век-волкодав»

(=Y) ВЕК = Jahrhundert (=Y[yorhundert]) → (пар.) Hund 'собака' → Wolfshund (=Y[volfhund]) = ВОЛКОДАВ²⁴⁶

* 27 марта 1931. Стих. «Жил Александр Герцевич...» [I, с. 172].

(1) в стр. «Он Шуберта наверчивал, / Как чистый бриллиант» КАК ЧИСТЫЙ БРИЛЛИАНТ → brillant [brilyant] 'музык. живо, с живостью, блестяще [117]' → смысл: «живо, блестяще играл Шуберта»²⁴⁷.

(2) в стр. «Там хоть вороньей шубою / На вешалке висеть...»

Pol ШУБОЮ → (пар.) szubienica 'виселица' → (асс.) «на виселице висеть» → НА ВЕШАЛКЕ ВИСЕТЬ

(3) в стр. «Что, Александр Герцевич, / На улице темно? / Брось, Александр Сердцевич, – / Чего там? Все равно!»

²⁴⁵ См. G-сугг. к «Египетской марке», гл. II: «шершавым гостем». Идишизм Y[roʊ] 'raw, crude, rough, harsh [107]' семантически менее точен.

²⁴⁶ Здесь есть явный претекст в рассказе «Феодосия»: образ сотника, пахнущего собакой и волком, в бурке (накинутой на плечи!), на которого «возможность безнаказанного убийства действует как нарзанная ванна». См. G-сугг. к «Феодосия», гл. «Бармы закона» (1923): «... по улицам ходили циклопы в черных бурках, сотники, пахнущие собакой и волком ...».

²⁴⁷ Ср. brillantes feuerwerk 'великолепный фейерверк', er macht brillante geschäfte 'дела его идут блестяще'.

(= Y) ГЕРЦЕВИЧ → (пар.) Herz 'сердце' → СЕРДЦЕВИЧ²⁴⁸

* Апрель 1931. Стих. «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» [I, с. 173].

(1) в стр. «Нет, не спрятаться мне от великой муры»

Yd МУРЫ ← Y[moyre/meure] 'страх, ужас' + YP[mure] 'меланхолия, горечь, печаль'²⁴⁹

(2) в стр. «Я трамвайная вишенка страшной поры / И не знаю, зачем я живу»

(а) ТРАМВАЙНАЯ = Strassenbahn → (де-акр.) Strassen + Bahn → (пар.) СТРАШНОЙ.

(б) Тот же результат дает: Bahn → («почти»-омофон) bang [ban] 'страшный' → СТРАШНОЙ

(3) в стр. «А она то сжимается, как воробей, / То растет, как воздушный пирог»

(=Y) ВОРОБЕЙ = Sperling (=Y[šperlink]) → (эквиконс. ŠP-R/L-NK) возду-ШНЫЙ ПИРОГ

(4) в стр. «Чтоб объехать всю курву-Москву»

(= Fr) КУРВУ → Kurve (фр. courbe) 'кривая, поворот' → смысл: «объехать кривые улицы и повороты Москвы». Ср. в другом месте (про Париж): «улица июльская **кривая**».

* 23 апр. 1931. Стих. «Нет, не мигрень, – но подай карандаш...» [I, с. 175].

В стр. «Дальше сквозь стекла цветные, сощуришь, мучительно вижу я: / Небо, как палица, грозное, земля, словно плешина, рыжая...»

(а) (<Y) ПЛЕШИНА ← Fleisch 'мясо, плоть'²⁵⁰

²⁴⁸ Эта связь отмечена в комментариях Б. Каца [192, с. 122]. Y[harts] 'сердце' фонетически менее близко, но «еврейские» коннотации текста делают Y-суггестию равновероятной.

²⁴⁹ Ср. далее: «Я трамвайная вишенка СТРАШНОЙ поры». С. Аверинцев [114, с. 22] говорит о сквозной «теме страха» у М, в частности, в этом тексте. Э. Герштейн [8, с. 440] говорит о мотивах (обсуждения с женой) самоубийства, связанных с этим стих. (ср. далее «Посмотреть, кто скорее умрет/ <...> Ты как хочешь, а я не рискну/не боюсь»). См. также идишизмы в стих. 1937 г. «Флейты греческой тэта и йота...».

²⁵⁰ См. сообщение Н. Мандельштам про «спектакль про мясника, страшного кавказца с усамы, который рубил мясо и отпускал шутки в стиле эпохи. В мяс-

(б) CONJ МУЧИТЕЛЬНО + ПАЛИЦА + ПЛЕШИНА → (пар.) Pfahl im Fleische 'внутреннее ощущение греха, червь, точащий изнутри, мучительные душевные и физич. страдания'. Ср. «МУЧИТЕЛЬНО ВИЖУ Я»

* 3 мая 1931. Стих. «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» [I, с. 175].

В стр. «Обещаю построить такие дремучие срубы.»

(=Y) ДРЕМУЧИЕ → *dichter* (= Y[dixter] 'дремучий (лес), (ом.) поэт') → смысл: «обещаю такую поэтическую продукцию...»²⁵¹

* 26 мая 1931. Стих. «Канцона», [I, с. 176].

(1) в стр. «Вас, банкиры горного ландшафта,»

БАНКИРЫ → (пар.) *Bänke* 'геол. глыбы, пласты, слои горных пород' → ГОРНОГО ЛАНДШАФТА²⁵²

(2) в стр. «То Зевес подкручивает с толком / Золотыми пальцами краснодеревца / Замечательные луковицы-стекла – / Прозорливцу дар от псалмопевца. / Он глядит в бинокль прекрасный Цейса – / Дорогой подарок царь-Давида, – / Замечает все морщины гнейсовые, / Где сосна иль деревушка-гнида»

(а) ЗЕВЕС → *Zeus* 'Зевс' → (пар.) *Zeiss* 'Цейс – фирма оптики' → БИНОКЛЬ ПРЕКРАСНЫЙ ЦЕЙСА.

(б) Одновременно, по-видимому, имеется пароним. связь: *Zeissglas* = 'бинокль' → (пар.) «глаз Зевса» → смысл: «глаз Зевса (и автора!) все замечает...»²⁵³

(в) (>Y) ГНЕЙСОВЫЕ → (пар.) *Niss (Nisse)* 'гнида' → ГНИДА²⁵⁴

нике нам почудился некто...» [7, с. 539]. Идишизм Y[fleyš] 'мясо, плоть' фонетически более точен.

²⁵¹ Связь: густой-дремучий-поэтический рутинна у М, см. G-сугг. к «Я равне с другими...» (1920), <Ода> (1937).

²⁵² Эта G-связь отмечена в [87].

²⁵³ В паронимических связях в (а) и (б) участвует не «нормативное» немецкое произношение названия фирмы [zaʏs], а «русское» (или «русско-еврейское») [zeʏs], которое более «паронимично» немецкому Зевсу-Zeus.

²⁵⁴ Здесь, скорее всего, имеет место контаминация Y и G-суггестий: Y[nisl] = 'гнида'. Кроме того, на тирольском нем. диалекте *gneis* = 'гнида' [115, т. 1, с. 421]. И. Павловский, автор известного в начале века русско-немецкого словаря, которым, возможно, пользовался М, дает второе значение для русск. «гни-

- (г) Niss ‘гнида’ → (эквинокс.) СОСНА
- (д) G-связь, приводящая к тому же результату: Niss → (пар.) Nuss ‘орех’ → Nusskiefer ‘пиния, средиз. сосна’ → СОСНА
- (е) СОСНА = Kiefer → (пар.) Kieker ‘бинокль’, kieken ‘(разг.) глядеть, глазеть [116]’ → ГЛЯДИТ В БИНОКЛЬ²⁵⁵
- (ж) СОСНА = Kiefer → (пар.) Kiffe ‘лачуга [117, с. 760]’, Kaff ‘глухое селение [111]’ → ДЕРЕВУШКА
- (з) СОСНА = Kiefer → (пар. второй пол. основы) Föhre ‘сосна [111]’ → (пар.) Fohr ‘морщина [111]’ → МОРЩИНЫ²⁵⁶
- (и) (<Y) ЛУКОВИЦЫ → Luke ‘люк’, Lücke ‘отверстие, щель’ → «орудийный люк, амбразура для стрельбы».
- (к) СТЁКЛА = Glas → «глаз»²⁵⁷
- (3) в стр. «Я покину край гипербореев, // Чтобы зреньем напитать судьбы развязку»
- Pol** (> **Ukr**) НАПИТАТЬ → (пар.) рутаніє (укр. питания) ‘вопрос’, напутас ‘накликать, навлечь на себя’ → смысл 1: «чтобы зреньем “запросить”: какая будет развязка?»; смысл 2: «чтобы использовать зрение как орудие “терминации” для навлечения (реализации) развязки, жизненного финала»²⁵⁸.
- (4) в стр. «Край небритых гор еще неясен, // Мелколесья колет-ся щетина»
- (а) **Yd** ГОР → Y[hor/hur] ‘волосы (вообще), щетина (на лице)’ [104, с. 77, 655]. Это же Y-слово является частью сочетания [štexike-hor] – ‘щетина (на лице)’, букв. ‘колючие волосы’ [104, с. 655]. Поэтому:

да»: (обл.) die Zedernuss ‘кедровый орех’, отсутствующее у Даля [122, с. 248].

²⁵⁵ Дополнительное значение Kieker = ‘оптический прицел’ [125]. Кроме того, jeden auf dem Kieker haben = ‘нацеливаться на кого-л. [111], высматривать в засаде кого-л. [125]’.

²⁵⁶ Похоже, что в Kiefer прошел процесс «де-акр.»: Kiefer = [kif] + [fer] → Kiffe + Föhre.

²⁵⁷ Тем самым, ЛУКОВИЦЫ-СТЁКЛА суггестирует образ: «глаз – орудие в амбразуре, в “орудийном люке” на судне». Нетрудно видеть, что эта сугг. может быть и идишской: Y[luke] – ‘амбразура, орудийн. люк, porthole’, Y[gloz/gluz] ‘стекло’ [107, с. 137, с. 570].

²⁵⁸ Здесь, разумеется, работает характерное для М (и для ряда древних культур) понимание «зрения» как активного воздействия на обозреваемый объект и, соответственно, глаза (бинокля) как инструмента (орудия) этого воздействия.

- (б) **Yd** ГОР → НЕБРИТЫХ + ЩЕТИНА
 (в) **Yd** (КРАЙ + ГОР) → (эквиконс.) Y[horiker] ‘мохнатый, волосатый, щетинистый’ → НЕБРИТЫХ + ЩЕТИНА
 (5) в стр. «И свежа как вымытая басня / До оскомины зеленая долина»
Yd ДОЛИНА = Y[dolene] ‘small valley, depression in the ground’²⁵⁹

- * май–июнь 1931. Стих. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» [I, с. 177, вар. с. 514].
 В стр. «Есть блуд труда и он у нас в крови» (вариант: «Есть блуд труда, как есть и блуд крови»)
 (а) (=Y) БЛУД → (пар.) Blut ‘кровь’ → В КРОВИ²⁶⁰
 (б) БЛУД → (пар.) blod ‘тупой, бессмысленный’ → смысл: «есть бессмысленный труд, и это нам свойственно».

- * май–сентябрь 1931. Стих. «Еще далеко мне до патриарха...» [I, с. 178].
 (1) в стр. «Еще меня ругают за глаза / На языке трамвайных перебранок, / В котором нет ни смысла, ни аза: / Такой-сякой! Ну что ж, я извиняюсь»
 (а) **Yd** АЗА → Y[aza] ‘такой’ → ТАКОЙ-СЯКОЙ
 (б) АЗА → старосл. [az] ‘я’ → Я (в последней строке)
 Суммарно, АЗА суггерирует в последней строке смысл: «я – такой».
 (2) в стр. «И страусовы перья арматуры / В начале стройки ленинских домов»

²⁵⁹ См. [107, с. 131]. О. Лифшиц дает для Y[dolene] русск. значение ‘дол’, см. [106, с. 73]. В свою очередь, В. Даль (известно, что М широко пользовался словарем Даля) сообщает: «Дол, юж. зап. яма, ров, могила» и даже приводит слова песни: «Выкопайте дол глубокий, похороните мене у чужой стороне». Тем самым, в рассм. тексте ЗЕЛЕНАЯ ДОЛИНА = ‘зеленая могила’, что немедленно отсылает к «у кого зеленая могила» в «Ламарке». Ясно, что применение идишизма здесь высекает из широкого сем. спектра уместных в контексте «горного пейзажа» вост.-слав. слов с основой ДОЛ узкую коннотацию – ‘могила’. Поэтому, похоже, что здесь снова задействована многострадальная фамилия «врага»: «Горнфельд» → (эквиконс.) «Гринфельд» → ‘зеленая могила’. Дело в том, что Y[feld] = ‘Jewish cemetery’ [107, с. 458]!

²⁶⁰ Эта связь отмечена в работе [100]. Эта же связь – в стих. «Птицы» (пер. из М. Бартеля), 1925/26.

- (а) **Fr** АРМАТУРЫ → (пар.) *armature* ‘муз. ключевые знаки: «фа» и «соль», ставящиеся всегда **в начале нотной строки**’ → (асс.) «в начале строки» → (пар.) В НАЧАЛЕ СТРОЙКИ
- (б) **Fr (= G)** «строка» → *la ligne = die Linie* ‘строка’ → (пар.) ЛЕНИНСКИХ

В результате (а) и (б) генерируется: В НАЧАЛЕ СТРОЙКИ ЛЕНИНСКИХ...

- (3) в стр. «И Тинторетто пестрому дивлюсь/ За тысячу крикливых попугаев»

It ТИНТОРЕТТО → *tinto* ‘краска, крашение’, *tintoretto* ‘маленький красильщик’ (прозвище художника) → (асс.) *Robusti* (настоящее имя) → (эквиконс.) RBST/RPST ПЕСТРО-ому → (асс. + пар.) «пиастры, пиастры!» – известный крик попугая из известного М с детства стивенсоновского «Острова сокровищ» → (асс.) «деньги, плата ЗА зрелище **пиастрами** (криками о них) попугаев» → ЗА ТЫСЯЧУ КРИКЛИВЫХ ПОПУГАЕВ

* 6 июня 1931. Стих. «Отрывки уничтоженных стихов» [I, с. 180].

- (1) в стр. «Захочешь пить – там есть вода такая / <...>Хорошая, колючая, сухая»

(=Y) ПИТЬ → *trinken* ‘пить’ → (пар.) *trocken* ‘сухой’ → СУХАЯ²⁶¹

- (2) в стр. «Покуда глаз – хрусталик кравчей птицы, / А не стекляшка!»

ГЛАЗ → (омоф.) *Glas* ‘стекло’ → СТЕКЛЯШКА

* 7 июня 1931. Стих. «Довольно кукситься!..» [I, с. 181].

- (1) в стр. «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!/ Я нынче славным бесом обуян, / Как будто в корень голову шампунем/ Мне вымыл парикмахер Франсуа./ Держу пари, что я еще не умер,/ И, как жокей, ручаюсь головой,/ Что я еще могу набедокурить/ На рысистой дорожке беговой»

(а) **Fr** ДОВОЛЬНО...! = *barbe!* → (пар.) *barbier* ‘парикмахер’ → ПАРИКМАХЕР

(б) СЛАВНЫМ БЕСОМ ОБУЯН → “vom **Ehrenteufel** gepackt”

²⁶¹ Y-суггестия: Y[trinken] ‘пить’ → Y[trokene] ‘сухая’ здесь равновероятна.

- смысл: «**бесом славы** обуян»²⁶²
- (в) **Fr** *barbier* ‘парикмахер’ → (омоф.) Барбье²⁶³ → (асс.) стихи Огюста Барбье → (асс.) картинка революционного Парижа лета²⁶⁴ 1830 г.
- (г) **Fr** ШАМПУНЕМ → (пар.) Champs-(Elysée) = «Елисейские поля» в Париже
- (д) **Fr** ПАРИ-КМАХЕР ФРАНСУА → (пар.) Paris [pari] = Париж, Франция
- (е) **Fr** ФРАНСУА → (мет. + асс.) *frisson nouveau*²⁶⁵ ‘новый, неведомый трепет, дрожь’ → смысл: «я почувствовал дрожь от наступления чего-то нового, неведомого»²⁶⁶
- (ж) **Fr** ФРАН-СУА → (пар.) *frein soit!* ‘да будет узды!’ → (асс. → подтекст) «Вся поэтика гражданской поэзии – искание узды, *frein*»²⁶⁷ → смысл: «я ищу узду → я должен писать гражданские стихи!»
- (з)²⁶⁸ **Fr** ОБУЯН → (пар.) «Ан-ту-ан» → (пар.) *âne* ‘осёл’ → ОСЁЛ НА УХО НАСТУПИЛ!

²⁶² Здесь стандартный для М-текста «германизм», основанный на посесивном смысле немецких «сложных» лексем (здесь «восстанавливается» слово типа *Ehren-teufel*). Ср. в другом месте «сонные казни» = «казни сна» → «воображаемые казни» (2-я глава РД) и т. п.

²⁶³ А. Barbier – франц. поэт, стихи которого о революционном Париже лета 1830 года М переводил в 20-х гг.

²⁶⁴ Имя Огюст (Август) – дает дополнительную ассоциацию с «летним Парижем». Ср. еще в стих. «Я молю, как жалости и милости» (1937): «Где бурлила, королей смывая,/ Улица июльская кривая».

²⁶⁵ ‘*frisson nouveau*’ = «новый трепет» – известное высказывание Пюго в письме Бодлеру.

²⁶⁶ Ср. с написанным близко по времени в ПА (1931–1932): «я почувствовал **дрожь новизны**, как будто меня окликнули по имени», гл. «Москва» [II, с. 106].

²⁶⁷ «Вся поэтика гражданской поэзии – искание узды, *frein*» – пассаж из мандельштамовских «Заметок о Шенье» [II, с. 166]. Тем самым, здесь М «подтекстирует» свой собственный текст, как и в ряде других мест.

²⁶⁸ Эта французская интерференция в речи М «просвечивает» в воспоминаниях С. Липкина о его разговоре с М на Тверском бульваре летом 1932 г. Липкин предложил вместо «Обуян-Франсуа» более подходящую, на его взгляд, рифму «Обуян-Антуан». Реакция М: «у него не только нет разума, у него нет и слуха! “Антуан-обуян!” Чушь! Осёл на ухо наступил!» [205, с. 391]. Здесь еще очень вероятна интерференция французской поговорки: → *laver la tête d'un âne on perd sa lessive* = ‘мыть голову ослу – потерянная стирка’.

- (и) **Fr** ДЕРЖУ ПАРИ, ЧТО [париш-то] → (пар.) Paris [pari] = Париж
- (к) **Fr** НАБЕДО-КУРИ-ТЬ → (пар.) courir ‘бежать’ → БЕГОВОЙ
- (л) **Fr** БЕГОВОЙ → (асс.) «бега, скачки» = courses → (омогр. RSES) РЫСИС-ТОЙ²⁶⁹
- (2) в стр. «Держу в уме, что нынче тридцать первый/ Прекрасный год в черемухах цветет,/ Что возмужали дождевые черви/ И вся Москва на яликах плывет»
- (а) **Fr** (=G) В ЧЕРЕМУХАХ → фр. bourdaine, putiet, putier²⁷⁰ ‘черемуха’, нем. falsche Faulbaum²⁷¹ ‘черемуха’ → смысл: «1931 год – во лжи, фальши, гниении и т. п.»
- (б) (<Y) ЦВЕТЕТ → blüht ‘цветет’, Blüte ‘цвет (растений)’ → (пар.) Blut ‘кровь’ → смысл: «1931 год проходит во лжи, фальши, гниении, крови²⁷²»
- (в) **Fr** ДОЖДЕВЫЕ → (асс.) «дождь» = pluie → (пар.) ПЛЫВЕ-Т
- (г) **Arab** (+**Fr**, +**G**) ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ → (подт.) «три наблюдательных дождевика написали на песке число 6 три раза подряд <...> “Масих-аль-Деджаль”»²⁷³ → (пар.) Mosoch²⁷⁴ + all ‘весь, вся’ + die Jolle ‘ялик’²⁷⁵ → (пар.) ВСЯ МОСКВА НА

²⁶⁹ Представляется, что здесь еще задействована фамилия Рысс (Рисс). Для рассмотрения этой гипотезы здесь нет места.

²⁷⁰ Эти франц. слова «паронимичны» словам bourde ‘враньё, обман’, pute ‘шлюха’.

²⁷¹ Это нем. слово буквально означает «фальшивое, гнилое дерево». Этот «буквальный» смысл обыгрывается в ряде М-текстов, где участвует образ «черемухи».

²⁷² Ср. тогда же написанное в «Отрывках из уничтоженных стихов»: «в Москве черемухи да телефоны, И казнями там имениты дни», «из раковин кухонных хлещет кровь». Существенно еще, что связь «цветение» ↔ «кровь» работает и в другом М-тексте, также связанном с Барбье: см. выше германские интерференции в переводе из Барбье, 1923 г. «Наполеоновская Франция».

²⁷³ Это аллюзия на место в повести «КА» В. Хлебникова, в котором «дождевики» («дождевые черви») замечают, как в воде плавает «лже-Мессия» (по-арабски: Масих-аль-Деджаль), он же Антихрист [203, с. 54]. Повесть была републикована в 1930 г., и М, безусловно, это издание внимательно читал.

²⁷⁴ Mosoch (в Vulgata), он же Мешех сын Яфета в Быт. 10, 2 и Иез. 38, 3 – по распространенному мифу, предок «моско-витов».

²⁷⁵ В рамках нашей реконструкции М произносит нем. die Jolle «по-французски»: [di-žole]! Отметим, наконец, что арабский корень [DŽL] имеет

- ЯЛИКАХ → смысл: «в Москву пришел и захватил ее Антихрист = лже-Мессия и т. д.»
- (д) **Pol, Ukr** ЧЕРВИ → (пар.) *czerwiec*, **червень** ‘июнь’ → аллюзия на время написания текста (начало **июня**)

- * 12 июня 1931. Стих. «Фаэтонщик» [I, с. 183].
- (1) в стр. «Чтоб вертелась каруселью / Кисло-сладкая земля...»
Yd КИСЛО-СЛАДКАЯ → Y[zeer-zis] ‘кисло-сладкая’ [104, с. 202] → [zeer-zis] → (метат. основ) [zis-zeer] → Y[es-iz-zis-zeer] ‘это – сладко-кислое’ → (русск. омоф.) [es-es-eser] = ‘СССР’. Тем самым, КИСЛО-СЛАДКАЯ ЗЕМЛЯ = ‘СССР’²⁷⁶
- (2) в стр. «Там, в Нагорном Карабахе, / В хищном городе Шуше»
 (+Y) КАРАБАХЕ → (эквиконс. K/G-RB-X/Š) *raubgierig* ‘хищный’ → ХИЩНОМ²⁷⁷

- * 1931–1932. «Путешествие в Армению» [II, с. 100].
- (1) в гл. «Севан», с. 101: «... скука оплечатала жирные поцелуи на его румяных щеках»
 (=Y) ПОЦЕЛУИ = *Küssen* → (пар.) *Kissen* ‘подушка, валик’ → смысл: «пухлые подушечки на щеках»²⁷⁸
- (2) в гл. «Севан», с. 102: «Я предпочитал их спокойное общество и густые кофейные речи плоским разговорам молодежи...»
 (=Y) ГУСТЫЕ → *dicht* ‘густой’ → (омоф. основы) *Dicht-* ‘фантазия, выдумка, поэзия’ → смысл: «фантазийную и поэтическую речь стариков предпочитал “плоским = неинформативным” разговорам молодежи»

семантику «обмана, фальши», что хорошо коррелирует с только что возникшим образом «черемухи».

²⁷⁶ См. ниже стих. «О эта Лена, эта Нора...» (1937). Косвенным подтверждением того, что здесь имеет место политический каламбур, является сообщение в [I, с. 519]: «эпитет [кисло-сладкая] долго не находился и был подсказан А.О. Моргулисом». Известно, что А. Моргулис был «постоянным партнером» М по шуткам и анекдотам.

²⁷⁷ В немецком произношении М дифтонг [au] стягивался в [a] (см. 1.4.5.2) и *raubgierig* звучало: [rabgiriχ/rabkiriχ/rabkiriš]. Кроме того, здесь явная контакминация с идишизмами Y[royb-xaye], YL[reyb-xaye] ‘хищник’, Y[royb-xayiše] ‘хищный».

²⁷⁸ Здесь равновероятна Y-связь: YP[kišn] ‘поцелуй’ → Y[kišn] ‘подушка».

- (3) в гл. «Севан», с. 103: «Непрочитанная газета загремела жестью в руках»
ЖЕСТЬЮ → (пар.) Blech 'жесть, чепуха, чушь' → смысл: «газета с ненужной чепухой»²⁷⁹
- (4) в гл. «Ашот Ованесьян», с. 106: «Черно-голубые, взбитые, с выхвалю, пряди жестких волос...»
Yd (=Ukr) ВЫХВАЛЮ → (пар.) Y[xvale] (укр. хвиля) 'волна' → смысл: «волнистые пряди»²⁸⁰
- (5) в гл. «Москва», с. 106: «Синьяк трубил <...>. Он звал в ясные лагеря <...> я почувствовал **дрожь новизны**»
- (а) Fr СИНЬЯК (Signac) → (пар.) ЯСНЫЕ
- (б) Fr ЛАГЕРЯ = campus 'лагеря, каникулы, **свободное время-препр.**' → смысл: «звал к свободе, на свободу»
- (в) Fr ДРОЖЬ НОВИЗНЫ ↔ "frisson nouveau inconnue" 'неведомый новый трепет'²⁸¹
- (6) в гл. «Москва», с. 110: «... – есть в проводах зловеще-свадебное оживление»
СВАДЕБНОЕ → Hochzeit 'свадьба, праздник, торжество' → смысл: «зловеще-торжественное оживление»
- (7) в гл. «Москва», с. 110: «... горением маков <...> несгораемые полоротые мотыльки <...> в руках огонь ...»
- (а) МАКОВ = Feuerblumen → Feuer 'огонь' → (асс.) ГОРЕНИЕМ, НЕСГОРАЕМЫЕ, ОГОНЬ
- (б) (=Y) МОТЫЛЬКИ → Falter (=Y[flaterl] 'мотылек') → (эквивалент. F/P-LTR) ПОЛОРОТЫЕ
- (8) в гл. «Москва», с. 114–115: «Растение <...> – посланник живой грозы <...> грозовое явление турнира <...> Фигуры шахмат растут <...> как волнушки-грибы»
- (а) Yd РАСТЕНИЕ²⁸² → Y[groz] 'растение, трава' → ГРОЗЫ
- (б) Yd ГРОЗОВОЕ → Y[groz] 'растение, трава' → РАСТУТ

²⁷⁹ См. G-сугг. к «Четвертой прозе» (1929), 15 гл.: «жестяной».

²⁸⁰ Ср. в стих. «Рождение улыбки» (1936/1937): «Под легкий наигрыш **хва-лы**...».

²⁸¹ Это известное высказывание Гюго о Бодлере. Эта же связь в менее явном виде работает в стих. «Довольно кукуська...» (1931).

²⁸² Эта же связь присутствует ниже в пункте (6), в стих. «Век» (1922), в заметках <Вокруг «Путешествия в Армению» > (1931–32) и в стих. «К немецкой речи» (1932).

(9) в гл. «Сухум»: «...экономный маяк вращал бриллиантом Тэта. И как-то я видел пляску смерти – брачный танец фософорических букашек».

Yd ТЭТА → (пар.) YL[teyt] ‘смерть’ → СМЕРТИ²⁸³

(10) в гл. «Французы»: «Тут я растягивал зрение и окунал глаза в широкую рюмку моря, <...> Я растягивал зрение, как лайковую перчатку, напяливал ее на колодку – на синий морской околодок... Я быстро и хищно, с феодальной яростью осмотрел владения окоёма. Так опускают глаз в налитую всклянь широкую рюмку, ...»

(<Y) ЗРЕНИЕ → Sehe ‘зрение, зрачок, око, глаз (в частн. зверя, птицы – охотн. терм.)’²⁸⁴. Отсюда связи:

(а) Sehe → «глаз» → (пар.) Glas ‘рюмка’ → В РЮМКУ

(б) Sehe → (ом.) See ‘море’ → (В РЮМКУ) МОРЯ

(в) (=Fr) Sehe → «глаз» → (пар.) Glace²⁸⁵ = ‘лайка (кожа)’ → ЛАЙКОВУЮ ПЕРЧАТКУ²⁸⁶

(г) Sehe → «око» → (пар.) ОКУНАЛ, ОКОЛОДОК, ОКОЁМА

(д) Sehe → (ом.) See ‘море’ → СИНИЙ МОРСКОЙ (ОКОЛОДОК)

(е) Sehe → охотн. терм. → смысл: ситуация (соколиной?) охоты → ХИЩНО, С ФЕОДАЛЬНОЙ ЯРОСТЬЮ ОСМОТРЕЛ ВЛАДЕНИЯ (ОКОЁМА)

²⁸³ В [87] отмечается связь ТЭТА с немецким Tod ‘смерть’, но именно Y-суггестия представляется здесь фонетически очевидной. Интересен в этой связи комментарий А. Морозова к «бриллианту Тэта» [64, с. 295]: «Видимо, говорится об алмазах “Тойт” (или ”Тю Тойт” – по названию рудника) – два крупных алмаза желтоватого цвета, найденных в южноафриканских коях в 1871 и 1887 гг.». Дело в том, что [toyt] – стандартная Y-фоника для Y-слова ‘смерть’, в то время как YL[teyt] – то же в литовско-курляндском диалекте Y.

²⁸⁴ См. [117, с. 1148], [111].

²⁸⁵ Фр. заимств. в немецком.

²⁸⁶ Эта G-сугг. отмечена в [87, с. 60]. Здесь конкурирует Y-сугг.: Y[glaseyhentške] ‘лайковая перчатка, kid-glove [105, с. 146]’ → ЛАЙКОВУЮ ПЕРЧАТКУ. Y-суггестия представляется более вероятной ввиду приведенных в «Шуме времени» детских воспоминаний о кабинете отца (где «рабочие» названия видов кож наверняка звучали на Y в упоминающихся там же «еврейских деловых разговорах» отца с еврейскими же коммерсантами): «...лапчатые шкурки лайки, раскиданные на полу [II, с. 13]».

- * 1931–1932. <Вокруг «Путешествия в Армению», записные книжки 1931–1932 гг.> [II, с. 352].
- (1) в гл. «Москва», с. 355: «Но еще в меньшей степени можно его удовлетворить деревянными сырами нашей [кегельбанной] доброкачественной литературы»
- (а) СЫРАМИ → Käse [keze] ‘сыр, сыры, разг. чушь, чепуха’, käsen [kezen] ‘молоть чушь’ → смысл: «чепухой, вздором нашей литературы»
- (б) CONJ Одновременно: (Käse, käsen) → (пар.) «казенный». → общий смысл: «его [читателя] нельзя удовлетворить **казенной** чушью нашей литературы».
- (в) CONJ ДЕРЕВЯННЫМИ → Holz ‘дерево, (разг.) кегли [111]’ → «кегли» → КЕГЕЛЬБАННОЙ (ЛИТЕРАТУРЫ)
- (2) в гл. «Москва»: «[Вряд ли эти люди были достойными носителями труда – энергии, которая спасет нашу страну]» (=У) НОСИТЕЛЯМИ (ТРУДА) ← Träger ‘носитель’²⁸⁷
- (3) в гл. «Москва»: «Между клумбами был неприкосновенный воздух, свято принадлежавший небольшому жакту»
ВОЗДУХ → Luft ‘воздух; зазор, люфт [111]’ → смысл: «между клумбами бы зазор, неприкосновенное свободное **пространство**»²⁸⁸
- (4) в гл. «Сухум», с. 359: «Как и всегда бывает в дороге, в центре внимания моего встал человек, приглянувшийся просто так – на здоровье... <...>, он обстругал себя в талию, очинил, как карандаш, под головореза».
- (а) ПРОСТО (ТАК) → (пар.) prosit ‘на здоровье!’ → НА ЗДОРОВЬЕ
- (б) Fr ТАЛИЮ → taille ‘талиа, очинка карандашей, обрезывание’, tailler ‘чинить карандаш, обтесывать, **резать**’ → ОЧИНИЛ, КАК КАРАНДАШ, ПОД ГОЛОВО-РЕЗА
- (5) в гл. «Сухум», с. 359: «Её наиграл для меня на рояле [непривычными] наглыми пальцами этнограф и горец – Ковач»
НАГЛЫМИ (ПАЛЬЦАМИ) → (пар.) Nagel ‘гвоздь, деревянный гвоздь’, nageln ‘вколачивать гвозди, гвоздить [117, с. 951]’ →

²⁸⁷ Здесь русская калька со слова Kulturträger, «носитель культуры, культуртрегер». Идишизм Y[treger] ‘носитель’ здесь равновероятен.

²⁸⁸ Ср. в «Солдате»: «бороться за **воздух** прожиточный».

смысл: «наиграл непривычными, “деревянными”, “вколачивающими гвозди”, “молотящими” пальцами»²⁸⁹.

(6) в гл. «Сухум», с. 360: «Слава хитрой языческой свежести и шелестящему охотничьему языку – слава!»

(а) ХИТРОЙ → listig [listiʃ] ‘хитрый’ → (эквиконс. LSTŠ) ШЕЛЕСТЯЩ-ЕМУ

Очень вероятно также паронимическая связь:

(6) CONJ ХИТРОЙ → (син.) schlau [ʃlau, ʃla] ‘хитрый’ → (пар.) СЛАВА (2 раза)²⁹⁰

(7) в гл. «Французы», с. 361–362: «Роскошные плотные сирени <...>, сложившиеся в грозную лепестковую массу...»

(а) (=Y) ПЛОТНЫЕ → (эквиконс.) Blüten ‘цветки, соцветия’, Blatt ‘лепесток’ → СИРЕНИ (соцветия), ЛЕПЕСТКОВУЮ

(6) Yd ГРОЗНУЮ²⁹¹ → Y[groz] ‘растение, трава’ → смысл: «растительную, травяную массу»

(8) в гл. «Французы», с. 361–362: «В основном – эта широкая сытая улица барского труда давала все то же движение, – [катышечки-волны чуть-чуть подсиненных холстов <...>] [каменные] ленивые фронтоны дрожали, как холст, и обтекали светом».

(а) (=Y) ШИРОКАЯ → breit (=Y[breyt]) ‘широкий’ → (эквиконс.) Arbeit (=Y[arbet]) ‘труд’ → ТРУДА

(6) breit, Arbeit → (пар.) «брат-ский» → (метат. шутол.) БАРСКОГО

²⁸⁹ Ср. у А. Белого в «Крещеном китайце»: «...он – **гвоздებიц**; по клавише бить не умеет» [147, с. 584]. Словарь Павловского: Nagel = «нагель», деревянный гвоздь для обшивки судна [117, с. 951]. Словарь В. Даля: «нагель м. нем. в судостроении – деревянные болты, гвозди», «столяры зовут так деревянные гвозди». Но Энцикл. словарь «Брокгауз и Ефрон» дает: «нагель» = «костыль», большой металлический гвоздь/болт для крепления рельсов к шпалам». М, который, наверняка пользовался этими словарями, мог знать это слово, но представляется более вероятным, что здесь суггестируется общий германизм, а не R/G – технический термин.

²⁹⁰ listig = [listiʃ] – «южное» и «рейнское» (в частности, гейдельбергское!) сибилантное произношение суффикса [-ig], характерное для немецкого произношения М.

²⁹¹ Эта же связь присутствует в стих. «Век» (1922), в «Путешествии в Армению» (1931–32), в стих. «К немецкой речи» (1932), «Эта область в темноводье» (1936), «Если б меня наши враги взяли» (1937).

(в) (=Y) ЛЕНИВЫЕ → (пар.) Leinwand (=Y[layvnt]) 'холст' → ХОЛСТОВ, ХОЛСТ

(9) в гл. «Вокруг натуралистов» (с. 362–363): «Мы приближаемся к тайнам органической жизни. Ведь для взрослого человека самое трудное – это переход от мышления неорганического <...> к первообразу мышления органического».

Н. Поллак [133, с. 16–17] видит в этом пассаже рефлекс выскazyвания Гете в "Italienische Reise": "Ich glaube dem Wie der Organisation sehr nahe zu rücken". Точнее:

(а) датив в dem Wie → датив в «К ТАЙНАМ»

(б) Organisation → (пар.) ОРГАНИЧЕСКОЙ

(10) в гл. «Вокруг натуралистов» (с. 362–363): «Ламарк выплакал глаза в лупу»

(=Y) ГЛАЗА → (пар.) Glas (= 'стекло') → «увеличительное стекло» → ЛУПУ

(11) в гл. «Алагез» (с. 364): «Вместо кодака Гете прихватил с собой в Италию краснощекого художника Книппа, который с биографической точностью копировал по его указанию примечательные ландшафты»

КНИППА → (пар.) knipr 'щелк! (пальцами)'; Knips 'щелчок, фотогр. снимок (действие)' → (асс.) КОДАК-А (фотоапп.)²⁹²

(12) в гл. <Читая Палласа>: «Сижу в почтовой карете с разумным и ласковым путешественником»

Yd (=Pol, =Ukr) С ЛАСКОВЫМ → Y[laske] → смысл: «с любезным путешественником»²⁹³

(13) в гл. <Читая Палласа>: «...впряжены не гоголевские кони, а майские жуки. Не то муравьи её тащат...»

МАЙСКИЕ → (пар.) Ameise 'муравей' → МУРАВЬИ

(14) в гл. <Читая Палласа> (с. 366): «И Пармская могила Стендаля для определенного разряда читателей воняет тухлым прованским маслом [На днях я перечел [Пармский монастырь] монахиню Стендаля и готов приписать запах тухлого прованского масла из парижских театральных ресторанов]».

²⁹² Ср. в (тогда же написанных) текстах М «Отрывки уничтоженных стихов» [I, с. 181]: «Не разбирайся, щелкай, милый кодак...».

²⁹³ См. интерференции в «Переводы старо-франц. эпоса» (1921/22).

- (а) **Fr (+G) СТЕНДАЛЯ = Stendhal** \leftrightarrow (пар.) Stank ‘нем. вонь’ + (пар.) d’öl ‘фр. растительного масла’ \rightarrow **ВОНЯЕТ ТУХЛЫМ ПРОВАНСКИМ МАСЛОМ**
- (б) **Fr chartreuse = ‘монастырь, монахиня’** \leftrightarrow **МОНАСТЫРЬ, МОНАХИНЮ**²⁹⁴

* февраль – 14 мая 1932. Стих. «О, как мы любим лицемерить...» [I, с. 185].

- (1) в стр. «О, как мы любим лицемерить/ И забываем без труда,/ То, что мы в детстве ближе к смерти,/ Чем в наши зрелые года./ <...> А мне уж не на кого дуться/ <...> И дорог мне свободный выбор»

Yd МЫ \rightarrow Y[mir] ‘мы, мне’ \rightarrow **лицеМЕРить, сМЕРти, МНЕ**²⁹⁵

- (2) в стр. «О, как мы любим лицемерить / <...> Еще обиду тянет с блюда / <...> И я один на всех путях»

(а) **ЛИЦЕМЕРИТЬ** \rightarrow Gleise ‘лицемерие’ \rightarrow (ом.) Gleise ‘(жел.-дор.) пути’ \rightarrow (НА) ПУТЯХ.

(б) (=Y) **ОБИДУ** \rightarrow beledigt (=Y[baleydikt]) ‘обиженный’ \rightarrow (парон. основы) (С) **БЛЮД-ЦА** [b’ud-tsa]

* май 1932. Стих. «Там, где купальни, бумагопрядильни...» [I, с. 185].

В стр. «Вода на булавках и воздух нежнее / Лягушиной кожи воздушных шаров»

(=Y) (НА **БУЛ**)**АВКАХ** \rightarrow (эквинос. NBL) Ballon (= Y[balon]) ‘воздушный шар’ \rightarrow **ВОЗДУШНЫХ ШАРОВ**

* 7–9 мая 1932. Стих. «Ламарк» [I, с. 186].

- (1) в стр. «Если все живое лишь помарка / За короткий выморочный день, / На подвижной лестнице Ламарка / <...> И продольный мозг она вложила, / <...> И подъёмный мост она забыла»

(а) (>Y) (**ПОМАРКА, ВЫМОРОЧНЫЙ, ЛАМАРКА**) \rightarrow (пар.) Mark ‘спинной, продольный мозг’ \rightarrow **ПРОДОЛЬНЫЙ МОЗГ**

²⁹⁴ Здесь в М-тексте реализуется **двойное** значение фр. слова chartreuse: ‘монастырь’ и ‘монахиня’.

²⁹⁵ См. выше идишизмы в стих. «Зверинец» (1916).

(б) (> Y) ПРОДОЛЬНЫЙ МОЗГ → Mark = (син.) Rückenmark →
(пар.) Brücke ‘мост’ → МОСТ

(2) в стр. «С наливными рюмочками глаз»
ГЛАЗ → (пар.) Glas ‘рюмка’ → РЮМОЧКАМИ

* 22 мая 1932. Стих. «Увы, растаяла свеча...» [I, с. 187].
В стр. «И нет рассказчика для жен/ В порочных длинных пла-
тьях»
(=Fr) ПОРОЧНЫХ → (пар.) барочных → (пар.) barock (фр.
baroque)²⁹⁶ ‘причудливый, вычурный, странный’ → (второй)
смысл: «в причудливых, странных платьях»

* май 1932. Стих. «Дайте Тютчеву стрекозу...» [I, с. 189,
вар. с. 399, 522].

(1) в стр. «Веневитинову – розу. / Ну, а перстень – никому»
Fr ПЕРСТЕНЬ → anneau ‘перстень’ → (пар.) Аннен-ский →
(асс.) «Ник. Т-о»²⁹⁷ → НИКОМУ

(2) в стр. (вар.) «Пятна жирно-нефтяные / Не просохли в купаях
лип / Как наряды тафтяные / Прячут листья шелка скрип»

(а) (=Y) fetten ‘жирные’ (=Y[fetn]) → (эквиконс. «по модулю»
фрикативных/смычных) ПяТНа, НеФТяНые, таФТяНые

(б) (=Y) одновременно с (а): fetten ‘жирные’ → ЖИРНО
(-НЕФТЯНЫЕ)²⁹⁸

(3) в стр. «Боратынского подошвы / Раздражают [вар.: возму-
тили, изумили] прах веков, / У него без всякой прошвы /
Наволочки облаков»

(а) ПОДОШВЫ = Sohlen ‘подошвы, (разг.) ложь, враки’ →
смысл: «враки Боратынского раздражают (возмущают, из-
умляют)»

²⁹⁶ Ср. нем. Er hat einen barocken Geschmack = «у него странный вкус». Здесь
равновероятен галлицизм **baroque** (из которого, на самом деле, происходит
нем. **barock**) с тем же семант. спектром. То, что здесь явная аллюзия на «бароч-
ность», подтверждает следующая строка этого стих.: «Что проводили дни как
сон» – это одна из распространенных «формул барокко» – например, извест-
ная пьеса П. Кальдерона «Жизнь есть сон».

²⁹⁷ Ник. Т-о – псевдоним И. Анненского в его первой книге «Тихие песни»,
1904.

²⁹⁸ См. п. (3)–(в), «Фета жирный...».

- (б) БОРАТЫНСКОГО → (эквиконс.) (borstig 'резко, раздражительно, невероятно, Bitternis 'горечь, огорчение') → РАЗДРАЖАЮТ [ВОЗМУЩАЮТ, ИЗУМИЛИ]
- (в) (=Y) ОБЛАКОВ → Wolken 'облака' → (эквиконс. VLKN) НАВОЛОЧКИ
- (4) в стр. «А еще над нами волен / Лермонтов, мучитель наш, / И всегда одышкой болен / Фета жирный карандаш»
- (а) Lat (=Fr) ВОЛЕН → (пар.) vole-t (фр. vole) '(пусть) летает' → смысл: «над нами летает»²⁹⁹
- (б) (>Y) ЛЕРМОНТОВ → (эквиконс. LRMNT-B/V) Marterleben³⁰⁰ 'мученическая, исполненная страданий жизнь' → (martern 'мучить' + Marterer 'мучитель' + Märtyrer 'мученик') → МУЧИТЕЛЬ³⁰¹

Здесь, по-видимому, контаминация с еще одной G/Y-суггестией:

- (в) (=Y) ЛЕР-МОН-ТОВ → (част. пар.) Lehrer (=Y[lerer]), *Lehrmann 'учитель' → «учитель» → (асс.) МУЧИТЕЛЬ³⁰²
- (г) Fr (=It) ЛЕРМОНТОВ → (пар.) фр. le mentor 'наставник, учитель', le martyr 'мученик', le tourmenteur 'мучитель'; ит. li

²⁹⁹ У фр. vole один из смыслов 'гонится (за нами), как хищная птица'. Здесь, конечно, просвечивает отрывок из в статье М «Слово и культура»: «Серебряная труба Катутла: Ad claras Asiae volumus [conjunct. hortat. от volare = «давайте полетим» - Л.Г.] urbes - мучит и тревожит сильнее, чем любая футуристическая загадка». Еще одна фр.-русс. пароним. связь, подтверждающая этот смысл: ЛЕРМОНТОВ → (пар.) le tournant ('голубь) турман' → смысл «как турман, летает над нами».

³⁰⁰ Реальность подобных консонантных «подстановок» («по модулю» сонорных R/L и назальных M/N) у М демонстрируется практически такой же (но очевидной) подстановкой в статье «Литературная Москва» [II, с. 278]: «... а «Декамерон» [DKMRN] дружит с календарем [KNDRM+L] ...».

³⁰¹ В ю.-нем. диалекте слово Marterer = 'мученик'. Скорее всего, М здесь подразумевает как «мученическую жизнь», так и «мучительство» Лермонтова. Идишизм Y[matern] 'мучить' здесь менее вероятен.

³⁰² Ср. в «Голубые глаза...» (1934), про А. Белого: «Бирюзовый учитель, мучитель, властитель [НАД НАМИ ВОЛЕН - Л.Г.], дурак!» Связь с нем. Lehrer отмечена в [120]; связь с Lehrmann представляется более вероятной (более сильная паронимия). Заметим, что слово *Lehrmann отсутствует в «стандартом» G, но встречается у М в качестве немецко-еврейской фамилии «Леерман» в «Молодости Гете» [72, т. 3, с. 287].

martiri ‘мученики (в X-й песне Inferno)³⁰³, le martoro ‘муче-
ние, орудие пытки’ → МУЧИТЕЛЬ, + (асс.) «учитель»
(д) (=Y) ФЕТА → (пар.) fett ‘жирный’ → ЖИРНЫЙ³⁰⁴

* 4 июля. 1932. Стих. «Сядь, Державин, развалился...»
(Стихи о русской поэзии, 1) [I, с. 190].

В стр. «И татарского кумыса / Твой початок не прокис»

Yd (=Pol, =Ukr) ПОЧАТОК = Y[počatek] ‘beginning, reproof
[105, с. 357]’ → смысл 1: «твоя начатая бутылка кумыса»; смысл
2: «Твое начало, твоя основа»; смысл 3: «твое порицание,
упрек»³⁰⁵.

* 4 июля 1932. Стих. «Стихи о русской поэзии, 2» (вар.)
[I, с. 523].

В стр. «И в сапожках мягких ката / Выступают облака»

(а) (=Y) КАТА → Kater (=Y[koter]) ‘кот’ → образ «Кота в сапо-
гах» → (В САПОЖКАХ + ВЫСТУПАЕТ)

(б) **Yd** (=Pol, =Ukr) КАТА ← Y[kat] ‘палач, executioner’ [107,
с. 356]³⁰⁶

* 3–7 июля 1932. Стих. «Стихи о русской поэзии, 3»
[I, с. 191].

В этом тексте – замечательная G/Y – игра:

(1) в стр. «Полюбил я лес прекрасный, / Смешанный, где ко-
зырь – дуб»

³⁰³ Ср. явно семантически нагруженное соседство слов «мученики» (li mar-
tiri) и «учитель» в переводной цитате из Данта во 2-й главе РД: «“...Теперь мы
вступили на узкую тропу между стеной скалы и мучениками – учитель мой и
я у него за плечами...”» [II, с. 219]. Этот пассаж, очевидно, в какой-то период
присутствовал в «оперативной памяти» М.

³⁰⁴ Эта G-суггестия впервые отмечена в [100]. Идишизм Y[fet] ‘жирный’
здесь равновероятен.

³⁰⁵ Y[počatek] происходит, скорее всего, из польск. rozczatek ‘начало’ и вошло
сначала в УР. Вызывающая удивление коннотация «упрека» есть только в иди-
ше. Это слово присутствует и в русском. В. Даль: «Початая вещь, нецельная,
более половины: початок; менее: остаток. Початок пирога».

³⁰⁶ Слово КАТ = ‘палач’ (с неясной этимологией), есть, кроме идиша, укра-
инского и польского и в южно/зап. русских диалектах (В. Даль), и непонятно,
кто у кого его заимствовал. Фасмер [115] считает, что в польский «кат» пришел
из баварского диалектного Kat(e).

- (а) (G+Y) ДУБ → Eiche ‘дуб’ → Eichel (= Y[euxl]) ‘желудь’ → (ом.) Eichel ‘жёлуди, трефы (масть), [117]’ = (син.) Treff (= Y[tref]) ‘трефы (масть)’ → (ом.) Y[treyf] ‘трефной, негодный, незаконный’ → смысл: «kozyри – трефные трефы, нечистые, крапленые»³⁰⁷
- (б) ПРЕКРАСНЫЙ = trefflich ‘прекрасный [117]’ → (пар.) «трефные трефы», см. пункт (а).
- (2) в стр. «В иглах – ёж-черноголуб»
В ИГЛАХ → (пар.) Igel ‘ёж’ → ЁЖ-ЧЕРНОГОЛУБ
- (3) в стр. «Тычут шпагами шишиги»
Yd ШПАГАМИ ← Y[šrog] = Y[euxl] = Y[tref] ‘трефы (масть)’³⁰⁸
- (3) в стр. «Там фисташковые молкнут / Голоса на молоке, / <...>
Там живет народец мелкий –»
- (а) НА МОЛОКЕ → Melk ‘молоко’ → (пар.) «мелкий» → смысл: «молкнут мелкие голоса»
- (б) НА МОЛОКЕ → Melk → «мелкий» → НАРОДЕЦ МЕЛКИЙ
- (4) в стр. «Там живет народец мелкий – / В желудевых шапках все – / И белок кровавый белки / Крутят в страшном колесе»
- (а) (<Y) В <...> КОЛЕСЕ → in Rad (=Y[in-rod]) ‘в колесе’³⁰⁹ → (эквиконс.) НАРОДЕЦ → смысл: «народ крутят в кровавом колесе»
- (б) БЕЛКИ → Eichhorn, Eichhornchen → «дубовый рожок» → В ЖЕЛУДЕВЫХ ШАПКАХ³¹⁰
- (в) Yd БЕЛКИ → Y[veverke] ‘белка’ → (эквиконс. VVRK) КРОВАВАЫЙ
- (б) БЕЛОК → (пар.) Y[beylek] ‘белое мясо [104, с. 258]’ → смысл: «кровавое мясо крутят в колесе»

* 8 авг. 1932. Стих. «Христиан Клейст» [I, с. 307, вар. с. 584].

³⁰⁷ Ср. дальше в этом стих.: ХРАП КОНЯ И КРАП КОЛОДЫ.

³⁰⁸ См. [104, с. 587]. Здесь работает уже третий Y-синоним для карточного термина ‘трефы (масть)’.

³⁰⁹ В Y существует фразеологизм «как белка в колесе»: [vi-a-veverke-in-rod], см. напр. [104, с. 40]. В нем. он отсутствует.

³¹⁰ Тем самым, этот «мелкий народец» – белки, которых (или которые!) по-том «крутят в колесе».

- (1) в стр. «Слагались гимны, кони гарцевали/ И перед битвой радовались вместе»
(=Y) ГАРЦЕВАЛИ → (пар.) *herzen-froh (sein)* 'радоваться' → РАДОВАЛИСЬ
- (2) в стр. «Он в бой сошел и умер так же складно, / Как пел рябину с кружкой мозельвейна»
- (а) (=Y) БОЙ ← *Krieg* 'бой, война' → (пар.) *Krug*³¹¹ (pl. *Krüge*) 'кружка, кабачок (погребок)' → С КРУЖКОЙ, В ПОГРЕБОК³¹²
- (б) REBEN³¹³ 'лозы, виноград' → (пар.) РЯБИНУ

* авг. 1932. Стих. «К немецкой речи» [I, с. 192, вар. с. 399].

- (1) в стр. «Почувствуй ж серьёзности и чести»
(>Y) СЕРЬЕЗНОСТИ → *Ernst* 'серьезность' → (пар.) *Ehre* 'честь' → ЧЕСТИ³¹⁴
- (2) в стр. «Поэзия, тебе полезны грозы!/ Я вспоминаю немца-офицера...»
- (а) Yd ГРОЗЫ³¹⁵ ↔ Y[*groz*] 'трава, растение' → (второй) смысл: «тебе полезны травы, растения...»³¹⁶
- (б) Yd ГРОЗЫ³¹⁷ ↔ Y[*groz*] 'трава, растение' → «растение, рост» → (асс.) «узнавание, вспоминание» → (асс.)³¹⁸ ВСПОМИНАЮ

³¹¹ YP[*krig*] 'бой, война, (ом.) кувшин, кружка' здесь фонетически точнее.

³¹² В ПОГРЕБОК – вариант в стих. «К немецкой речи», см. ниже.

³¹³ Слово из авторского эпиграфа к этому стих. (цитаты из Э. Клейста): «Und es wird der Saft der Reben...».

³¹⁴ Y-суггестия: Y[*ernst*] 'серьезность' → Y[*ere*] 'честь' здесь возможна, но «чисто немецкий» контекст первых строф делает её менее вероятной.

³¹⁵ Эта же связь в стих. «Век» (1922) и в заметках <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931–32).

³¹⁶ Например, те полезные «ночные травы», которые М собирал «для племени чужого». Существенно, что далее в этой строфе «растительные» образы: «цеплялись розы» и «была Церера» (Церера – богиня растительности).

³¹⁷ Эта же связь в стих. «Век» (1922) и в заметках <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931–32), см.

³¹⁸ Здесь дело в том, что ситуация «вспоминания = узнавания» у М связана с концептом «роста». Ср. в «Путешествии в Армению»: «...ведь процесс **узнавания**, увенчанный **победой усилия памяти** [т. е. вспоминанием – Л.Г.], удивительно схож с феноменом **роста**» [II, с. 115].

- (3) в стр. «Сбежали в гроб ступеньками, без страха, / Как в погребок за кружкой мозельвейна»
- (а) (=Y) ГРОБ ↔ Grube 'яма' → могила → поГРЕБок → смысл: «сбегать в **могилу**, а не непосредственно в гроб»³¹⁹
- (б) (<Y) СТУПЕНЬКАМИ → Treppe 'лестница' → (пар.) «трепет» → (БЕЗ) СТРАХА³²⁰
- (4) в стр. «Я буквой был, был виноградной строчкой, / Я книгой был, которая вам снится»
- (=Y) БУКВОЙ → Buchstabe 'буква' → Buch 'книга' → КНИГОЙ
- (5) в стр. (вар.) «Плющом войны завешан Старый Рейн. / И я стою в беседке виноградной / Так высоко, весь будущим прореян»
- РЕЙН → (пар. основы) ПРОРЕЯН
- (6) в стр. (вар.) «Так я стою и нет со мною сладу»
- Я СТОЮ → Ich stehe 'я стою' → смысл: «так я отношусь к этому, в таком состоянии я пребываю»³²¹.
- (7) в стр. «Бог Нахтигаль, меня еще вербуют / <...> Звук сузил-ся, слова шипят, бунтуют, / Но ты живешь, и я с тобой спокоен»
- CONJ (БОГ) НАХТИГАЛЬ → Nachtigall 'соловей' → (пар.) «слово» → «бог слова/божеств. слово» → СЛОВА³²²

* 1933(?). Экспромты. Отрывки. Строки из уничт. или утер. стихов [I, с. 436].

³¹⁹ Ср. выражение "in die Grube fahren" = 'сойти в могилу'. Здесь еще один пример контаминации Y и G-суггестий. Немецкое Grube 'яма', казалось бы, больше подходит к общему «немецкому» смыслу текста. Но Y-суггестия – YP [grub/grīb] 'яма, могила' – точнее семантически – в YP, в отличие от G[grub/grīb] – одно из 2 слов для понятия 'могила'. «Эквиконсонантная» связь: YP[grub/grīb] → «могила», «гриб», «бугор», «гора» становится в некоторый момент устойчивой у М. См. напр. стих. «Дикая кошка – армянская речь...» (1930) и стих. <Ода> (1937).

³²⁰ Немецкое Treppe = только 'лестница', Y[trep/trepl] = 'лестница, ступенька'. Поэтому идишизм здесь семантически точнее.

³²¹ stehen 'пребывать', stehen zu 'относиться к'. Wie stehe Ich zu... = Как я отношусь к...

³²² Эту G-суггестию рассмотрел О. Ронен в статье «Осип Мандельштам», [2, с. 535]. Там же он высказал гипотезу, что «Бог Нахтигаль» – это аллюзия на стих. «Im Anfang war die Nachtigall» Г. Гейне.

В стр. «Когда окаянной камней / Пленительный злой подбородок»

(=Y) ОКАЯННОЙ → (эквиконс.) Kinn ‘подбородок’ → ПОДБОРОДОК³²³

* 4–6 мая 1933. Стих. «Ариост» [I, с. 194].

В стр. «В одно широкое и братское лазорье»

(=Y) ШИРОКОЕ → breit ‘широкое’ → (пар.) БРАТ-СКОЕ

* май 1933. Стих. «Не искушай чужих наречий...» [I, с. 196].

В стр. «Ведь все равно ты не сумеешь стекло зубами укусить»

(=Y) СТЕКЛО → Glas ‘стекло’ → (пар.) → «глаз» → (подтекст) «ЗУБЫ ЗРЕНИЯ» [II, с. 126] → ЗУБАМИ УКУСИТЬ → смысл: «тебе не дано увидеть через стекло...»

* май–июль 1933. Стих. «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым» [9, с. 117]

(1) в стр. «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым, / Как был при Врангеле, такой же виноватый. / Колючки на земле, на рубищах заплаты»

Yd РОБкий → Y[rob/rub] ‘ворон, вран’ → ВРАНгеле → РУБищах³²⁴

(2) в стр. «Пасхальной глупостью украшенный миндаль»

(a) **Yd** ГЛУПОС-ТЬЮ → Y[nariškait] ‘глупость’ → (эквиконс. NRŠK+T) УКРАШЕННЫЙ: (KRŠN).+ T(конс. исход слова «глупостью»).

(б) **Yd** ПАСХАЛЬНОЙ ГЛУПОСТЬЮ, МИНДАЛЬ → Y[tam] ‘глупый’ + Y[mandl] ‘миндаль’ → «МАНДЕЛЬШТАМ»³²⁵

³²³ Идишизм Y[kin] ‘подбородок’ здесь равновероятен.

³²⁴ См. также идишизмы ниже в стих. «Как подарок запоздалый...» (1936).

³²⁵ Здесь дело в том, что в иудейском пасхальном ритуале [tam] – одно из знаковых и очень запоминающихся детям слов. Оно означает на иврите ‘простак, наивный’ и является в пасхальном ритуале названием одного из 4 «типов» сыновей, а именно, того, который плохо разбирается в происходящем, но искренне хочет разобраться. В идише же этот гебраизм приобрел дополнительные резкие коннотации ‘глупый, moron, half-wit’ [107, с. 418]. Следует отметить, что в суггестивной связи: ГЛУПОСТЬЮ УКРАШЕННЫЙ МИНДАЛЬ ←→ «Мандельштам» – слово ГЛУПОСТЬЮ может быть суггестировано

(3) в стр. « На войлочной земле голодные крестьяне / Калитку стерегут, не трогая кольца»

(НА) ВОЙЛОЧНОЙ → filzig ‘войлочный, (ом.) скупой, скаредный’ → смысл: «на скаредной земле крестьяне стерегут калитку (ождая подаяния)»

* Лето 1933, Крым. Устный дискурс М, частично зафикс. в [9, с. 151], шутливая аллюзия М на «голландизм» в поэме (переводе) В. Жуковского «Две были и еще одна».

(<Y) КАННИФЕРШТАНД = kein Verstand (= YP[kan-farštand]) ‘нет понимания’³²⁶

* 1933. Очерк «Разговор о Данте» [II, с. 214].

(1) в гл. II: «Здесь беспримесное настоящее взято как чуранье...<...> “Комедии”, взятой как течение, как поток...» (с. 220, 224).

(=Y) ВЗЯТО КАК, ВЗЯТОЙ КАК = (an)genommen wie (=Y [ongenumen]) ‘взято, рассматривается как’ → смысл: «понимается как..., понимаемой, рассматриваемой как...»³²⁷.

второй частью основы фамилии: Y[štum] = ‘тупой, глупый’. Я даже выскажу предположение, что, наряду с шуткой И. Сельвинского «мандельштамп» (которую, по свидетельствам, с удовольствием цитировал сам М), существовала в ограниченном кругу и шутка «мандельштумп». К тому же, здесь имеет место явный ассонанс: глУпостью – Украшенный – [štUm]. Скорее же всего, как это часто происходит у М, работали оба суггест. варианта **одновременно**. В завершение, отметим, что в австрийском немецком Mandl = ‘пугало огородное’.

³²⁶ В очерке «Феодосия» [II, с. 50] это же «имя» М записывает без «д» и с одним «н»: «легендарному Каниферштану». В тексте Жуковского этот голландизм выглядит как «каннитферштан» и означает букв. ‘не могу понять’, где [ferštan] = голл. глагольный инфинитив. Но М со своим G/Y субстратом «слышит» в конце этого слова [d] и воспринимает его как общее для G и Y существительное [verštand/varštand] со значением ‘понимание’. Однако это значение является основным для рассм. слова именно в идише ([varštand] = ‘understanding, judgement’, см. [107, с. 468]), в то время как в станд. немецком VERSTAND = ‘разум, интеллект’, а значение ‘смысл, понимание’ – маргинально [111, стр. 532]. Это является аргументом в пользу того, что здесь – идишизм. Предыдущее же слово М воспринимает как общее для G и для Y слово [kaup/keup] = ‘отсутствие, никакой’, причем слышит его в YP-варианте [kan]. Гласный [a] в этом слове четко относит его именно к польскому диалекту Y.

³²⁷ Это, вообще говоря, «германизм», распространенный в начале 20 в. в русской «академической» речи. То же выражение в статье М <Литературный

- (2) в гл. II (с. 222): «... неуравновешенности, нашедшей себе выход в сонных казнях, в воображаемых встречах ...».
(=Y) СОННЫХ КАЗНЯХ → “Traumstrafe, Traumhinrichtung” (=Y[troymhinrixhtunk]) ‘казнь в сновидении, в галлюцинации, воображаемая казнь’ → смысл: «воображаемая казнь»³²⁸
- (3) в гл. V (с. 234): «...изучить её [геолог. породы] вкрапленность, её дымчатость, её глазастость, чтобы оценить её как <...> горный хрусталь»
(=Y) ГЛАЗАСТОСТЬ → (пар. основы) Glas ‘стекло’ → смысл: «изучить её стекловидность»³²⁹
- (4) в гл. VI (с. 236): «К библейской генетике добавили физику Аристотеля. <...> Огромная взрывчатая сила Книги Бытия – идея спонтанного генезиса ...».
- (а) КНИГИ БЫТИЯ = Genesis [genezis] → (ом.) ГЕНЕЗИСА
(б) Genesis [genezis] → (пар.) (БИБЛЕЙСКОЙ) ГЕНЕТИКЕ³³⁰
- (5) в гл. VI (с. 238): «... ее голубит догмат, канон, твердое златоустово слово. <...> в той грандиозной музыке доверчивости, доверия, тончайших, как альпийская радуга, нюансах вероятности и уверованья, которыми распоряжается Дант».
ГОЛУБИТ → (эквиконс. [ГЛБ]) glaub- ‘вера’ → ДО-ВЕРЧИВОСТИ, ДО-ВЕРИЯ, ВЕРО-ЯТНОСТИ, У-ВЕРОВАНЬЯ

* <1933> шут. «Сонет» [I, с. 359].

- (1) в стр. «Затем, что ей людей не надо ныне, / А Лев – дитя – небесной манной жив»
- (а) (=Y) ЛЮДЕЙ → Mann ‘человек, мужчина’ (=Y[man]) → смысл: «ей мужчин не надо ныне»,
(б) одновременно: Mann → (пар.) МАННОЙ

стиль Дарвина» [II, с. 368]: «Естественно-научные труды Дарвина, взятые как литературное целое...».

³²⁸ Это пример «проекции» немецкой структуры «сложного слова» в русское словосочетание (здесь «сонные казни») с изменением стандартной русской семантики этого сочетания. Ср. еще «славным бесом» в стих. «Довольно кукситься...» (1931).

³²⁹ Идишизм Y[gloz/gluz] = ‘стекло’ здесь равновероятен.

³³⁰ Случай (б) отмечен в [34, с. 852]: «библейская генетика – от “Genesis”, названия Книги Бытия», но без указания, что для выявления «пароним. суггестий» (а) и (б) существенно именно НЕМЕЦКОЕ (а не латинское, французское и т. д.) звучание слова Genesis.

(2) в стр. «А между тем Мария так нежна, / Её любовь так, боже мой, блажна, / Ее пустыня так бедна песками»

CONJ Здесь паронимическая G/R игра:

(а) (ЕЁ) ПУСТЫНЯ → Wüste ‘пустыня’ → Wust ‘беспорядок’, wüst ‘беспорядочный, беспутный, распутный’ → wüste Liebe ‘беспутная, беспорядочная любовь’ ↔ ЛЮБОВЬ БЛАЖНА(я) (В. Даль: блажной = полоумный, бестолковый) → смысл: «(её) беспорядочная/беспутная любовь...»³³¹

(б) (ПУСТЫНЯ) БЕДНА ПЕСКАМИ → arme an Sande ‘бедная песками’ → (пар.) arme an Sünde ‘бедная грехом’

(в) одновременно: МАРИЯ → (конс. метат.) arme ‘бедна(я)’

Тем самым получается **общий насмешливый смысл**: «её (Марии) беспорядочная любовь так бедна грехом, что...»

* ноябрь 1933. Стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» [I, с. 197].

(1) в стр. «Он один лишь бабачит и тычет»

It БАБАЧИТ → итал. разг. babbo ‘папа, отец’ → (пар.) «Папа» → смысл: «играет в римского Папу, подражает всевластному и непогрешимому Папе»³³².

* ноябрь 1933. Стих. «Квартира тиха как бумага...» [I, с. 197].

(1) в стр. «А я как дурак на гребенке / Обязан кому-то играть» (=Y) ГРЕБЕНКЕ → Kamm (=Y[kam]) ‘гребенка’ → (пароним) КОМУ-ТО [kam-uto]

(2) в стр. «И столько мучительной злости / Таит в себе каждый намек, / Как будто вколачивал гвозди / Некрасова там молоток»

ЗЛОСТИ → krass ‘резкий, злобный’ → (пароним) НЕ-КРАСОВА

* ноябрь 1933 – январь 1934. Стих. «Восьмистишия», Стих. 5 [I, с. 202].

³³¹ Напоминаем, что направление стрелок, по большей части, условно. Например, здесь начало процесса суггестии может вполне быть в первой строке: ЛЮБОВЬ БЛАЖНА(я) → wüste Liebe etc.

³³² См. подробнее в п. 3.5.

В стр. «В земной коре юродствуют породы,/ И как руда из груди
рвется стон»

Yd ПОРОДЫ → (пар.) Y[peródem] ‘подлец, ничтожество’³³³ →
смысл: «в земле (стране) правят подлецы и юродствующие ни-
чтожества (подражающие И. Грозному?)»

* ноябрь 1933 – январь 1934. Стих. «Восьмистишия»,
Стих. 7 [I, с. 200].

(1)³³⁴ в стр. «И Шуберт на воде и Моцарт в птичьем гаме»

“**Auf dem Wasser zu singen**” ‘петь на воде’ (название песни Шу-
берта, известной в России как «Баркарола») → ШУБЕРТ НА
ВОДЕ

(2) в стр. «Быть может, прежде губ уже родился шопот / И в
бездревесности кружились листья»

ШОПОТ = Flüstern → (пар.) ЛИСТЫ

* ноябрь 1933 – январь 1934. Стих. «Восьмистишия»,
Стих. 11 [I, с. 204].

В стр. «В запущенный сад величин/ <...> Безлиственный, ди-
кий лечебник, / Задачник огромных корней»

Pol (=Ukr) ЛЕЧЕБНИК → (пар.) liczebnik ‘числительное, liczba
‘число’ (укр. лічба ‘счет’) ↔ ВЕЛИЧИН, ЗАДАЧНИК, КОР-
НЕЙ

* дек. 1933 – янв. 1934. Стих. «Как соловей, сиротствующий,
славит...» (вар.) [I, с. 205, 402].

В стр. «Как соловей свое несчастье славит/ В отцовской и су-
пружеской кручине/ И чистый воздух состраданьем плавит/
До высоты выплескиваясь синей»

(а) (=Y) СОЛОВЕЙ → (де-акр. + пар.) «слава» + Weh ‘несчастье’
→ НЕСЧАСТЬЕ СЛАВИТ³³⁵

(б) СИНЕЙ → blau ‘синий’ → (пар.) ПЛАВИТ.

³³³ Слово **порода** с этим значением (Y[peródem ← pere-ódem]) присутствует
в «блатном» языке, см. [183]. Ср. еще в ЧП, 8 гл.: «из той ПОРОДЫ, что на цы-
почках ходят по кровавой советской земле».

³³⁴ Эта связь отмечена Б. Кацем в комментарии 1991 г. [192, с. 34].

³³⁵ Идишизм Y[vey] = ‘горе, несчастье’ здесь равновероятен.

* 10–11 янв. 1934. Стих. «Голубые глаза и горячая лобная кость...» [I, с. 206, вар. с. 535].

(1) в стр. «Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь, / Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?»

(а) (=Y, =It) КАЗНЬ → («конс. паронимия») Gesang (=Y[gezank]), canzone ‘песня’ → ПЕСНЬ

(б) (=Y) КАЗНЬ = Todesstrafe (=Y[toyt-štrof]) → (эквиконс. T/D-Š/S-TR-F/P) ПРОСТОТА³³⁶

(в) ПЕСНЬ = Lied → (пар.) Leid(en) ‘болезнь’ → БОЛЕЗНЬ

(г) (=Y) ПРОСТОТА = (ПРОСТ)+(ТОТА) → (эквиконс. P/B-R-S/Š-T) (STERB-)+(ТОТЕ) ‘смерть, мертвый’ → СМЕРТЬЮ.

(2) в стр. «Меж тобой и страной ледяная рождается связь – / Так лежи, молодеи и лежи, бесконечно прямась»

(=Y) СТРАНОЙ → Land ‘страна’ → (эквиконс. LDN) ЛЕДЯНАЯ

(3) в стр. (вариант) «Из горячего черепа льется и льется лазурь / И тревожит она литератора-Каина хмурь»

(а) G/R-парогр.: лат. написание A. Bel[yj] → Abel = Авель → (асс.) Каина → ЛИТЕРАТОРА-КАИНА

(б) Pol (=Yd, =Ukr) ЛАЗУРЬ → (асс. противополож.) «туча, облако» → chmura (Y[xmare], укр. хмара³³⁷) ‘туча’ → (пар.) (КАИНА) ХМУРЬ

* 16 янв. 1934. Стих. «10 января 1934» [I, с. 207].

(1) В стр. «Где плавкий ястребок на самом дне очей? / Где вежество? где горькая укрядка? / Где ясный стан? Где прямизна речей, / Запутанных, как честные зигзаги / У конькобежца в пламень голубой, – / Морозный пух в железной крутят тяге, / С голуботвердой чокаясь рекой»

(а) ПЛАВКИЙ → (пар.) «плавать» + blau ‘голубой’ → смысл: «ястребок, плавающий в сосуде из голубого стекла (=Glas → «глаз, око»)» → смысл: «ястребок, плавающий на дне голубых очей» → ОЧЕЙ → (далее) (ПЛАМЕНЬ) ГОЛУБОЙ, С ГОЛУБОТВЕРДОЙ (РЕКОЙ)

³³⁶ Этот же консонантный набор работает в «Грифельной Оде» (1923).

³³⁷ Слова *хмура*, *хмара* в значении «темная туча» присутствует и в русск. диалектах (В. Даль).

- (б) РЕЧЕЙ → Reden ‘речи’ → (пар.) redlich ‘честный, добросовестный, основательный, хорошо сделанный’ → ЧЕСТНЫЕ (ЗИГЗАГИ)
- (в) ПЛАМЕНЬ = Flamme → (пар.) Flaum ‘пух’ → ПУХ³³⁸
- (г) (=Y) ГОЛУБОТВЕРДОЙ → ‘глаз’ (ср. у М в «восьмистишии #5» [I, с. 200]: «голуботвердый глаз») → Glas ‘стакан, рюмка’ (=Y[glos]) → ЧОКАЯСЬ
- (2) в стр. «И вдруг открылась музыка в засаде, / <...> Лиясь для мышц и бьющихся висков»
- (=Y) МУЗЫКА = Musik (=Y[muzik]) → (пар.) Muskel (=Y[musk]) ‘мышца’ → МЫШЦ

* январь 1934. Стих. «А посреди толпы, задумчивый, брадатый...» [I, с. 209].

В стр. «А посреди толпы, задумчивый, брадатый, / Уже стоял гравер – друг меднохвойных досок»

- (а) (=Y) БРАДАТЫЙ → (эквиконс. BR-D/T-T) Brett (=Y[bret]) ‘доска (в частности, мемориальная)’ → ДОСК
- (б) Yd МЕДНО-ХВОЙНЫХ → (пар.) Mess-ing (=Y[meš]) ‘желтая медь’ → (пар.) Y[emes] ‘истина’ → ИСТИНЫ³³⁹

* февр. 1934. Стих. «Мастерица виноватых взоров» [I, с. 209].

(1) в стр. «Мастерица виноватых взоров, / Маленьких держательница **встреч**³⁴⁰

(<Y) ДЕРЖАТЕЛЬНИЦА ВСТРЕЧ → Treff- ‘**встреча**, укол, попадание в цель, догадка’ → Y[holt-hobn-trefn] ‘любить: встречать, метко попадать, наносить уколы, догадываться’ → смысл: «любительница метких попаданий, укулов, догадок и т. п.»

(2) в стр. «Ходят рыбы, рдея плавниками, / Раздувая жабры: на, возьми! / (*) Их, бесшумно охающих ртами, / (**) Полухлебом плоти накорми. / Мы не рыбы красно-золотые, / Наш

³³⁸ Это еще один случай стяжения дифтонга [au] → [a] в немецком произношении М.

³³⁹ См. также идишизмы в «10 января 1934» (1934) и к «Египетской марке», гл.VII.

³⁴⁰ ВСТРЕЧ (вместо ПЛЕЧ) – вариант в автографе, обнаруженном в 1979 (после смерти М. Петровых).

- обычай сестринский таков: / В теплом теле ребрышки худые»
- (а) (<Y) ВОЗЬМИ = Nimm 'возьми' ← «НЕМые» ← «рыбы НЕМы» ← МЫ НЕ РЫБЫ³⁴¹
- (б) (=Y) Б-ЕСШУМНО О-ХАЮЩИХ РТ-АМИ → (акр.) (БОРТ) → (БРОТ) → Brot = «хлеб» → (пар.) Halb 'половина'
- (в) далее, «хлеб» + Halb → ПОЛУХЛЕБОМ
- (г) одновременно: «хлеб» → Laib (=Y[labn]) 'каравай хлеба' → (ом.) Leib 'тело, плоть' → ПЛОТИ³⁴²
- (д) (=Y) РЫБЫ → (пар.) Rippe 'ребро' (= Y[rip]) → РЕБРЫШКИ.

* весна 1934. Шут. стих. «На берегу эгейских вод...» [I, с. 361, вар. с. 605].

В стр. «На берегу эгейских вод / Живут архивяне. Народ / (вар.) Довольно древний. Всем на диво / Паршивый промысел его – / Начальству продавать архивы»

(= Fr) АРХИВЯНЕ, АРХИВЫ → Archiv [arʃif] (фр. archives [arʃiv]) → (пар.) П-АРШИВ-ЫЙ

* 1935. Статья «Адалис. "Власть". Стихи.» [II, с. 312].

(1) стр. 313: «... на спинах выгнутых мостов...»

(= Y) СПИНАХ = Rücken (=YР[rikn]) → (пар.) Brücken (=Y[briken]) 'мосты' → МОСТОВ³⁴³

(2) стр. 314: «... стеклянные шары нагретого степного воздуха, радость волейбола, радость футбола ...»

(<Y) ШАРЫ → Ball (= Y[bol]) → (пар.) ВОЛЕЙ-БОЛА, ФУТБОЛА³⁴⁴

³⁴¹ В подтексте здесь, конечно: «МЫ НЕ РЫБЫ – РЫБЫ НЕМЫ» ← «МЫ НЕ РАБЫ – РАБЫ НЕ МЫ» – широко тиражировавшаяся формула кампании ликбеза. Заметим, что идишизм Y[nem] 'возьми' – фонетически точнее.

³⁴² Отсюда ясно, как строка (*) генерирует строку (**). См. G-сугг. к «Слово и культура» (1921): «Слово плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти» [II, с. 170]. Поэтому, видимо, смысл строк (2)–(4): «накорми немых рыб хлебом слова».

³⁴³ См. эту же связь в G-сугг. к стих. «Ламарк» (1932).

³⁴⁴ Y-сугг. здесь точнее, см. выше инояз интерф. в ЕМ, гл. I: «мячи, полушария».

- * Апрель 1935. Стих. «Чернозем» [I, с. 211].
(1) в стр. «Тысячехолмие распаханной молвы:»
(= Y) РАСПАХАННОЙ → (асс.) «земля» → Erde 'земля' →
(конс. метатеза) Rede 'речь, молва' → МОЛВЫ. См. ниже (3)
(2) в стр. «И все-таки, земля – проруха и обух./ Не умолить ее,
как в ноги ей ни бухай:/ Гниющей флейтою настраживает
слух...»
Здесь в подтексте ряд строк (сочетаний) из стих. 11 и 12 «ар-
мянского цикла», мостиком к которым служит «германизм»
Buch:
(= Y) О-БУХ, БУХ-АЙ → (пар.) Buch (=Y[bux]) 'книга' → «кни-
га» → (асс.) «земли пустотелую книгу», «книгой звонких глин»,
«книжную землей», «гниющей книгой» [I, с. 165] → ГНИЮЩЕЙ
ФЛЕЙТОЮ
(3) в стр. «Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен, глаза ст.../
Черноречивое молчание в работе»
(= Y) ЧЕРНОЗЕМ → «черная + земля» → «черная + Erde 'зем-
ля'» → (конс. метатеза) «черная + Rede 'речь'» → ЧЕРНО-
РЕЧИВОЕ. См. выше (1)

- * Апр.–июль 1935. Стих. «За Паганини длиннопалым...»
[I, с. 213].
(1) в стр. «Утешь меня Шопеном чалым»
Pol ЧАЛЫМ → žal 'печаль, скорбь, жалость' → смысл: «утешь
меня печальным Шопеном»³⁴⁵
(2) в стр. «И вальс из гроба в колыбель / Переливающей, как
хмель»
(=Y) ВАЛЬС → walzen (=Y[valtsn]) 'вальсировать; **перекагы-
вать**' → ПЕРЕЛИВАЮЩЕЙ
(3) в стр. «Играй же на разрыв аорты/ <...> Последний чудный
чорт в цвету».
Здесь контаминация G/Y –подтекстов.
(а) CONJ (+Y) РАЗРЫВ АОРТЫ → (асс.) «кровь» → Blut =
YP[blit] 'кровь' → (ом.) Blüte = YP[blit] 'цвет, цветение' →

³⁴⁵ Эту связь рассматривает Б. Кац в комментариях 1991 г. Он пишет: «на-
чиная с Листа, это слово неоднократно применялось для обозначения самой
сердцевины шопеновской музыки» [192, с. 32].

Y[tsvet] = 'цветение, цвет деревьев [104, с. 534]' → В ЦВЕТУ
 (б) CONJВЦВЕТУ → Blüte = 'цветение, чудак, милый (чудный)³⁴⁶
 → ЧУДНЫЙ³⁴⁷

* апрель–май 1935. Стих. «День стоял о пяти головах...»
 [I, с. 214].

(1) в стр. «День стоял о пяти головах, и, чумая от пляса, / Ехала
 конная, пешая шла черноверхая масса»

(=Y, =Fr) ПЛЯСА → (пар.) Platz 'широкое место, пространство'
 → смысл: «чумая от огромности пространства»³⁴⁸

(2) в стр. «Расширеньем аорты могущества в белых ночах – нет,
 в ножах...»

Yd АОРТЫ → Áder (Y[oder]) 'жила, аорта'³⁴⁹ → (омоф.) Y[áder]
 'могучий' → МОГУЩЕСТВА

* апрель–май 1935. Стих. «Кама, 3» [I, с. 216].

В стр. «И хотелось бы тут же вселиться, пойми, / В долговечный
 Урал, населенный людьми»

(а) (=Y) УРАЛ → (пар.) uralt (= Y[uralte]) = 'древний' → ДОЛ-
 ГОВЕЧНЫЙ

(б) УРАЛ → (ом.) Urall 'вселенная' → «вселяться, населять» →
 ВСЕЛИТЬСЯ, НАСЕЛЕННЫЙ

* апрель–май 1935. Стих. «Мне кажется, мы говорить
 должны...» [I, с. 308].

В стр. «Мне кажется, мы говорить должны / О будущем совет-
 ской старины, / Что ленинское-сталинское слово – / Воздушно-
 океанская подкова³⁵⁰»

Fr ЛЕНИНСКОЕ-СТАЛИНСКОЕ СЛОВО³⁵¹ → С-С-С-Р = «3

³⁴⁶ Напр. Du bist eine Blüte = ну и чудак же ты [111, с. 275].

³⁴⁷ Еще одна сем. асс. к В ЦВЕТУ. Стих. писалось в апреле, апрель = цветень
 в украинском; в польском w kwietniu = 'в апреле', kwitnacy = 'цветущий' (окка-
 зиональные полонизмы и украинизмы не чужды текстам М).

³⁴⁸ Ср. Platzangst 'агорафобия, боязнь пространства'.

³⁴⁹ См. игру Y[oder] 'жила' еще выше в идишизмах к «Четвертой прозе»,
 гл. 3. (1929–30).

³⁵⁰ Вариант посл. строки: «Войны и мира гнутая подкова».

³⁵¹ Заметим, что в предыдущей строке просвечивает выражение «советская
 страна» (← «советская старина»), о которой хочет говорить автор, после чего

подковы + [ЭР] = AIR ‘воздух’ → **ВОЗДУШНО-ОКЕАНСКАЯ
ПОДКОВА**

* апрель–май 1935. Стих. «Мир начинался страшен и велик...» [I, с. 308].

В стр. «Пластами боли поднят большевик...»

БОЛЬШЕВИК → (де-акр) БОЛЬ + scheibig ‘ломтевидный, ломтиками, кружками, пластами’ → ПЛАСТАМИ БОЛИ³⁵²

* май 1935. Стих. «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» [I, с. 308].

В стр. «На Красной площади всего круглей земля / <...> На Красной площади земля всего круглей»

(< Y) КРАСНОЙ → Kreis (= YP[kraz]) = ‘круг’ → КРУГЛЫЙ³⁵³

* 22 мая 1935. Стих. «Железо» [I, с. 309].

В стр. «Идут года железными полками / И воздух полн железными шарами»

(а) Yd (=Pol) (ЖЕЛЕЗНЫМИ) ПОЛКАМИ → (пар.) Y[pilke] (пол. pilka) ‘мяч’ → (ЖЕЛЕЗНЫМИ) ШАРАМИ³⁵⁴

(б) Yd ПОЛН ↔ (пар.) Y[boln] ‘мячи, шары’ ↔ ШАРАМИ

* май–июнь 1935. Стих. «Стансы» [I, с. 217].

В стр. «Проклятый шов, нелепая затея / Нас разлучили, а теперь – пойми:..»

Здесь трудная для реконструкции контаминация G/Y-суггестии:

CONJ (+Y) ШОВ → Schöps ‘кастр. баран, перен. «осел», простофиля [117, с. 1148]’ → смысл: «проклятый осел (я), нелепая затея (моя)»³⁵⁵

появление «слова» СССР неизбежно.

³⁵² Словари [117], [122] и [126], которыми реально мог пользоваться М, дают Scheibe, как один из эквивалентов для русского «пласт».

³⁵³ YP-вариант фонетически точнее. См. еще G/Y-суггестии к «Дыханье вещь в стихах моих...» (1909).

³⁵⁴ См. еще иноязычные интерф. в «Египетской марке», гл. 1.

³⁵⁵ Здесь, предположительно, имеет место соединение Y-фонетики и G-семантики. Идишизм Y[šof] ‘баран’ более точен фонетически, но

* июнь 1935, дек. 1936. Стих. «Возможна ли женщине мертвой хвала...» [I, с. 219].

(1) в стр. «И твердые ласточки круглых бровей/ Из гроба ко мне прилетели/ Сказать, что они отлежались в своей/ Холодной стокгольмской постели»

Gr (= **Lat**) ЛАСТОЧКИ → χελιδών (= лат. chelidon) ‘ласточка’ → (эквиконс., пар.) ХОЛОДНОЙ³⁵⁶

(2) в стр. «И прадеда скрипкой гордился твой род, / От шейки её хорошея»

(а) **Yd** CONJ СКРИПКОЙ → (пар.) Y[kark] ‘шея’ → ШЕЙКИ³⁵⁷

(б) **Yd** ОТ ШЕЙКИ ЕЁ → (пар.) Y[šeynkayt] ‘красота’ → смысл: «от красоты её ХОРОШЕЯ»³⁵⁸

* весна–лето 1935, 30 мая 1936. Стих. «Не мучнистой бабочкою белой...» [I, с. 218].

В стр. «Позвоночное, обугленное тело, / Сознующее свою длинну»

ОБУГЛЕННОЕ (ТЕЛО) → (эквиконс.+ пар.) oblong ‘продолговатый, вытянутый’ → ДЛИНУ.

G-семантика «простофиля» – частотна и отмечена во всех словарях. Вполне возможно также использование немецкого диалектизма, см. [96, с. 101] о присутствии в немецких диалектах слова [šof] ‘овца’ ← (сред.-верхн.-нем. schaf = нов.-нем. Schaf). Ср. новонемецкое: dumm wie ein Schaf ‘глупый как баран’. Ср. в ЕМ, гл. IV, про Парнока и самого М: «Товарищи в школе дразнили его “овцой”; <...> и другими обидными именами». Заметим, что в школе (в Тенишевском училище) учили немецкий. Напомним, наконец, что, по сообщению Н. Мандельштам [9, с. 288], начиная с 1930 г. М читал тексты на средневерхненемецком. Присутствие переносного значения ‘дурак, осел, простофиля’ в Y[šof] очень вероятно не только из общих соображений, но и потому, что соотв. немецкие когнаты Schaf ‘овца’ и Schöps ‘валух, кастрированный баран [117, с. 1148] имеют частотную разговорную коннотацию ‘дурак, осел, простофиля, глупец’. Напомним: «Товарищи в школе дразнили его [Парнока = М] “овцой” <...> и другими ОБИДНЫМИ именами» [II, с. 70]. Там же про Парнока: «топтал... овечьими копытцами» [II, с. 64].

³⁵⁶ Эта же связь рассмотрена В. Топоровым в «Стихах о неизвестном солдате» (1937).

³⁵⁷ Y[kark] = польск. kark. См. ниже идишизмы в стих. «Я молю, как жалости и милости...» (1937).

³⁵⁸ См. выше идишизмы к «девической шейке» в IV гл. «Египетской марки» (1927).

* 3 июня 1935. Стих. «На мертвых ресницах Исакий замерз...» [I, с. 219].

(1) в стр. «И барские улицы сини – / Шарманщика смерть, и медведицы ворс»

(а) (=Y) ШАРМАНЩИКА → «шарманщик из “зимнего” вокального цикла Шуберта» → (асс.) Шуберт → (мет. ШТЕРБ) **Sterb-en** ‘смерть’ → СМЕРТЬ³⁵⁹

(б) БАРСКИЕ → (асс.) «барин» → (пар.) *Bärin* ‘медведица’ → МЕДВЕДИЦЫ

(2) в стр. «Площадками лестниц – разлад и туман, / Дыханье, дыханье и пенье, / И Шуберта в шубе застыл талисман – / Движенье, движенье, движенье...»

(а) ПЛОЩАДКАМИ ЛЕСТНИЦ → *Mantel* ‘шуба, лестничная площадка’ → В ШУБЕ

(б) (=Y) В ШУБЕ ЗАСТЫЛ → *Mantel* ‘шуба’ + ЗАСТЫЛ → (эквиконс. *MNTLS*) ТАЛИСМАН

(в) (=Y) И ТУМАН → (эквиконс.) *Atmen* (=Y[otemen]) ‘дыхание’ → ДЫХАНЬЕ, ДЫХАНЬЕ

(г) ДВИЖЕНЬЕ, ДВИЖЕНЬЕ, ДВИЖЕНЬЕ ← (эквиритм.) *das Wandern, das Wandern, das Wandern*³⁶⁰

* 27 июня–июль 1935. Стих. «Бежит волна-волной...» [I, с. 220].

(1) в стр. «Бежит волна-волной, волне хребет ломая, / Кидаясь на луну в невольничьей тоске, /

Yd ВОЛНА-ВОЛНОЙ ВОЛНЕ → (метатеза) Y[levone] = ‘луна’ → НА ЛУНУ³⁶¹

(2) в стр. «Неуспяленная столица волновая, / Кривеет, мечется

³⁵⁹ В комментариях М. Гаспарова: «в позднем списке – примечания: “шарманщика смерть – Шуберт”» [34, с. 798].

³⁶⁰ *das Wandern* ‘движение, путешествие и т. п.’ – повторяющееся слово в вокальном цикле Шуберта *Die schöne Müllerin*. ДВИЖЕНЬЕ у Мандельштама – точный и «эквиритмичный» русский эквивалент этого слова. Это отмечено Г. Киришбаумом в [195, с. 337]. До знакомства с оригиналом «Прекрасной мельничихи» я предполагал здесь «эквиритмичный» германизм *Bewegung* ‘движение’. С какой-то вероятностью, М, по разным причинам, мог ‘иметь в виду’ **оба** этих немецких слова.

³⁶¹ Скорее всего, здесь имеет место Y-R контаминация: т. к. работает аллитерация [ЛН] → [ЛУНА]. Но Y-интерференция совершенно очевидна.

- и роет ров в песке. / А через воздух сумрачно-хлопчатый, /
Неначатой стены мерещатся зубцы»
- (а) (=Y) ВОЛНА → (пар.) Willen 'воля' → «воля, самоволие» →
ВОЛНОВАЯ («самовольная») → НЕУСЫПЛЕННАЯ («не-
спокойная, самовольная»)³⁶²
- (б) (<Y) ВОЛНОВАЯ → Wall 'вал' → СТЕНЫ³⁶³
- (в) КРИВЕЕТ ← (пар.) kurven 'закругляться, изгибаться [111]'
→ образ: «волна бежит, изгибаясь».
- (г) (=Y) ВОЛНА, ВОЛНОВАЯ → (пар.) baumwollen 'хлопковый,
хлопчатобумажный' → ХЛОПЧАТЫЙ

* декабрь 1936, январь 1937. Стих. «Рождение улыбки»
[I, с. 221].

В стр. «На лапы из воды поднялся материк – / <...> Под легкий
наигрыш хвалы и удивленья»

Yd (=Ukr) НАИГРЫШ ХВАЛЫ → Y[xvale] (укр. хвиля) 'волна'
→ (второй!) смысл: «наигрыш океанской волны»³⁶⁴

* 1936, 10–27 декабря. Стих. «Мой щегол, я голову заки-
ну...» [I, с. 223].

В стр. «Что за воздух у него в надлбье – / Черн и красен, желт
и бел!»

(=Y, >Fr) ВОЗДУХ → Luft 'воздух, пространство' и/или фр. air
'воздух, вид, наружность' → смысл: «как выглядит у него про-
странство выше лба?»³⁶⁵

* после 8 дек. 1936. Стих. «Когда щегол в воздушной сдо-
бе...» [I, с. 223].

В стр. «Клевещет жердочка и планка, / Клевещет клетка сотней
спиц»

Yd ЩЕГОЛ = Y[štiglits] → (пар.) Y[štaygl] 'клетка (для птиц)' →
КЛЕТКА

³⁶² Y[villn] = 'воля' здесь равновероятно.

³⁶³ Здесь G-суггестия конкурирует с Y[val] = 'rampart, bulwark' [107, с. 163]. Но Wall в немецком – это «вал, насыпь» вообще, в то время как в Y – это, скорее, «крепостной вал, крепостная стена», что говорит здесь в пользу Y-суггестии.

³⁶⁴ Ср. в ПА («Ашот Ованесьян»): «взбитые с **выхвалью** пряди».

³⁶⁵ Вероятная связь с фр. AIR здесь указана Л. Пановой [142, с. 194].

- * 1936, 14 декабря. Стих. «Я в сердце века...» [I, с. 310].
В стр. «Я в сердце века – путь неясен»
(=Y) ВЕКА → (асс.) «век» → (омоф.) Weg ‘путь’ → ПУТЬ³⁶⁶
- * 10–24 дек. 1936. Стих. «Внутри горы бездействует кумир...» [I, с. 224].
В стр. «Внутри горы бездействует кумир / В покоях бережных,
безбрежных и счастливых, / А с шеи каплет ожерелий жир, /
Оберегая сна приливы и отливы»
(=Y) ГОРЫ ↔ Berg (= Y[berg]) ‘гора’ → (пар.+ эквиконс.)
БЕРЕЖ-НЫХ, БЕЗ-БРЕЖНЫХ, ОБЕРЕГ-АЯ
- * 23–24 дек. 1936. Стих. «Эта область в темноводье...» [I,
с. 226, вар. с. 412].
(1) в стр. «Трудодень земли знакомой», вариант: «Трудный рай
земли знакомой»
ТРУДОДЕНЬ ↔ (де-акр., пар.) «труд» + Eden ‘рай’ → ТРУД-
НЫЙ РАЙ
(2) (=Y) в стр. «Степь беззимняя гола./ Это мачеха Кольцова,/
Шутишь: родина щегла!»
СТЕПЬ = Steppe ↔ (пар.) Stief (-mutter) ‘мачеха’ → МАЧЕ-
ХА³⁶⁷
- * 29–30 дек. 1936. Стих. «Как подарок запоздалый...»
[I, с. 227].
(1) в стр. «Хороша она испугом, / Как начало грозных дел, – /
Перед всем безлесным кругом / Даже ворон оробел»
(а) (=Y) ГРОЗНЫХ → (пар.) Kreisen ‘круги’ → КРУГОМ
(б) Pol (= Ukr) КРУГ-ОМ → (пар.) kruk (укр. крук) ‘ворон’ →
ВОРОН
(в) (>Y) ВОРОН → Rabe ‘ворон’ → оРОБел³⁶⁸

³⁶⁶ Эта же связь имеет место в очерке «Шуба» (1922), см.

³⁶⁷ Та же связь, по-видимому, в «Неизвестном солдате»: «Слышишь, мачеха
звездного табора,/ Ночь...». Здесь дело в детерминированной ассоциации: **та-
бор** ↔ **степь**.

³⁶⁸ Здесь возможна контаминация: с Y[rob] ‘ворон’. Этот идишизм работает
в стих. «Холодная весна, бесхлебный робкий Крым» (1933). G-суггестия пред-
ставляется фонетически более вероятной: [orAbel], ведь M «работал с голоса».

(2) в стр. «Но сильней всего непрочно- / Выпуклых голубизна – /
Полукруглый лед височный / Речек, бающих без сна...»
(=Y) ВИСОЧНЫЙ → СНА, потому что Schlafe 'висок' почти
равно Schlaf 'сон'³⁶⁹

* 29–30 дек. 1936. Стих. «Оттого все неудачи...»
[I, с. 227].

В стр. «Шароватых искр пиры»

(а) CONJ (=Y) ШАРОВАТЫХ → (пар.) Schar 'множество, стая,
толпа'

(б) CONJ (=Y) ШАРОВАТЫХ → (пар.) scharf 'острый, колю-
щий' → смысл: «пиры стай (толп) колючих искр».

* 2 янв. 1937. Стих. «Твой зрачок в небесной корке...»
[I, с. 228, вар. с. 554].

В стр. (вариант) «Серый, искренне-зеленый»

(=Y) ИСКРЕННЕ ↔ (пар. КРЕН) grün 'зеленый' ↔ ЗЕЛЕ-
НЫЙ³⁷⁰

* 9 янв. 1937. Стих. «Улыбнись, ягненок гневный...»
[I, с. 228].

В стр. «В легком воздухе свирели раствори жемчужин боль»

(=Y) ВОЗДУХЕ → Luft 'воздух' → (эквиконс. LFT) Flöte 'флейта'
→ СВИРЕЛИ

* 9 янв. 1937. Стих. «Когда в ветвях понурых...»
[I, с. 229].

В стр. «Не хочет петь линючий / Ленивый богатырь – / И мал-
лый, и могучий / Зимующий снегирь»

(=Y) ПЕТЬ → Singer 'певец' → (эквиконс. SNGR) СНЕГИРЬ

* 12–18 янв. 1937. Стих. «Дрожжи мира дорогие...»
[I, с. 230].

В стр. «Дрожжи мира дорогие: / Звуки, слезы и труды – / Уда-

Германизм Rabe и полонизм krak здесь были отмечены А. Жолковским в [103, с. 173–174, 182].

³⁶⁹ Здесь еще возможна конкуренция YP[šlayf] 'висок' и YP[šluf] 'сон'.

³⁷⁰ Идишизм Y[grin] 'зеленый' здесь равновероятен.

ренья дождевые / Закипающей беды / И потери звуковые – / Из
какой вернуть руды?»

(=Y) ЗВУКИ, ЗВУКОВЫЕ → Klang (= Y[klang]) ‘звук’ → (экви-
конс. KLNG) Unglück (= Y[umglik]) ‘беда’ → БЕДЫ

* 16 янв. 1937. Стих. «В лицо морозу я гляжу один...»
[I, с. 231].

В стр. «А солнце щурится в крахмальной нищете...»

КРАХМАЛЬНОЙ → (пар.) Krachmandel ‘миндаль в скорлупе’
→ смысл: «метафор. аллюзия на свое состояние»

* 18 янв. 1937. Стих. «Не сравнивай: живущий несрав-
ним» [2, с. 149 – вариант].

(1) в стр. «Я соглашался с равенством равнин, / И неба круг мне
был недугом»

(а) (>Y) РАВЕНСТВО → Raben ‘вороны’ → «Воронеж, пребы-
вание в Воронеже»³⁷¹

(б) РАВЕНСТВО РАВНИН → Ebene ‘равнина’, eben ‘ровный,
равнинный’ → (метатеза) → НЕБА³⁷²

(2) в стр. «И собирался в путь, и плавал по дуге»

(=Y) ПУТЬ → Reise ‘путь, путешествие’ → (пар.) Kreisbogen
‘дуга’ → ПО ДУГЕ³⁷³

* 21–22 янв. 1937. Стих. «Слышу, слышу ранний лед...»
[I, с. 234].

В стр. «Шелестящий под мостами, / Вспоминаю, как плывет /
Светлый хмель над головами»

(=Y) ШЕЛЕСТЯЩИЙ → rauschen ‘шелестеть’ → (пар.) Rausch
‘хмель (опьянение)’ → ХМЕЛЬ³⁷⁴

³⁷¹ Идишизм Y[robn] ‘вороны’ здесь возможен, но G-суггестия фонетиче-
ски точнее. Гипотеза А. Жолковского [103, с. 173] об аллюзии здесь на «Воро-
на» (the Raven) Эдгара По выглядит (на фоне частого проявления этой G/Y-
суггестии у М) усложненной и поэтому излишней.

³⁷² Связь: «равнина, плоскогорье» – «небо, полет» см. еще в «А небо буду-
щий беременно...» (1923).

³⁷³ Идишизмы Y[rayze] ‘путешествие’, Y[krayzboyn] ‘дуга’ – равновероятны
здесь.

³⁷⁴ Идишизмы Y[royšn] ‘шелестеть’, Y[baroyšung] ‘опьянение’ – равновероят-
ны здесь.

* январь 1937. Стих. «Средь народного шума и спеха...» [I, с. 235].

В стр. «И к нему, в его сердцевину / Я без пропуска в Кремль вошел...»

СЕРДЦЕВИНУ = Mark \leftrightarrow (эквиконс. MRK) КРЕМ-ЛЬ

* янв.–февр. 1937. Стих. «<Ода>» [I, с. 311].

(1) в стр. «Художник, береги и охраняй бойца: / Лес человечества за ним поет, густея»

(=Y) ХУДОЖНИК («поэт») = Dichter \rightarrow (омонимия) \rightarrow dichter 'густой' \rightarrow (асс.) dichter Wald = 'густой лес' \rightarrow ЛЕС + ГУСТЕЯ³⁷⁵

(2) в стр. «Художник, береги и охраняй бойца: / В рост окружи его сырым и синим бором»

(=Y) ХУДОЖНИК \rightarrow БОРОМ (та же, что в п. (1), суггестия).

(3) в стр. «Он свесился с трибуны, как с горы, – / В бугры голов.

Должник сильнее иска./ <...> Уходят вдаль людских голов

бугры:/ Я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят./ <...> Вос-

кресну я сказать, как солнце светит»

(<Y) ГОРА = Berg \rightarrow (эквиконс.) «БуГоР» \rightarrow БУГРЫ \rightarrow (эквиконс.) Grab 'могила' + русск. «гроб» \rightarrow ВОСКРЕСНУ Я³⁷⁶

* 3–11 февр. 1937. Стих. «Обороняет сон мою донскую сонь...» [I, с. 237].

В стр. «И в бой меня ведут понятные слова – / За оборону жизни, оборону / Страны-земли, где смерть уснет, как днем сова...

/ Стекло Москвы горит меж ребрами гранеными. / Необори-

мые кремлевские слова / В них оборона обороны / И брони

боевой – и бровь, и голова / Вместе с глазами любовно собраны.

/ И слушает земля – другие страны – бой, / Из хорового па-

³⁷⁵ Y-суггестия: Y[dixter] 'поэт', Y[gedixter] 'густой', Y[gedixter-vald] 'густой лес' – равновероятна здесь.

³⁷⁶ Y-суггестия – Y[barg] 'гора', Y[grub/grib] 'могила' – здесь более вероятна, чем немецкая, хотя бы из-за семантического поля Y[grub/grib] и присутствия в Y лексемы [bergel] 'бугор'. Связь бугор – могила встречается у М еще в 1921 г. в переводе с грузинского: «...свежие бугры – /Твой и поэтов холм...», пер. стих. «Мариджан» И. Гришавили [2, с. 332]. Ср. также слова М, сказанные жене: «Почему, когда я думаю о нем <Сталине>, передо мной все головы – бугры голов? Что он делает с этими головами?» [I, с. 588].

дающий короба: / – Рабу не быть рабом, рабе не быть рабой, – /
И хор поет с часами рука об руку»

- (а) (=Y, +Fr) СЛОВА → Wörter (=Y[verter]) ‘слова’ → (де-акр.)
Wehr ‘оборона’ + terre³⁷⁷ ‘фр. земля’ → ОБОРОНУ, ОБОРО-
НА, ОБОРОНЫ, ЗЕМЛИ, ЗЕМЛЯ
- (б) (=Y) СТЕКЛО → Glas (=Y[gloz/gluz]) ‘стекло’ → (пар.) «глаз»
→ С ГЛАЗАМИ → смысл: «глаза Москвы горят»
- (в) (=Y) СОН, УСЧЕТ → schlafen (=Y[šlofn]) ‘спать’ → (пар.)
schleifen (=YР [šlafn]) ‘гранить’ → ГРАНЕНЫМИ³⁷⁸
- (г) (=Y) СЛУШАЕТ → hör-t (=Y[her-t]) ‘слушает’ → (пар.) ХОР-
ОВОГО
- (д) ХОР-ОВО-ГО → Chor [kor] ‘хор’ → (пар.) КОР-ОБА

* 4 февр. 1937. Стих. «Как светотени мученик Рем-
брандт...» [I, с. 238].

В стр. «Как светотени мученик Рембрандт, / Я глубоко ушел в
немеющее время, / И резкость моего горящего ребра ...»

- (а)³⁷⁹ (=Y) РЕМБРАНДТ → (эквиконс.+ пар.) Märtyrer ‘мученик’
+ [ден]/[тен] → СВЕТОТЕНИ МУЧЕНИК
- (б) (=Y) РЕМБРАНДТ → (де-акр.) РЕМБРА+БРАНДТ → (пар.)
«ребра» + Brand (= Y[brant]) ‘горение’ → ГОРЯЩЕГО РЕ-
БРА

* 1 февр. 1937. Стих. «Куда мне деться в этом январе?..»
[I, с. 236].

(1) в стр. «И в яму, в бородавчатую темь/ Скольжу к обледене-
лой водокачке/ И спотыкаясь, мертвый воздух ем...»

ЕМ → (пар.) церк.-слав. емь ‘схватив’ → смысл: «падаю в яму,
спотыкаясь и хватаясь за воздух руками», или: «задыхаясь и

³⁷⁷ Еще здесь вероятно участие слова Terra ‘земля’, заимствованного из Lat
в G.

³⁷⁸ Ср. geschliffenes Glas (=Y[gešlifene-gloz/gluz]) ‘граненый стакан’. Эта
же G/R- связь: сон – граненый – стекло присутствует в «Веницейской жиз-
ни» (1920): «Воздух твой **граненый**. В **спальне** тают горы голубого дряхлого
стекла».

³⁷⁹ Здесь происходит полная «разборка на запчасти» слова РЕМБРАНДТ –
аналогичная процедура применялась к слову ЛЕРМОНТОВ в стих. «Дайте
Тютчеву стрекозу...» (1932).

хватая воздух ртом»³⁸⁰

(2) в стр. «А я за ними ахаю, крича/ В какой-то мерзлый деревянный короб:/ Читателя! Советчика! Врача!/ На лестнице колючей разговора б!»

Yd КОРОБ, НА ЛЕСТНИЦЕ \leftrightarrow (пар.) Y[trep-korb] – ‘лестничная клетка’³⁸¹

* 4 февр. 1937. Стих. «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...» [I, с. 238].

В стр. «Длинней органных фуг, горька морей трава – / Длинноволосая – и пахнет долгой ложью»

(а) **Yd** МОРЕЙ \rightarrow (пар.) Y[more/mure] ‘горький’ \rightarrow ГОРЬКА

(б) (=Y) ДЛИННЕЙ, ДОЛГОЙ \rightarrow lang (= Y[lang]) ‘длинный, долгий’ \rightarrow (эквиконс. LNG) Lügen (= Y[lig]) ‘ложь’ \rightarrow ЛОЖЬЮ

(в) ЛОЖЬЮ \rightarrow (пар.) ЛОЖНОВОЛОСАЯ

* 8 февр. 1937. Стих. «Пою, когда гортань сыра, душа – суха...» [I, с. 239].

(1) в стр. «И в горных ножнах слух, и голова глуха...»

(а) (>Y) ГОРНЫХ \rightarrow (пар.) Hören (= Y[hern]) ‘hearing, слух’ \rightarrow СЛУХ.

(б) **Arm** СЛУХ \rightarrow (опер. «отрицания») ГЛУХА \rightarrow [glux] ‘арм. голова’³⁸² \rightarrow ГОЛОВА

(2) в стр. «Песнь бескорыстная – сама себе хвала:»

(=Y) БЕС-КОР-ЫСТНАЯ \rightarrow (омоф. основы) Chor (= Y[kor]) ‘хор’ \rightarrow смысл: «бесХОРовая, одноголосая песня»³⁸³.

* 11 февр. 1937. Стих. «Как дерево и медь – Фаворского полет...» [I, с. 240].

³⁸⁰ Ср. в церк.-слав. переводе еванг. (Мф. 18, 28): «И емь его...» = «И схватив его...». Заметим, что стар.-слав. *емь* лучше рифмуется с ТЕМЬ! Та же связь в цикле «Стихи о неизвестном солдате» (1937) в «свою голову ем...».

³⁸¹ См. [104, с. 230].

³⁸² Здесь существенна даже не «реальная» фоника «голова» в армянском (древне-армянском?), а то, как эту фоникку себе представлял М. В ПА («Ашот Ованесьян») он пишет: «Голова по-армянски *глух*’, с коротким придыханием после “х” и мягким “л”... Тот же корень, что по-русски...».

³⁸³ Далее в этом стихе: «Песнь *одноглазая*, ...*одноголосый* дар...».

В стр. «И в кольцах сердится еще смола, сочась»
(<Y) СМОЛА → Harz ‘смола’ → (пар.) Herz (= Y[hartz]) ‘сердце’
→ «сердце» → (пар.) СЕРДИТСЯ³⁸⁴

* 24 февр. 1937. Шут. стих. «О, эта Лена, эта Нора...»
[I, с. 364].

В стр. «О, эта Этна – И. Т. Р. / Эфир, Эсфирь, Элеонора – / Дух
кисло-сладкий двух мегер»³⁸⁵

Yd КИСЛО-СЛАДКИЙ → Y[zeer-ziser] ‘кисло-сладкий’ [104,
с. 202] → (перестановка основ) Y[zis-zeer] → Y[es-iz-zis-zeer]
‘это – сладко-кислое’ → (русск. омоф.) [es-es-eser] = ‘СССР’ →
смысл: «советский дух двух мегер»³⁸⁶

³⁸⁴ Заметим, что идишизм Y[hartz]) ‘сердце’ – полный омофон нем. Harz ‘смола’.

³⁸⁵ Вариант: «Дух кисло-сладких двух мегер» [2, с. 267].

³⁸⁶ Заметим, что «советский дух» было частотным выражением 20-х–30-х годов, присутствовавшее в речи самого М. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с намеренной шифровкой, первый шаг которой состоит уже в последовательности прописных Э, отсылающей к фонике (и даже графике!): ЭС-ЭС-ЭС-ЭР. Сочетание КИСЛО-СЛАДКИЙ, входящее в название распространённого еврейского блюда («кисло-сладкое мясо», которым, скорее всего, «мегеры» кормили М), с одной стороны, маркирует «еврейскость» контекста (+ эксплицитно еврейское имя Эсфирь + лексема МЕГЕРА, частотная в городской евр. речи 30-х годов и присутствующая с почти идентичным звучанием в Y: [megere], см. [104, с. 243]). С другой стороны, это же сочетание маскирует политический каламбур («СССР, советский = кисло-сладкий»), основанный на Y/R омофонии (см. идишизмы в стих. «Фаэтонщик» (1931) и, по-видимому, популярный в то время в еврейской среде. Известно, что в 20-е годы в городском фольклоре имел место ряд шуток, обыгрывавших еврейско-идишистские фонетические связи аббревиатуры «СССР» (иногда с антисемитскими коннотациями), см. [118, с. 184]. Ср. популярный в начале 90-х годов в значительно сузившейся среде владеющих идишем хотя бы пассивно, каламбур: СНГ= Y[essen-ge] = ‘есть дерьмо’. То, что КИСЛО-СЛАДКИЙ у М – не столько обозначение «блюда», сколько резкий Y/R политический каламбур, доказывается присутствием этого сочетания в стих. «Фаэтонщик» (1931), где гастрономические аллюзии совершенно не уместны (см. выше). Тем самым, в обсуждаемом стихе КИСЛО-СЛАДКИЙ суггерирует одновременно «еврейскость» и «советскость» Лены и Норы («относивших себя к сливкам общества» – Н. Штемпель [66, с. 251]), т. е. маркирует их принадлежность к ненавистной для М (еще с 20-х годов, см. ЧП) этно-социальной группе «присовеченных» еврейских интеллигентов («О, эта Этна – И. Т. Р.»). Интересно, что И. Бродский отмечает еще один способ шифровки понятия ‘СССР’ у Мандельштама в эпиграмме на Сталина в стро-

* 1–15 марта 1937. «Стихи о неизвестном солдате» [I, с. 241, вар. с. 424, с. 561].

(1) в стр. 13–14, 17: «Будут люди холодные, хилые/ Убивать, холодать, голодать <...> Научи меня, ласточка хилая»

Gr (= **Lat**) ЛЮДИ, ХОЛОДНЫЕ, ХИЛЫЕ, ХОЛОДАТЬ, ГОЛОДАТЬ ↔ (эквиконс., пар.) χελιδών (= лат. *chelidon*) ‘ласточка’ → ЛАСТОЧКА ХИЛАЯ³⁸⁷

(2) в стр. 25–31: «Шевелящимися виноградинами/ Угрожают нам эти миры / И висят городами украденными, / Золотыми обмолвками, ябедами, / Ядовитого холода ягодами – / Растяжимых созвездий шатры, / Золотые созвездий [вар.: «убийства»] жиры»

(= **Fr**) Gyrostat (= фр. *gyro-stat* [zhиро-ста]) → гиро-стат³⁸⁸ → (пар.) ГОРОДАМИ (-stat → Stadt ‘город’), ЖИРЫ (← [zhиро-])

(3) в стр. 46–47 (вар.): «Средиземная ласточка шурится, / Вязнет чумный Египта песок»

(а) ШУРИТСЯ ↔ (пар.) *schwirrt* ‘летит со свистом, кружится’ → смысл: «ласточка летит»

(б) (=Y, = **Fr**) ЧУМНЫЙ → Pest (Y[pest], фр. *peste*) ‘чума’ → (пар.) ПЕСОК

(4) в стр. 52–54: «Неподкупное небо окопное – / Небо крупных оптовых смертей, – / За тобой, от тебя, целокупное»

Lat ЦЕЛОКУПНОЕ → *coelum* ‘небо’ + «окопное» → НЕБО ОКОПНОЕ

(5) в стр. 79–81 (про «череп»): «Понимающим куполом ясныся, / Мыслью пенится, сам себе снится, / Чаша чаш и отчизна отчизне, / Звездным рубчиком шитый чепец, / Чепчик счастья – Шекспира отец...»

ке «Как подкову, кует за указом указ...»: «...Мандельштам, когда говорит о подкове, имеет в виду такую чисто зрительную, графическую конфигурацию “одной шестой”, то есть СССР; она действительно выглядит, как подкова...» [119, с. 40]. Кстати, слово [podkove] присутствует в Y в том же значении, но мне представляется, что в *эпиграмме* слово ПОДКОВУ, скорее, шифрует не графику геогр. карты, а графику той самой последовательности прописных букв С в иероглифе «СССР», которые участвуют в «кисло-сладкой шифровке».

³⁸⁷ Эта связь здесь была впервые рассмотрена В. Топоровым в [213, с. 120]. Эта же связь – в стих. «Возможна ли женщине мертвой хвала...» (1935).

³⁸⁸ Гиростат: здесь это, по-видимому, спутник, «висящий» на геостационарной орбите! Происхождение этого образа у М не ясно.

- (а) **Yd ЧАША** → Y [kufɪ] 'чаша' → (пар.) Kuppel 'купол, округлая вершина горы' → (пар.) КУПОЛОМ³⁸⁹
- (б) (=Y) **ЧЕПЧИК СЧАСТЬЯ** → Glückshaube 'счастливый чепчик (новорожденного)³⁹⁰ → (оператор «оксюморонизации») смысл: «привнесение темы рождения в тему смерти (череп)».
- (в) (=Y) «череп» → Hirn-schale 'череп, «чаша мозга»' → (асс.) ЧАША
- (б) в стр. 88–89: «И бороться за воздух прожиточный – / Эта слава другим не в пример»
ВОЗДУХ → Luft 'воздух; зазор, люфт [111]' → смысл: «бороться за жизненное **пространство**»³⁹¹
- (7) в стр. 92–93: «Я ль без выбора пью это варево, / Свою голову ем под огнем?»
ЕМ → (пар.) церк.-слав. емь 'схватив, взяв' → смысл: «схватив свою голову», или: «пью варево, схватив свой *черепок-котелок*»³⁹²
- (8) в стр. 105: «Год рожденья – с гурьбой и гуртом»
(=Y) **ГОД РОЖДЕНЬЯ** = Geburts-jahr → (эквиконс. GBRTSJ + пар.) С-ГУРЬБОЙ, И-ГУРТО-М
- (9) в стр. 108–109: «Января в девяносто одном / Ненадежном году – и столетья»
(=Y) **ОДНОМ** → ein-e 'один, «неопред. артикль»' → «двойной смысл»: 1. числительное «в девяносто одном»; 2. «в **некоем** ненадежном году»³⁹³

³⁸⁹ Заметим, что в стандартном немецком у слова Kuppel нет значения 'чаша'!

³⁹⁰ = «сорочка» из выражения mit der Glückshaube geboren sein = «в сорочке родиться». Эта связь, а также связь в пункте (в) подробно анализируется в работе: Литвина А., Успенский Ф. Калька или метафора? Опыт лингвокультурного комментария к «Стихам о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама // Вопросы языкознания. – 2011. – №6.

³⁹¹ Ср. в ПА: «Между клумбами был неприкосновенный **воздух**...».

³⁹² Ср. выражения «голова/котелок варит/не варит». Ср. в церк.-слав. переводе еванг. (Мф. 18, 28): «И емь его...» = «И схватив его...». Та же связь в стих. «Куда мне деться в этом январе» (1937). Ср. еще в стих. «Флейты греческой...»: «Он торопится быть бережливым, ЕМЛЕТ звуки – опрятен и скуп».

³⁹³ Здесь второй смысл «неопред. артикля» (без указания конкретной языковой интерф.) отмечен Ю. Левиным, который пишет: «Каламбурный характер

* 3 марта 1937. Стих. «Я молю, как жалости и милости...» [I, с. 245].

(1) в стр. «Правды горлинок твоих и кривды карликовых / Виногодарей в их разгородках марлевых»

Yd ГОРЛИНОК → Y[kark] 'горло' → (пар.) «карлик» → КАРЛИК-ОВЫХ³⁹⁴

(2) стр. «Наклони свою шею, безбожница / С золотыми глазами козы / И кривыми картавыми ножницами / Купы скаредных роз раздразни»

(а) (=Y) НАКЛОНИ → (пар.) Nacken (=Y[nakn]) 'шея' → ШЕЮ

(б) Здесь в подтексте строчка из мандельштамовского перевода (с нем.) стихотв. «Телохранители» Рене Шикеле [2, с. 377]: И КЛОНИТ (ПЛОД) БЕССТЫДСТВО ЗОЛОТОЕ. Возникает «рамка»: КЛОНИТ ↔ НАКЛОНИ ↔, ЗОЛОТОЕ ↔ ЗОЛОТЫМИ. «БЕССТЫДСТВО» должно в этой рамке соответствовать БЕЗБОЖНИЦЕ. И, действительно имеет место связь:

Yd БЕССТЫДСТВО → «бесстыдница» → Y[bez-buš-nitse] 'бесстыдница' → (пар.) БЕЗ-БОЖ-НИЦА³⁹⁵

(в) (=Y) НОЖНИЦАМИ → Gartenschere 'садовые ножницы' → (пар.) КАРТАВЫМИ

(г) Nacken 'шея' → (пар.) necken 'дразнить' → РАЗДРАЗНИ

* 6 марта 1937. Стих. «На доске малиновой, червонной...» [I, с. 247].

(1) в стр. «На доске малиновой, червонной, / На кону горы крутопоклонной, – / <...> Высоко занесся санный, сонный / Полу-город, полу-берег конный»

(а) (>Y) МАЛИНОВОЙ → (пар.) Malen 'писание красками, расписывание, раскрашивание [117, с. 898]' → смысл: «на рас-

имеет и игра на двузначности слова “один” (числительное и неопределенный артикль)» [187, с. 126].

³⁹⁴ См. выше стих. «За Паганини длиннопалым...» (1935).

³⁹⁵ Аналогичное «рамочное» соответствие (но внутри одной словоформы) см. в идишизмах к «Грифельной Оде» (1923): «двурешник» → «двоедушник». Кроме того, идентичная связь БЕЗБОЖНЫЙ ↔ БЕССТЫДНЫЙ встречается в «Путешествии в Армению», гл. «Москва» [II, с. 111].

крашенной, расписной доске (икона/лубок)»³⁹⁶
 (б) (>Y) ГОРЫ → Berg 'гора' → (пар.) БЕРЕГ³⁹⁷
 (2) в стр. «Не ищи в нем зимних масел рая, / Конькобежного
 голландского уклона»
 МАСЕЛ РАЯ → (пар.) Öl Eden 'масло (для росписи) рая' →
 (пар.) Holland, holländer 'голландский' → ГОЛЛАНДСКОГО
 (УКЛОНА)³⁹⁸

* март 1937. Стих. «Нереиды мои, нереиды...» [I, с. 253].
 В стр. «Нереиды мои, нереиды / Вам рыданья – еда и питье»
 (=Y) НЕРЕИДЫ → (пар.) Nahrung 'еда, питание' → ЕДА

* 18 марта 1937. Стих. «Чтоб, приятель и ветра и ка-
 пель...» [I, с. 251].
 (1) в стр. «Чтоб, приятель и ветра и капель»
 (<Y) ПРИЯТЕЛЬ → (эквиконс. PRTL) tropfeln 'капать', Tropfen
 'капля, капли' → КАПЕЛЬ³⁹⁹
 (2) в стр. «Он разбойник небесного клира, / Рядом с ним не за-
 зорно сидеть: / И пред самой кончиною мира / Будут жаво-
 ронки звенеть»
 КЛИРА → (пар.) klirr 'звяк! дзины!', klirren 'звенеть' → ЗВЕ-
 НЕТЬ

* 21 марта 1937. Стих. «Кувшин» [I, с. 251].
 В стр. «На боках твоих пляшут козлята»
 (=Y) КОЗЛЯТА → Vock 'козёл' → (пар.) НА БОКАХ

* 7 апр. 1937. Стих. «Флейты греческой тэта и йота...»
 [I, с. 254].
 Здесь сложная контаминация G/Y- суггестии.
 (1) в стр. «Флейты греческой тэта и йота – / Словно ей не хвата-

³⁹⁶ Идишский синоним Y[moln] здесь возможен, но фонетически менее то-
 чен.

³⁹⁷ Идишизм Y[barg] 'гора' здесь фонетически менее точен.

³⁹⁸ См. выше «трудный рай» в G-сугг. к «Эта область в темноводье...»
 (1936).

³⁹⁹ Здесь идишизм Y[tropf] = 'капля' фонетически несколько более вероя-
 тен.

- ло молвы – / Неизваянная, без отчета,/ Зрела, маялась, шла
через рвы»
- (а) (<Y) ФЛЕЙТЫ → (пар.) pleite⁴⁰⁰ gehen ‘исчезать, испаряться
[111]’ + (конс. метатеза ФЛЕЙТЫ от другой основы) lüftige
‘ветренная, легкомысленная’ → ассоциация с «убегающим»,
неустойчивым, неудержимым, “ветренным” и поэтому опас-
ным», поведением флейты-женщины⁴⁰¹
- (б) Yd ФЛЕЙТЫ → Y[pleyte] ‘бегство’, Y[pleytexe] ‘ветре-
ница’ [106, с. 58], (конс. метат.) YP[liftike] ‘ветренная,
легкомысленная’⁴⁰²
- (2) в стр. «Из сиреневых вылепил глин.../ Звонким шопотом
честолюбивым»
(=Y) ЗВОНКИМ → kling [klin] ‘дзинь’, kling-en [klin-en] ‘зве-
неть’ → (пар.) ГЛИН⁴⁰³
- (3) в стр. «И когда я наполнился морем – / Мором стала мне
мера моя...»
- (а) МОРЕМ → Y[moyre/meure] ‘страх, ужас’ + Y[more/mure]
‘горечь, печаль’ → МЕРА («ужас»)⁴⁰⁴
- (б) CONJ МОРОМ → Y[more/mure] ‘господин, Господь’, букв.
‘его господин’ [110, с. 189]⁴⁰⁵ → смысл: «моим господином
стал страх»⁴⁰⁶

⁴⁰⁰ Pleite ‘банкротство, бегство после банкротства’ – старое немецкое заим-
ствование из Y (изначально – гебраизм).

⁴⁰¹ Ср. в отрывке М <Скрябин и христианство>: «Эллины боялись флейты
и фригийского лада, считая его опасным и соблазнительным...» [II, с. 159].
Y-суггестия (ниже) здесь выглядит вероятнее.

⁴⁰² Возникает ассоциация с «убегающим», неустойчивым, неудержимым,
“ветренным” и поэтому опасным, поведением флейты/женщины. Ср. вышепри-
веденный отрывок из <Скрябин и христианство>.

⁴⁰³ Эта же связь выше в «армянском цикле», ст. 12 (1930).

⁴⁰⁴ Лексема Y[more/mure] выступает, обычно, в связанном виде, в частно-
сти, в Y фразеологизме [more-šxoуге] – ‘меланхолия’, букв. ‘черная горечь’, что
в сумме продуцирует устойчивую негативную ассоциацию с R-сочетанием
«черное море», ср. «...над морем черным и глухим», «...он Черномора пригу-
бил пить».

⁴⁰⁵ В идише Y[more/mure] – омоним второй лексемы из п. (а).

⁴⁰⁶ Разумеется, в этих строках, кроме прочего, обыгрывается общая для сла-
вянских и германских языков (хотя в Y соответствующие лексемы – семитские
заимствования!) негативная семантика основы [mor/mur]. См. также идишизм
в стих. «Нет, не спрятаться мне от великой мур...» (1931).

* Зима 1937–38. Устный дискурс М [9, с. 334].

«Вакс – ремонтнодышащий»⁴⁰⁷.

Yd ВАКС → Y[vaks-en] 'рост' → «рост, тРОСТИнка» → «я **вырос тростинкой**, <...> запретную **жизнью дыша**»⁴⁰⁸ → «тростинка жизне-дышащая» → ВАКС –РЕМОНТНОДЫШАЩИЙ

⁴⁰⁷ Шутливая характеристика Б. Вакса, постоянно обсуждавшего какой-то ремонт по коммунальному телефону.

⁴⁰⁸ Из стих. М «Из омута злого и вязкого» (1910). Отметим, что, кроме этого стиха, высказывание про Вакса связано с пассажем из ПА, гл.: «Москва»: «**Растение** – это звук, извлеченный **палочкой терменвокса [ремонт + Вакс]**, воркующий в перенасыщенной волновыми процессами сфере».

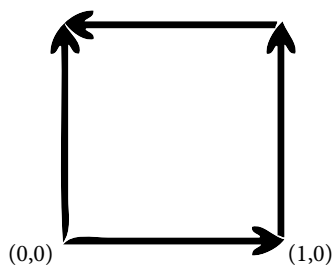

Глоссарий

бутылка Клейна (см. обложку)

Это «компактифицированный» *лист Мёбиуса, т. е. лист Мёбиуса со «склеенными краями». У полученного объекта нет «края»: можно пройти путь изнутри наружу не пересекая поверхность (то есть у этого объекта нет «внутри» и нет «снаружи»).

Более формально, бутылку Клейна можно получить отождествлением сторон квадрата $[0,1] \times [0,1]$, идентифицируя точки $(0,y) \sim (1,y)$ при $0 \leq y \leq 1$ и $(x,0) \sim (1-x,1)$ при $0 \leq x \leq 1$, как показано на рисунке.

Полученная поверхность не-ориентируема, так же как и *лист Мёбиуса: т. е. на ней есть пути-циклы, при обходе которых исходная «ориентация» окрестности движущейся точки изменяется на противоположную.

Эта поверхность не умещается в трехмерное евклидово пространство, поэтому ее изображение условно и чаще всего визуально напоминает бутылку, как бы «входящую вытянутым горлышком сама в себя» (не пересекая при этом сама себя!). Это условная геометрическая модель «пространства текста» (мидрашного типа), изучающего сам себя, см. п. 1.5.6.1.

германский монитор

«Германским монитором» или «G-монитором» в тексте Мандельштама мы называем процесс отслеживания возможных СИ-функций (СИ-операторов), имеющих в качестве языка-посредника немецкий и/или идиш, и процесс модификации порождаемого текста при помощи этих операторов. Этот «монитор-переводчик», линейно продвигаясь по тексту, отслеживает «германские интерференции» в М-тексте, т. е. возможные ситуации германо-русской омофонии, омонимии, паронимии, эквипонсонантизма (отслеживание совпадения наборов консонант в словоформах) и т. п. Этот процесс имеет место, по-видимому, в большинстве текстов Мандельштама.

иноязычная (межъязыковая) интерференция (МИ)

Суггестирование (или эксплицитный вброс) в тексте иноязычного слова (лексемы, сочетания, отрезка текста и т. п.), которое своим семантическим полем вторгается в языковое сознание реципиента текста (читателя, слушателя и т. п.) и модифицирует семантику текста (точнее, восприятие текста реципиентом).

квантовая метафорика

Комплекс метафор, возникающих из попыток вербального описания феноменов квантовой физики.

квантовый дискурс

Использование **квантовой метафорики** при попытках вербального описания различных явлений. Например: «здесь работает “принцип дополнительности Бора”», «это напоминает ситуацию двойственности волна/частица в квантовой физике», «это похоже на ситуацию воздействия наблюдателя на наблюдаемый объект в квантовой физике» и т. п.

когнаты

Слова в двух (или нескольких) языках, происходящие из одного слова-предка в языке-предке этих языков. Например, *ten* в англ. и *zehn* в нем. (и идише) являются когнатами, потому что происходят из **одного** слова-предка в «прото-германском», из которого произошли английский, немецкий и идиш.

концепт

Нами для этой работы принято «суженное» текстуальное определение: «концепт» (в данном языке) есть некая функция $\text{Conc}(X)$: ТЕКСТЫ \rightarrow ТЕКСТЫ, «аргумент» X которой – это отрезок текста на этом языке (обычно лексема, т. е. **слово-концепт**, или короткое предложение), а «значение» $\text{Conc}(X)$ – это текст, выражающий «точку максимальной плотности» вербальных описаний ассоциаций (идей, эмоций и т. п.), связанных с X , у носителей данного языка.

культурный скрипт¹

Общеизвестные и обычно не оспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя, – мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некие объективные факты.

лексико-семантическая функция (оператор)

Функция, аргументом которой является пара: лексема (сочетание лексем) + некий «смысл» (конфигурация смыслов), связанный с этой лексемой. «Значение» этой функции – это новая лексема (сочетание лексем), содержащая некий модифицированный определенным образом «смысл» (конфигурацию). Пример: функция **Magn** (X), см. ниже.

лексико-семантическая функция Magn (X)².

Здесь X : ситуация, действие и т. п., «значение» функции – это лексема, фразеологизм и т. п., описывающие «усиление, акцентуацию» этой ситуации, действия и т. п. Например: если X = 'разбить, сломать', то **Magn** (X) = 'разбить вдребезги'; если X = 'зависть', то **Magn** (X) = 'черная зависть' и т. д.

лингвоспецифичный (language-specific)

Характерные именно для данного языка структуры концептов, узус и семантика лексем и т. п.

¹ По А. Вежбицкой [80, с. 467].

² А. Мельчук еще называет этот объект (который он же в свое время и придумал): «стандартный, клишированный **интенсификатор**», см. [153, с. 59].

лист (лента, пояс) Мёбиуса³.

Простейший и при этом совершенно нетривиальный пример неориентируемой односторонней поверхности. Был описан в 1862–65 гг. в работах немецких математиков Мёбиуса и Листинга. В «наглядной геометрии» получается следующим образом: длинная гибкая лента прямоугольной формы (рис. 1-а) один раз перекручивается (рис. 1-б), затем концы её (уже без перекручивания) сближаются (рис. 1-в) и склеиваются. Полученная поверхность с краем (рис. 1-г) и называется листом Мёбиуса.

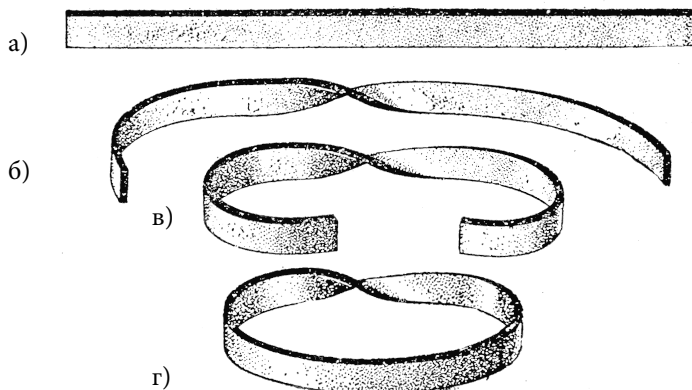

Рис. 1.

«Наглядно-геометрическое» определение ориентируемости поверхности: условимся вокруг точки a , из которой проведена нормаль (вектор-перпендикуляр к поверхности), описывать небольшую окружность и на ней брать такое направление обхода, которое из конца («острия стрелочки») проведенной нормали мы видели бы как направление против часовой стрелки (Рис. 2-а). Если теперь точка a будет непрерывно перемещаться, то вместе с ней непрерывно будет перемещаться и нормаль,

³ Рисунки и большая часть описания взяты из очерка В. Болтянского и В. Ефремовича [155].

а также и окружность с имеющимся на ней направлением обхода. Когда мы «протащим» окружность по всему листу Мёбиуса, она возвратится в свое первоначальное положение, но так как нормаль изменит свое направление на противоположное, то и направление обхода окружности изменится на противоположное (Рис. 2-б).

Итак, на листе Мёбиуса имеется такой путь (обход), что при перемещении окружности вдоль этого пути направление обхода **на** окружности меняется на противоположное! Такие обходы называются *обрацающими ориентацию*. Поверхности, на которых нет обрацающих ориентацию обходов, называются **ориентируемыми** или **двусторонними** (сфера, тор). Поверхности, на которых есть обрацающие ориентацию обходы, называются **неориентируемыми** или **односторонними** – например, лист Мёбиуса. С наглядно-геометрической точки зрения, ориентируемость поверхности означает, что можно ее всю покрыть малыми окружностями и выбрать на каждой из них такое направление обхода, что «близкие» окружности будут иметь одно и то же направление обхода. На неориентируемой поверхности выбор таких «согласованных» направлений обхода на окружностях, заполняющих поверхность, **невозможна**.

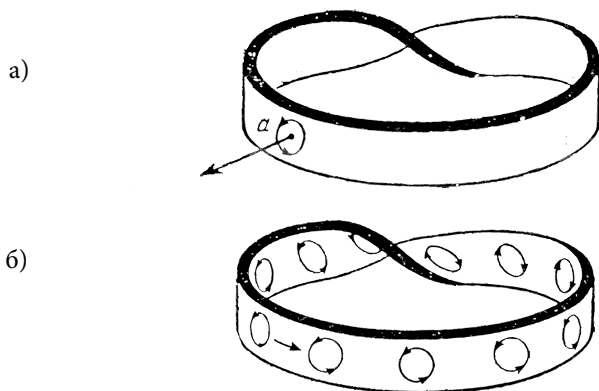

Рис. 2.

порождающие (примарные) матрицы (управляющие архетипы, принципы, паттерны)

Может быть, лучше всего этот объект описывается психологическим термином: **установка на...**

Более точное определение этого понятия использует понятие функции, где аргументом является ситуация, а «значением» – поведенческая реакция на эту ситуацию. Примарные «управляющие матрицы» в этом определении – это функции, которые:

- (а) работают в большинстве ситуаций
- (б) суперпозицией которых получают все или большинство других «матриц».

СИ-функции (они же: СИ-операторы)

СИ-функция («суггестивно-импликативная» функция) от словоформы X – это лексема/словоформа $SI(X)$, определенным образом суггестируемая и имплицитруемая аргументом X . В качестве аргументов и значений $SI(X)$ могут выступать «смыслы», т. е. этот объект может являться и лексической и семантической функцией. Выражение «определенным образом» означает, что суггестирование может происходить самыми различными ассоциативными путями, которые, вообще говоря, невозможно проследить. Однако замечательная (может быть, уникальная) особенность М-текста (и процесса его порождения) состоит в том, что ассоциации «генератора текста» в целых сериях случаев «детерминированы», их можно пытаться реконструировать. Одной из таких «стандартных» серийных связей (и, тем самым, стандартных СИ-функций) является генерирование $SI(X)$ через использование «образа» (отражения) X в некотором промежуточном языке. Имеется в виду следующая генеративная цепочка: русское «слово» или «смысл» X (уже участвующее в тексте) отображается (т. е. порождает свой образ, например, свой «перевод» или свой пароним) в некий язык-посредник, затем этот образ, в свою очередь, порождает новое русское «слово» или «смысл» $SI(X)$, непосредственно участвующее в тексте, обычно в «близкой окрестности» исходного «аргумента».

«Языками-посредниками» в СИ-функциях Мандельштама могут являться самые различные языки (лексика которых хотя бы частично ему известна). Но следует отметить, что в пода-

вляющем большинстве случаев языком-посредником для СИ-функций в М-тексте является «германский» в широком смысле, т. е. немецкий с диалектизмами + идиш.

слово-концепт

См. *концепт

суггестия (суггестировать)

Внедрение какого-то представления в (под)сознание (в «мгновенное психическое состояние»), чаще всего, каким-то неосознанным для объекта воздействия способом.

фрактальность, фракталы

Так называют объекты, обладающие свойствами самоподобия (масштабной инвариантности), проявляющегося в том, что меньший фрагмент структуры такого объекта подобен большему, а больший фрагмент структуры подобен структуре объекта, взятого в целом [157, с. 21].

хронотоп

По определению М. Бахтина, хронотоп – это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе». В «случае Мандельштама», *лист Мёбиуса (или, еще «нагляднее», *бутылка Клейна) является (в силу своей неориентируемости/односторонности и т. п.) хорошей наглядно-геометрической моделью его хронотопии. набросок аргументации этого вполне разумного утверждения см. в п. 1.5.6.1.

языковая картина мира (ЯКМ)

Фиксация в языке определенного способа восприятия мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в семантике и структуре языка. Некая система взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем его носителям [80, с. 9].

Список литературы

- [1] *Мандельштам О.* Сочинения. В 2 т. / Сост. Нерлер П. М., 1990.
- [2] *Мандельштам О.* Собр. произв.: Стихотворения / Сост. Василенко С., Фрейдин Ю. М., 1992.
- [3] *Кацис Л.* Осип Мандельштам: мускус иудейства. Иерусалим; М., 2002.
- [4] *Горнфельд А.* Русское слово и еврейское творчество // Еврейский альманах. М.; Петроград, 1923.
- [5] *Тименчик Р.* Еврейские подтексты в «Египетской марке» Осипа Мандельштама // *Jews and Slavs. Vol. 1.* СПб., 1993.
- [6] Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания. М.; Иерусалим, 2004. Т. 1.
- [7] *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1999.
- [8] *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998.
- [9] *Мандельштам Н.* Воспоминания. М., 1989.
- [10] *Селищев А.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). 2-е изд. М., 2003.
- [11] *Кнут Д.* Собр. соч. в 2 т. / Сост. Хазан В. Иерусалим, 1998.
- [12] *Гладков А.* Поздние вечера. М., 1986.
- [13] *Эйхенбаум Б.* О литературе / Коммент. Тоддеса Е. М., 1987.
- [14] *Кацис Л.* К поэтическим взаимоотношениям Б. Пастернака и О. Мандельштама // Пастернаковские чтения. Вып. 2. М., 1998.

- [15] *Лекаш Б.* Радан великолепный / Пер. с фр. и предисл. Мандельштама О. Прилож. Д. Сегала. М.; Иерусалим, 2004.
- [16] *Городецкий Л.* Немецкий язык в дискурсе Осипа Мандельштама // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4. М., 2008.
- [17] *Жирмунский В.* Поэтика русской поэзии. СПб., 2001.
- [18] *Городецкий Л.* Идиш в дискурсе Осипа Мандельштама // Judaica Rossica: Сб. ст. Вып. 4. М., 2006.
- [19] *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1988.
- [20] *Мусатов В.* Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000.
- [21] *Аверинцев С.* Так почему же все-таки Мандельштам? // Новый мир. – 1998. – №6.
- [22] *Гинзбург Л.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.
- [23] *Заславский Д.* Современные немецкие писатели-евреи // Еврейская летопись. Сб. третий. Л.; М., 1924.
- [24] *Заславский Д.* Евреи в русской литературе // Еврейская летопись. Сб. первый. Петроград, 1922.
- [25] *Андреев В.* Возвращение в жизнь // Звезда. – 1969 – №5.
- [26] *Гаспаров М.* О русской поэзии. СПб., 2001.
- [27] *Волошина М.* О Максе, о Коктебеле, о себе. Феодосия; М., 2003.
- [28] *Горнфельд А.* Научная глоссология // Муки слова: Сб. статей автора. М.; Л., 1927. (перепечатка с дополнениями статьи 1922 г.).
- [29] *Ронен О.* Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/1. М., 2000.
- [30] *Иванов Г.* Мемуары. Литературная критика // Собр. соч. в 3 т. М., 1994. Т. 3.
- [31] *Шиндин С.* О некоторых смысловых составляющих мотива полета в художественном мире Мандельштама // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.

- [32] *Mittelmann H.* Jüdische Expressionisten: Identität im Aufbruch – Leben “im Aufschub” // Jüdische Selbstwahrnehmung. Tübingen, 1997.
- [33] *Чуковский К.* Дневник. М., 1994. Т. 2.
- [34] *Мандельштам О.* Стихотворения. Проза // Коммент. Га-спарова М. М., 2001.
- [35] *Видгоф Л.* Москва. Материалы к Мандельштамовской энциклопедии // Параллели. М., 2003.
- [36] *Каганская М.* Осип Мандельштам – поэт иудейский // Сион. № 20. Тель-Авив, 1977.
- [37] *Рашковский Е.* К метапоэтике еврейского анекдота в России // Параллели. М., 2003.
- [38] *Катаев В.* Алмазный мой венец: Повести. М., 1981.
- [39] *Спивак Р.* Смеющийся еврей в русской литературе XIX в. // Праздник–обряд–ритуал в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. М., 2004.
- [40] *Гынянов Ю.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- [41] *Седых А.* Далекие, близкие. М., 1995.
- [42] *Петрова Н.* Семантика черемухи в поэзии О. Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.
- [43] *Топоров В.* К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- [44] *Гила Лоран Voila:* Антология жанра. М.; Тверь, 2004.
- [45] Мандельштам – победитель истории (беседа с Ярославом Рымкевичем) // Русская мысль. – №3557. – 12 июля 1985.
- [46] *Пахольский А.* Чтение в метро “Буасьер–Анвер” // Новая Польша. – 2004. – №7–8.
- [47] *Фромм Э.* Библейская концепция человека. Пер. с англ. // Таргум. СПб., 1991.
- [48] *Хазанов О.* Установка на реализацию в еврейском религиозно-историческом сознании // Мат. 8-й ежегод. междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 2001. Ч. 2.

- [49] *Шихова И.* Идишская литература как часть мировой карнавальской культуры: от Шолом-Алейхема до Шрайбмана // Мат. 8-ой ежегод. междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 2002. Ч. 2.
- [50] Переписка В.В. Розанова с М.О. Гершензоном. 1908–1918 // Таргум. СПб., 1991.
- [51] *Мандельштам О.* Собр. соч. в 4 т. / Под ред. Струве Г. и Филиппова Б. М., 1991.
- [52] *Гервер Л.* Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов. М., 2001.
- [53] *Huntington, Samuel P.* The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72. Num. 3.
- [54] *Гумилев Л.* Русь и великая степь. М., 1989.
- [55] *Клепикова Г.* Семантика карпато-балканского StrIg- в свете характеристики некоторых мифологических персонажей («компонент движение») // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- [56] *Вознесенский А.* Слово – это Бог // Известия. – 15 января 1991.
- [57] *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
- [58] *Kogos, F.* 1001 Yiddish Proverbs. Secaucus. N. J., 1974.
- [59] Воспоминания о серебряном веке. М., 1993.
- [60] Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
- [61] *Dutli, R.* Meine Zeit, mein Tier. Ossip Mandelstam. Eine Biographie. Zurich, 2003.
- [62] *Мандельштам О.* Египетская марка. Неизданные фрагменты / Публ. и текстолог. обработка Василенко С. и Фрейдина Ю. // Наше наследие. – 1991. – №1.
- [63] *Ковельман А.* Фарс в Талмуде // Библейские исследования. Еврейская мысль: Мат. 6-ой ежегод. междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 1999. Ч. 1.
- [64] *Мандельштам О.* Шум времени / Подгот. текста Василенко С., Морозова А.; коммент. Морозова А. М., 2002.

- [65] Копия письма А. Куприна к Д. Батюшкову от 18.03.1909. РО Ин-та русской литературы. Пушкинский дом, АН СССР. Ф. N 20. Ед. хр. 15125.
- [66] Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Сост. Фигурнов О., Фигурнов М. М., 2002.
- [67] Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. Виленкин В., Черных В. М., 1991.
- [68] *Герштейн Э.* Мемуары. М., 2002.
- [69] *Бубер М.* Избранные произведения. Иерусалим, 1979.
- [70] *Слезкин Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2005.
- [71] Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Сб. ст. Воронеж, 1990.
- [72] Мандельштам О. Собр. соч. в 4 т. / Сост. Нерлер П. и др. М., 1993–1994. Т. 1–3: Стихи и проза.
- [73] *Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л., 1929.
- [74] *Свенцицкая И.* Тайные писания первых христиан. М., 1981.
- [75] *Вайскопф М.* Птица-тройка и колесница души. М., 2003.
- [76] *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. М., 2004.
- [77] *Топоров В.* Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять» ... // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- [78] *Weinreich M.* History of the Yiddish Language. Chicago and London, 1980.
- [79] *Николаева Т.* Единицы текста и теория текста // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- [80] *Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- [81] *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 2006.
- [82] *Левин Ю., Сегал Д., Тименчик Р., Топоров В., Цивьян Т.* Русская семантическая поэтика как потенциальная куль-

- турная парадигма // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.
- [83] *Чуковский К.* О том, что видел. М., 2005.
- [84] *Жолковский А.* Избранные статьи о русской поэзии. М., 2005.
- [85] *Спивак М. О.Э.* Мандельштам и П.Н. Зайцев (к вопросу об истории, текстологии и прочтении стихотворного цикла “Памяти Андрея Белого”) // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 5. М., РГГУ (в печати).
- [86] *Белый А.* В начале века / Предисл. Каменева Л. М., 1933 (репринт: М., 1990).
- [87] *Амелин Г., Мордерер В.* Миры и столкновенья Осипа Мандельштама. М., 2001.
- [88] *Мандельштам О.* Собр. соч. в 4 т. / Сост. Нерлер П. и др. М., 1997. Т. 4.
- [89] *Розенталь Л.* Мандельштам. Бородатый Мандельштам (мемуары) // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 1. М., 1991.
- [90] *Гыдов В. О.* Мандельштам и воронежские писатели // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 2. М., 1993.
- [91] *Волошин М.* Путник по вселенным. М., 1990.
- [92] *Krech E.-M. und and.* Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1974.
- [93] *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин, 1922.
- [94] *Лекманов О.* Осип Мандельштам. М., 2004.
- [95] Осип Мандельштам. Последние творческие годы // Новый мир. – 1987. – №10.
- [96] *Жирмунский В.* История немецкого языка. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1948.
- [97] *Городецкий Л.* “Германский монитор”, черемуха и комментирование текстов Мандельштама // Эдиционная практика и проблемы текстологии: Сб. ст. М., 2006.
- [98] *Топоров В.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
- [99] *Хлебников В.* Собр. соч. в 6 т. Т. 6. Книга вторая. М., 2006.

- [100] *Левинтон Г.* Поэтический билингвизм и межъязыковые явления (Язык как подтекст) // Вторичные моделирующие системы: Сб. ст. Тарту, 1979.
- [101] *Лотман М.* Мандельштам и Пастернак (попытка контрастной поэтики). Таллин, 1996–1997.
- [102] *Успенский Б.* Поэтика композиции. СПб., 2000.
- [103] *Жолковский А.* Клавишные прогулки без подорожной // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/1. М., 2000.
- [104] Русско-еврейский (идиш) словарь / Под ред. Шапиро М. и др. М., 1984.
- [105] *Harkavy A.* Yiddish-English-Hebrew Dictionary. N.Y., 1988.
- [106] *Лифшиц О.* Русско-новоеврейский словарь. Житомир, 1869.
- [107] *Weinreich U.* Modern English-Yiddish & Yiddish-English Dictionary. N. Y., 1977.
- [108] *Найман А.* Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1999.
- [109] *Черных П.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994.
- [110] Dictionnaire des mots d'origine hébraïque et araméenne en usage dans la langue Yiddish (compilé par Yitskhok Niborski). Paris, 1999 (идиш, иврит).
- [111] Большой немецко-русский словарь / Под ред. О. Москальской. М., 1998.
- [112] *Wasserzieher E.* Ableitendes Wörterbuch der Deutschen Sprache. Berlin; Bonn, 1930.
- [113] *Кацис Л.* Вокруг «Фагота и «Египетской марки»» (к теме «Мандельштам и Шолом-Алейхем» // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.
- [114] *Аверинцев С.* Страх как инициация: одна тематическая константа поэзии Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.
- [115] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996.

- [116] *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Strassburg, 1910.
- [117] Немецко-русский словарь / Сост. Павловский И. Рига, 1902.
- [118] *Любченко В.* Евреи в городском политическом фольклоре Украины 1920-х годов // Тирош: Сб. ст. Вып. 6. М., 2003.
- [119] *Нерлер П.* Мандельштамовская конференция в Лондоне // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/2. М., 2000.
- [120] *Перцов Н.* Игроки (Пары истолкованья Осипа Мандельштама) // Вопросы литературы. – 2001. – Ноябрь-декабрь.
- [121] *Mandelstam O.* Die beiden Trams / Russ. übertr. von Ralph Dutli. Zürich, 2000.
- [122] Русско-немецкий словарь / Сост. Павловский И. Рига, 1900.
- [123] Полный русско-новоеврейский словарь / Сост. Дрейзин И. Варшава, 1913.
- [124] *Сегал Д.* Еще один неизвестный текст Мандельштама? // SLAVICA HIEROSOLYMITANA. Vol. III. The Hebrew Univ., Jerusalem, 1978.
- [125] *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Halle, 1960.
- [126] Полный русско-немецкий словарь / Сост. Макаров Н., Шеерер В. СПб., 1911.
- [127] *Горнфельд А.* Жаргонная литература на русском книжном рынке // Еврейский мир: Ежемесячник. Январь. СПб., 1909.
- [128] *Birnbaum S.* Yiddish. A Survey and a Grammar. Toronto, 1979.
- [129] *Соколова Н.* Кое-что вокруг Мандельштама // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/2. М., 2000.
- [130] *Эпштейн М., Юркина Е.* Образы детства // Новый мир. – 1979. – №12.
- [131] *Маковский С.* Портреты современников. М., 2000.

- [132] Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. М., 1979.
- [133] Pollak N. Mandelstam the Reader. Baltimore; London, 1995.
- [134] Апресян Ю. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997.
- [135] Эйхенбаум Б. Конспект речи о Мандельштаме // «Мой временник»...: художественная проза и избранные статьи 20-30-х годов. СПб., 2001.
- [136] Эйхенбаум Б. Мой временник // «Мой временник»...: художественная проза и избранные статьи 20-30-х годов. СПб., 2001.
- [137] Ганцфрид С. Киццур шульхан арух. М., 2006.
- [138] Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993.
- [139] Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 2004.
- [140] Флоренский П. Имена. М., 2003.
- [141] Сошкин Е. Горенко и Мандельштам. М., 2005.
- [142] Панова Л. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003.
- [143] Видгоф Л. Москва Мандельштама: книга-экскурсия. М., 2006.
- [144] О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007.
- [145] Бугаев Б. (Белый А.) На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // Весы: Ежемесячник. – 1909. – № 9.
- [146] Поляновский Э. Гибель Осипа Мандельштама. Петербург; Париж, 1993.
- [147] Белый А. Серебряный голубь. М., 1990.
- [148] Хазан В. Довид Кнут: судьба и творчество. Лион, 2000.
- [149] Эпштейн М. Хасид и талмудист: сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме // Звезда. – 2000. – № 4.

- [150] *Мец А.* Осип Мандельштам и его время: анализ текстов. СПб., 2005.
- [151] *Лихачев Д., Панченко А.* «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976.
- [152] *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983.
- [153] *Мельчук И.* Курс общей морфологии. М.; Вена, 1997. Т. 1.
- [154] *Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- [155] *Болтянский В., Ефремович В.* Очерк основных идей топологии // Математическое просвещение: Сб. ст. Вып. 2. М., 1957.
- [156] *Ямпольский М.* Сообщество одиночек: Арендт, Беньямин, Шолем, Кафка // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 67.
- [157] *Зинченко В., Зусман В., Кириозе З.* Межкультурная коммуникация: системный подход. Н.-Новгород, 2003.
- [158] *The Purim Anthology / Ed. By P. Goodman.* Philadelphia, 1973.
- [159] *Мандельштам Н.* Об Ахматовой / Сост. Нерлер П. М., 2007.
- [160] *Хазанов О.* Установка на инновацию в еврейском религиозно-историческом сознании // Мат. 9-ой ежегод. междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 2002. Ч. 2.
- [161] *Топоров В.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- [162] *Горнунг Б.* Поход времени. В 2 кн. Кн. 1: Стихи и переводы. М., 2001.
- [163] *Копылкова Е.* Еврейский анекдот как материал для анализа семейных отношений // Тирош: Сб. ст. Вып. 7. М., 2005.
- [164] *Зеленина Г.* От скипетра Иуды к жезлу шута: придворные евреи в средневековой Испании. М., 2007.

- [165] Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
- [166] Белова О., Петрухин В. «Еврейский миф» в славянской культуре. М., 2008.
- [167] Берковский Н. Текущая литература: статьи критические и теоретические. М., 1930.
- [168] Вайскопф М. Сюжет Гоголя: морфология, идеология, контекст. М., 2002.
- [169] Святополк-Мирский Д. История русской литературы. Новосибирск, 2005.
- [170] Белова О. Евреи и нечистая сила // Дьявол и евреи. М., 1998.
- [171] Гильдебрандт-Арбенина О. Девочка, катящая серсо... М., 2007.
- [172] Пастернак Л. Полн. собр. соч. в 11 т. М., 2003–2005.
- [173] Брюсов В. Среди стихов. // Печать и революция. М., 1923. – Книга шестая.
- [174] Кирибаум Г. «Органный голос масс» (Мандельштама – переводчик немецкой революционной поэзии) // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4. М.: РГГУ, 2008.
- [175] Колкер М. «Ушастый троцкист» // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4. М.: РГГУ, 2008.
- [176] Галушкин А. Из разысканий об О. Э. Мандельштаме // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4. М.: РГГУ, 2008.
- [177] «Я всегда Вас помнила...» (Письма Н. Я. Мандельштам к Н. Я. Берковскому) // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4. М.: РГГУ, 2008.
- [178] «В споре о Бродском» (Письма Надежды Мандельштам Александру Гладкову) // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4. М.: РГГУ, 2008.
- [179] Громова Н. Узел. Поэты: дружбы и разрывы (Из литературного быта конца 20-х – 30-х годов). М., 2006.
- [180] Тименчик Р. Что вдруг: статьи о русской литературе прошлого века. М., 2008.

- [181] *Мандельштам О.Э.* Начало сказки Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок» // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4. М., 2008.
- [182] *Левченко Я.* «Грифельная ода» О. Мандельштама как сверхметатекст. <http://janl.narod.ru/mandel.htm>.
- [183] Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Сост. Балдаев Д. и др. Одинцово, 1992.
- [184] *Мандельштам О.* Камень / Сост., статьи, коммент. Гинзбург Л.Я., Меца А.Г., Василенко С.В., Фрейдина Ю.Л. Л., 1990.
- [185] Введение в Талмуд. Тель-Авив–Нью-Йорк, 1985.
- [186] *Шенталинский В.* Рабы свободы: документальные повести. М., 2009.
- [187] *Левин Ю.И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
- [188] *Лотман Ю.* Культура и взрыв. М., 1992.
- [189] *Скляревская Г.* Метафора в системе языка. СПб., 2004.
- [190] *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2007.
- [191] *Эйхенбаум Б.* Анна Ахматова: опыт анализа. Петербург, 1923.
- [192] *Мандельштам Осип.* «Полон музыки, музы и муки...»: Стихи и проза / Сост., вступ. статья и комм. Каца Б. – Л., 1991.
- [193] *Старкина С.* Велимир Хлебников. М., 2007.
- [194] *Хлебников В.* Собр. произведений в 5 т. Т. 5. Л., 1933.
- [195] *Киришбаум Г.* «Валгаллы белое вино...»: немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. М., 2010.
- [196] *Нерлер П.* Слово и «дело» Осипа Мандельштама. М., 2010.
- [197] *Иванов Вяч. Вс.* Дуальные структуры в антропологии: курс лекций. М., 2008.
- [198] *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том I. М., 1998.

- [199] *Лахути Д.* Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама. М., 2008.
- [200] *Городецкий Л.* Текст и мир на листе Мёбиуса: языковая геометрия Осипа Мандельштама vs. еврейская цивилизация. М., 2008.
- [201] *Амелин Г., Мордерер В.* Письма о русской поэзии. М., 2009.
- [202] *Пелипенко А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М., 2007.
- [203] *Хлебников В.* Собр. произведений в 5 т. Т. 4. Л., 1930.
- [204] *Багратион-Мухранели И.* О некоторых источниках исторической концепции «Египетской марки»: Мандельштам, Толстой и масонство // «Отдай меня, Воронеж...». III междунар. Мандельштамовские чтения: Сб. ст. Воронеж, 1995.
- [205] *Липкин С.* Квадрига. М., 1997.
- [206] *Панова Л.* «Друг Данте и Петрарки друг». Статья 1. Мандельштамовское освоение «Божественной комедии» и судьбы Данте // «Миры Осипа Мандельштама». IV Мандельштамовские чтения: Сб. ст. Пермь, 2009.
- [207] *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем в 3 т. / Сост. Мец А. М., 2009–2011. Т. 1–3.
- [208] *Флоренский П.* Мнимости в геометрии. М., 2008.
- [209] *Лотман Ю.* Текст как динамическая система // Тезисы симпозиума «Структура текста – 81». М., 1981.
- [210] Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме». СПб., 1997.
- [211] *Постон Т., Стюарт И.* Теория катастроф и ее приложения. М., 1980.
- [212] *Хлыстова А.* Магия поэтики О. Мандельштама. М., 2009.
- [213] *Топоров В.* Из исследований в области анаграмм // Тезисы симпозиума «Структура текста – 81». М., 1981.

-
- [214] *Успенский Ф.* «Ублюдох старых лет». Из наблюдений над поэтической лексикой О.Э. Мандельштама // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 5/2. М., 2011.
- [215] *Манин Ю.* Математика как метафора. М., 2008.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ТАРГУМ»

предлагает

Городецкий Л.Р. Текст и мир на листе Мёбиуса: языковая геометрия Осипа Манделъштама versus еврейская цивилизация. М.: Таргум, 2008. – 344 с.

В книге впервые делается попытка рассмотреть экзистенцию и **языковую** картину мира Осипа Манделъштама, человека и поэта, в ракурсе «конфликта» русской и еврейской «культурно-цивилизационных систем». Иными словами, делается попытка рассмотреть, применительно к Манделъштаму, сюжеты типа «поэт в зоне конфликта цивилизаций», «поэт и критик в ситуации коммуникационного провала», «поэт и читатель/критик в ситуации резкого противоречия языковых картин мира» и т. п. Для изучения этих сюжетов автор использует, в основном, лингвистические методы, в частности, разработанный им аппарат анализа феномена массовых **межъязыковых интерференций** в текстах Манделъштама. Множество ярких и загадочных примеров подобных интерференций помогают автору вытащить изложение из «злого и вязкого омота» культурологических обобщений. Значительную часть книги составляют Приложения, содержащие исследованные автором и **впервые полностью** предъявляемые читателю корпуса немецких и идишских слов, «проступающих» из текста Манделъштама.

По вопросам приобретения издания
обращайтесь по телефонам:
+7 903 1147959, +7 903 7934471

Городецкий Лев Рафаилович

КВАНТОВЫЕ СМЫСЛЫ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА:
СЕМАНТИКА ВЗРЫВА
И
АППАРАТ ИНОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ

Редактор *Н. Заикина*
Компьютерная верстка *И. Пичугин*

Отзывы на книгу можно присылать по адресу:
levgorod@mtu-net.ru